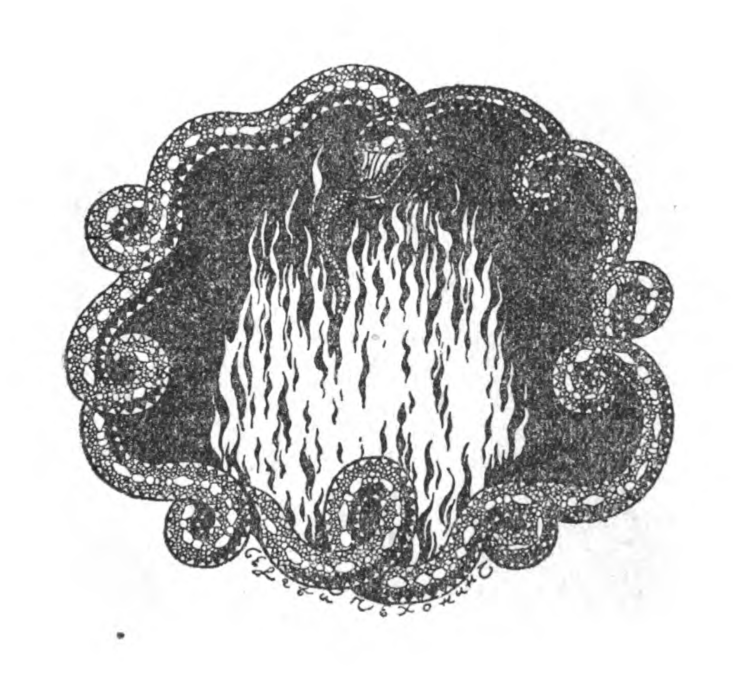

mai
PG3470
T52
K37
1912

В. А. ТИХОНОВЪ.

КАРЬЕРА

РОМАНЪ ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

ИЗДАНІЕ М. Г. КОРНФЕЛЬДА
С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1912.

КАРЬЕРА.

ТИПОГРАФІЯ ЖУРНАЛА «САТИРИКОНЪ»
М. Г. КОРНФЕЛЬДА, СПБ., БАССЕЙНАЯ, 3—5.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Лѣтомъ 1900 года по узенькой кривой уличкѣ Гліона размѣренно шагалъ высокій и худощавый молодой человѣкъ лѣтъ 23-хъ, не болѣе. Былъ онъ не только худощавъ, но, вѣрнѣе,—костлявъ даже: плечи у него были широкія и грудь не впалая, но подъ легкой матеріей его сѣренькаго опрятнаго костюма чувствовались вездѣ кости, кости и кости. И лицо у него было какъ-то безъ мяса: костлявое, свѣтло-желтое, съ бѣлокурыми бровями, съ бѣлокурыми, едва пробивающимися усиками и съ свѣтло-сѣрыми, холодными глазами. Изъ-подъ легкой соломенной шляпы —модной, но не дорогой—выбивались короткіе, бѣлокурые, прямые волосы.

Былъ первый часъ жаркаго, іюльскаго дня. Въ этотъ часъ вся Швейцарія отдыхаетъ за завтракомъ. Поэтому, на улицахъ было пустынно, только кое-гдѣ мелькали фигуры «иностранцевъ», спѣшившихъ въ свои пансіоны и отели къ табль д'оту.

Впереди молодого человѣка шла именно такая торопившаяся парочка. Молодой человѣкъ прислушался и, по разговору, узналъ въ нихъ русскихъ.

— Опоздаемъ,—говорилъ мужчина.

— Ахъ, Боже мой! Да нѣтъ же! У насъ еще не звонили! Неужели ты не узнаешь? Это колоколъ изъ «Champ Fleuri», а нашъ гуще и разбитый,—возражала женщина.

— Но ты послѣ завтрака можешь купить!—настаивалъ мужчина.

— Нѣтъ, послѣ завтрака я сейчасъ же сяду писать. Да вѣдь это здѣсь же, тутъ направо, два шага всего.

И парочка, свернувъ въ переулокъ, остановилась передъ лавкой продавца всякихъ швейцарскихъ бездѣлушекъ и, главнымъ образомъ, конечно, всевозможныхъ cartes postales. Эти cartes postales наполняли собой не только всю лавочку, но и цѣлыми грудами лежали на небольшомъ столѣ, выставленномъ прямо на улицу, возлѣ двери.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за русской парочкой и такъ же, какъ они, остановился возлѣ лавки.

— Никого!—сказала дама, заглядывая во внутрь.

— Ну, конечно! Теперь всѣ ушли завтракать,—подтвердилъ ея спутникъ.—Однако, у нихъ просто!—продолжалъ онъ.—Сами ушли, а товаръ весь оставили—бери, что хочешь!

— Здѣсь все расчитано на честность,—по-русски вмѣшался въ ихъ разговоръ молодой костлявый человѣкъ.

И мужчина, и дама взглянули на него, какъ бы спрашивая глазами: ахъ, вы тоже русскій?

Тотъ слегка приподнялъ шляпу.

— Да, но какъ же быть? Мнѣ сейчасъ же нужно нѣсколько cartes postales,—спросила дама.

— А это очень просто,—улыбнулся костлявый,—сдѣлайте, какъ я: выберите себѣ нужныя карточки и оставьте на столѣ деньги, сколько слѣдуетъ. Тутъ на каждой карточкѣ проставлена цѣна: вотъ эти—по десяти сантимовъ; эти—по пятнадцати, а эти—по двадцати,—говорилъ онъ, отбирая себѣ открытки.

— И это можно?—удивилась дама.

— Сколько угодно. Это всегда такъ дѣлается.

— Дѣйствительно, очень просто,—сказалъ ея спутникъ, и, взглянувъ на даму, добавилъ:—Ну, выбирай!

Дама отобрала съ десятокъ хорошенькихъ карточекъ и, подсчитавъ сумму, сказала своему спутнику:

— Франкъ, шестьдесятъ пять сантимовъ.

Тотъ отсчиталъ деньги, причемъ костлявый замѣтилъ, что на столъ онъ положилъ франкъ семьдесятъ сантимовъ.

— Вамъ нужно пять сантимовъ сдачи,—сказалъ онъ.

— Да, но съ кого я ихъ получу?—улыбнулся тотъ и, поклонившись слегка костлявому, пошелъ вслѣдъ за своей спутницей.

Костлявый, оставшись одинъ, отобралъ шесть штукъ карточекъ, стоимостью на франкъ, но, оглянувшись въ ту и другую сторону и видя, что никого нѣтъ, положилъ всего семьдесятъ пять сантимовъ, улыбнулся и сказалъ про себя:

— Ну, и довольно съ нихъ! И безъ того большіе барыши имѣютъ на этой дряни!—зашагалъ дальше, за удалявшейся русской парочкой.

У подъѣзда скромнаго Hôtel des Alpes-Vaudoises они опять остановились вмѣстѣ.

— Ахъ, и вы сюда?—спросилъ русскій.

— Да. Я—завтракать,—отвѣтилъ костлявый.

И опять, приподнявъ шляпу, свернулъ въ дверь, на которой было написано: «Бюро отеля».

— Bonjour, monsieur — dame! — проговорилъ онъ съ настоящей швейцарской манерой, обращаясь къ поднявшимся ему навстрѣчу хозяину и хозяйкѣ отеля.—Я бы желалъ у васъ позавтракать,—продолжалъ онъ.—Сколько это стоитъ?

— Два франка, monsieur!—отвѣтила хозяйка.

— О, madame, это очень дорого!

— Monsieur,—вмѣшался хозяинъ,—у насъ большой столъ и прекрасная кухня. Конечно, если вы возьмете абонементъ,—это будетъ дешевле.

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно только на одинъ разъ. Конечно, если мнѣ у васъ понравится, я буду заходить часто.

Стали торговаться. И молодой человѣкъ выторговалъ двадцать пять сантимовъ.

— Alors, un franc septante cinq centimes,—сказалъ костлявый, и употребилъ именно выраженіе septante cinq, т. е. по-швейцарски, а не «soixant quinze», какъ бы сказалъ настоящій французъ или русскій.

Послѣ этого хозяйка повела его въ столовую и указала ему мѣсто.

Какъ разъ въ это время зазвонилъ глухой и слегка надтреснутый колоколъ.

Въ столовую, одинъ за другимъ потянулись жильцы отеля. Между ними было немало русскихъ.

Вошла и знакомая уже костлявому парочка: и мужъ, и жена привѣтливо ему улыбнулись.

— Ахъ, и вы съ нами?—сказала дама, берясь за стулъ рядомъ съ отведеннымъ костлявому.

— Да, такое пріятное совпаденіе... Позвольте, однако, представиться: Трейманъ; Андрей Андреевичъ Трейманъ.

Дама протянула ему руку, а мужчина буркнулъ что-то себѣ подъ носъ.

— Я—русскій,—заговорилъ Трейманъ, усаживаясь рядомъ съ дамой, — хотя фамилія у меня и нѣмецкая, но самъ я настоящій русскій. А по рожденію даже москвичъ. И мать моя была русская.

Трейманъ говорилъ по-русски правильно, пожалуй, даже черезчуръ правильно, тщательно выговаривая каждый слогъ,

каждую букву. Голосъ у него былъ не громкій, но ясный и чистый.

— А мы—съ Волги,—отвѣтилъ мужчина,—хотя уже давно живемъ въ Петербургѣ.

— Простите... я плохо разслышалъ вашу фамилію,—сказалъ Трейманъ.

— Паутовъ, а зовутъ меня Василій Ивановичъ. А жену мою—Александра Николаевна.

— Очень пріятно.

И Трейманъ, повторивъ про себя еще нѣсколько разъ: «Паутовъ, Паутовъ», сталъ накладывать себѣ на тарелку рыбу, которую въ это время ему подавала кокетливая «sommelier'ка».

Ѣлъ онъ не торопливо, но какъ-то особенно умѣло и споро и потому, хотя ѣлъ много, но никому это не бросалось въ глаза. Великолѣпно владѣлъ ножомъ, вилкой, ложкой, чего, къ сожалѣнію, нельзя сказать о большинствѣ русскихъ. И въ то же время успѣвалъ говорить со своими сосѣдями, не повышая голоса, но такъ, что каждое его слово было ясно слышно. И разговоръ велъ очень умѣло. Хотя онъ ничего и не разспрашивалъ, но уже къ концу завтрака отлично зналъ, въ какомъ именно департаментѣ служитъ Паутовъ въ Петербургѣ, кто у него директоръ и вице-директоръ, отъ кого зависитъ дальнѣйшее его движеніе по службѣ, въ какой губерніи и даже въ какомъ уѣздѣ находится небольшое имѣньице Паутовыхъ; сколько въ немъ десятинъ земли, сколько доходу даютъ эти десятины... Начальницей какого, именно, института для благородныхъ дѣвицъ состоитъ теперь мать госпожи Паутовой; за кѣмъ замужемъ ея младшая сестра и въ какомъ кавалерійскомъ полку служитъ ея старшій братъ.

Паутовы же, къ концу завтрака знали только, что собесѣдникъ ихъ Трейманъ, Андрей Андреевичъ Трейманъ, и хотя фамилія у него нѣмецкая, но онъ чисто русскій, а по рожденію даже москвичъ, т. е. не болѣе того, что онъ поторопился сообщить имъ въ началѣ завтрака.

Тѣмъ не менѣе, Трейманъ произвелъ на нихъ самое пріятное впечатлѣніе, такъ какъ именно отъ него они узнали, въ какіе дни лучше всего сдѣлать прогулку на Rochers de Nay; гдѣ въ Женевѣ продаютъ недорогія, но особенно прочныя перчатки; какъ удобнѣе всего съѣздить въ Ліонъ за разными покупками и почему за обѣдомъ предпочтительнѣе пить Eau de Montreux, чѣмъ Evian.

Однимъ словомъ, онъ развернулъ передъ ними маленькій энциклопедическій словарь, въ которомъ было все, за исключеніемъ развѣ только какихъ-либо свѣдѣній о самомъ Андреѣ Ан-

древевичѣ. Всякій вопросъ, касающійся лично его, онъ умѣлъ такъ ловко и такъ незамѣтно обходить, что спрашивающій сейчасъ же и забывалъ, о чемъ онъ именно спрашивалъ. Андрей Андреевичъ Трейманъ, русскій, по рожденію даже москвичъ,— чего же больше?

И когда послѣ завтрака всѣ вышли въ садикъ, чтобъ покурить и госпожа Паутова задала Андрею Андреевичу Трейману самый естественный вопросъ:

— А вы тоже здѣсь живете?

Онъ очень вѣжливо отвѣтилъ:

— Нѣтъ, сударыня,—и, повернувшись къ ея мужу, стоявшему съ раскрытымъ портсигаромъ, добавилъ:—Благодарю васъ, —не курю.

Послѣ этого, онъ, поболтавъ еще немного со своими новыми знакомыми и выразивъ надежду, что столь пріятно начавшееся для него знакомство не оборвется, раскланялся и вышелъ изъ садика.

Онъ шелъ обратно той же узкой и кривой уличкой и, сдѣлавъ нѣсколько поворотовъ, дошелъ до маленькаго вокзала подъемной желѣзной дороги, прошелъ на веранду буфета и сѣлъ за столикъ въ тѣни.

Подошедшей къ нему кельнершѣ онъ сказалъ:

— Мнѣ сейчасъ ничего не надо. А когда что понадобится, я васъ попрошу.

Затѣмъ, онъ досталъ изъ кармана довольно объемистую записную книжечку, уже наполовину исписанную мелкимъ и убористымъ почеркомъ; потомъ вынулъ изъ клапана книжечки автоматическое перо, внимательно осмотрѣлъ его, встряхнулъ и записалъ въ книжечку подъ рубрикой «Знакомства»:

«Паутовъ, Василій Ивановичъ. Его супр.: Александра Николаевна. Дворяне Казан. губ., Спасск. уѣз., имѣн. «Починки». 3000 дес. Адр. Спб. Поварск. пер. д. Щ 26, кв. 3. Служб. Департ. №№ Дирек. д. с. с. ***. Мать, Алекс. Ник., начальница —скаго института благ. дѣв. Елизавета Ивановна Лебедева».

Записавъ все это, онъ спряталъ книжечку обратно въ карманъ, а взамѣнъ ея досталъ оттуда только что купленныя «по сходной цѣнѣ» cartes postales, разложилъ ихъ передъ собой, подумалъ немного, выбралъ одну изъ нихъ и принялся писать.

«Глубокоуважаемая графиня! На вершинѣ Rocher de Nay,— карточка изображала Rocher de Nay,—любуясь дивной панорамой, вспоминаю тотъ незабвенный вечеръ, когда я имѣлъ честь быть представленнымъ вамъ высокочтимымъ барономъ А. Ф. фонъ-Ренике. Привѣтъ и глубокое уваженіе! Съ истиннымъ почтеніемъ— А. Трейманъ. Адресъ: Poste Restante. Glion sur Montreux. Suisse».

Затѣмъ, повернувъ открытку, написалъ адресъ графинѣ Балтиной—въ Киссингенъ и отложилъ письмо.

Затѣмъ, опять подумалъ немного и снова принялся писать на другой уже открыткѣ.

«Глубокоуважаемый Федоръ Васильевичъ! Бываютъ мимолетныя встрѣчи, тѣмъ не менѣе оставляющія глубокій слѣдъ въ сердцѣ. Такой встрѣчей считаю я мою встрѣчу съ вами на перегонѣ между Мюнхеномъ и Линденау, гдѣ я имѣлъ честь представиться вамъ. Теперь, дѣлая прогулку по голубымъ водамъ очаровательнаго Лемана,—открытка изображала пароходъ,—я невольно вспоминаю нашу бесѣду и ваши мудрыя рѣчи. Преданный А. Трейманъ. Адресъ: Poste Restante. Glion sur Monteux. Suisse».

За второй открыткой послѣдовала третья, за третьей четвертая и пятая.

Всѣ письма были приблизительно одного и того же содержанія. Варьировались только обращенія, да мѣста, гдѣ, якобы писались открытки.

Покончивъ съ письмами, Трейманъ опять досталъ записную книжку и подъ рубрикой: «Корреспонденція» записалъ:

«3/16 іюля 1900. Отправл. откр. графинѣ О. А. Балтиной. Ф. В. Кулишеву (см. стр. 17 «Знакомст.»); Е. Ан. Панковой; С. С. Паюшкину; барону Э. Д. ф.-Раухшаль».

Затѣмъ, онъ обтеръ перо, вложилъ его въ клапанъ книжки, книжку спряталъ въ боковой карманъ, сладко потянулся, посмотрѣлъ немного на разстилавшееся внизу холодное Женевское озеро, всталъ и, кивнувъ кельнершѣ головой, вышелъ съ веранды прямо на улицу и направился узкимъ переулкомъ въ гору къ почтовой конторѣ.

Придя туда, онъ прежде всего опустилъ свои письма въ почтовый ящикъ и спросилъ—нѣтъ-ли на его имя корреспонденціи—poste restante.

Ему подали двѣ открытки и одно письмо.

Вѣжливо раскланявшись, Трейманъ вышелъ изъ почтовой конторы и на ходу сталъ просматривать открытки.

На одной изъ нихъ была жанровая картинка Пимоненки и коротенькая надпись: «Привѣтъ изъ родной Украйны. Ф. Захарчукъ». На другой—былъ изображенъ Рейнскій водопадъ, а написано было: «2 (15) іюля. Rolandsekk—на Рейнѣ. Здѣсь чудесно. Много гуляемъ. Вспоминаемъ васъ. За все семейство Маслянниковыхъ—Соня М.».

«Конечно, это стоитъ дорого, вся эта корреспонденція, но въ будущемъ это должно принести свои хорошіе плоды»,—думалъ Трейманъ, разсматривая открытки.

Увидавъ скамейку, стоявшую возлѣ какого-то забора, онъ присѣлъ на нее, досталъ записную книжку и записалъ подъ рубрикой «Корреспонденція».

«Получ.: откр.: 3 (16) іюля: отъ Ф. Захарчука и семейства Маслянниковыхъ (см.: «Знакомств.» стр. 6). Получ. письмо»...

Тутъ онъ вынулъ изъ жилетнаго кармана тоненькій перочинный ножикъ, аккуратно вскрылъ имъ бывшее у него въ рукахъ письмо въ сѣромъ конвертѣ и принялся читать.

«Дорогой Андрей Андреевичъ! Простите, что сразу начинаемъ съ просьбы. Но, какъ извѣстно, добродѣтель не должна оставаться безнаказанной и не даромъ же мы всѣ—посѣтители кофейной Зюрхера—прозвали васъ «каретой скорой помощи». Вы такой добрый, такой обязательный. Однимъ словомъ, вотъ что: уѣзжая изъ Clarens, мы, по старому русскому обычаю, забыли въ отелѣ: жена свой теплый платокъ, я—портсигаръ и статуэтку «Бэри». Все это вещи не ахти какой цѣнности, но такъ какъ онѣ куплены въ Швейцаріи—дороги по воспоминаніямъ. Будьте такой добрый, «карета скорой помощи», зайдите въ отель, гдѣ мы жили, возьмите эти вещи и отправьте ихъ намъ по адресу: «Рязанская жел. дор. станція «Новоселки», въ с. «Ильино». На расходы единоврменно съ этимъ письмомъ высылаю вамъ десять рублей. Если отъ пересылки останется лишекъ, дайте на чай прислугѣ нашего отеля. Деньги получите въ Territet, отдѣленіе Banc de Montreux, по прилагаемой къ этому письму квитанціи. Сердечно преданный вамъ и заранѣе благодарный, С. Леонтьевъ. Жена вамъ шлетъ горячій привѣтъ».

Прочитавъ письмо, Трейманъ осмотрѣлъ вложенную въ него, небольшую сѣренькую квитанцію одного изъ московскихъ банковъ, аккуратно сложилъ ее и спряталъ въ свой кошелекъ. Потомъ вынулъ записную книжку, нашелъ подъ рубрикой «Знакомство» фамилію Леонтьева и, увидавъ подъ его фамиліей помѣтку «оч. полезно», пріятно улыбнулся и направился опять къ вокзалу подъемной машины.

Пришелъ онъ какъ разъ во-время. «Финикюлеръ» только что собирался отходить. Взявъ билетъ и усѣвшись въ одно изъ отдѣленій лѣстницеобразнаго вагона, Трейманъ подумалъ:

«Конечно, лучше было бы спуститься пѣшкомъ, но, во-первыхъ, послѣ этого всегда трясутся ноги, а, во-вторыхъ, отнимаетъ много времени, которое сегодня мнѣ дорого».

Вагончикъ дрогнулъ и покатился внизъ. Сердце Треймана слегка екнуло. Каждый разъ, при спускѣ, онъ испытывалъ это чуточку жуткое, но, въ сущности, пріятное чувство.

Вагончикъ спускался довольно быстро; по бокамъ замелькали виноградники, а скоро подъ ногами открылось и клад-

бище. Трейманъ сталъ внимательно всматриваться въ его памятники и надгробныя плиты и, найдя одну изъ нихъ, едва замѣтно перекрестился подъ пиджакомъ. При этомъ онъ слегка вздохнулъ и сказалъ про себя:

— Бѣдная мама!..

А затѣмъ, сейчасъ же перевелъ глаза на разстилающееся внизу озеро, по которому, дымя и пыхтя, шелъ большой бѣлый пароходъ.

Въ Territet онъ зашелъ въ маленькую контору отдѣленія Banque Montreux, предъявилъ тамъ сѣренькую квитанцію и получилъ взамѣнъ ея двадцать шесть франковъ, пятьдесятъ сантимовъ. Затѣмъ вскочилъ на проходившій мимо «tram» и поѣхалъ въ Clarens. Проѣзжая мимо кофейни Зюрхера, онъ вѣжливо расклайнялся съ какими-то двумя дамами, сидѣвшими тамъ за столикомъ.

Въ Clarens'ѣ онъ выскочилъ передъ подъѣздомъ «Hotel des Quatre Saisons». Тамъ въ бюро, по первому же его требованію, ему предъявили теплый платокъ, статуэтку собаки «Бэри», кожаный портсигаръ съ серебряной монограммой—въ портсигарѣ оказалось четыре сигары. Трейманъ вынулъ ихъ и спряталъ себѣ въ боковой карманъ,—«угощу кого-нибудь»,—рѣшилъ онъ при этомъ,—и, кромѣ того, ему вручили еще нераскупоренный флаконъ модныхъ и дорогихъ духовъ.

— Объ этомъ они забыли!—сообразилъ Трейманъ и спряталъ флаконъ въ карманъ брюкъ.

Хозяинъ гостинницы сказалъ ему, что ихъ швейцаръ отлично умѣетъ упаковывать всѣ вещи и можетъ даже отправить ихъ на почту.

— Мы бы это сдѣлали давно, но мы не знали адреса г. Леонтьева,—добавилъ онъ.

Отправка и упаковка вещей обошлась Трейману въ одиннадцать франковъ съ нѣсколькими сантимами. Оставалось еще пятнадцать франковъ.

«Не отдавать же всѣ эти деньги на чай прислугѣ, — подумалъ онъ,—слишкомъ много! Да и за что? Сохранить вещи была ихъ прямая обязанность! Не платить же, въ самомъ дѣлѣ, «за честность». Вотъ, швейцару за хлопоты можно дать»... И онъ далъ швейцару одинъ франкъ.

И затѣмъ, не торопясь, отправился обратно въ Montreux, въ кофейную Зюрхера. Тамъ уже набралось къ этому времени немало русскихъ и почти все знакомыхъ Андеря Андреевича Треймана. Вѣжливо раскланиваясь и цѣлуя у дамъ руки, онъ подсѣлъ къ одному изъ столовъ, самому большому, составленному изъ трехъ маленькихъ столиковъ.

За этимъ столомъ возсѣдали два русскихъ генерала со своими женами, очень веселыхъ и привѣтливыхъ здѣсь генерала. Статское платье сидѣло на нихъ хотя и довольно неуклюже, но замѣтно молодило ихъ и дѣлало легкомысленными. Генеральши же и безъ того были молоды и легкомысленны. Тутъ же находились: видный петербургскій адвокатъ, нѣсколько солидныхъ бюрократовъ и нѣсколько молодыхъ и молодящихся дамъ.

Трейманъ скромно подсѣлъ къ одному изъ уголковъ стола.

— Читали вы сегодняшнее «Новое Время»?—обратился къ нему одинъ изъ генераловъ.

— Читалъ, ваше пр—ство!—отвѣтилъ почтительно, но безъ особаго раболѣпія, Трейманъ.

Особенно ловко выговорилъ онъ «ваше превосходительство»: и какъ будто сказалъ, а какъ будто и нѣтъ. Генералъ, къ которому это «превосходительство» относилось, навѣрное, слышалъ, а другіе могли и не слыхать.

— Статью про князя Лоскутова читали?

— Читалъ-съ.

— Какова статеечка? Что вы на это скажете?

— А вы какъ думаете, ваше пр—ство?—по своему обыкновенію, вопросомъ на вопросъ отвѣтилъ Трейманъ.

— Да что тутъ думать? Ясно видно, что князь самъ инспирировалъ эту статью.

— Представьте себѣ, что и мнѣ тоже показалось!

— Внѣ всякаго сомнѣнія,—самъ!—почти кричалъ генералъ. —Извѣстный авантюристъ! Теперь онъ всѣмъ намъ на шею сядетъ и карманы у насъ выворотитъ!

— Trop de zèle, Никодимъ Павловичъ! По обыкновенію, вы преувеличиваете,—хриплымъ баскомъ началъ возражать генералу одинъ изъ бюрократовъ.—Во-первыхъ, князя сейчасъ и въ Россіи нѣтъ, онъ—въ Висбаденѣ: а, во-вторыхъ...

— Эка штука, что онъ въ Висбаденѣ! Развѣ оттуда онъ прислать не можетъ?—не унимался генералъ.

— А, во-вторыхъ, политика князя,—продолжалъ дипломатъ, —всегда отличалась...

И между бюрократомъ и генераломъ завязался споръ.

Трейманъ внимательно слушалъ и того, и другого. И его безцвѣтное лицо съ желтыми усиками ясно выражало: «самъ я спорить, конечно, не смѣю, но поучиться всегда могу и у васъ, ваше пр—ство (въ сторону генерала): и у васъ, ваше пр—ство (въ сторону бюрократа)».

И потому оба спорящіе больше всего обращались именно къ нему и оба, видимо, были имъ довольны.

Но горячій споръ ихъ былъ прерванъ высокой, красивой дамой, подошедшей въ сопровожденіи какого-то невзрачнаго старичка къ ихъ столу.

— A bas la politique!—громко скомандовала она, кладя между спорящими свой зонтикъ.

Всѣ зашевелились. Мужчины встали со своихъ стульевъ.

— Ольга Александровна! — привѣтствовали ее разные голоса.

— Bonjour, mesdames et messieurs!—отвѣтила дама, опускаясь на одинъ изъ предложенныхъ ей стульевъ.—Устала! Такую путину отломала, что развѣ битюгу впору!

Ольга Александровна говорила по-московски, слегка нараспѣвъ, умышленно употребляя простонародныя выраженія и какъ бы рисуясь своими вульгарностями. Глядя на нее и слушая ея рѣчи, никто бы, конечно, не подумалъ, что эта Ольга Александровна отнюдь не москвичка и даже, несмотря на свое русское имя, отчество и фамилію (по мужу Ахматова), самая настоящая остзейская нѣмка, урожденная баронесса фонъ-Штейнбутте. И звали ее даже не Ольгой, а Эльгой, и не Александровной, а Альбертовной. Но чего не измѣнишь ради карьеры мужа и иныхъ, высшихъ соображеній!

— Подумайте-ка, — продолжала Ольга Александровна,— завтракала я сегодня въ Les Avants, у Зубовыхъ, а оттуда, мимо «Нарцисса», по Chaudron'у сюда внизъ!

И мужчины, и дамы выразили благоговѣйное удивленіе.

— Но зато—похудѣю еще фунтика на три!—улыбнулась Ольга Александровна и приказала дать себѣ мороженнаго.— Вавочка,—повернулась она къ сидѣвшей рядомъ съ ней дамѣ— какія это у васъ духи?

— Coty, «Idylle»,—отозвалась Вавочка.

— Прелесть, что такое! Дайте-ка платокъ! Прелесть! Оригинально и вкусно!—продолжала Ольга Александровна, нюхая маленькій батистовый платочекъ.—Хочу такихъ духовъ! Хочу! Слышишь, Петръ Ивановичъ, достань мнѣ «Idylle»!

Невзрачный старичекъ, къ которому обратилась Ольга Александровна, ея супругъ Петръ Ивановичъ Ахматовъ, несмотря на свою невзрачность, очень видный петербургскій сановникъ, хотѣлъ было что-то сказать, но Вавочка перебила его:

— Здѣсь ихъ нѣтъ, Ольга Александровна, нѣтъ!—затараторила она.—Еще не получены ни у кого. Мой мужъ вчера привезъ изъ Женевы. Онъ нашелъ ихъ у Феликса. Совсѣмъ еще новинка. Двадцать франковъ флаконъ!

— Патръ Ивановичъ, завтра ты поѣдешь въ Женеву и купишь Coty «Idylle!».

Трейманъ, прислушивавшійся къ этому разговору, вдругъ всталъ съ мѣста и, робко обращаясь къ Ольгѣ Александровнѣ, проговорилъ:

— Позвольте мнѣ вамъ предложить! Я какъ разъ на-дняхъ купилъ этихъ духовъ.

И онъ вынулъ изъ кармана флаконъ, на которомъ значилось именно: «Coty, Idylle».

— Гдѣ? Гдѣ купили?—торопливо спросила его Вавочка.

— Въ Женевѣ, у Феликса. И еще не успѣлъ даже распечатать.

— Ну, скажите, пожалуйста! Ну, развѣ не впрямь онъ «карета скорой помощи»?—разсмѣялась Ольга Александровна.—Стоитъ при немъ только что-нибудь пожелать, онъ хоть изъ-подъ земли достанетъ! Ну, давайте! Давайте вашъ флаконъ! Вѣрно! Coty «Idylle»!—говорила она, посмотрѣвъ на этикетку и развязывая ленточку вокругъ пробки.—И запахъ тотъ же! Просто прелесть, что такое! Петръ Ивановичъ! Уплати двадцать франковъ!

Трейманъ смѣшался.

— Но я... Ольга Александровна, считалъ бы за честь... за удовольствіе,—началъ было онъ.

Но Ольга Александровна его перебила:

— Отъ такихъ юнцовъ подарки брать зазорно! А вамъ посовѣтую такими дорогими духами не душиться! Рано еще! Да вы и не дама. Купите-ка себѣ «Cytises». Три съ половиной франка флаконъ. Дешево и сердито!

И Ольга Александровна, повернувшись къ спорившимъ генераламъ, крикнула:

— Довольно! Довольно! Вы, кажется, все еще продожаете спорить? Сосите вашъ «мазагранъ» и любуйтесь дамами!

Трейманъ, сконфуженно спрятавъ въ кошелекъ двѣ десяти франковыхъ монеты, подумалъ:

— Какой сегодня удачный день! А, между тѣмъ, въ книжкѣ онъ у меня отмѣченъ, какъ «jour nefaste». Вотъ, послѣ этого и вѣрь примѣтамъ!».

II.

«Однако, пора уходить»! — сказалъ самъ себѣ, немного спустя, Трейманъ.—«Никогда не надо пересиживать! Особенно, если сдѣлалъ какой-нибудь замѣтный поступокъ, вотъ, хоть вродѣ, какъ съ духами: уйдешь во-время—останется слѣдъ; пересидишь—слѣдъ затрется». И, прочитавъ себѣ это нравоученіе, онъ скромно поднялся съ мѣста и раскланялся, пожалъ протя-

нутыя ему руки—дамамъ, конечно, поцѣловалъ—и на сдѣланный ему кѣмъ-то вопросъ:

— Куда?

Застѣнчиво отвѣтилъ:

— Тутъ нужно навѣстить одного больного.

Раскланялся еще разъ и размѣренно зашагалъ по тротуару.

«Вотъ,—думалъ онъ,—теперь я ухожу во-время и мнѣ вслѣдъ, навѣрное, говорятъ:

— Ахъ, этотъ Трейманъ, такой предупредительный человѣкъ! Настоящая «карета скорой помощи».

Онъ шелъ по направленію къ Vevey. Никакого больного у него въ перспективѣ не было, но онъ имѣлъ въ виду посѣтить нѣсколькихъ русскихъ знакомыхъ, уже совсѣмъ другой категоріи, изъ числа тѣхъ, что укрываются здѣсь, какъ «за предѣлами досягаемости», а у себя на родинѣ называются «нелегальными». Онъ знался и съ такими.

«Кто знаетъ?—говорилъ онъ самъ себѣ.—На пути жизни могутъ и эти пригодиться, да и вообще,—разсуждалъ онъ,—на свѣтѣ нѣтъ ни безполезныхъ людей, ни безполезныхъ вещей. Надо только умѣть ими пользоваться. Ужъ на что, кажется, дымъ? А, вѣдь и тотъ сжечь можно и, стало быть, извлечь изъ него нѣкоторую теплоту... Только не надо терять даромъ времени. Конечно, можно себѣ иногда позволить и небольшія развлеченія,—какъ разъ въ это время навстрѣчу ему попалась молоденькая и смазливая дѣвушка изъ типа магазинныхъ продавщицъ, и онъ не безъ игривости заглянулъ ей подъ шляпку,—можно поразвлечься немного, но и въ самомъ развлеченіи нужно искать больше пользы, чѣмъ удовольствія. Конечно, впослѣдствіи, когда достигнешь всего, можно размахнуться и пошире, ну а теперь... теперь нужно дѣлать карьеру. Utili dulci... даже не совсѣмъ такъ: самая и сладость-то должна быть полезна!.. Напримѣръ, сахаръ: онъ и сладокъ, и питателенъ, стало быть сахаръ—показуется. А табакъ, напримѣръ, даже просто глупость! Стало быть, табакъ—въ сторону! И такъ во всемъ въ жизни».

Разсуждая такимъ образомъ, онъ миновалъ Clarens, прошелъ Entre deux villes и, вступивъ въ Vevey, свернулъ съ главной улицы вправо. По дорогѣ онъ нѣсколько разъ раскланивался, но такъ какъ встрѣчи все были «мало полезныя», то онъ и не прервалъ своего размѣреннаго шага.

Но вотъ, въ одномъ изъ переулковъ, онъ увидалъ шедшихъ ему навстрѣчу трехъ дамъ. Что-то необычное въ нихъ бросилось ему въ глаза, и онъ сталъ внимательно всматриваться. Онѣ шли всѣ врядъ и не по тротуару, а прямо по улицѣ. Средняя изъ

нихъ, еще молодая и даже, пожалуй, красивая, была одѣта съ какимъ-то неуловимо неприличнымъ шикомъ. Лицо ея растерянно улыбалось и, видимо, она чувствовала себя крайне неловко. Казалось, что вотъ-вотъ она сейчасъ сорвется и пустится удирать отъ своихъ спутницъ, шедшихъ по бокамъ ея, какъ два конвоира.

Спутницы эти были очень похожи другъ на друга, очевидно, сестры,—съ желтыми, почти коричневыми лицами, съ злыми глазами, черноволосыя, безъ шляпъ, гладко причесанныя, съ жесткими волосами, съ проборами посерединѣ. И одѣты онѣ были какъ-то не по здѣшнему. Такіе костюмы можно встрѣтить развѣ только гдѣ-нибудь въ Тетюшахъ или въ Лаишевѣ: въ черныхъ кофтахъ, въ черныхъ юбкахъ. Обѣ крупныя, коренастыя и до нельзя злыя мегеры, лѣтъ за сорокъ.

«Что за странныя вѣдьмы?»,—подумалъ Трейманъ и даже пріостановился.

Онѣ, какъ разъ въ это время, поравнялись съ нимъ. Средняя, увидавъ незнакомаго мужчину, стыдливо потупилась на Треймана, а та, которая была поближе къ нему, проходя мимо, громко проговорила чисто по-русски, пожирая своими сердитыми глазами молодую спутницу:

— Нѣтъ, madame, ты не увертывайся! Ты не финти! Я, madame, поругаться хочу!

«Что за странная тройка?»,—подумалъ Трейманъ, глядя вслѣдъ удалявшимся женщинамъ. — «Я, madame, поругаться хочу!»—повторилъ онъ про себя и, вынувъ записную книжечку, записалъ эти слова подъ рубрикой: «Темы для разговоровъ». «Можетъ быть»,—думалъ онъ при этомъ,—«когда-нибудь встрѣчу какого-нибудь литератора и разскажу. Можетъ, ему пригодится. Они, вѣдь, всегда любятъ такое...».

Идя дальше, Трейманъ размышлялъ о томъ, какъ, вообще, грубы и невоспитанны русскіе люди. Ну, какая нѣмка, француженка или англичанка позволитъ себѣ здѣсь ходить въ такихъ костюмахъ и говорить такимъ тономъ: «Я, madame, поругаться хочу?»... Да и вообще—русскіе...

И онъ вспомнилъ, что тутъ же, недалеко, въ Vevey, на стѣнахъ одного публичнаго гигіеническаго учрежденія есть надпись, приглашающая посѣтителей привести свой костюмъ въ порядокъ прежде, чѣмъ выходить на улицу, и надпись эта сдѣлана только на двухъ языкахъ: по-итальянски и по-русски. Стало быть, предполагается, что всѣ другія національности въ этомъ предупрежденіи не нуждаются и только между итальянцами и русскими встрѣчаются невоспитанныя неряхи.

«Да, русскіе! Они еще недалеко ушли отъ своего праотца-обезьяны. А, между тѣмъ, среди нихъ-то мнѣ и придется дѣлать свою карьеру... Что-жъ,—заключилъ онъ,—тѣмъ лучше, потому что—тѣмъ легче»...

Какъ разъ въ это время онъ дошелъ до подъѣзда скромненькаго меблированнаго дома. Изъ садика, отдѣленнаго отъ улицы каменной стѣной, доносился громкій, русскій говоръ.

«Ну, вотъ! И всѣ налицо! И всегда-то кричатъ, и всегда-то о чемъ-то спорятъ!»,—подумалъ онъ.

А черезъ минуту онъ уже былъ и въ самомъ садикѣ.

— Ахъ, вотъ онъ! Его лучше всего спросить. Онъ все знаетъ!—встрѣтилъ его чей-то женскій голосъ.

Трейманъ приподнялъ шляпу, но уже не съ той почтительностью, какъ онъ это дѣлалъ у Зюрхера—здѣсь это было бы неумѣстно—и крѣпко пожалъ протянувшіяся къ нему руки, и мужскія, и женскія.

Компанія состояла человѣкъ изъ восьми русскихъ, частью эмигрантовъ, частью еще легальныхъ. Костюмы были просты, но вполнѣ приличны. Почти на всѣхъ мужчинахъ были широкіе кушаки; женщины были одѣты безъ претензій, но и не безъ изящества.

— Послушайте, вы, «Карета скорой помощи»! Вы не знали здѣсь жило семейство купца Сопрыкина, откуда-то изъ Самары, что-ли?—обратился къ нему одинъ изъ мужчинъ.

— А что?—по обыкновенію, вопросомъ на вопросъ отозвался Трейманъ.

— Да, видите-ли, они тутъ большое свинство выкинули.

— Свинство?!

— Ну, да! Завезли сюда молоденькую дѣвушку въ качествѣ бонны, да и бросили ее здѣсь.

— Бросили?!

— Самымъ наглымъ образомъ! Она, видите, чѣмъ-то купчихѣ не угодила, они ей сунули пять франковъ, да сами и уѣхали.

— Какъ? Только пять франковъ? Но она ихъ могла задержать и потребовать съ нихъ судомъ!

— Ахъ, батенька, это мы и безъ васъ знаемъ, но вся бѣда, что она еще передъ отъѣздомъ изъ Россіи получила впередъ свое жалованье и отдала больной матери. А здѣсь стали расчитываться—оказалось, что ей причитается всего пять франковъ, включая сюда и проѣздныя обратно въ Россію.

— Ахъ, вотъ что! Ну, тогда они вправѣ.

— Да вправѣ-то, вправѣ, но согласитесь, что это свинство! Изъ-за пустого каприза выбрасывать дѣвушку на улицу.

— Ну, конечно, свинство,—убѣжденно согласился Трейманъ.—Я этихъ Сопрыкиныхъ видѣлъ; они жили въ Hotel du Lac. Кажется, и бонну ихъ видѣлъ, такая пріятная и совсѣмъ еще молоденькая барышня.

— Ну, да, да! Теперь, вотъ, нужно отправить ее обратно на родину, а она, какъ на зло, расхворалась. Прямо, не знаемъ, что съ ней дѣлать!

— А! Это очень печально! А что съ ней?

— Да чуть-ли не тифъ начинается.

— Нѣтъ, навѣрное, не тифъ!—спокойно замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, солидный человѣкъ съ большой бородой.— Самая обыкновенная инфлуэнца.

— Откуда здѣсь инфлуэнца? Здѣсь инфлуэнцы не бываетъ,—возразилъ ему кто-то.

— Ну, какъ не бываетъ? Вездѣ она бываетъ!

— Инфлуэнца начинается не такъ...

— Да, полноте вы спорить, господа! Важно не это. Важно, что ей нужно помочь.

И принялись за обсужденіе, какъ оказать помощь бѣдной дѣвушкѣ.

Трейманъ слушалъ. Изъ ихъ разговоровъ онъ вывелъ заключеніе, что вся компанія—безъ денегъ, т. е., по крайней мѣрѣ, безъ лишнихъ денегъ, а между тѣмъ, всѣ горятъ желаніемъ притти на помощь бѣдной землячкѣ.

— Нужно устроить подписку,—предложилъ кто-то.

— Да ужъ подписка сдѣлана. И собрали всего 123 франка. И на эти деньги нужно ее и полечить, и отправить на родину.

— Да, а на такія деньги не особенно развернешься!

— А, между тѣмъ, все, что могли—выжали.

— Послушайте, Трейманъ,—заговорила одна изъ молоденькихъ барышень,—вы тамъ водитесь съ разными буржуями. Не можете-ли вы между ними собрать что-нибудь?

Трейманъ криво усмѣхнулся.

— Эти буржуи,—не торопясь заговорилъ онъ,—народъ все очень мало отзывчивый, особенно на такое доброе дѣло. Вотъ, на букетъ актрисѣ или на вѣнокъ пѣвцу, на это они охотно растегнутъ свои карманы, но... помочь бѣдной дѣвушкѣ...

— Онъ совершенно правъ, — перебилъ его мужчина съ большой бородой,—эти жирные скоты...

— Позвольте,—въ свою очередь перебилъ его Трейманъ,— но позвольте, Василій Ивановичъ, я не говорю—нѣтъ; я говорю только—это трудно, но отчего не попытаться? Вы только дайте мнѣ болѣе точныя свѣдѣнія: гдѣ она живетъ, какъ ее зовутъ

и проч. Однимъ словомъ, поручите мнѣ это дѣло, а я уже навѣрное, хоть что-нибудь, да устрою.

Всѣ обрадовались тому, что нашелся человѣкъ, обѣщающій хоть что-нибудь устроить. И не только сообщили ему самыя точныя свѣдѣнія, но и передали собранные уже сто двадцать три франка.

«Какой довѣрчивый народъ»,—подумалъ Трейманъ, пряча переданныя ему деньги въ кошелекъ. «Какой наивный народъ! А, вѣдь, мечтаютъ дѣлать какое-то большое дѣло!».

А, между тѣмъ, на Треймана всѣ эти наивные и довѣрчивые люди посмотрѣли добрыми и благодарными глазами. Онъ снялъ съ ихъ плечъ нелегкую обузу.

Бонна эта совсѣмъ не принадлежала къ ихъ кружку; даже очень немногіе знали ее въ лицо. У нихъ были свои заботы, свои дѣла, свои интересы. И хлопоты о бѣдной землячкѣ какъ-то клиномъ врѣзались въ ихъ нелегкую жизнь. Ну, а разъ врѣзались, надо было что-нибудь сдѣлать и, можетъ быть, даже въ ущербъ своему личному дѣлу. И вдругъ находится добрый человѣкъ, который самъ и, видимо, охотно берется за это. Ну, какъ же не смотрѣть на него добрыми, благодарными глазами?

Порѣшивъ съ этимъ, компанія принялась за обсужденіе своихъ дѣлъ, но тутъ былъ посторонній—Трейманъ, и наиболѣе осторожные сдерживались говорить при немъ.

Трейманъ это понималъ и чувствовалъ, что ему надо уйти.

«Уйду во время,—сказалъ онъ самъ себѣ,—потому что надо было уходить или сейчасъ же, какъ я только получилъ всѣ полномочія на счетъ землячки,—но это было бы мелко; стало быть, нужно подождать еще и выбрать хорошій моментъ».

А, между тѣмъ, несмотря на всю осторожность, споръ вокругъ него разгорался все горячѣе и горячѣе. Начавшись съ чисто принципіальныхъ вопросовъ, онъ мало-по-малу сталъ сбиваться и на тактическіе. Чувство признательности къ Трейману еще было у всѣхъ свѣжо и оскорбить его излишнимъ недовѣріемъ никому не хотѣлось. Да и люди, собравшіеся здѣсь, въ большинствѣ были-то, что называется, диллетанты, не принадлежащіе еще ни къ одной серьезной организаціи. За исключеніемъ двухъ-трехъ, которые воздерживались отъ всякихъ разговоровъ и замѣчаній. Да и темпераментъ, и молодость брали свое. Особенно, послѣ того, какъ человѣкъ, котораго Трейманъ назвалъ Василіемъ Ивановичемъ, и фамилія котораго была—Лагутинъ, ушелъ, попрощавшись со всѣми.

Больше всего горячился одинъ бѣлокурый юноша съ пенснэ на маленькомъ носу.

— Подобная пассивность ни къ чему насъ не приведетъ!— говорилъ онъ сипловатымъ баскомъ.—Все ждать, ждать, ждать, а они, между тѣмъ, укрѣпляются!

— Кто вамъ говоритъ—ждать?—возражалъ ему человѣкъ среднихъ лѣтъ съ красивой черной бородкой.—Мы дѣйствуемъ, только какъ дѣйствуемъ? Мы помогаемъ имъ рубить сучья того дерева, на которомъ они сидятъ. Мы не препятствуемъ имъ подрывать свои собственные корни...

— Позвольте! Позвольте-съ! Помогаемъ! Не препятствуемъ! Намъ нужно не помогать и не препятствовать, намъ нужно самимъ нападать на нихъ, не давать имъ собираться съ силами!

— Это очень легко дѣлать, когда наши силы будутъ больше или, по крайней мѣрѣ, равны съ ихъ силами, а теперь мы необдуманной аттакой рискуемъ только себѣ расшибить лобъ; тогда какъ выжидая, мы выберемъ наиболѣе удобный моментъ. Выжидать же намъ уже по одному тому легко, что вы видите ясно, какъ они дѣйствуютъ: каждое ихъ выступленіе намъ на руку; каждый ихъ шагъ дискредитируетъ ихъ въ глазахъ всего міра. Отнюдь не слѣдуетъ мѣшать имъ въ этомъ. Дѣйствуя такимъ образомъ, они сами поставятъ себя въ невозможное положеніе. И тогда...

Брюнетъ остановился, какъ бы подбирая слово.

Всѣ молча ждали.

— Give him enough rope...—ясно и прекрасно выговаривая англійскія слова, сказалъ вдругъ Трейманъ.

Всѣ посмотрѣли на него.

— Да, да! Именно!—обрадовался брюнетъ.—Именно такъ! Give him enough rope, т. е. дайте имъ только достаточно веревки, а ужъ петлю они сами на себѣ затянутъ!

Поднялся общій говоръ. Большинство было согласно съ брюнетомъ, и почти всѣ повторяли, только что сказанную Трейманомъ поговорку.

А Трейманъ, между тѣмъ, всталъ и спокойно, даже безъ улыбки, проговорилъ:

— Какъ мнѣ ни интересно съ вами, господа, но у меня сегодня еще столько дѣла... И одно изъ первыхъ—порученное вами. До свиданія.

И онъ, распростившись, вышелъ изъ сада.

«И отсюда я ушелъ во-время»,—говорилъ онъ самъ себѣ, направляясь къ площади, гдѣ останавливается трамвай.

Черезъ часъ онъ уже былъ въ Les Avants и отыскивалъ по сообщенному ему адресу больную дѣвушку.

Найти было нелеко; она ютилась въ хижинѣ какого-то при-

дорожнаго сторожа. Возлѣ нея дежурила одна изъ русскихъ эмигрантокъ, съ которой Трейманъ уже былъ знакомъ.

Предъявивъ свои полномочія, т. е. клочокъ бумаги, на которомъ рукой Лагутина былъ написанъ адресъ, онъ пожелалъ видѣть больную.

— О, ей сегодня гораздо лучше, гораздо! Температура понизилась до нормальной, голова не болитъ, осталась только одна слабость,—говорила эмигрантка, вводя Треймана въ маленькую полутемную каморку, гдѣ поверхъ одѣяла лежала на кровати больная.

Она была совсѣмъ одѣта и при ихъ входѣ приподнялась и сѣла.

— Позвольте познакомиться,—заговорилъ Трейманъ, называя свою фамилію.—Васъ, вѣдь, зовутъ Дарья Васильевна Второва?—спросилъ онъ, взглядывая на бумажку съ адресомъ.

— Да,—тихо отвѣтила дѣвушка, слабо пожимая протянутую ей руку.

— Ну, вотъ,—продолжалъ Трейманъ,—мнѣ поручили васъ на полное попеченіе и даже передали деньги, собранныя... собранныя...

Онъ хотѣлъ сказать «въ вашу пользу», но, сообразивъ, что это будетъ безтактно, такъ и не закончилъ фразы.

— Благодарю васъ! Очень вамъ благодарна!.. Право, я ужъ и не знаю, чѣмъ я заслужила?—конфузясь подъ пристальными взглядами Треймана, говорила Дашенька.

«А, вѣдь, она премиленькая!»—думалъ въ это время про себя Трейманъ,—«право, премиленькая! И, кажется, совсѣмъ простенькая... даже безъ всякаго образованія. Что-жъ? Тѣмъ лучше, меньше претензій!»—почему-то рѣшилъ онъ и, повернувшись къ дежурившей при больной эмигранткѣ, авторитетно заговорилъ:

— Съ чего мы начнемъ?

— Я васъ не понимаю,—отвѣтила та.

— Я хотѣлъ сказать, что Дарья Васильевна находится сейчасъ въ невозможныхъ гигіеническихъ условіяхъ.

— Да, не въ важныхъ.

— А, во-вторыхъ, такъ какъ болѣзнь ея миновала, ей можно и переселиться отсюда.

— Куда?—спросила эмигрантка.—У нея же нѣтъ никакихъ средствъ, а то, что собрано, это такъ ничтожно... Вѣдь, ей на эти деньги нужно еще до Россіи доѣхать.

— О средствахъ вы не безпокойтесь. Я найду достаточныя средства.

— Какимъ путемъ?

— А тѣмъ же, какимъ собрали и эти деньги, только въ другомъ обществѣ.

— Дѣлайте, какъ знаете. Только имѣте въ виду, по крайней мѣрѣ, что здѣсь, въ этой сторожкѣ, хоть дешево.

— О, я найду ей тоже недорогое помѣщеніе, но зато съ хорошимъ столомъ,—что для выздоравливающей очень важно—и съ другими гигіеническими преимуществами.

— Сегодня уже поздно,—продолжалъ Трейманъ, посматривая на свои старенькіе, потертые часики.—Я, Дарья Васильевна, зайду за вами завтра утромъ.

— Хорошо,—покорно отвѣчала Дашенька.

— И переселю васъ въ другое мѣсто, гдѣ вы оправитесь, наберетесь силъ, а затѣмъ отправлю,—а, можетъ быть, и провожу даже васъ въ Россію.

— Развѣ вы собираетесь ѣхать туда?—спросила эмигрантка.

— Да, пора уже,—съ легкимъ вздохомъ отвѣтилъ Трейманъ.—Пора и на родину. Надо дѣло дѣлать,—многозначительно заключилъ онъ.

Затѣмъ, распростившись съ обѣими дѣвушками, Трейманъ пѣшкомъ отправился въ Гліонъ.

«Очень, очень миленькая»,—думалъ про себя Трейманъ,—«и—кто знаетъ? Кто знаетъ?» Что должно было означать это: «кто знаетъ? Кто знаетъ?», можетъ быть, онъ бы и самъ не отвѣтилъ, но какія-то неясныя мечты уже начинали заползать ему въ голову. «Кто знаетъ? Кто знаетъ?»,—повторялъ онъ, а на губахъ у него мелькала сладкая улыбка.

На полпути, дойдя до виллы «Нарцисъ», онъ зашелъ туда и спросилъ, есть-ли тамъ свободныя комнаты.

Послѣ довольно долгихъ разговоровъ, онъ нанялъ одну изъ нихъ «для молодой русской барышни, поправляющейся отъ болѣзни».

— Не больной?—подозрительно спросилъ хозяинъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Говорю, что для поправляющейся. И не послѣ какой-нибудь заразной болѣзни, а просто отъ легкой простуды.

— То-то!—сказалъ хозяинъ,—для больныхъ у насъ другая цѣна. И комнату съ полнымъ пансіономъ за три франка въ сутки мы отдать не можемъ.

Трейманъ далъ слово, что барышня совершенно здорова, только слаба немного, да и слабость эта въ два-три дня пройдетъ безслѣдно.

«И здѣсь — удача», — подумалъ Трейманъ, направляясь дальше по красивой дорогѣ, идущей параллельно съ Chaudron'омъ. —«Дешевле трехъ франковъ нигдѣ не найдешь, а въ «Нарциссѣ»,

какъ говорятъ, и кормятъ очень недурно. Удачный день!.. Рискнуть развѣ? Зайти сегодня пообѣдать въ «Викторію»? Дорого, конечно, но зато тамъ много богатыхъ русскихъ и можно сразу наладить подписку въ пользу этой миленькой Дашеньки». И, придя въ Гліонъ, онъ направился прямо къ отелю «Викторія» и пришелъ какъ разъ во-время: колоколъ звонилъ къ обѣду.

День для Андрея Андреевича былъ, дѣйствительно, удачный. За столомъ ему пришлось сидѣть рядомъ съ Ольгой Александровной Ахматовой—съ одной стороны и богатымъ русскимъ коммерсантомъ—съ другой.

Ловко, безъ всякой докучливости, разсказалъ онъ исторію бѣдной и больной русской дѣвушки, заброшенной здѣсь; вызвалъ къ ней сочувствіе и, когда вставали изъ-за стола, Ольга Александровна значительно сказала Трейману:

— Молчите ужъ! Приходите завтра въ полдень. Я соберу что-нибудь для нее, и мы ее отправимъ.

Трейманъ вздохнулъ свободно.

Было уже довольно поздно и онъ чувствовалъ себя слегка утомленнымъ и, сейчасъ же послѣ кофе, направился къ себѣ.

Жилъ онъ тутъ же, въ Гліонѣ, недалеко отъ вокзала подъемной дороги, занимая маленькую комнатку надъ кабачкомъ «Au bort cornut», за которую платилъ полтора франка въ день, вмѣстѣ съ утреннимъ кофе.

Придя къ себѣ, сбросивъ пиджакъ и вынувъ изъ него свою записную книжечку съ автоматическимъ перомъ, онъ подсѣлъ къ окну и хотѣлъ было записать проведенный день, но уже такъ стемнѣло, что безъ огня сдѣлать этого было немозможно, а свѣчекъ ему зажигать не хотѣлось.

«Ну, запишу завтра!—рѣшилъ онъ,—навѣрное, ничего не забуду. Только нужно хорошенько запомнить, какіе сегодня сдѣланы расходы и что, вообще, сдѣлано»,—подумалъ онъ, глядя въ окно.

Передъ нимъ, тяжелой громадой возвышался снѣговой Dent du Midi и угрюмый Dent d'Oche; подъ нимъ разстилались воды Лемана и мелькали электрическіе огоньки въ Territet и Montreux; небо разгоралось звѣздами; откуда-то съ горъ доносились мелодичные переливы колокольчиковъ альпійскихъ стадъ, да срывались странные и характерные обрывки швейцарскихъ «іодлъ». Въ воздухѣ было тихо и тепло.

Гдѣ-то звучала мандолина...

И Андрей Андреевичъ, сидя у окна и глядя на эту картину, обстоятельно повторялъ:

«Cartes postales — семьдесятъ пять сантимовъ; завтракъ въ Hotel des Alpes—франкъ, семьдесятъ пять сантимовъ; почтовыя марки—семьдесятъ пять; funiculaire и трамвай»...

И повторивъ нѣсколько разъ про себя расходы и дѣла минувшаго дня, Андрей Андреевичъ всталъ со стула, посмотрѣлъ въ окно и сказалъ:

— А, вѣдь, какъ это красиво!

Потомъ захлопнулъ ставню, опустилъ занавѣску и аккуратно, несмотря на потемки, раздѣлся и легъ въ постель.

III.

На утро онъ всталъ по обыкновенію рано, напился кофе и пошелъ въ Les Avants за Дашенкой. Онъ нашелъ ее еще болѣе отдохнувшей, еще болѣе посвѣжѣвшей.

— «Право, премиленькая!» — повторилъ онъ, любуясь на стройную фигурку и миловидное личико дѣвушки.

Часа черезъ два Дашенька уже была водворена въ уютной и свѣтлой комнатѣ пансіона «Нарциссъ», а Трейманъ, совершивъ это дѣло, направился въ отель «Викторію», гдѣ жила Ольга Александровна Ахматова.

— Ну, вотъ видите — собрала! И очень недурно собрала, больше трехсотъ франковъ,—сообщила ему Ольга Александровна, принимая его на открытой верандѣ.

Трейманъ чуть не подпрыгнулъ отъ радости: такой крупной суммы онъ не ожидалъ. Ольга Александровна хотѣла было сама отправиться къ Дашенькѣ, чтобы вручить ей деньги, но, сообразивъ, какъ это далеко,—достать же лошадь и экипажъ въ Гліонѣ процедура затруднительная,—поручила деньги Трейману, сказавъ только:

— Ну, а росписку вы мнѣ доставите сегодня у Зюрхера.

Раскланявшись съ Ахматовой, Трейманъ, по обыкновенію, зашелъ на почту, сдалъ и получилъ свою корреспонденцію и къ завтраку пошелъ въ «Нарциссъ».

— «Надо хорошенько познакомиться съ этой дѣвочкой и разсмотрѣть ее»,—думалъ онъ, шагая по дорогѣ.

Дашенька встрѣтила его, какъ уже стараго знакомаго. Она была на столько бодра, что спустилась къ завтраку въ общую столовую. Потомъ они вышли на воздухъ и усѣлись на скамеечкѣ въ тѣни подъ деревомъ.

— Поговоримъ,—сказалъ Трейманъ, ласково гладя ее по рукѣ.

— Поговоримъ,—робко улыбаясь, отвѣтила Дашенька.

Благодаря умѣлой манерѣ выспрашивать, Трейманъ черезъ полчаса уже зналъ все, что болѣе или менѣе ему было интересно знать. Онъ узналъ, что Дашенька—дочь офицера, бѣднаго армейскаго офицера, умершаго ужъ много лѣтъ тому назадъ и не оставившаго своей вдовѣ ничего, кромѣ полутора-годовалаго ребенка, т. е. Дашеньки.

Мать ея служила въ экономкахъ въ одномъ купеческомъ домѣ, въ Самарѣ. Изъ послѣднихъ средствъ она хотѣла дать образованіе своей дочери и Дашенька училась въ гимназіи, но не доучилась, вышла изъ четвертаго класса, потому что «мама» ея заболѣла и ей отказали отъ мѣста. Два года онѣ кое-какъ перебивались,—Дашенька давала уроки, грошовые, конечно,—а ея мать вязала чулки. Потомъ вотъ эти купцы Сопрыкины собрались заграницу и предложили «Вторихѣ» —такъ звали они Дашенькину «маму»—отпустить свою дочку для присмотра за ихъ маленькими дѣтьми. Условія были хорошія, мама согласилась, а Дашенька и сама рвалась людей посмотрѣть... Ну, вотъ она и попала сюда...

— А здѣсь...

Тутъ Дашенька замялась.

— Здѣсь—уволили.

— За что?—спросилъ Трейманъ.

Молодая дѣвушка потупила голову и молчала.

— Вѣдь, за что нибудь да уволили?—настаивалъ Андрей Андреевичъ.

—Мнѣ неловко,—едва слышно проговорила Дашенька.

Трейманъ насторожился.

«Неловко?—подумалъ онъ.—Гмъ!»

И довольно грубо спросилъ:

— У васъ, можетъ быть, какой-нибудь романъ завязался?

На глазахъ у дѣвушки заблистали слезы.

— Какой романъ?—вынимая платокъ и едва сдерживаясь, чтобы не расплакаться, тихо заговорила она. — Какой романъ! Просто этотъ—самъ Совватій Семеновичъ, т. е. Сопрыкинъ... сталъ приставать; а Агнія Васильевна замѣтила, ну, и...

Видимо, она эту исторію разсказывала уже не въ первый разъ и разсказывать ей это было трудно.

Лицо Треймана стало холодно, почти строго.

— Ну, хорошо-съ. Онъ къ вамъ сталъ приставать... Ну, а вы?

— Что я?

— Ну, что же вы?... т. е. отвѣчали ему на его ухаживанія?

Дашенька вскинула на него свои большіе, испуганные и полные слезъ глаза.

— Что вы говорите?—тихо проговорила она.—Развѣ это... да, вѣдь, это грѣшно даже подумать! Развѣ я такая?

Трейманъ вдохнулъ свободнѣе. Онъ опять взялъ въ свою руку руку Дашеньки и сталъ ее ласково поглаживать.

— Ну, полноте, полноте!—говорилъ онъ.—Я это такъ... я это просто такъ спросилъ. Я видѣлъ этого Сопрыкина. Это старый толстый мѣшокъ и никакая честная дѣвушка имъ увлечься не можетъ!

Черезъ полчаса Трейманъ уже спускался по Chaudron'у внизъ, въ Montreux. У него было очень довольное и веселое выраженіе лица. «Очень хорошенькая, молоденькая, да къ тому же еще и невинная»,—говорилъ онъ самъ себѣ, игриво пощелкивая пальцами. Въ карманѣ у него лежала росписка Дашеньки въ полученіи трехсотъ франковъ, да и деньги эти лежали тутъ же. Дашенька передала ихъ ему на храненіе. Правда, онъ самъ предложилъ ей произвести эту операцію, но она не протестовала.

У Зюрхера онъ засталъ всю обычную русскую компанію. Раскланявшись и приложившись къ ручкамъ дамъ, онъ присѣлъ къ столу, чувствуя, какъ трясутся у него отъ усталости ноги.

Ахматовыхъ еще не было. Но вскорѣ появились и они и Трейманъ вручилъ Ольгѣ Александровнѣ росписку Дашеньки.

— Бѣдная дѣвушка безумно счастлива,—сообщилъ онъ при этомъ.

— Ну, и слава Богу,—заключила Ольга Александровна.

Среди общаго разговора Трейманъ какъ-то очень умѣло вставилъ, что на этихъ дняхъ онъ «имѣетъ» возвратиться въ Россію.

— Что такъ рано?—удивился петербургскій адвокатъ.

— Нельзя. Надо позаботиться о дѣлахъ. Думаю искать службу.

— Но тамъ теперь еще никого нѣтъ!—настаивалъ адвокатъ.

— Ну, что-жъ, покамѣстъ устроюсь, присмотрюсь,—скромно отвѣтилъ Трейманъ.

Съ этого дня Андрей Андреевичъ сталъ дѣлать прощальные визиты своимъ многочисленнымъ знакомымъ. Для этого ему пришлось прокатиться и въ Лозанну, и въ Evian, и даже въ Женеву. Онъ очень охотно бралъ на себя разныя порученія въ Петербургъ и просилъ не забывать его. Его благодарили и тоже, въ свою очередь, просили навѣщать въ Петербургѣ, нѣкоторые—въ Москвѣ; а нѣкоторые даже и въ провинціи. Трейманъ тоже благодарилъ и все это заносилъ въ свою записную книжечку, по разнымъ рубрикамъ.

Съ этого же дня онъ очень часто видѣлся съ Дашенькой. Сначала сидѣлъ по часу у нея; потомъ, когда она окрѣпла, сталъ съ ней гулять и даже сдѣлалъ небольшую прогулку по озеру, на пароходѣ.

Было рѣшено, что они поѣдутъ въ Россію вмѣстѣ, что онъ проводитъ ее до Петербурга, ну, а оттуда... видно ужъ будетъ, если она тамъ мѣсто не найдетъ, то отправитъ къ матери, на родину.

Дашенькѣ такой попутчикъ былъ на руку, потому что бѣдная дѣвушка не знала ни одного иностраннаго языка.

Наканунѣ ихъ отъѣзда Трейманъ предложилъ Дашенькѣ спуститься по финикюлеру—въ Territet.

— Зайдемте на кладбище,—сказалъ онъ ей, когда они сравнялись съ оградой мертвыхъ.—Мнѣ хочется проститься съ могилой моей матери.

— А развѣ ваша мама здѣсь похоронена?—спросила Дашенька.

— Да, здѣсь. Она умерла полтора года тому назадъ... здѣсь, въ Territet... Да, Дашенька!—заговорилъ онъ, вздохнувъ, когда они подошли къ надгробной плитѣ, на которой было вырѣзано золотыми буквами: «Alexandrine Treimann»,—да, Дашенька! Вы счастливѣе меня: у васъ нѣтъ отца, но есть—мама. А я—круглый сирота,—у меня ни отца, ни матери. Отецъ умеръ, когда я, какъ и вы, былъ еще ребенкомъ; а мама... такъ еще недавно, какъ будто—вчера. На меня еще, какъ живые, смотрятъ ея прекрасные глаза, ея добрая рука гладитъ меня по моимъ волосамъ и прижимаетъ нѣжно къ своей материнской груди... О, какъ она меня любила! И какъ я ее любилъ... Но бѣдное сердце не выдержало этого сильнаго чувства... Она умерла отъ аневризма... Давайте, Дашенька, помолимся!

И Трейманъ, неожиданно взявъ ее за руку, опустился на колѣни. Дѣвушка растерянно, почти испуганно, сдѣлала то же самое.

Сначала они молчали. Дашенька нѣсколько разъ перекрестилась; потомъ Трейманъ вдругъ заговорилъ:

— Прощай, мама! Не знаю, скоро-ли мнѣ придется опять посѣтить твою могилу? Но,—вѣрь, что ты никогда не умрешь въ моемъ сердцѣ. Мама! Сегодня я къ тебѣ пришелъ не одинъ, а съ милой и чистой дѣвушкой. Она тоже молится на твоей могилѣ и проситъ счастья. Она стоитъ счастья. Благослови ее, мама! Благослови и меня, мама, и вѣрь, что я навсегда останусь твоимъ вѣрнымъ и честнымъ сыномъ Андреемъ, любящимъ тебя, но теперь одинокимъ въ мірѣ. Пошли мнѣ, мама, добрую и вѣрную подругу, чтобъ она скрасила мнѣ жизнь и чтобы рука объ руку съ нею,

въ честномъ трудѣ, короталъ бы я свои дни и дошелъ бы до такой же благородной могилы, какъ твоя, милая мама! Клянусь, мама, быть вѣрнымъ и честнымъ мужемъ! Благослови насъ, мама!

И Трейманъ низко склонилъ голову, потянувъ при этомъ за собой и Дашеньку.

У бѣдной дѣвушки испуганно билось сердце, а при послѣднихъ словахъ Треймана какой-то холодокъ пробѣжалъ по всему тѣлу. Она почти не понимала, что онъ говоритъ, о чемъ онъ молится, но ей было страшно и она чувствовала, что во всемъ этомъ кроется что-то значительное и роковое для нея.

Страшно было ей и тогда, когда Трейманъ, окончивъ свою молитву, поднялся на ноги и выпрямился во весь ростъ. Страшно было ей и того, что онъ поднесъ ея дрожащую руку къ своимъ губамъ и поцѣловалъ. Но болѣе всего испугали ее произнесенныя имъ при этомъ слова:

— Я поклялся на могилѣ моей матери.

Но самъ Трейманъ, какъ будто, сразу забылъ обо всемъ и своимъ обыкновеннымъ голосомъ, предложилъ ей:

— Пойдемте погулять. Или вы, можетъ быть, хотите прокатиться на лодкѣ?..

На другой день они выѣхали въ Россію.

IV.

Ѣхали они довольно долго съ пересадками и съ остановками по нѣскольку часовъ на узловыхъ станціяхъ, причемъ Дашенька ѣхала все время въ третьемъ классѣ; Трейманъ же иногда бралъ для себя дополнительный билетъ и пересаживался во второй. Онъ говорилъ, что это ему необходимо для знакомствъ.

Одинъ перегонъ, и довольно большой—между Лейпцигомъ и Берлиномъ—онъ проѣхалъ даже въ первомъ классѣ и былъ крайне недоволенъ этимъ.

— Истратилъ деньги,—сердился онъ,—а толку не вышло никакого.

Во время этого пути Дашенька какъ-то незамѣтно совершенно подпала подъ его вліяніе. Все, что онъ ей говорилъ и иногда почти приказывалъ, она слушала безъ возраженія и подчинялась безпрекословно.

Въ Петербургѣ онъ предложилъ ей остановиться вмѣстѣ въ рекомендованныхъ ему еще въ Швейцаріи какихъ-то меблированныхъ комнатахъ на Пушкинской. Они заняли двѣ комнаты —Дашенька совсѣмъ крошечную, съ окномъ во дворъ; онъ—немножко попросторнѣе—на улицу.

Едва только они успѣли разложиться и напиться чаю, какъ Андрей Андреевичъ отправился уже на розыски и развѣдки. Дашенька сидѣла одна въ своей полутемной конуркѣ.

Такъ было и на второй день, и на третій день.

Къ обѣду онъ возвращался домой и они спускались внизъ, въ какую-то дешевенькую кухмистерскую. Послѣ этого Андрей Андреевичъ исчезалъ снова, а Дашенька, не смѣя даже погулять по улицамъ этого большого и незнакомаго ей города, снова забиралась въ свою комнату и читала разрозненные романы, которые ей доставала у жильцовъ горничная.

Но вотъ, на четвертый день вечеромъ, Андрей Андреевичъ явился особенно довольный и сіяющій и, приказавъ подать самоваръ, заглянулъ къ Дашенькѣ и пригласилъ ее въ свою комнату.

— Дашенька!—онъ еще въ Швейцаріи началъ ее звать такъ,—торжественно заговорилъ онъ, когда чай уже былъ налитъ. — Дашенька!—повторилъ онъ, ласково, насколько могъ, глядя на миловидное личико дѣвушки.—Я сегодня много думалъ о васъ. Зачѣмъ вамъ ѣхать къ себѣ въ провинцію, когда вы отлично можете устроиться здѣсь въ Петербургѣ?

— Мама...—заикнулась было Дашенька.

— Что-жъ, мама? Когда вы здѣсь хорошо устроитесь, мы можемъ выписать маму сюда.

— Да какъ же я устроюсь?—тихо спросила дѣвушка.

— А я обо всемъ объ этомъ подумалъ. Во-первыхъ, дѣла мои приняли такой оборотъ, что я буду жить своей собственной квартиркой. А такъ какъ я человѣкъ одинокій, то мнѣ нужна особа, которая дѣлала бы мой ménage, т. е. вела бы мое хозяйство. А такъ какъ и моя квартира, и мое хозяйство вначалѣ будутъ очень невелики, то вы отлично можете справиться съ этимъ дѣломъ. Вотъ вамъ уже на первыхъ порахъ—квартира и столъ обезпечены. А затѣмъ, я беру на себя достать вамъ и приличный заработокъ. Вы знаете, Дашенька, что я—человѣкъ честный,—увѣренно сказалъ онъ, какъ будто Дашенька, дѣйствительно, это знала,—и на мое слово можно положиться, какъ на каменную гору, такъ что и раздумывать вамъ нечего.

— А какой же заработокъ, Андрей Андреевичъ?—спросила Дашенька.

— О! Въ такомъ городѣ, какъ Петербургъ, остаться безъ заработка могутъ только лѣнтяи или глупцы. Мы съ вами, надѣюсь, не будемъ ни этими, ни тѣми. О, мы пробьемъ здѣсь свою дорожку, мы пробьемъ!—весело и безапелляціонно сказалъ Андрей Андреевичъ.

— Итакъ, рѣшено!—продолжалъ онъ, гладя Дашеньку по рукѣ.—Теперь у меня будетъ нѣсколько свободныхъ дней и мы посвятимъ ихъ на пріисканіе квартиры и на ея обстановку.

Дашенькѣ не оставалось ничего, какъ только согласиться.

Не прошло и недѣли, какъ Андрей Андреевичъ Трейманъ и его «домоправительница» переѣхали въ маленькую квартирку изъ трехъ комнатъ и кухни въ пятомъ этажѣ только что выстроеннаго дома, на Колокольной улицѣ.

— Въ новыхъ домахъ,—говорилъ Андрей Андреевичъ, — кромѣ того, что квартиры сдаются дешевле, но и построены онѣ всегда согласно съ послѣдними требованіями комфорта.

Мебель была пріобрѣтена «по случаю» и тоже по очень сходной цѣнѣ. Посуду купили въ магазинѣ бракованныхъ вещей. Однимъ словомъ, все было устроено дешево, но не безъ практичности.

Наняли и прислугу, совсѣмъ молоденькую дѣвочку, лѣтъ пятнадцати, за четыре рубля въ мѣсяцъ, такъ какъ готовить должна была Дашенька, для чего, въ виду ея неопытности, была куплена поваренная книга.

Квартира была распредѣлена такъ: кабинетъ Андрея Андреевича, его спальня и столовая.

А для Дашеньки отгородили уголокъ въ корридорѣ. Дѣвочка-прислуга спала, конечно, въ кухнѣ...

Какъ это случилось?..

Какъ-то ужъ черезчуръ просто.

Въ этотъ день—недѣли черезъ двѣ послѣ переѣзда на квартиру—Андрей Андреевичъ былъ съ самаго утра особенно привѣтливъ и ласковъ съ Дашенькой. Онъ предложилъ ей пообѣдать сегодня въ ресторанѣ—въ хорошемъ ресторанѣ, гдѣ обѣдъ стоитъ полтора рубля. За обѣдомъ онъ былъ настроенъ очень торжественно, говорилъ о своей покойной матери и спросилъ полбутылки вина.

— Я все это себѣ могу позволить, Дашенька,—пояснялъ онъ,—потому что дѣла мои принимаютъ очень хорошій оборотъ.

Послѣ обѣда, онъ предложилъ Дашенькѣ отправиться въ увеселительный садъ, взялъ два билета передъ открытой сценой, угощалъ свою даму лимонадомъ, а самъ выпилъ бокалъ пива, причемъ говорилъ, что русское пиво—самое скверное изъ всѣхъ, какія только существуютъ, потому что въ немъ много спирту и сдѣлано оно очень неопрятно.

Изъ сада они вернулись домой на извозчикѣ. Андрей Андреевичъ придерживалъ Дашеньку за талію и раза два довольно чувствительно пожалъ ее.

Дома онъ откупорилъ коробку сардинокъ и полбутылки

дешевой мадеры, имѣвшихся у нихъ въ запасѣ «на всякій случай: вдругъ придетъ полезный человѣкъ, котораго угостить надо».

Онъ заставилъ Дашеньку выпить двѣ рюмки—самъ выпилъ три, причемъ очень долго и обстоятельно говорилъ Дашенькѣ, какой онъ хорошій и честный человѣкъ. Напоминалъ ей, какъ онъ клялся на гробѣ матери и сказалъ, что эта клятва для него священна.

Потомъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и сталъ цѣловать...

На другой день—занавѣска въ корридорѣ была убрана, а постель Дашеньки перенесли въ спальню Андрея Андреевича.

— Я тебя буду звать—Дора, а ты меня—André, но при постороннихъ зови: Андрей Андреевичъ,—предначерталъ онъ будущія ихъ отношенія.—Свадьба наша состоится, какъ только мои дѣла совершенно окрѣпнутъ и мы переѣдемъ на другую квартиру—побольше. А пока ты для всѣхъ—экономка и только передъ Богомъ, да развѣ передъ самыми интимными друзьями—если мы такихъ заведемъ—ты моя невѣста и даже—гражданская жена.

Дашенька послѣ этого двѣ недѣли плакала, но потомъ привыкла къ роли экономки—для всѣхъ и гражданской жены—передъ Богомъ.

— Къ этому времени Андрей Андреевичъ уже успѣлъ получить какое-то небольшое, но очень удобное служебное мѣсто и пріобрѣсти нѣсколько выгодныхъ уроковъ по нѣмецкому, французскому и англійскому языкамъ, которыми онъ владѣлъ въ совершенствѣ.

Его записная книжечка, а въ особенности рубрика въ ней: «полезныя знакомства», сослужила ему хорошую службу.

И по мѣрѣ того, какъ наступала осень и съѣзжались «наши» изъ-за границы, заработокъ Андрея Андреевича все росъ и росъ.

Но не одна записная книжечка и не одни полезныя знакомства ворожили нашему герою. Было еще одно обстоятельство, очень деликатнаго свойства, которое интенсивно подвигало Андрея Андреевича по пути къ карьерѣ.

V.

На третій или четвертый день по прибытіи Треймана въ Петербургъ, когда онъ жилъ еще съ Дашенькой въ меблированныхъ комнатахъ на Пушкинской, онъ съ ранняго утра уѣхалъ по Балтійской желѣзной дорогѣ въ Петергофъ.

Тамъ, безъ особаго труда розыскалъ онъ дачу графа Раабе-фонъ-Блазевицъ. Подойдя въ ея великолѣпной оградѣ, онъ нажалъ кнопку электрическаго звонка къ дворнику.

Откуда-то изъ глубины двора вышелъ человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ съ зелеными кантами и въ форменной фуражкѣ.

— Вамъ что?—спросилъ онъ Треймана, подходя къ калиткѣ.

— Мнѣ нужно видѣть графа Раабе,—отвѣтилъ тотъ.

Сѣрый человѣкъ внимательно осмотрѣлъ его, потомъ отперъ калитку и, коротко сказавъ:

— Пожалуйте,—повелъ его черезъ палисадникъ въ глубину двора, гдѣ стояла дача.

Они подошли къ большому подъѣзду съ бѣлыми колоннами и сѣрый человѣкъ дернулъ за какое-то кольцо. Высокая, стеклянная дверь отворилась и изъ нея вышелъ швейцаръ въ лѣтней ливреѣ.

— Къ графу,—сказалъ сѣрый человѣкъ.

— Какъ доложить?—спросилъ швейцаръ.

Андрей Андреевичъ подалъ заранѣе заготовленную визитную карточку. Швейцаръ внимательно взглянулъ на нее и сказавъ:

— Благоволите обождать, я доложу,—скрылся за дверью.

На подъѣздѣ, за колоннами, было разставлено нѣсколько столовъ и легкихъ садовыхъ дивановъ и стульевъ.

— Не угодно-ли присѣсть? — сказалъ сѣрый человѣкъ, оставшійся при Андреѣ Андреевичѣ.

Андрей Андреевичъ что-то буркнулъ подъ носъ, но не сѣлъ. Онъ, не сходя съ крыльца, сталъ разсматривать раскинувшійся передъ нимъ, прекрасно содержимый цвѣтникъ. Все въ немъ было подстрижено, приглажено, выметено и цвѣты были подобраны въ красивыхъ и гармоническихъ сочетаніяхъ.

Андрею Андреевичу все это нравилось своей удивительной порядливостью.

«Когда-то я буду жить такъ?»,—думалъ онъ, переводя глаза съ клумбы на клумбу.—Когда-то?».

А что онъ будетъ жить такъ, это Андрею Андреевичу казалось несомнѣннымъ. Надо только не отступать и каждый день дѣлать хоть одинъ шагъ по намѣченной дорогѣ...

Сзади него стукнула дверь. Андрей Андреевичъ обернулся. Плотный и приземистый камердинеръ графа, еще по утреннему—въ сѣромъ пиджакѣ, но уже въ бѣломъ жилетѣ и съ бѣлымъ галстухомъ на безукоризненно выглаженномъ воротничкѣ, вышелъ на подъѣздъ.

— Пожалуйте къ его сiятельству,—съ полупоклономъ проговорилъ онъ, отступая въ сторону и открывая дверь.

Немного оробѣвъ, но стараясь скрыть это, вошелъ Андрей Андреевичъ во внутреннiя комнаты дачи. Камердинеръ шелъ сзади и направлялъ его путь короткими словами:

— Направо... Еще направо... Прямо... и т. д.

Дача была очень велика, прекрасно, по дворцовому, обставлена, но въ ней было мало свѣту и совсѣмъ не пахло жильемъ. Очевидно, они проходили парадными комнатами, въ которыя, по лѣтнему времени, рѣдко кто заглядывалъ.

Но вотъ—посвѣтлѣло, и они снова вышли на воздухъ, на большую террасу, примыкавшую къ дачѣ съ противуположной стороны.

— Графъ въ саду. Они пьютъ Киссингенъ,—пояснилъ камердинеръ.

И затѣмъ, отступивъ назадъ, тихо сказалъ:

— Вотъ они-съ.

И Андрей Андреевичъ увидалъ высокую, такъ хорошо знакомую ему фигуру графа. Въ лѣтнемъ, утреннемъ пиджакѣ и въ широкой соломенной шляпѣ, неторопливымъ и размѣреннымъ шагомъ подходилъ онъ къ террасѣ.

Андрей Андреевичъ, снявъ шляпу, спустился къ нему навстрѣчу, въ садъ.

— А! Андрюша! Здравствуй! Радъ тебя видѣть,—глухимъ и словно уставшимъ голосомъ проговорилъ графъ, протягивая руку.

Слова были привѣтливы, но въ выраженiи, съ которымъ онъ ихъ произнесъ, казалось, звучало: «какъ бы было хорошо, если бы тебя совсѣмъ не существовало на свѣтѣ».

Андрей Андреевичъ или не понялъ этого выраженiя, или сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ, но, почтительнѣйше пожавъ протянутую ему руку, онъ—зная, что графъ не любитъ громкихъ голосовъ,—чуть слышно началъ было:

— Только что прiѣхалъ въ Петербургъ, счелъ первымъ долгомъ...

— Хорошо,—перебилъ его графъ,—я пью воды и дѣлаю моцiонъ. Ты можешь ходить со мной.

И сдѣлавъ нѣсколько глотковъ изъ хрустальной кружки, стоявшей на столикѣ возлѣ террасы, онъ повернулся и пошелъ вглубь аллеи.

Андрей Андреевичъ послѣдовалъ за нимъ.

— Разсказывай, откуда?—сказалъ графъ, искоса посматривая на своего спутника.

— Изъ Montreux, графъ. Отъ могилы моей мат...

Но графъ опять перебилъ его.

— Зачѣмъ сюда?—коротко спросилъ онъ.

— Хочу служить и работать,—также коротко отвѣтилъ Андрей Андреевичъ.

Графъ пріостановился.

— Ты аккуратно получаешь свои сто рублей?—нѣсколько повышая голосъ, спросилъ онъ...

— Благодарю васъ, аккуратно.

— Но я предупреждалъ тебя: сто рублей въ мѣсяцъ и— ничего больше.

И графъ снова зашагалъ по аллеѣ.

— Я ничего больше не смѣю и просить, графъ,—покорнымъ тономъ заговорилъ Андрей Андреевичъ.—Я явился просто для того только, чтобы выразить вамъ мою глубокую признательность и чувство уваженія.

И, замѣтя, что графъ молчитъ и даже не смотритъ на него, онъ оборвался.

Такъ прошли они всю аллею и свернули на другую, вправо.

— Гдѣ-жъ ты хочешь служить и какъ именно работать?— не поворачивая головы, спросилъ графъ.

— Вслѣдствіе основательнаго знанія иностранныхъ языковъ и образованія, полученнаго мною, благодаря вамъ, графъ, я желалъ бы начать службу по министерству иностранныхъ дѣлъ.

Графъ вскинулъ на него глазами, какъ бы говоря: «Однако!».

— Я знаю, графъ, что я не могу расчитывать ни на что большое, но я бы довольствовался самымъ малымъ, лишь бы начать, а тамъ, въ дальнѣйшемъ уже, моимъ прилежаніемъ и, можетъ быть, и выдвинусь немного.

Графъ молчалъ.

Андрей Андреевичъ снова оборвался. Но, помолчавъ, онъ началъ опять:

— Кромѣ того, я желалъ бы получить нѣсколько уроковъ въ хорошихъ домахъ, тоже по моей спеціальности, т. е. по иностраннымъ языкамъ.

— Въ хорошихъ домахъ?—переспросилъ графъ и въ голосѣ его прозвучала едва замѣтная иронія.

— Да, графъ, потому что такимъ путемъ лучше всего завязываются знакомства, столь необходимыя, чтобъ сдѣлать приличную карьеру.

— А ты хочешь сдѣлать карьеру?—съ тою же ироніей переспросилъ графъ.

— О, да, конечно!—съ наивной восторженностью проговорилъ Трейманъ.

Графъ опять пріостановился, посмотрѣлъ на него и улыбнулся.

— Вотъ какъ?—протянулъ онъ.—Гм!.. это хорошо. Какую же карьеру хочешь дѣлать ты?—спросилъ онъ, шагая дальше.

— Время покажетъ. Но я думаю, лучше бы всего—дипломатическую.

— Excusez du peu!—улыбнулся графъ.—Гм!.. у тебя губа не дура!—продолжалъ онъ.—Можетъ быть, мечтаешь со временемъ сдѣлаться канцлеромъ Россійской имперіи?

— Что-жъ, я не откажусь и отъ канцлера,—улыбаясь, въ свою очередь, почтительно пошутилъ Трейманъ.

Но, видя, что графъ не смѣется больше, поторопился принять серьезный видъ.

Нѣсколько минутъ они шли молча.

— Вотъ видишь-ли,—заговорилъ графъ,—въ память твоей матери я сдѣлаю для тебя все, что могу, но не расчитывай на многое, а главное нигдѣ и никогда не вздумай заикнуться, что ты пользуешься моей протекціей. Этого я не люблю! Понимаешь?

— Помилуйте, графъ, я никогда и нигдѣ, до сихъ поръ, ни одной душѣ...

— Ну, и отлично, — перебилъ его графъ, направляясь обратно къ террасѣ.—Ты сегодня у меня завтракаешь, а пока напьемся кофе.

Кофе уже былъ сервированъ на террасѣ. Графъ подсѣлъ къ столу и самъ налилъ двѣ чашки.

— Моя семья за границей,—сказалъ онъ,—такъ что я на холостомъ положеніи. Бери самъ себѣ все, что хочешь и не жди угощенія.

На столѣ стоялъ холодный ростбифъ, ветчина, яйца въ смятку, сыръ и масло.

Графъ закусывалъ основательно, но Андрей Андреевичъ пилъ только кофе.

— Ѣшь,—сказалъ графъ, видя, что тотъ стѣсняется.

Андрей Андреевичъ поблагодарилъ и взялъ кусочекъ ветчины.

— А сколько лѣтъ я тебя не видалъ?

— Два года, графъ, съ самыхъ похоронъ...

— Да, да... И сколько теперь тебѣ лѣтъ?

— Двадцать четвертый, графъ.

— Ты кончилъ коллежъ?

— Да. И три года въ университетѣ, въ Лозаннѣ...

— Ага!.. Кого видѣлъ за границей?

— Я имѣлъ честь познакомиться съ Петромъ Ивановичемъ Ахматовымъ и его супругой.

— Гдѣ?

— Въ Montreux, графъ.

— Что это они тамъ?

— Изъ-за дочери. Она лечится виноградомъ.

— Такъ. Какъ здоровье Петра Ивановича? Про Эльгу, т. е. Ольгу Александровну я не спрашиваю: она, навѣрное, цвѣтетъ.

— Петръ Ивановичъ тоже совершенно здоровъ... Потомъ, я познакомился съ генералъ-лейтенантомъ Пантусовымъ, Никодимомъ Павловичемъ.

— Ага!.. Этотъ уже здѣсь. Вчера говорилъ со мной по телефону. Сегодня ты его встрѣтишь за завтракомъ.

— Потомъ еще...

Но графъ, въ это время, уже всталъ и, тщательно вытерѣвъ свои большіе, навислые усы, бросилъ салфетку на столъ.

— Ну, вотъ что,—обратился онъ къ поднявшемуся тоже Трейману,—я сейчасъ буду работать. Ты можешь отправиться погулять по Петергофу. Завтракъ ровно въ половинѣ второго.

На порогѣ террасы появился камердинеръ графа, уже во фракѣ.

— Антонъ Степановичъ пріѣхали,—въ полголоса доложилъ онъ.

Графъ кивнулъ Трейману головой и пошелъ во внутреннія комнаты. А камердинеръ проводилъ Треймана до прихожей, гдѣ швейцаръ подалъ ему его легкое пальто. И Андрей Андреевичъ пошелъ осматривать Петергофъ, въ которомъ никогда еще не бывалъ.

VI.

Графъ Федоръ Эдуардовичъ Раабе-фонъ-Блазевицъ занималъ большой государственный постъ и считался однимъ изъ талантливыхъ и смѣлыхъ администраторовъ.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, онъ—еще будучи на службѣ въ Москвѣ—молодымъ и холостымъ человѣкомъ, познакомился съ молоденькой и очень пикантной вдовушкой, Александринъ Трейманъ, русской по происхожденію, но почти еще ребенкомъ вышедшей замужъ за комиссіонера Генриха-Готлиба Треймана, увезшаго ее за границу и тамъ не столько онѣмечившаго, сколь объевропеившаго молодую женщину до того, что она даже плохо стала говорить по-русски, и затѣмъ умершаго гдѣ-то въ Ліежѣ отъ тифа.

Молоденькая вдова осталась съ трехлѣтнимъ сыномъ и очень маленькими средствами. Она вернулась къ себѣ на родину въ Москву и стала хлопотать о возведеніи своего сына въ дворян-

ское достоинство, на которое онъ имѣлъ какія-то права, по какимъ-то, отысканнымъ вдовою Трейманъ, документамъ.

Въ Москвѣ ее направили прямо къ графу Раабе-фонъ-Блазевицу и тогда уже занимавшему довольно видное мѣсто.

Графъ не только выхлопоталъ трехлѣтнему сыну госпожи Трейманъ дворянское достоинство, но и увлекся самой вдовушкой настолько сильно, что вступилъ съ нею почти въ открытую связь.

Такъ длилось около десяти лѣтъ. Графъ Раабе давно служилъ въ Петербургѣ и быстрыми, вѣрными шагами шелъ въ гору. И дошелъ до того мѣста, гдѣ каждому администратору необходимо уже быть женатымъ.

И графъ женился, и притомъ очень удачно на молодой, еще красивой и родовитой вдовѣ съ двумя дѣтьми. И, такимъ образомъ, безъ всякихъ хлопотъ сразу пріобрѣлъ солидное семейное положеніе, еще болѣе облегчавшее ему движеніе впередъ и вверхъ по административной лѣстницѣ.

Но, благодаря женитьбѣ, пришлось оборвать связь съ Александринъ Трейманъ, и графъ сдѣлалъ это, какъ настоящій «джентльменъ», т. е. предложилъ вдовушкѣ съ сыномъ—тогда уже тринадцатилѣтнимъ—перебраться за границу, а именно въ Швейцарію, чтобы продолжать образованіе Андрюши.

Щедрою рукой поддерживалъ онъ свою прежнюю «связь» и даже изрѣдка видѣлся съ ней при своихъ поѣздкахъ на Западъ.

Вдова, помѣстивъ сына въ какое-то учебное заведеніе въ Лозаннѣ, чтобы заполнить оставшееся у нея свободное время, частенько дѣлала «вылазки» то въ Парижъ, то въ Монте-Карло. Андрюша же оставался подъ присмотромъ одного русскаго семейства, жившаго постоянно въ Лозаннѣ и наблюдавшаго, главнымъ образомъ, за тѣмъ, чтобъ мальчикъ не позабылъ родного языка. На этомъ всегда настаивалъ графъ Раабе.

Веселый образъ жизни, который вела Александринъ Трейманъ, быстро расшаталъ ея здоровье, и два года тому назадъ она неожиданно скончалась въ Montreux. отъ паралича сердца.

Графъ, бывшій въ это время гдѣ-то неподалеку на водахъ, пріѣхалъ отдать послѣдній долгъ женщинѣ, съ которой онъ какъ-ни-какъ, а прожилъ десять лѣтъ.

Похоронивъ мать, онъ сказалъ сыну:

— Андрюша! Въ память ея я назначаю тебѣ пожизненную пенсію—тысячу двѣсти рублей въ годъ. И затѣмъ—punctum. Ничего болѣе ты отъ меня не жди. Живи, гдѣ знаешь и какъ хочешь. Но рекомендую тебѣ быть порядочнымъ человѣкомъ, чтобы не потерять мое расположеніе и поддержку.

Андрюша поцѣловалъ у графа руку и остался въ Лозаннѣ, чтобы закончить свое образованіе.

И вотъ теперь, черезъ два года, онъ предсталъ передъ очами своего покровителя уже въ Россіи, куда пріѣхалъ съ твердымъ и непоколебимымъ намѣреніемъ сдѣлать и свою карьеру.

«Среди русскихъ,—говорилъ онъ самъ себѣ,—такъ мало корректныхъ и трудолюбивыхъ людей, что выдѣлиться между ними врядъ-ли будетъ особенно затруднительно».

VII.

Ровно въ половинѣ второго Андрей Андреевичъ Трейманъ былъ уже опять на дачѣ графа Раабе.

На террасѣ, гдѣ теперь былъ сервированъ завтракъ, графъ Раабе разговаривалъ съ какимъ-то господиномъ, очень неопредѣленнаго возраста и очень странной наружности. Ему можно было дать и тридцать, и пятьдесятъ лѣтъ. Но вѣрнѣе казалось первое, а преждевременная старообразность происходила, вѣроятно, отъ крайней нервности этого человѣка.

Его некрасивое, но очень выразительное лицо, то и дѣло передергивалось какимъ-то «тикомъ», причемъ слегка, почти едва замѣтно, вздрагивала и вся голова, преждевременно не то, что лысая, а какъ-то облѣзлая и не съ сѣдыми, а скорѣе сѣрыми остатками волосъ на ней. Усы и бороду онъ брилъ, и его открытый, тонкій ротъ то и дѣло изгибался въ нервную и очень умную улыбку. Большіе, выпуклые, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли тоже крайне умно и даже проницательно, что бываетъ рѣдко именно съ выпуклыми глазами.

Средняго роста, сухощавый, ловкій какъ-то по обезьяньи, и, несмотря на всю эту подвижность, онъ обладалъ прекрасными, что называется, «свѣтскими» манерами. Держалъ онъ себя и говорилъ съ графомъ безъ малѣйшихъ признаковъ подобострастія, но и безъ фамильярности. И графъ говорилъ съ нимъ не какъ со своимъ подчиненнымъ, а какъ съ человѣкомъ, котораго онъ, дѣйствительно, уважаетъ, — просто, почти интимно. Было замѣтно, что они понимали другъ друга съ полслова и вполнѣ единомыслили.

— А, Андрюша!—сказалъ графъ и представилъ Треймана своему собесѣднику, назвавъ его «Антономъ Степановичемъ».

— Арташевскій,—добавилъ тотъ, протягивая руку Андрею Андреевичу.

Въ это время во внутреннихъ комнатахъ раздались торопливые и грузные шаги и легкое позвякиванье шпоръ.

— Ну, вотъ и Никодимъ Павловичъ,—сказалъ графъ, поворачиваясь навстрѣчу входившему на террасу высокому и плотному генералу.

— Не опоздалъ, надѣюсь?—заговорилъ тотъ хриплымъ басомъ, видимо стараясь сдерживать его могучіе раскаты.

— Нѣтъ, не опоздали,—отвѣтилъ графъ, протягивая генералу руку, который сгребъ ее въ свои ладони и покачалъ нѣсколько разъ въ воздухѣ.

Также основательно пожалъ онъ руку и Арташевскому, потомъ, взглянувъ на Треймана, громко воскликнулъ:

— Ба! Кого я вижу! Андрей Андреевичъ! «Карета скорой помощи!».

И, покачавъ руку Треймана, добавилъ:

— А вамъ поклоны изъ Montreux! Я послѣ васъ черезъ три дня уѣхалъ.

— Что значитъ «карета скорой помощи?»—спросилъ графъ, отодвигая свой стулъ возлѣ стола и приглашая жестомъ всѣхъ садиться.

— А это мы его такъ тамъ прозвали,—началъ объяснять генералъ Пантусовъ, закладывая салфетку за воротникъ кителя.

— Карета скорой помощи?—повторилъ графъ.

— Да, да! За его предупредительность и необычайную готовность всѣмъ помочь. Стоитъ только, бывало, кому-нибудь—особенно дамамъ,—что-нибудь пожелать, уже Андрей Андреевичъ —тукъ какъ тутъ, и моментально все исполнено.

— Во всякомъ случаѣ, это не русская карета скорой помоши,—замѣтилъ, подергивая лѣвой щекой, Арташевскій.

Генералъ Пантусовъ расхохотался и почти запѣлъ:

— Да, да! Nous arrivons toujours trop tard!

И потомъ, повернувшись къ графу, участливо спросилъ:

— Ну, что, какъ здоровье, ваше сіятельство?

— А что-жъ мое здоровье? Ничего. Надо было бы съѣздить немножко подмазаться, да нельзя—работы много. Пью здѣсь свой Киссингенъ.

— А семейство?

— Семейство—за границей.

— Нѣтъ, а князь-то, князь-то Лоскутовъ, — зарокоталъ вдругъ Пантусовъ,—вы читали? Статеичку-съ?

— Читалъ,—отвѣтилъ графъ.

— Такъ, вѣдь, это же его рукъ дѣло!

— Ну, почему вы такъ думаете?

— А какъ же-съ? Дорожку себѣ расчищаетъ. Всѣмъ намъ на шею сѣсть думаетъ!

— Полноте! — слегка махнувъ рукой, тихо заговорилъ графъ.—Ничего онъ не расчищаетъ и ничего онъ не думаетъ. И думаютъ, и расчищаютъ за него другіе. Они возлагаютъ на него надежды и—кто знаетъ—можетъ быть, онъ оправдаетъ ихъ...

— Ну, нѣтъ, ужъ позвольте-съ,—зарокоталъ опять Пантусовъ своимъ громоподобнымъ голосомъ.—На князя Лоскутова я не согласенъ! Помилуйте, и безъ того мы въ тупикъ уперлись съ почтеннымъ Петромъ Ивановичемъ, а этотъ насъ прямо на заборъ повѣситъ!

— Зачѣмъ такъ мрачно?—улыбнулся графъ.

Но Пантусовъ не унимался. Его басъ гремѣлъ по всему саду. Онъ махалъ руками, ронялъ то вилку, то ножикъ, пролилъ вино, просыпалъ соль, покраснѣлъ до корней волосъ, разнося порядки и политику Петра Ивановича Ахматова.

Графъ непріятно морщился, впрочемъ, стараясь скрыть это подъ улыбкой. Но, въ концѣ концовъ, сказалъ:

— Я думалъ, что вы, отдохнувъ за границей, будете помягче, а вы вернулись все такой же.

— Да я тамъ и былъ помягче, а какъ вернулся домой, какъ окунулся въ нашу «сущность»,—это адъ! Настоящій адъ!— Ну, и поднялось все сызнова. Нѣтъ-съ! Такой режимъ невозможенъ! Перемѣна необходима!

— Зачѣмъ мѣнять режимъ?—негромко, но съ явной ироніей въ голосѣ, заговорилъ Арташевскій.—Мѣнять режимъ—это такъ сложно и трудно. Есть другое средство...

— Какое же?—вскинулся на него Пантусовъ.

— Перемѣните, ваше превосходительство, свою газету. Читайте другія, довольныя существующимъ порядкомъ и вы ясно увидите, что мы живемъ въ раю.

Пантусовъ широко раскрылъ глаза, стараясь понять смыслъ остроты, но, замѣтивъ, что графъ весело и одобрительно улыбается, самъ расхохотался громкимъ, раскатистымъ смѣхомъ.

— А, вѣдь, дѣйствительно, эти газеты, чортъ бы ихъ побралъ! — поперхнувшись и откашливаясь, говорилъ онъ,— ужасно сбиваютъ съ толку и разстраиваютъ. Я думаю, что лучше всего—никакихъ не читать.

— Да, да, лучше всего никакихъ не читать,—уже весело смѣясь, говорилъ и графъ.

Андрей Андреевичъ Трейманъ тоже позволилъ себѣ улыбнуться.

Онъ, между прочимъ, замѣтилъ, что генералъ Пантусовъ, державшій себя такъ величественно въ Montreux, здѣсь играетъ роль какого-то шута. Арташевскій нѣсколько разъ позволялъ себѣ болѣе или менѣе ѣдкія остроты на его счетъ, и всѣ онѣ

встрѣчались одобрительной улыбкой со стороны графа. Впрочемъ, громоподобный, но добродушный генералъ самъ, кажется, былъ непрочь подтрунить надъ собою. Но, когда Трейманъ не сдержался и при какомъ-то, сказанномъ Арташевскимъ насчетъ генерала остроумномъ mot, позволилъ себѣ фыркнуть, графъ строго посмотрѣлъ на него: «всякъ, дескать, сверчокъ, знай свой шестокъ».

Послѣ завтрака Арташевскій откланялся и сталъ собираться въ Петербургъ.

Трейманъ понялъ, что и ему здѣсь больше дѣлать нечего, тѣмъ болѣе, что графъ прямо сказалъ:

— Антонъ Степановичъ, подвезите и его!

— Часто не зову, но иногда—заглядывай. Сдѣлаю, что могу, но старайся и самъ,—коротко напутствовалъ графъ своего воспитанника.

У подъѣзда дачи ихъ ждалъ экипажъ графа.

— Садитесь,—сказалъ Арташевскій Андрею Андреевичу, какъ бы беря его подъ свое покровительство.

Въ вагонѣ они тоже ѣхали вмѣстѣ, въ маленькомъ купэ перваго класса: Андрей Андреевичъ взялъ дополнительный билетъ.

Какъ ни ловокъ былъ Трейманъ все разспрашивать и развѣдывать у своихъ собесѣдниковъ, но на этотъ разъ онъ прямотаки спасовалъ: Арташевскій говорилъ много,—Трейманъ подавалъ только реплики, но въ результатѣ оказалось, что онъ объ Арташевскомъ узналъ только одно: а именно, его адресъ и то, что для пріема знакомыхъ у него назначенъ очень странный часъ, —т. е. одиннадцать часовъ ночи.

О Трейманѣ же Арташевскій разузналъ все, что только было ему нужно. Мало того, Андрею Андреевичу показалось, что нѣкоторыя интимныя стороны его жизни Арташевскому были уже извѣстны.

«Кто же могъ ему это сообщить?»—ломалъ голову Андрей Андреевичъ и, по всѣмъ соображеніямъ,—никто, кромѣ самого графа, это сдѣлать не могъ.

И это соображеніе невольно дѣлало Треймана искреннѣе въ разговорѣ съ Арташевскимъ.

— Уроки—хорошая вещь,—говорилъ тотъ, передергивая губами и какъ-то подмигивая лѣвымъ глазомъ.—Черезъ нихъ заводятся и нужныя знакомства и, даже—интимныя отношенія. Но я вамъ хочу рекомендовать еще одинъ заработокъ, который можетъ вамъ сильно пригодиться, именно, въ будущемъ. Мнѣ графъ говорилъ, что вы прекрасно владѣете иностранными языками?

— Да,—подтвердилъ Трейманъ.

— Такъ вотъ, видите-ли, постарайтесь устроиться въ какой-нибудь газетѣ по иностранному отдѣлу.

— Но я совсѣмъ незнакомъ съ этой работой.

— Выучитесь. Не боги горшки обжигаютъ. Да, вѣдь, и дѣло не мудреное. Соображаясь съ направленіемъ газеты, вы будете изъ иностранныхъ журналовъ дѣлать небольшіе переводы. Вамъ тамъ уже укажутъ,—что и какъ.

— Но мнѣ кажется, попасть въ газету, особенно большую, чрезвычайно трудно.

— Объ этомъ ужъ мы позаботимся,—улыбнулся Арташевскій.—Вотъ что,—подумавъ немного, продолжалъ онъ,—денька черезъ три-четыре, зайдите вы по слѣдующему адресу: Басковъ пер., запишите!

Трейманъ вынулъ свою книжечку и тщательно записалъ подъ диктовку Арташевскаго:

«Иванъ Платоновичъ Козыревъ, Басковъ пер., д. №...» и т. д.

— Зайдите такъ къ двумъ часамъ и скажите, что вы отъ меня.

— Вы, можетъ быть, мнѣ дадите вашу карточку?

— Не нужно. Скажите только, что вы отъ Арташевскаго. Тамъ уже будутъ предупреждены. Будьте съ этимъ Козыревымъ совершенно откровенны и во всемъ слушайтесь его наставленій.

— Я не знаю, какъ и благодарить васъ...—началъ было Трейманъ.

Но Арташевскій остановилъ его, весело улыбаясь.

— Не нужно. Впослѣдствіи отблагодарите и не словами, а дѣломъ.

Въ Петербургѣ на вокзалѣ они разстались.

Изъ бесѣды съ Арташевскимъ Трейманъ вынесъ впечатлѣніе, что этотъ умный и тонкій человѣкъ принимаетъ въ немъ такое участіе несомнѣнно по указанію графа фонъ-Раабе. Это радовало его, льстило его самолюбію и даже окрыляло. И именно послѣ этого визита Андрей Андреевичъ рѣшился нанять квартиру и взять Дашеньку въ «домоправительницы».

VIII.

Черезъ четыре дня Андрей Андреевичъ Трейманъ звонилъ у двери, на которой была прибита визитная карточка: «Иванъ Платоновичъ Козыревъ, сотрудникъ газеты «Кругозоръ».

Ему отворили не скоро. Встрѣтила его какая-то женщина, не молодая уже, въ кружевномъ чепчикѣ и въ очкахъ.

— Иванъ Платоновичъ дома?—спросилъ Трейманъ.

— Дома,—отвѣтила женщина, стоя въ дверяхъ и не впуская его въ прихожую.—А вамъ что угодно?—пытливо разглядывая его, спросила она.

— Я къ нему по дѣлу...—сказалъ Трейманъ, но, видя, что это не производитъ никакого впечатлѣнія, поспѣшилъ добавить: —отъ Антона Степановича Арташевскаго.

Лицо женщины приняло сразу привѣтливое выраженіе и она, широко растворивъ дверь, сказала:

— Пожалуйте!

Андрей Андреевичъ снялъ пальто.

Его провели въ слѣдующую комнату и попросили подождать.

По окружавшей его обстановкѣ, Трейманъ никакъ не могъ опредѣлить, гдѣ онъ находится. Комната вся была заставлена какъ-то безтолково. Да и мебель была самая разноколиберная: рядомъ съ большой, до-нельзя протертой и даже мѣстами порванной отоманкой, несомнѣнно рыночнаго происхожденія, стоялъ изящный и дорогой столикъ «буль». Около окна находился большой акваріумъ, но безъ воды, и покрытый толстымъ, уже не снимаемымъ слоемъ пыли, а возлѣ него, на кухонной табуреткѣ, лежала высокая горка книгъ, видимо, только-что принесенная изъ магазина или отъ переплетчика.

Сквозь стекла книжнаго шкафа, дорогого «жакобъ», виднѣлись вороха старыхъ газетъ, перевязанныхъ веревочками. Въ углу стоялъ старый, дамскій письменный столикъ, весь заваленный листами корректуръ, а возлѣ него большое шведское конторское бюро, совсѣмъ новенькое, а на немъ—бутыль съ какой-то темно-бурой жидкостью.

Коверъ во весь полъ, до того ветхій, что мѣстами сквозь него проглядывалъ паркетъ; нѣсколько вѣнскихъ стульевъ, нѣсколько мягкихъ креселъ и пуфовъ, все это разнокалиберное, разноцѣнное, новое вперемежку съ совершенно истрепаннымъ, загромождали эту большую, несуразную комнату. Изъ нея вели четыре двери: одна въ переднюю, одна въ корридоръ, куда ушла впустившая Треймана женщина въ очкахъ, и двѣ—одна противъ другой—плотно закрытыя.

«Что это за странная комната?»—разсуждалъ Трейманъ, осматривая и не зная, куда бы присѣсть въ своемъ новенькомъ и изящномъ костюмѣ.—«Гостиная—не гостиная, кабинетъ—не кабинетъ, просто какой-то складъ случайной мебели».

Онъ посмотрѣлъ на стѣны. И тѣ ничего не могли объяснить ему: на нихъ висѣло нѣсколько картинъ и гравюръ, несомнѣнно дорогихъ, но въ сломанныхъ рамахъ и съ разбитыми стеклами.

А между ними, на мѣдныхъ крючкахъ, висѣли театральныя афиши, газеты и счета изъ магазиновъ.

Трейманъ пожалъ плечами и рѣшилъ дожидаться стоя.

Но ждать ему пришлось не долго. Скоро за одной изъ дверей раздался громкій и хриплый кашель и она открылась.

Высокій плотный мужчина, лѣтъ сорока, съ большой, кудлатой головой, съ безформеннымъ и сильно помятымъ лицомъ, вошелъ въ комнату, шлепая войлочными сѣрыми туфлями. Изъ-подъ поношеннаго лѣтняго пальто, надѣтаго на его широкія плечи, виднѣлась не первой свѣжести ночная рубашка, а ноги его облекали старенькіе, черные брюки, сильно пузырившіяся на колѣняхъ.

— Здравствуйте,—прохрипѣлъ онъ, протягивая большую, поросшую волосами, руку.—Вы—Трейманъ? Андрей Андреевичъ?

— Да. Я—Трейманъ. Къ вамъ, по указанію Антона Степановича...

— Знаю,—прохрипѣлъ Козыревъ, не нашедшій даже нужнымъ назвать свою фамилію.—Пойдемте завтракать. Я въ этотъ часъ всегда...

И онъ отворилъ дверь и прошелъ въ нее первый.

Слѣдующая комната была несомнѣнно столовая. Объ этомъ ясно свидѣтельствовалъ и большой буфетъ, съ плохо закрывавшимися дверцами, и тоже большой обѣденный столъ съ дорогой электрической люстрой, висѣвшей надъ нимъ. Хотя и въ этой комнатѣ было не безъ странностей: тоже какія-то несообразныя козетки и пуфы, заваленныя старыми газетами и корректурными листами.

Но столъ былъ сервированъ очень недурно. И скатерть, и салфетки были чистыя. Посуда, хотя и разнокалиберная, но не битая и хорошо протертая. Но что больше всего удивило Треймана, это обиліе разныхъ бутылокъ съ виномъ и флаконовъ со всевозможными соями.

Столъ былъ накрытъ на два прибора.

Козыревъ сѣлъ къ одному изъ нихъ и, указывая на другой, сказалъ Трейману:

— Пожалуйста!

Потомъ вдругъ, повернувъ голову куда-то назадъ, закричалъ во все горло:

— Матильда Ивановна! Давайте завтракать!

Потомъ опять, повернувшись къ Трейману, коротко спросилъ:

— Водку пьете?

— Нѣтъ,—извинился Трейманъ.

— Жаль! Закуска хорошая.

Дѣйствительно, разставленная на столѣ закуска могла бы пробудить аппетитъ хоть у кого: тутъ былъ и янтарный осетровый балыкъ, и мѣшечная паюсная икра, и жирная анчоусная селедка, и фаршированныя оливки, и сардинки въ стеклянной коробкѣ съ большими кусками трюфелей, и великолѣпный салатъ изъ помидоровъ, и рѣдька тоненькими ломтиками, и чего только тутъ не было. Стояло также нѣсколько сортовъ сыра.

«Неужели это онъ для меня приготовилъ?» — удивился Андрей Андреевичъ, глядя, какъ хозяинъ наливаетъ себѣ большую серебряную чарку водки.

— Вы хоть бы рябиновки или листовки выпили,—предложилъ онъ гостю.

Трейманъ налилъ себѣ рюмку рябиновки.

— Матильда Ивановна!—крикнулъ опять во все горло Козыревъ, несмотря на то, что груша электрическаго звонка висѣла прямо передъ нимъ.

— Иду!—раздался женскій голосъ возлѣ двери.

И въ столовую вошла пожилая женщина въ чепцѣ и въ очкахъ и, на этотъ разъ, уже въ бѣломъ передникѣ. Въ рукахъ у нея было два никелевыхъ сотейника.

— Что сегодня на закуску?—спросилъ Козыревъ.

— Равіоли и почки въ мадерѣ,—сказала Матильда Ивановна и, поставивъ сотейники, опять вышла изъ столовой.

— Ну, вотъ и еще закуска подоспѣла,—крякнулъ Козыревъ, наливая себѣ вторую чарку.—А вы?—спросилъ онъ Треймана.

— Я, благодарю васъ, я такъ много не могу.

— Ну, такъ закусывайте!

И почки въ мадерѣ, и равіоли были приготовлены великолѣпно.

«Не можетъ быть, чтобъ для меня»,—соображалъ Трейманъ.—«Вѣдь, онъ же не зналъ, что я сегодня буду. Такъ неужели же онъ каждый день такъ ѣстъ?».

Выпивъ и третью чарку и основательно закусивъ, Козыревъ опять хотѣлъ было крикнуть: «Матильда Ивановна», но, словно сообразивъ, поднялъ свою мохнатую руку и надавилъ кнопку звонка.

Вошла Матильда Ивановна и поставила на столъ блюдо съ филейчиками изъ ершей подъ нормандскимъ соусомъ.

Лицо Козырева какъ-то пріятно залоснилось и повеселѣло.

— Пейте вино!—сказалъ онъ Трейману.—Вотъ тутъ недурной рейнвейнъ, а я еще пока выпью мадеры.

И онъ налилъ себѣ довольно объемистый стаканчикъ.

— Какой у васъ прекрасный поваръ,—заговорилъ Трейманъ, смакуя ершей.

— Нѣтъ, у меня не поваръ. У меня вотъ эта Матильда Ивановна всѣмъ орудуетъ. Она моя кулинарша. И я ее ни на какого повара не промѣняю. Да, батенька,—продолжалъ онъ, отхлебывая мадеру,—хорошій столъ, да хорошее вино—были бы единственнымъ настоящимъ наслажденіемъ въ жизни, если бы не было еще хорошенькихъ женщинъ.

И Козыревъ весело расхохотался. Голосъ его, еще такъ недавно хриплый, теперь уже звучалъ громко и чисто. Глаза смотрѣли весело, сѣрое лицо зарумянилось.

— А остальное въ жизни—все пустяки, потому что все условно. А это вотъ—безусловно. Безусловно, какъ палка: ударили васъ по спинѣ палкой и вамъ больно, какъ бы вы тамъ ни разсуждали, а больно, и ничего не подѣлаешь! А вотъ—выпили вы стаканъ хорошей мадеры и вамъ пріятно, не взирая ни на какую мораль. Пріятно—и дѣло съ концомъ. А тамъ это нравственно или безнравственно—вопросъ другой. Вѣрно только одно: палка—больно, а мадера—пріятно. Что вы лѣниво пьете?

И онъ самъ подлилъ Трейману въ стаканъ рейнвейну.

Ершей смѣнило блюдо съ «мотенъ-чопсами», съ салатомъ роменъ.

Козыревъ сталъ понемногу заводить разговоръ. Узнавъ, что Трейманъ только-что изъ Швейцаріи, онъ, видимо, обрадовался.

— А! Изъ Гельвеціи, значитъ!—говорилъ онъ, наливая Трейману и себѣ букетистый «ла-розъ».—Хорошія воспоминанія у меня связаны съ этой страной. Долго я тамъ жилъ. Всю Швейцарію, можно сказать, пѣшкомъ исходилъ. И дружковъ у меня тамъ осталось еще много! Только врядъ-ли вы кого-нибудь знаете? Вы, навѣрное, въ томъ обществѣ не вращались.

— Я вращался въ самыхъ разнообразныхъ слояхъ общества,—похвастался Трейманъ.

— Ну? И нашихъ «каружцевъ» знаете?

— Я не совсѣмъ понимаю. Вы хотите сказать...

— Женеву знаете?

— Знаю.

— И «Каружъ» знаете?

— И «Каружъ» знаю.

— Ну, такъ вотъ, дружки-то мои большею частью все тамъ ютились.

— А! Понимаю, про кого вы говорите!—отвѣтилъ Трейманъ, хотя и съ улыбкой, но въ душѣ опасливо настораживаясь.—

Это правда, въ томъ обществѣ я не вращался, хотя кое-кого изъ нихъ и встрѣчалъ.

— Напрасно, что не вращались. Хорошій, честный народъ, хотя, по совѣсти сказать, дураки большіе,—говорилъ Козыревъ, прихлебывая вино и замѣтно хмелѣя.—Честный народъ! А—дураки! Понимаете, настоящаго savoir vivre у нихъ нѣтъ!

— Идеалисты,—осторожно подсказалъ Трейманъ.

— Хуже, голубчикъ, хуже!.. Я самъ идеалистъ. Я неисправимый идеалистъ до мозга костей,—говорилъ Козыревъ, похлопывая рукой по столу.—Но это мнѣ нисколько не мѣшаетъ жить. Нисколько! Я—идеалистъ, а знаю, гдѣ раки зимуютъ... Хотите коньяку?

И не дожидаясь отвѣта, онъ налилъ Трейману рюмку душистаго финь-шампань.

Матильда Ивановна къ этому времени подала уже кофе.

— А они что? Возьмите хоть Вареньку Бѣлопольскую! Развѣ это человѣкъ? Это—небо, сошедшее на землю! А, между тѣмъ, въ Цюрихѣ дальше «Blaue Fahne» ни одного ресторана не знала... И высшимъ лакомствомъ для нея было—нѣмецкіе «нудели»... Чортъ знаетъ, что такое! Вспомнишь, такъ тошнитъ!.. Или Константина, напримѣръ... Костю... Вѣдь до голоднаго тифа достукался и не потому, что негдѣ было ѣсть... ну, пришелъ бы ко мнѣ, у меня бы всегда кусокъ нашелся, а потому что—некогда!.. Понимаете, некогда было подумать объ обѣдѣ! Вѣдь, это ужъ виртуозность!.. Хорошъ коньякъ?

— Очень.

— И Козыревъ налилъ Трейману новую рюмку.

— А братья Корневичъ... погибали одинъ за другимъ: двое застрѣлились, одинъ умеръ на каторгѣ... А какіе люди! Какіе люди! Вотъ ужъ именно про кого сказано:

Сіялъ полуночной лампадой
Передъ святыней алтаря...

или что-то вродѣ этого... А, вѣдь, гибнутъ! Гибнутъ не за понюшку табаку. А все потому, что нѣтъ у нихъ штандпункта... понимаете, базы нѣтъ, базы! Исходной точки... Почему я спасся? Почему я живу и благодушествую? И пью вотъ такой коньякъ? Четырнадцать рублей бутылочка, голубчикъ!

— Ого!—удивился Трейманъ.

— Да-съ! Вотъ вамъ и «ого»! А почему? А потому, что у меня есть штандпунктъ! Потому, что я «опредѣлился» и краеугольнымъ камнемъ всей моей философіи поставилъ мое собственное «я»! Понимаете,—«я»! Чего я хочу? Я хочу, чтобы всѣмъ было хорошо, значитъ, въ томъ числѣ и мнѣ. И даже мнѣ

—въ первую голову. Вотъ я для себя и стараюсь. Стараюсь и думаю: когда каждый будетъ такъ стараться для себя всѣмъ будетъ хорошо. Ну, и пусть, черти, стараются! Не правда-ли?

И Козыревъ вдругъ весело расхохотался, какъ будто надъ собственными своими словами.

Разсмѣялся и Трейманъ.

— Правильно, вѣдь?

— Правильно,—отвѣтилъ Андрей Андреевичъ, въ глубинѣ души вполнѣ сочувствуя такой философіи.

— Вотъ то-то и есть! А Васька Лагутинъ говоритъ...

— Лагутина я знаю,—сорвалось у Треймана.

Въ глазкахъ Козырева мелькнулъ при этомъ какой-то хитрый огонекъ.

— Знаете?—обрадовался онъ.—Васю Лагутина? Васюка? Великолѣпно! Милѣйшій человѣкъ! И даже не человѣкъ, а прямо-таки—эпопей. Я его такъ «эпопеемъ» и звалъ: «Эпопей Ивановичъ»... Такъ вы его знаете?

— Немного,—отступилъ Трейманъ.

— Поди, и Шуриньку, предметъ его души, тоже знаете?

— Тоже очень немного.

— Гдѣ они теперь?—глядя прямо въ упоръ на Треймана, спросилъ Козыревъ.

— Кажется, въ Швейцаріи,—нерѣшительно отвѣтилъ тотъ.

— Знаю, что въ Швейцаріи, да гдѣ именно?

— Въ Веве.

— Да что это, миленькій, вы, кажется, меня боитесь?

И Козыревъ опять весело расхохотался.

Трейманъ чувствовалъ, что онъ покраснѣлъ до корня волосъ.

— Что вы, какъ можно? Почему?—замялся онъ.

— Да ужъ вижу, что боитесь! Такъ успокойтесь, голубчикъ! Вамъ меня бояться нечего.

И Козыревъ какъ-то особенно подчеркнулъ слово «вамъ».

— Вы не изъ тѣхъ, которые боятся, но и не изъ тѣхъ еще, которыхъ боятся... А, между тѣмъ...

Козыревъ вдругъ оборвался.

Онъ выпилъ залпомъ рюмку коньяку, всталъ и прошелся раза два по столовой. Трейманъ сидѣлъ, какъ-то весь съежившись. Онъ вдругъ ясно, ясно понялъ, что вотъ здѣсь именно—вся его судьба, что сейчасъ, въ зависимости отъ него и отъ этого коренастаго лохматаго человѣка, сложится вся его дальнѣйшая карьера.

Слегка дрожащей рукой, онъ самъ потянулся къ бутылкѣ и налилъ себѣ рюмку коньяку. Какая-то дымка застилала ему

глаза. И сквозь эту дымку онъ видѣлъ только большую голову Козырева, смотрѣвшаго на него откуда-то изъ угла столовой.

— Я не хочу бояться,—началъ вдругъ Трейманъ,—и не стану никогда бояться.

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, голосъ его крѣпъ.

— Я вполнѣ раздѣляю вашу философію и лично васъ... уважаю.

Послѣднее слово онъ выговорилъ не то, чтобы съ трудомъ, а какъ бы подыскивая, нельзя-ли его замѣнить какимъ-нибудь другимъ словомъ, еще болѣе опредѣленнымъ. И пелена передъ глазами Андрея Андреевича сразу разсѣялась. И теперь онъ все ясно видѣлъ и слышалъ.

Онъ ясно видѣлъ, какъ къ нему подошелъ Козыревъ и, положивъ ему на плечо свою большую и мохнатую руку, почти добродушно улыбнулся. Онъ ясно слышалъ, какъ тотъ тихимъ и спокойнымъ голосомъ проговорилъ:

— И отлично.

И потомъ, вдругъ, взглянувъ на висѣвшіе на стѣнѣ часы и мѣняя тонъ, онъ сказалъ:

— Ну, вотъ что: теперь мнѣ уже некогда. Мнѣ надо ѣхать въ редакцію. Зайдите-ка, голубчикъ, завтра вечеромъ и мы съ вами окончательно сговоримся.

Козыревъ былъ совершенно трезвъ. Всякіе признаки хмеля съ него словно рукой сняло.

Андрей Андреевичъ же, поднявшись изъ-за стола, чувствовалъ, что у него слегка подгибаются ноги и кружится голова. У него не было еще привычки пить такъ много.

IX.

Трейманъ отъ Козырева шелъ пѣшкомъ. Онъ смотрѣлъ на прохожихъ, на проѣзжавшихъ извозчиковъ, но почти ничего не видалъ. Никогда еще мысли такъ быстро и такъ безпорядочно не суетились въ его головѣ. И это раздражало его. И онъ сердился.

Хмель на воздухѣ проходилъ. Только оставалось какое-то неловкое чувство въ вискахъ, словно ихъ кто-то сдавливалъ ладонью. Трейману хотѣлось думать, хотѣлось «обдумать» все, только что происшедшее, взвѣсить все, распредѣлить по рубрикамъ и сдѣлать общій выводъ. Но это ему не удавалось: «рубрики» путались, мысли заскакивали одна за другую и никакого вывода не оказывалось.

Но чѣмъ дальше шелъ Трейманъ, одно чувство становилось для него все яснѣе и яснѣе, а именно—чувство какой-то злобы, накипавшей и противъ Козырева, и противъ Арташевскаго, и даже

противъ самого графа фонъ-Раабе. Но почему онъ злился на нихъ, въ этомъ онъ не могъ отдать себѣ отчета.

«Какъ мячикъ въ ихъ рукахъ»,—говорилъ онъ самъ себѣ.—«Бросятъ туда, бросятъ сюда, а я и полечу! Я не хочу летать, какъ мячикъ, я хочу плыть, какъ Luft-ballon»...»

Что должно было означать это сравненіе себя съ мячикомъ и Luft-ballon'омъ,—Андрей Андреевичъ самъ хорошенько не понималъ. А только что онъ собирался себѣ это выяснить, какъ его мысль соскакивала уже совсѣмъ на другое.

Передъ его глазами вертѣлся маленькій столикъ «буль» и бараньи «чопсы».

«Это свинство такъ жить»,—говорилъ онъ самъ себѣ:—«въ грязи, въ пыли, въ безпорядкѣ и при этомъ пить четырнадцатирублевый коньякъ! Это русскіе только могутъ такъ»...

Нѣтъ, онъ такъ жить не будетъ. Онъ, прежде всего, заведетъ себѣ пару прекрасныхъ рыжихъ лошадей съ короткими хвостами, а на сбруѣ будутъ его вензеля: Н. Т.—по-нѣмецки, или—А. Т.—по-русски... это все равно... Это зависитъ отъ направленія, которое будетъ... «Нужно только перемѣнить газету»,—вспомнилъ онъ остроту Арташевскаго и беззвучно разсмѣялся.

А затѣмъ, у него будетъ зимній садъ, какой онъ видѣлъ на одной изъ виллъ въ Ниццѣ. Тамъ будутъ пальмы и фонарики... Готовить у него будетъ поваръ. Изъ русскихъ блюдъ онъ допускаетъ только одно—это маленькіе пирожки къ супу, совсѣмъ маленькіе и обсыпанные сверху толчеными сухарями...

А затѣмъ, его мысль опять возвращалась къ Козыреву, къ его войлочнымъ туфлямъ и ночной рубашкѣ, разстегнутой на горлѣ... Какое свинство!..

«Эпопей»!.. Кто это сказалъ: «эпопей»? Ахъ, да! Это онъ—про Лагутина... Это—mot... Надо его записать...

И Трейманъ хотѣлъ остановиться и вынуть записную книжку, но раздумалъ и пошелъ дальше.

«Главное, чтобы все было чисто и опрятно»...—выскакивала у него въ головѣ новая мысль.—«И кабинетъ большой, а жена... высокаго роста... У маленькихъ женщинъ нѣтъ вида... Но зачѣмъ они хотятъ играть мной, какъ въ мячикъ? О, нѣтъ! Я не дамся имъ! Я самъ сдѣлаю все, что нужно... Что мнѣ Лагутинъ? Мнѣ Лагутинъ—наплевать!.. И всѣ другіе—также... Но я сдѣлаю все это самъ... А какъ мячикъ, я не хо-чу! Этого не будетъ!—Я—самъ—это другое дѣло!»...

Онъ подошелъ къ дому, гдѣ жилъ, и вошелъ подъ ворота. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ, онъ зналъ уже, что карьера его рѣшена и, стараясь твердо шагать по ступенькамъ, онъ какъ бы говорилъ себѣ:

«Вотъ такъ же я пойду по лѣстницѣ моей карьеры, выше, выше, твердо, крѣпко, самъ, самъ, самъ!»—твердилъ онъ, въ тактъ отстукивая по каменнымъ плиткамъ лѣстницы.

Лицо его было сердито, губы рѣшительно сжаты.

Поровнявшись со своей дверью, онъ взглянулъ на часы. Было ровно четыре,—часъ, когда они съ Дашенькой садились обѣдать.

— У насъ сегодня—зеленыя щи и блинчики съ вареньемъ,—сказала Дашенька, помогая ему снимать пальто въ передней.

Андрей Андреевичъ хотѣлъ было сказать, что онъ сегодня обѣдать не будетъ, но, вдругъ рѣшивъ, что это—нарушеніе порядка, коротко отвѣтилъ:

— Хорошо!

И пошелъ прямо въ столовую.

Ѣсть ему не хотѣлось, онъ черезъ силу глоталъ жидкія зеленыя щи и потомъ чуть не давился блинчиками съ малиновымъ вареньемъ изъ мелочной лавки и твердилъ при этомъ про себя:

— Да, я буду ѣсть теперь мои зеленыя щи и вотъ эти блинцы! Буду ѣсть во что бы то ни стало, потому что хочу этого самъ, самъ, самъ! А мячикомъ быть не желаю! А потомъ, когда у меня будетъ поваръ, я буду кушать маленькіе пирожки, обсыпанные толчеными сухарями, но тогда я уже буду высоко, какъ Luft-ballon... тоже буду самъ, самъ, самъ!

И онъ, самъ не замѣчая этого, отстукивалъ въ тактъ вилкой по тарелкѣ.

Дашенька съ недоумѣніемъ смотрѣла на него: такого суроваго, и въ то же время рѣшительнаго выраженія она еще никогда не замѣчала на лицѣ Андрея Андреевича.

X.

Черезъ двѣ недѣли Трейманъ уже сидѣлъ за простымъ письменнымъ столомъ въ одной изъ комнатъ редакціи прогрессивной газеты «Кругозоръ». Возлѣ него и на столѣ, и на двухъ вѣнскихъ стульяхъ лежали цѣлые вороха иностранныхъ изданій. Трейманъ писалъ своимъ аккуратнымъ почеркомъ на узкихъ полоскахъ бумаги, переводя изъ англійской газеты какой-то абзацъ, отмѣченный синимъ карандашемъ.

Въ этой же комнатѣ стояло два письменныхъ стола другихъ сотрудниковъ, еще не пришедшихъ въ редакцію.

Дверь въ сосѣднюю комнату была открыта и оттуда доносился громкій разговоръ, къ которому Трейманъ то и дѣло прислушивался.

— Господинъ Трейманъ!—раздался вдругъ рѣзкій и непріятный голосъ.—Пожалуйте сюда!

Трейманъ не торопясь всталъ, забралъ нѣсколько полосокъ исписанной бумаги и направился въ сосѣднюю комнату.

Тамъ, за большимъ и хорошимъ письменнымъ столомъ сидѣлъ среднихъ лѣтъ мужчина съ болѣзненнымъ и преждевременно состарившимся лицомъ, почти совершенно лысый, въ свѣтлосинемъ пенснэ на большомъ, горбатомъ носу. А передъ нимъ стоялъ молодой и блѣдный человѣкъ въ довольно засаленной визиткѣ.

— Ну, такъ вотъ, вы поѣзжайте сейчасъ въ посольство и постарайтесь переговорить съ самимъ Жюлемъ Мартенъ. А если его нѣтъ, то хоть съ Гишаромъ. Да, голубчикъ, одѣньтесь поприличнѣе!—говорилъ лысый, обращаясь къ блѣдному молодому человѣку.—Не забывайте, что вы не отъ листка какого-нибудь, а отъ «Кругозора».

— Я заѣду домой, Іосифъ Викторовичъ, переодѣнусь!—вспыхивая болѣзненнымъ румянцемъ, отвѣтилъ тотъ.

— Да что-жъ, «переодѣнусь»? Вы всегда должны быть прилично одѣты. Вы можете получить экстренное приказаніе—тутъ ужъ не до переодѣванья!.. Ну, поѣзжайте!

Лысый протянулъ бѣлокурому длинную, худую руку. Тотъ почтительно пожалъ ее и вышелъ изъ комнаты.

Тогда лысый повернулся къ Трейману.

— Ну, что, господинъ Трейманъ, у васъ готово?—спросилъ онъ.

— Кео-что уже,—отвѣтилъ Андрей Андреевичъ, кладя передъ лысымъ нѣсколько исписанныхъ полосокъ бумаги.

— Надо работать быстрѣе! Отъ васъ не требуется такого калиграфическаго почерка. Важно—скорость,—говорилъ лысый, просматривая листки и дѣлая на нихъ помѣтки: «пет... пет... пет...», что означало: «набрать петитомъ».

— Я всегда такъ пишу,—началъ было Андрей Андреевичъ.

Но лысый, не отрывая глазъ отъ бумаги, перебилъ его:

— Насъ не интересуетъ, какъ вы пишете всегда. Важно—какъ здѣсь надо писать, т. е. быстро. У васъ есть фракъ?—вдругъ мѣняя тонъ, спросилъ онъ.

— Конечно, есть,—нѣсколько растерявшись, отвѣтилъ Трейманъ.

— Ну, такъ вотъ что; завтра вы явитесь въ редакцію во фракѣ. Вамъ будетъ дано порученіе... И, вообще, имѣйте въ виду, я, помимо этихъ переводовъ, намѣренъ приспособить васъ къ интервью... съ посольствами и иностранцами. Такъ что фракъ и рединготъ должны быть у васъ безукоризненно приличны.

— Мои костюмы сшиты въ Вѣнѣ,—и Трейманъ назвалъ фамилію одного изъ извѣстныхъ вѣнскихъ портныхъ.

Лысый, котораго звали Іосифъ Викторовичъ Елинекъ, и который занималъ мѣсто редактора иностраннаго отдѣла въ газетѣ «Кругозоръ», вскинулъ на Треймана свои близорукіе на выкатѣ глаза и, какъ бы желая осадить его, сказалъ:

— У вѣнскихъ портныхъ нѣтъ настоящаго cachet. Платье надо шить въ Лондонѣ или ужъ, въ крайнемъ случаѣ, въ Петербургѣ. У вѣнцевъ воротникъ всегда хомутомъ сидитъ... А, впрочемъ, для васъ сойдетъ и это... Садитесь!—смягчая тонъ и указывая Трейману на стулъ, сказалъ Елинекъ.—Ну, какъ? Осваиваетесь понемножку?—продолжалъ онъ, вынимая изъ черепаховаго портсигара папироску и закуривая ее.

— Мнѣ кажется,—отвѣтилъ Трейманъ.

— Да, да!—говорилъ Елинекъ,—главное будьте ко всему внимательны. Постарайтесь хорошенько проникнуться направленіемъ нашей газеты, замѣчайте, съ кѣмъ и какъ мы полемизируемъ, и помните, что я не всегда буду читать для васъ и дѣлать соотвѣтствующія отмѣтки, а скоро попрошу и васъ читать для меня и отмѣчать самостоятельно. Присматривайтесь къ работѣ Евгенія Васильевича, совѣтуйтесь съ нимъ и, главное дѣло, вникайте! Мнѣ, вѣдь, некогда будетъ заниматься съ вами... А, кстати,—опять мѣняя тонъ и дѣлая его еще интимнѣе—правда, что графъ Раабе вашъ дядюшка?—спросилъ онъ.

Трейманъ криво усмѣхнулся.

— Нѣтъ, неправда,—отвѣтилъ онъ.—Я просто имѣю честь быть извѣстнымъ графу, но ни въ какомъ родствѣ съ нимъ не состою.

— А я слышалъ...

— Васъ ввели въ заблужденіе, — настойчиво повторилъ Трейманъ.

— Можетъ быть, можетъ быть, можетъ быть!—пробормоталъ Елинекъ и надавилъ кнопку электрическаго звонка.

Вошелъ одинъ изъ редакціонныхъ разсыльныхъ.

— Въ типографію,—сказалъ Елинекъ, передавая ему пакетъ съ оригиналами, между которыми были и листочки, исписанные Трейманомъ.

Какъ разъ въ эту минуту въ кабинетъ вошелъ Козыревъ.

— А, Иванъ Платоновичъ! Милости просимъ! Добраго здоровья!—шумно и не безъ оттѣнка искательства, привѣтствовалъ его Елинекъ.

— Здравствуйте!—коротко и сумрачно отвѣтилъ Козыревъ, протягивая руку Елинеку и кивая головой Трейману.

Онъ сдѣлалъ видъ, что не узнаетъ того.

Трейманъ, не ожидая такого сухого привѣтствія, слегка вспыхнулъ и немного дрожащимъ голосомъ проговорилъ:

— Мы, вѣдь, знакомы...

Козыревъ вскинулъ на него глазами.

— Ахъ, да да! Виноватъ! Не узналъ!—пробормоталъ онъ и протянулъ руку.

А затѣмъ, сейчасъ же повернувшись къ Елинеку, заговорилъ своимъ хриплымъ, басистымъ голосомъ:

— Пожалуйста, передайте Никитѣ Фомичу, когда онъ пріѣдетъ, что я этого не люблю. У меня въ передовой опять сегодня выпущено строкъ двадать-тридцать. Я не за строчкой, конечно, гонюсь, но—еже писахъ—писахъ! А то эти выпуски весь смыслъ искажаютъ. Я въ «угодовцахъ» состоять не намѣренъ и поддѣлываться подъ Ахматовыхъ да Лоскутовыхъ—не желаю. Такъ и передайте.

— Да вы лучше сами, Иванъ Платоновичъ,—уклончиво заговорилъ Елинекъ.—Никита Фомичъ сейчасъ пріѣдетъ.

— Мнѣ ждать некогда. У меня сегодня дѣло есть. Я сейчасъ уѣзжаю. Вечеромъ въ типографію заѣду. До свиданья.

И круто повернувшись, онъ пошелъ было изъ комнаты. Но уже выйдя въ корридоръ, онъ крикнулъ оттуда.

— Господинъ Трейманъ! На минутку!

Трейманъ пошелъ за нимъ.

— Слушайте, милый!—тихо заговорилъ Козыревъ, когда они очутились въ отдаленномъ уголку, возлѣ телефонной будки, куда Козыревъ предусмотрительно заглянулъ: нѣтъ-ли тамъ кого? —Слушайте! Вы нашихъ хорошихъ отношеній, пожалуйста, не афишируйте. Здѣсь, въ редакціи, этого знать никто не долженъ. Здѣсь я генералъ, а вы—рядовой. И потому, если я вамъ иногда и руки не протяну, вы не обижайтесь. Понимаете?

— Понимаю,—вполголоса отвѣтилъ Трейманъ.

— И отлично. А вотъ еще что: сегодня вечеромъ, т. е. вѣрнѣе—ночью, такъ, въ одиннадцать часовъ, будьте въ саду «Акваріумъ» и спросите за буфетомъ—гдѣ я. Васъ проведутъ. Антонъ Степановичъ Арташевскій хочетъ съ вами повидаться. Помните, не раньше, не позже—въ одиннадцать. А пока—до свиданья.

И тряхнувъ Трейману руку, Козыревъ быстрыми шагами пошелъ по корридору. По дорогѣ ему встрѣтился одинъ изъ сотрудниковъ и хотѣлъ было заговорить.

— Некогда,—отмахнулся Козыревъ и исчезъ за поворотомъ корридора.

Трейманъ мѣрными шагами своихъ длинныхъ ногъ направился опять въ кабинетъ къ Елинеку.

— Я вамъ, Іосифъ Викторовичъ, сейчасъ больше не нуженъ?—спросилъ онъ.

— А что, вы собираетесь ужъ уходить?—удивился Елинекъ.

— Нѣтъ, я хочу сѣсть работать.

— Ахъ, работать? Отлично, садитесь и работайте. Да, такъ вотъ, еще разъ повторяю: побольше самостоятельности. Сегодня четвертый день, какъ вы у насъ. Помните: къ концу недѣли вы должны работать безъ указки; сами выбирать матеріалъ, сами его группировать. Таковы условія редакціонной работы. Понимаете?

— Понимаю,—коротко отвѣтилъ Трейманъ.

И пошелъ въ свою комнату, твердя машинально на ходу:

— Самъ! Самъ! Самъ!

Редакціонный лакей поставилъ передъ нимъ стаканъ чаю. Трейманъ развернулъ необъятный «Times» и принялся за чтеніе.

Пробѣгая безчисленные столбцы газеты, онъ въ то же время дѣлалъ разныя заключенія.

«Козыревъ сказалъ, что онъ не желаетъ поддѣлываться подъ Ахматова и графа Лоскутова. Стало быть, онъ ведетъ политику графа Раабе... Такъ...»—соображалъ онъ,—«политика графа Раабе—чисто русская; Лоскутовъ—англоманъ; Ахматовъ—нѣмецкой партіи... Странно... Русскіе—держатся иностранной политики, а нѣмецъ—русской... Стало быть, это только слова... Сегодня ночью свиданье съ Арташевскимъ... получу нѣсколько наставленій и указаній... Такъ... Спросить:»

И онъ вынулъ свою записную книжечку.

«Спросить», — повторилъ онъ, перелистывая странички,—«ахъ, вотъ!.. Какъ держать себя у Ахматовыхъ?.. Такъ... Сообщить... Впрочемъ, сообщить еще пока ничего не надо. Что спроситъ то и сообщу...

Онъ перелистнулъ еще двѣ странички.

«Купить»,—отыскалъ онъ, — «коврикъ къ постели... Кажется, все...»

И онъ опять принялся за «Times».

А въ это время въ кабинетѣ главнаго редактора газеты «Кругозоръ», Никиты Фомича Борщова, только что пріѣхавшаго въ редакцію и сейчасъ же позвавшаго къ себѣ Елинека, шла дѣловая бесѣда.

— Козыревъ страшно злится,—говорилъ Елинекъ,—зачѣмъ вымарали строчки объ Ахматовѣ и Лоскутовѣ. Я, говоритъ, «угодовцемъ» не былъ и не буду.

Борщовъ, высокій, полный человѣкъ лѣтъ подъ сорокъ, съ умнымъ и очень выразительнымъ лицомъ, нервно расхохотался.

— Скажите пожалуйста!—заговорилъ онъ,—«угодовцемъ» не буду! А самъ такъ и ведетъ линію графа Раабе, что ни на есть угодливѣйшемъ образомъ! Ни критики, ни возраженій! Что сказалъ графъ Раабе, то и свято, то и ґеніально... Я, конечно, не стою ни за эту песочницу Ахматова, ни за эту пустельгу—князя Лоскутова. Всѣ они хороши! Но и съ графомъ Раабе, съ его полицейской политикой, надо ухо остро держать.

— Раабе большой талантъ,—попробовалъ было возразить Елинекъ.

— Тѣмъ опаснѣе! За нимъ слѣдить надо! Чтобъ потомъ не краснѣть за собственныя свои слова. Мы не «Современныя Вѣсти», чтобы мѣнять съ каждымъ новымъ министромъ свою политику. У насъ свое лицо должно быть!

И Борщовъ началъ рыться въ цѣломъ ворохѣ корректурныхъ листовъ, лежавшихъ у него на столѣ. Отыскавъ одинъ изъ нихъ, онъ быстро и особенно умѣло сталъ пробѣгать строчку за строчкой.

— Ну, вотъ, извольте видѣть! Съ мѣста въ карьеръ!—заговорилъ онъ, тыча въ бумагу синимъ карандашемъ.—Это не «угодовецъ?». Да, вѣдь, это, батюшка, панегирикъ, а не статья! Здѣсь онъ, въ редакціи?—уже сердито спросилъ Борщовъ.

— Нѣтъ, уѣхалъ. Ночью обѣщалъ заѣхать.

— Не ставить эту статью!—сказалъ Борщовъ и откинулъ въ сторону бывшій у него въ рукахъ корректурный листъ.

— Еще сильнѣе обозлится,—замѣтилъ Елинекъ.

— Ну, и на здоровье!

— А какъ же мы сегодня безъ первой передовой?

— Я самъ напишу.

Елинекъ только пожалъ плечами: какъ, дескать, вамъ угодно.

Борщовъ надавилъ кнопну звонка.

Вошелъ старшій редакціонный служитель.

— Будутъ спрашивать—меня еще нѣтъ. Пріѣду черезъ часъ,—коротко приказалъ онъ.

Служитель вышелъ.

— Ну, я—писать,—повернулся Борщовъ къ Елинеку, какъ бы давая этимъ знать, что его нужно оставить одного.—Ахъ, да! Вотъ что!—вспомнивъ, заговорилъ онъ опять.—Ну, какъ этотъ новый? Трейманъ? Что онъ?

— Да ничего. Отлично знаетъ языки. Довольно прилично переводитъ, но, кажется, глупъ. Хочу попробовать его на интервью.

— Если глупъ, такъ это совсѣмъ ужъ неподходяще.

— Нѣтъ, знаете, онъ не то, чтобы былъ глупъ, а туповатъ немного. Есть въ немъ это нѣмецкое упрямство. Но если его нашпиговать хорошенько, то исполнитъ все точно.

— Смотрите, ради Бога, не разводите только вы у меня тутъ богадѣльни по протекціямъ. Если тупъ, такъ и гоните въ шею!

— Въ шею еще мы успѣемъ, тѣмъ болѣе, что онъ пока безъ жалованья.

— Это не резонъ и не основаніе. Дѣльному человѣку дайте какое угодно жалованье, а тупого и даромъ не надо.

— Завтра попробую его на интервью.

— Съ кѣмъ?

— Да завтра лордъ Квексъ пріѣзжаетъ.

— Ну, съ этимъ можно. Попробуйте. Ну, такъ я сажусь писать. Зайдите черезъ часикъ.

Елинекъ вышелъ.

А Трейманъ, въ это время, все сидѣлъ надъ своимъ «Times»'омъ и настойчиво повторялъ:

— Да! Я буду дѣлать все самъ, самъ, самъ!..

Редакціонный день разгорался. Во всѣхъ комнатахъ было людно, а въ нѣкоторыхъ даже и шумно.

— Господа! Идите, ради Бога, въ «parloir»!—умоляющимъ голосомъ и уже далеко не въ первый разъ взывалъ секретарь редакціи, Казиміръ Витольдовичъ Каченковскій, къ группѣ сотрудниковъ, столпившихся въ его кабинетѣ.—Вы работать мѣшаете! Мнѣ надо дѣловое письмо написать, а я пятый листъ бумаги порчу.

— Сэръ! Это подчеркиваетъ только вашу неопытность!—сытымъ басомъ заговорилъ «блестящій» фельетонистъ, Левъ Александровичъ Батенковъ.—Опытный секретарь редакціи долженъ работать подъ громъ пушекъ, подъ дѣтскій визгъ, подъ драку пьяныхъ бабъ, во время кораблекрушенія, землетрясенія, на аэропланѣ, въ водолазномъ колоколѣ, однимъ словомъ, вездѣ и при всякихъ условіяхъ...

— Хорошо, хорошо! Пусть я неопытенъ, но дайте мнѣ написать письмо!—чуть не плакалъ Каченковскій.—Вѣдь, есть «парлуарка», господа! И Никита Фомичъ сердится, когда...

— А, кстати, Никита Фомичъ здѣсь?—перебивая Каченковскаго, обратился къ нему беллетристъ Тропининъ, человѣкъ еще молодой, но уже съ сильно помятымъ лицомъ и красными отъ безсонницы глазами.

— Здѣсь-то здѣсь, но пока еще незримъ,—отвѣтилъ секретарь.

— Что значитъ—«пока»?

— Да такъ, часика полтора работать будетъ.

— А ты что, Яша, небось опять авансъ?—обратился къ беллетристу второй фельетонистъ Чаусовъ, человѣкъ, какъ про него говорили въ редакціи, «пьяный».

— А то какже?—какъ-то наивно отвѣтилъ Тропининъ.— Безъ аванса никакъ невозможно.

— А много за тобой числится?

— Да тысячи полторы, кажется.

— Только-то?—пробасилъ Батенковъ.

— А я вотъ васъ не понимаю, Левъ Александровичъ,—повернулся къ нему Тропининъ.—Вы вотъ зачѣмъ берете авансы, при вашемъ-то заработкѣ и холостомъ положеніи? Куда вамъ деньги дѣвать?

— Холостое положеніе, сэръ, обходится всегда дороже, чѣмъ семейное. Это—во-первыхъ, а во-вторыхъ,—беру для вѣрности, наученный горькимъ опытомъ. Лучше пусть уже за мной пропадетъ, чѣмъ за редакціей.

— Ну, за «Кругозоромъ» не пропадетъ! Мошна здѣсь солидная!—откликнулся со своего стола секретарь Каченковскій, разрывая шестой листокъ почтовой бумаги съ редакціоннымъ бланкомъ.—Да идите же, господа, ради Бога, въ «parloir»!— вдругъ опять взмолился онъ. — Того и гляди Никита Фомичъ войдетъ, тогда и вамъ, и мнѣ достанется.

И, дѣйствительно, словно накликалъ: дверь растворилась, и громадная, характерная фигура Борщова показалась на порогѣ.

— Опять клубъ?—проговорилъ онъ, укоризненно посматривая на своихъ сотрудниковъ и протягивая имъ по очереди руку.— И что васъ, господа, къ нему тянетъ?—продолжалъ онъ, кивнувъ головой на Каченковскаго.—Въ третью комнату его перевожу и вездѣ сборища устраиваются! А «парлуарка» пустая стоитъ.

— Это, Никита Фомичъ, такіе буфетчики бываютъ,—захрипѣлъ фельетонистъ Чаусовъ,—въ какой его ресторанъ не переведи, вездѣ около его стойки народъ толпится. А другой...

— Ладно «стойки»! Вамъ бы все стойки, да буфетъ! Вы вотъ авансы б е р е т я, а фельетоновъ н е п и ш е т я,—умышленно упирая на букву «я» и передразнивая этимъ издателя «Кругозора», купца Голодкова, проговорилъ Борщовъ.

— A propos d'avance...—вмѣшался беллетристъ Тропининъ. —Сегодня во снѣ видѣлъ, будто бы встрѣчаю я васъ, Никита Фомичъ, и будто бы спрашиваю: «Сколько вы мнѣ можете дать еще авансомъ?» А вы будто бы говорите...

— ...Ни мѣднаго пятака,—попадая ему въ тонъ, отвѣтилъ Борщовъ.

— Неправда! Неправда!—запротестовалъ Тропининъ.—Отлично помню, какъ вы говорили: «еще пятьсотъ рублей съ удовольствіемъ дамъ!».

— А вы бы себя, Яшенька, ущипнули покрѣпче и ясно бы тогда увидѣли, что «то былъ сонъ»...

— Ну, а какъ—явь?

— А про явь я уже вамъ сказалъ: ни мѣднаго пятака.

— Ну, а кромѣ шутокъ...

— Да вамъ нужно?

— И весьма.

— Такъ зайдите ко мнѣ въ кабинетъ, я вамъ напишу записочку.

Лицо у беллетриста просвѣтлѣло. А Борщовъ, повернувшись къ Батенкову, коротко сказалъ:

— Ты, Левушка, у меня сегодня обѣдаешь?

— All right!—также коротко отвѣтилъ фельетонистъ.

— Ну, что, письмо готово?—спросилъ Борщовъ у углубившагося въ писаніе секретаря.

— Да нѣтъ, Никита Фомичъ,—жалобно проплакалъ тотъ.

— Такъ что же вы со мной, милый человѣкъ, дѣлаете?—повышая тонъ, заговорилъ Борщовъ.—Вѣдь, я же вамъ сказалъ...

— Да это они, вотъ, все мѣшаютъ! Тарахтятъ-тарахтятъ тутъ! Я семь листочковъ почтовой бумаги испортилъ...

Лицо Борщова вдругъ сдѣлалось строгимъ.

— Господа! Я васъ серьезно прошу, пожалуйте въ «parloir». И не подводите подъ непріятности господина Каченковскаго,—проговорилъ онъ и самъ открылъ дверь въ сосѣднюю комнату.

Въ «парлуаркѣ» было уже человѣкъ пять изъ мелкихъ сотрудниковъ.

При входѣ Батенкова и Тропинина, почти всѣ они встали со своихъ мѣстъ и довольно почтительно раскланялись. Въ числѣ другихъ былъ и Трейманъ. Онъ тоже счелъ долгомъ поклониться двумъ тузамъ редакціи, хотя не былъ знакомъ еще ни съ тѣмъ, ни съ другимъ.

— А мы тутъ между собой «разсказываемъ»,—заговорилъ одинъ изъ сотрудниковъ, бывшихъ уже ранѣе въ «parloir»'ѣ, обращаясь къ Баетнкову и хотѣлъ было продолжать.

Но Батенковъ улыбнулся и наставительно проговорилъ:

— «Разсказываютъ», голубчикъ мой, въ Одессѣ, а въ Петербургѣ—«говорятъ».

— Что вы этимъ хотите сказать?—спросилъ его Тропининъ, не понявъ соли замѣчанія.

Батенковъ объяснилъ, что въ Одессѣ, гдѣ по-русски говорятъ крайне безграмотно, часто употребляютъ выраженіе: «я съ нимъ разсказывалъ», вмѣсто—«я съ нимъ говорилъ».

Разговоръ сразу перешелъ въ разные провинціализмы и искаженія русскаго языка. Больше всѣхъ возмущался этимъ Тропининъ.

— Даже у такого писателя, какъ Антонъ Чеховъ, есть выраженія, напримѣръ: «природа соскучилась за грозой», а ужъ насчетъ «выглядѣть», «выглядѣлъ»,—напримѣръ: «какъ вы хорошо выглядите»,—это пріобрѣло право гражданства въ нашей современной литературѣ,—горячился онъ.

— Нѣкоторые даже говорятъ: «какъ вы хорошо выглядываете», или «высматриваете»,—замѣтилъ кто-то.

— Да, да! Это чортъ знаетъ, что такое!—махалъ руками Тропининъ.—Хоть бы басню Крылова вспомнили:

«Пріятель дорогой! Откуда? Гдѣ ты былъ?

И тамъ дальше—это...

«Все видѣлъ, высмотрѣлъ...».

А «выглядѣть?» Выглядѣть можно что-нибудь; выглядывать—откуда-нибудь!..

И завязался споръ.

Чаусовъ просилъ свободы русскому языку и находилъ, что выраженіе «хорошо выглядѣть» совершенно пріемлемо. Тропининъ кричалъ, что это вовсе не свобода русскому языку, а свобода русскому безграмотству.

Черезъ пять минутъ спорили уже всѣ. Всѣ кричали, всѣ махали руками. Тропининъ чѣмъ больше горячился, тѣмъ становился менѣе убѣдительнымъ. Чаусовъ хрипѣлъ, какъ удавленникъ; его никто не слушалъ въ общемъ шумѣ и только время отъ времени густой и гудящій басъ Батенкова авторитетно покрывалъ всю эту разноголосицу.

Черезъ четверть часа отъ исходной точки спора не оставалось уже и слѣда. Кричали, горячились, продолжали спорить, но уже совсѣмъ не о чистотѣ русскаго языка. Кто-то удачно воспользовался минутой и разсказалъ анекдотъ. И всѣ словно этому обрадовались и каждый сталъ разсказывать: кто анекдотъ, кто характерную сценку.

Лица успокоились. Срывался смѣхъ.

Выбравъ самый удачный моментъ, Андрей Андреевичъ Трейманъ внятно и не торопясь разсказалъ о трехъ дамахъ, встрѣченныхъ имъ въ Гліонѣ, и какъ двѣ старыя нападали на молодую и одна изъ нихъ, между прочимъ, сказала характерную фразу: «Я, madame, поругаться хочу».

Тропининъ пришелъ въ восторгъ.

— А, вѣдь, это, дѣйствительно, характерно. Какъ? Какъ? «Я, madame, поругаться хочу?» И рожа кофейнаго цвѣта?—приставалъ онъ къ Трейману.

Тотъ только утвердительно кивалъ головой.

— И зубы у нихъ, навѣрное, изжелта синіе, большіе, крѣпкіе?—допытывался беллетристъ.

— Зубовъ... Зубъ...—началъ Трейманъ и вдругъ споткнулся.

Подъ впечатлѣніемъ только-что бывшаго разговора объ искаженіи русскаго языка, онъ вдругъ забылъ, какъ надо правильно сказать: «зубовъ» или «зубъ». Краска выступила на его костлявомъ лицѣ, глаза заморгали. А тутъ еще Батенковъ:

— Зубей, сэръ, надо говорить, зубей!—пробасилъ онъ.

«Провалился!»—подумалъ про себя Трейманъ, чуть не скрежеща зубами.—«И, вѣдь, на какомъ пустякѣ!».

Раздался взрывъ смѣха. И опять посыпались анекдоты.

— У рыбей много зубей! У рыбовъ много зубовъ!—кричалъ кто-то.

— А знаете, въ Астрахани была вывѣска: «стрижка и брижка»?—началъ другой.

— «Стриженіе и бриженіе»,—перебилъ его третій.

И все это, видимо, говорилось для Батенкова. Видно было, какъ всѣ заискивали передъ нимъ, а онъ стоялъ улыбаясь, курилъ папиросу и время отъ времени вставлялъ словцо своимъ неторопливымъ басомъ.

Трейманъ взглянулъ на Тропинина. Беллетристъ уже сидѣлъ, весь согнувшись надъ однимъ изъ письменныхъ столовъ, стоявшихъ въ «parloir»'ѣ, и быстро-быстро вписывалъ что-то въ свою книжку.

— Такъ и вижу! Такъ и вижу!—говорилъ онъ при этомъ, поглядывая своими добрыми, но безпутными глазами на приблизившагося къ нему Треймана.—Рожи—кофейныя, лоснящіяся; волосы черные и тоже лоснящіеся, и злые-злые волосы... А въ ушахъ—маленькія сережки, такія тоненькія-тоненькія, едва замѣтныя, но съ камушкомъ. И «я, madame, поругаться хочу»!.. Кх!

Тропининъ даже крякнулъ отъ удовольствія.

Трейманъ никакъ не ожидалъ, что его разсказъ произведетъ такое сильное впечатлѣніе на беллетриста и, ободренный этимъ, онъ слегка наклонился надъ столомъ и негромко заговорилъ:

— У меня много еще такихъ замѣтокъ. Я всегда записываю, что услышу и могу подѣлиться съ вами.

И еще за секунду оживленное лицо Тропинина какъ-то вдругъ сразу потускнѣло: глаза потухли, губы опустились.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? — вяло заговорилъ онъ. — Это, вѣдь, случайно... это не всегда бываетъ... я... ну, не надо! Другой разъ какъ-нибудь.

Ему почему-то ужасно не понравилось это предложеніе Треймана «подѣлиться». Онъ всталъ изъ-за стола и повернулся къ Трейману спиной.

— Тропининъ! Четъ или нечетъ? — обратился къ нему Чаусовъ, зажимая что-то въ рукѣ.

— А сколько?

— Трешня.

— Четъ, — сказалъ Тропининъ.

Чаусовъ раскрылъ руку и развернулъ скомканную трехрублевку, Послѣдняя цифра была семь.

— А, чертъ! — выругался Тропининъ и, доставъ изъ кошелька три серебрянныхъ рубля, передалъ Чаусову, прибавивъ при этомъ: — послѣдніе!

— Ничего, ты сегодня авансъ получишь! — весело улыбаясь, прохрипѣлъ Чаусовъ.

— Играетя — подражая Борщову, забасилъ Батенковъ: — «А дома жена — малолѣтки, у нихъ ни кола, ни двора!»

И въ свою очередь вынулъ изъ жилетнаго кармана какую-то бумажку и спросилъ Чаусова:

— Четъ или нечетъ?

— Нечетъ, — весело крикнулъ тотъ и вдругъ спохватился и спросилъ: — А на сколько?

— Пять рублей, — пробасилъ Батенковъ.

— Ну, на три.

— Идетъ. Нечетъ.

Батенковъ показалъ цифру — шесть.

— А, дьяволъ тебя заѣшь! захрипѣлъ Чаусовъ, отдавая только что выигранные три рубля. — А я мечталъ уже въ закусочную къ Ермакову пойти и на всю трешню кутежъ задать.

— «Чужой бѣдѣ не смѣйся, голубчикъ!» — наставительно пробасилъ Батенковъ, опуская деньги въ жилетный карманъ.

— Опять игра? Опять игра? — раздался непріятный, рѣзкій голосъ Елинека и его длинный носъ, осѣдланный золотымъ пенснэ съ синими стеклами, показался изъ корридора.—Вѣдь, было постановленіе редакціи? И Никита Фомичъ просилъ прекратить эту проклятую орлянку!

— Постой! Постой! Жозинька, постой! Погоди! — забасилъ Батенковъ, видя, что тотъ хочетъ захлопнуть дверь.

— Ну, что еще нужно?

— Четъ или нечетъ? — спросилъ онъ, протягивая тому сжатый кулакъ.

— Ну... четъ!

Батенковъ развернулъ руку: тамъ лежала десятирублевая бумажка.

— Извини, мой другъ, нечетъ!

Послѣдняя цифра была — девять.

Елинекъ даже поблѣднѣлъ.

— О, гадость какая! Мерзость какая! Это чортъ знаетъ, что такое! Я, ей Богу, Никитѣ Фомичу пожалуюсь!

— Жалуйся кому угодно, а—dix roubles—пожалуйте!

— Какой-то игорный домъ здѣсь, въ редакціи, устраиваютъ! Чортъ знаетъ что такое! — шипѣлъ Елинекъ, доставая изъ кошелька два пяти-рублевыхъ золотыхъ.

Затѣмъ, онъ сильно захлопнулъ дверь и было слышно, какъ каблуки его застучали по корридору.

А Батенковъ, подбросивъ деньги на ладони, небрежно опустилъ ихъ въ жилетный карманъ.

— Вотъ ужъ подлинно: деньги къ деньгамъ! — завистливо вздохнулъ Чаусовъ.

За стѣной, въ кабинетѣ секретаря редакціи громко звонилъ телефонъ.

XI.

Дома Андрей Андреевичъ за послѣднее время, именно со дня поступленія его въ редакцію «Кругозора», былъ какъ то особенно молчаливъ, хмуръ и даже раздражителенъ. Онъ, какъ будто, потерялъ подъ собой почву и не зналъ, какъ держать себя и дѣйствовать. Незнакомый, необычный міръ охватилъ его. Онъ потерялъ свое мѣсто и свою спокойную увѣренность. Быть «каретой скорой помощи» тамъ ему какъ то не удавалось: сунется и наскочитъ, какъ напримѣръ, сегодня съ Тропининымъ. Началъ — великолѣпно, разсказалъ анекдотъ, имѣлъ успѣхъ. Надо было бы остановиться и даже уйти, а онъ полѣзъ съ предложеніемъ «темъ» и... провалился. Равновѣсіе потерялъ.

И теперь этотъ Тропининъ, вмѣсто того, чтобы сказать про него: «вотъ, Трейманъ — всегда скажетъ что нибудь во время и умѣстное», будетъ думать, что онъ, Андрей Андреевичъ, человѣкъ надоѣдливый и лѣзетъ съ разными темами. А это не хорошо для репутаціи...

За обѣдомъ Андрей Андреевичъ сидѣлъ молча, хмуро глядѣлъ себѣ въ тарелку и все думалъ, думалъ...

Дашенька замѣчала эти дни его хмурое настроеніе, въ душѣ томилась, но ни сказать, ни спросить ничего не смѣла.

Она, признаться сказать, побаивалась своего сожителя; боялась его неизмѣнно авторитетнаго тона, какимъ онъ говорилъ съ ней, боялась его замѣчаній и «поученій», на которыя онъ былъ такъ щедръ, считая своимъ долгомъ «образовывать и воспитывать» ее подъ свой вкусъ и ладъ. Но когда онъ теперь совсѣмъ замолчалъ, ей стало еще страшнѣе.

«Чѣмъ то недоволенъ», — думала она. — «Можетъ быть; мною? А вотъ — не говоритъ. Молчитъ только»...

И она незамѣтно вздыхала и боялась всякую минуту какъ бы не расплакаться.

Отдавшись Андрею Андреевичу какъ то зря, не подумавъ даже хорошенько — что она дѣлаетъ, словно по его приказу, она съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе начинала привязываться къ нему. Онъ былъ первый мужчина, который властно взялъ въ руки всю ее—и душу, и тѣло. И она сама не замѣтила, какъ сотворила уже изъ него себѣ кумира. Жизнь ея ушла въ Андрея Андреевича: «онъ такъ хочетъ», «онъ такъ привыкъ». Критики на него не было. Да и съ кѣмъ было критиковать его? Не съ дѣвченкой же, жившей у нихъ одной прислугой, которая сама боялась барина пуще огня.

А гости, которые издѣдка бывали у нихъ, на нее, на Дашеньку, врядъ ли обращали какое нибудь вниманіе. Кромѣ «здравствуйте» и «прощайте», она отъ нихъ ничего и не слыхала. Впрочемъ, одинъ хотѣлъ было даже ее потрепать по щекѣ, да она во время увернулась.

Весь міръ ея теперь былъ въ Андреѣ Андреевичѣ и она начинала уже любить его той любовью, которою любятъ обыкновенно такія безотвѣтныя женщины, не зная за что, не зная — почему. Ужъ подлинно: «безъ борьбы и думы роковой».

А Андрей Андреевичъ, какъ на горе, за послѣдніе дни сталъ отъ нея все болѣе и болѣе удаляться.

Дашенька знала, что у него съ поступленіемъ въ редакцію явилось много новой работы, — но ей отъ этого было не легче.

Вотъ и теперь: окончивъ обѣдъ и не сказавъ ни одного слова, — даже насчетъ кушаній не сдѣлалъ никакихъ замѣчаній, — онъ прошелъ прямо къ себѣ въ кабинетъ и затворилъ за собой дверь.

Усѣвшись передъ дешевенькимъ письменнымъ столомъ и развернувъ передъ собою свою неизмѣнную спутницу, записную книжку, Андрей Андреевичъ задумался.

«Сколько новыхъ знакомствъ! Сколько новыхъ впечатлѣній. Даже рубрикъ не хватаетъ. И разобраться онъ еще въ нихъ не можетъ... Надо завести новую книжку, вродѣ дневника, и дѣлать тамъ свои выводы и заключенія. Мысли свои записывать... планы... впечатлѣнія»...

И порывшись въ столѣ, онъ досталъ оттуда довольно тощую тетрадку въ синенькой обложкѣ и сдѣлалъ своимъ красивымъ почеркомъ на ней надпись: «Дневникъ».

А затѣмъ, развернувъ ее, обозначилъ сегодняшній день и число и началъ писать:

«Нужно быть всегда самостоятельнымъ, а на людей смотрѣть, какъ на средство къ достиженію своей цѣли», написалъ онъ.

Эту сентенцію онъ уже выработалъ давно и неоднократно начиналъ ею свои записныя книжки, а потому, быстро и увѣренно написавъ эти слова, онъ остановился и задумался.

Что же писать дальше? Въ этихъ словахъ исчерпывается вся его философія. Дѣлать здѣсь подробныя характеристики своихъ знакомыхъ? Да развѣ это не рисковано? А вдругъ эта книжка попадется кому-нибудь въ руки? Что тогда? Вѣдь, вся карьера можетъ лопнуть! Вѣдь, нельзя же и дневникъ всегда носить съ собой въ карманѣ, какъ свою записную книжку! А кому же можетъ онъ его довѣрить? Конечно, никому. Да, наконецъ, тѣ характеристики, которыя онъ дѣлаетъ подъ рубрикой "знакомства" не вполнѣ ли достаточны?

«Полез.;» «Оч. полез.;» «весьма полез.;» — не все ли этимъ сказано? Вѣдь, и люди для него интересны только съ точки зрѣнія ихъ полезности, а до остального ему никакого дѣла нѣтъ... Вотъ, напримѣръ... — И онъ раскрылъ свою записную книжку. — «Арташевскій, Ант. Степ. — весьма полез.», «Козыревъ, Ив. Плат. —оч. полезенъ» — «Елинекъ, Іос. Вик. — просто — полез.»... А вотъ, «Тропининъ, Як. Ал.» — безъ всякаго обозначенія, значитъ все равно, если бъ его на моей дорогѣ и не было... Тогда какъ Чаусовъ — поставлено: «опас.», что значитъ — опасенъ, потому что — пьяница и можетъ скомпроментировать гдѣ-нибудь на улицѣ... И никакихъ другихъ характеристикъ не нужно и потому никакихъ дневниковъ вести и не слѣдуетъ»...

И Андрей Андреевичъ, вырвавъ первую страничку изъ синенькой тетрадки, тщательно перечеркнувъ написанныя слова, бросилъ ее въ корзину. Тетрадку же положилъ обратно въ письменный столъ.

«О, если бъ они знали, какъ я уменъ, они бы не обращались со мной такъ небрежно», — подумалъ онъ при этомъ о своихъ новыхъ редакціонныхъ знакомыхъ и побѣдоносно улыбнулся.

А затѣмъ, доставъ изъ стола нѣсколько хорошенькихъ открытокъ, сталъ писать письма за границу своимъ многочисленнымъ, хотя, по большей части, и мимолетнымъ знакомымъ.

На одномъ изъ нихъ, въ Швейцарію, онъ сдѣлалъ приписку: «Дашенька, т. е. Дарья Васильевна Второва, шлетъ вамъ свой

привѣтъ и проситъ ее не забывать». Письмо это было адресовано той самой барышнѣ, которая ухаживала за больной Дашенькой.

Покончивъ съ открытками, Андрей Андреевичъ прилегъ на дешевенькую оттоманку, развернулъ какой-то нѣмецкій романъ и началъ читать.

Но читалъ недолго. Онъ вспомнилъ, что сегодня вечеромъ ему нужно быть въ Акваріумѣ, гдѣ, вѣроятно, придется пробыть до поздняго часу, а потому рѣшилъ предварительно хорошенько выспаться.

— Дора! — крикнулъ онъ, пріотворивъ дверь въ корридоръ. — Я сейчасъ буду спать, а потому разбуди меня ровно въ девять часовъ вечера.

XII.

Не было еще и десяти часовъ, когда Андрей Андреевичъ, неторопливо сойдя съ площадки вагона конки, направился къ кассѣ «Акваріума».

Онъ пріѣхалъ раньше назначеннаго срока, имѣя въ виду погулять немного, посмотрѣть нѣсколько номеровъ на открытой сценѣ, послушать музыку.

Когда онъ вошелъ въ садъ, народу тамъ было еще очень мало, да и то встрѣчалась все «публика», что называется, средней руки. «Настоящіе» посѣтители еще не съѣхались. И потому высокая и элегантно одѣтая фигура Андрея Андреевича ярко выдѣлялась на фонѣ поношенныхъ пальто и котелковъ не первой свѣжести.

Когда онъ проходилъ мимо столиковъ передъ верандой, лакеи начинали заботливо суетиться и выжидательно посматривать ему въ глаза, предполагая въ немъ солиднаго гостя. Но Андрей Андреевичъ важно шагалъ мимо, не удостаивая ихъ даже небрежнаго взгляда.

Онъ остановился передъ открытой сценой — малороссійскій хоръ въ своихъ пестрыхъ костюмахъ, гикая и приплясывая, пѣлъ какіе-то «Гречаники».

«Какое дикое пѣніе и какъ это антимузыкально», — подумалъ Андрей Андреевичъ и пошелъ дальше.

У тира, дремавшая за прилавкомъ барышня предложила ему пострѣлять. Онъ даже не улыбнулся.

По дорожкѣ ему встрѣтилось нѣсколько «этихъ дамъ». И на нихъ Андрей Андреевичъ не обратилъ никакого вниманія.

«Русскіе совершенно не умѣютъ веселиться», почему-то подумалъ онъ, направляясь обратно къ открытой сценѣ.

Тамъ три акробата и одна акробатка смѣнили уже малороссовъ. Андрей Андреевичъ пріостановился: формы акробатки ему понравились, особенно ноги, крупныя, упругія. И онъ мысленно сравнилъ ихъ съ худенькими и еще не сформированными ногами Дашеньки.

И уже не въ первый разъ пожалѣлъ онъ при этомъ, что такъ тѣсно связалъ себя съ этой невзрачной дѣвушкой.

«Что въ ней? Кромѣ миленькой мордочки, ничего и нѣтъ! Глупа, неразвита и вообще — ему не пара... даже для такого сожительства... Ну, да не вѣчно же онъ будетъ съ ней», — успокоилъ онъ себя сейчасъ же. — Неторопясь можно выбрать что-нибудь и получше. А главное, надо присматривать хорошую невѣсту. И это уже серьезно! А потому — Боже сохрани торопиться! Дашенька хороша ужъ тѣмъ, что не дорого ему стоитъ»...

— Трейманъ! — окликнулъ его кто-то хриплымъ голосомъ.

Андрей Андреевичъ обернулся: сзади него стоялъ красный и замѣтно уже пьяный фельетонистъ Чаусовъ.

Андрей Андреевичъ вспомнилъ отмѣтку «опасн.», стоявшую противъ фамиліи Чаусова въ его записной книжкѣ, и сразу насторожился.

— Ходите къ нашему столику! У васъ есть деньги? Въ складчину! На четвертушку бенедектина, — хрипѣлъ фельетонистъ.

— Благодарю васъ, я не пью, — едва удерживая брезгливую гримасу, тихо отвѣтилъ Трейманъ.

— Ахъ, вы, кисляй! Не пью! — передразнилъ его Чуасовъ.— А не пьете, такъ угостить должны старшихъ товарищей. Понимаете — угостить!

— Я понимаю, но, къ сожалѣнію, я не взялъ съ собой достаточной денегъ.

— Достаточно? Что значитъ — достаточно? Намъ здѣсь тридцать процентовъ скидки, а потому—если есть три рубля, вотъ вамъ и достаточно.

— Даже этой суммы не имѣю при себѣ, — принимая сконфуженный видъ, отвѣтилъ Трейманъ.

Чаусовъ махнулъ рукой и направился къ верандѣ ресторана, гдѣ его ожидали два такихъ же полупьяныхъ и неряшливо одѣтыхъ субъекта, какъ и онъ.

«Тридцать процентовъ скидки», — соображалъ Трейманъ.— «Это надо довести до свѣдѣнія Іосифа Викторовича Елинека».

Трейманъ зналъ, что въ редакціи газеты «Кругозоръ» строго преслѣдуются всякія такого рода скидки и вымогательства. Еще вчера были уволены два сотрудника за то, что они, потребовавъ въ какомъ-то ресторанѣ не только кредита, но и скидки и полу-

чивъ отказъ, грозились разнести въ газетѣ ресторатора. И Елинекъ, сообщая объ этомъ Трейману, сказалъ ему:

— Боже васъ сохрани, если вамъ даже предложатъ когда-нибудь, воспользоваться такой скидкой—принять ее. Это допускается, можетъ быть, въ мелкой прессѣ, но у насъ!.. Никита Фомичъ за это немедленно на дверь покажетъ!

«Да, — думалъ Трейманъ, — надо довести до свѣдѣнія редакціи о господинѣ Чаусовѣ, а то онъ кладетъ пятно на другихъ сотрудниковъ».

За акробатами вышли «музыкальные эксцентрики». Андрей Андреевичъ узналъ ихъ. Съ годъ тому назадъ онъ слышалъ ихъ въ Вѣнѣ, въ одномъ изъ балаганчиковъ Пратера, а потому презрительно повернулся спиной къ сценѣ. И опять наткнулся на знакомое лицо.

Беллетристъ Тропининъ, въ какой-то потрепанной «разлетайкѣ» и въ широкополой шляпѣ на бекрень, шелъ въ обществѣ двухъ молоденькихъ и хорошенькихъ женщинъ и совсѣмъ юнаго офицера.

— Такъ, «я, madame, поругаться хочу!» — весело улыбаясь, крикнулъ беллетристъ, узнавъ Андрея Андреевича.

Трейманъ приподнялъ шляпу и тоже улыбнулся.

Тропининъ съ компаніей свернулъ на веранду.

«Получилъ авансъ и кутитъ», — подумалъ Андрей Андреевичъ и сейчасъ же вспомнилъ ироническое замѣчаніе Батенкова, — «а дома жена, малолѣтки, у нихъ ни кола, ни двора».

«Это называется — широкая русская натура», — думалъ Трейманъ, направляясь опять медленнымъ шагомъ къ американскимъ горамъ. — «Ну, развѣ можетъ такой человѣкъ когда-нибудь сдѣлать карьеру? Пустая пьяница... впрочемъ, какъ нужно сказать: «пустая пьяница» или «пустой пьяница»? — поймалъ онъ себя. «Ахъ, этотъ русскій языкъ! Онъ, кажется, недоступенъ даже для самихъ русскихъ- Вотъ,, хоть бы, напримѣръ: «пустая пьяница» или «пустой пьяница»? Вотъ, извольте рѣшить!»

Трейманъ посмотрѣлъ на часы. Было уже половина одиннадцатаго.

«Еще тридцать минутъ», — подумалъ онъ и сѣлъ на скамейку.

Грянулъ оркестръ. Представленіе на открытой сценѣ кончилось, изъ распахнувшейся двери желѣзнаго театра хлынула публика.

«Русскіе не умѣютъ ни одѣваться, ни подстригать бороды», — думалъ Трейманъ, разсматривая шедшую мимо него толпу. — «Зато они умѣютъ пить водку и ѣсть закуски. А русскія дамы могли бы быть и красивыми, но у нихъ нѣтъ хорошей походки.

Вообще, очень, некультурный народъ. Впрочемъ, вѣдь, и я — русскій», — вспомнилъ онъ, улыбаясь. — «Моя матушка урожденная Гаврилова. Кажется, ужъ настоящая русская фамилія... Но, во-первыхъ, мой отецъ былъ иностранецъ, а во-вторыхъ, я получилъ хорошее европейское воспитаніе. О, воспитаніе! Какъ это много значитъ!»

Ровно черезъ полчаса Андрей Андреевичъ направился къ буфету, чтобы справиться о Козыревѣ.

Ему сейчасъ же указали дверь въ концѣ корридора. Въ большомъ кабинетѣ, убранномъ съ трактирной роскошью, Козыревъ сидѣлъ на самомъ углу длиннаго не сервированнаго еще стола и читалъ какую-то корректуру. Передъ нимъ стоять сифонъ содовой воды и бутылка виски.

— А я васъ жду, — отрывисто произнесъ онъ, поднимая сердитые глаза на входящаго Треймана.

— Ровно одиннадцать часовъ, Иванъ Платоновичъ, — сказалъ Андрей Андреевичъ, вынимая часы.

— Ну, да, потому я васъ и жду, что ровно одиннадцать часовъ. Будь меньше, я бы васъ не ждалъ, будь больше — вы меня бы ужъ не застали.

Свернувъ корректуру и сунувъ ее въ боковой карманъ, Козыревъ поднялся съ мѣста. Лицо его было хмуро и было замѣтно, что онъ чѣмъ-то разстроенъ.

— Ну, вотъ, слушайте! — заговорилъ онъ, въ упоръ глядя на Треймана своими подслѣповатыми глазами. — Я сейчасъ ѣду въ редакцію, а вы — вотъ вамъ билетъ въ театръ, если хотите, можете идти и смотрѣть, но ровно въ половинѣ перваго будьте на Крестовскомъ. Тамъ также спросите у буфетчика. Вы хорошо меня поняли?

— Хорошо, но... началъ было Трейманъ.

— Ради Бога, безъ всякихъ «но»! — перебилъ его Козыревъ. — Объяснять мнѣ вамъ некогда! Антонъ Степановичъ будетъ тамъ, а пока — до свиданья.

И Козыревъ, даже не подавъ ему руки, быстро вышелъ изъ кабинета.

— «Чортъ знаетъ, что такое! Распоряжаются, какъ солдатомъ!» — ворчалъ про себя Трейманъ, идя по саду и посматривая на врученный ему Козыревымъ билетъ.

Мѣсто было хорошее, въ третьемъ ряду. Да и программа, съ которой Трейманъ познакомился еще днемъ, въ редакціи, обѣщала нѣсколько интересныхъ номеровъ. И Трейманъ, затаивъ въ глубинѣ души обиду, рѣшилъ воспользоваться даровымъ развлеченіемъ, утѣшая себя мыслью, что придетъ время и онъ самъ будетъ также помыкать «ими».

Англичанки, нѣмки, француженки, испанки, вертѣвшіяся на сценѣ, пѣвшія, плясавшія, а главное демонстрировавшія свои, почти ничѣмъ не прикрытыя руки и ноги, немного развлекли Андрея Андреевича. Глядя на нѣкоторыхъ, онъ плотоядно улыбался и говорилъ себѣ, что со временемъ все это будетъ ему доступно, ну, а пока... пока нужно ждать и довольствоваться Дашенькой.

Ровно въ двѣнадцать онъ вышелъ изъ сада и сталъ приторговывать извозчика на Крестовскій островъ. Вблизи «Акваріума» цѣны запрашивались самыя «возмутительныя». Но Андрей Андреевичъ былъ стоекъ и, не прибавляя ничего къ предлагаемымъ имъ тридцати копейкамъ, ускорялъ только шагъ, чтобы не опоздать къ половинѣ перваго.

Наконецъ, онъ сторговалъ какого-то «ваньку» и поплелся къ мѣсту назначеннаго свиданія, разсчитывая, что даже при такой ѣздѣ, онъ пріѣдетъ во время и въ то же время соображая, возмѣстятъ-ли ему сегодняшніе расходы, и если возмѣстятъ, то какой счетъ нужно представить?

Уже почти передъ самымъ Крестовскимъ садомъ его обогналъ быстро мчавшійся лихачъ. Зоркіе глаза Треймана узнали въ сѣдокѣ Козырева и онъ громко крикнулъ вслѣдъ:

— Иванъ Платоновичъ!

Лихачъ круто осадилъ лошадь, а Козыревъ отозвался изъ темноты плохо освѣщенной аллеи:

— Это вы, Трейманъ?

И получилъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ:

— Пересаживайтесь ко мнѣ!

— Къ Фелисьену, — приказалъ Козыревъ своему кучеру, послѣ того, какъ Трейманъ усѣлся съ нимъ рядомъ.

И тотъ повернулъ лошадь обратно.

— А не на Крестовскій? — удивился Андрей Андреевичъ.

Козыревъ ничего не отвѣтилъ.

Черезъ нѣсколько минутъ они уже входили на подъѣздъ ресторана Фелисьенъ. Бѣжавшій впереди нихъ лакей-татаринъ указалъ на одну изъ дверей и сказалъ:

— Здѣсь-съ!

Козыревъ постучалъ.

— Войдите! — раздался изъ-за дверей рѣзкій голосъ.

И затѣмъ, дверь сейчасъ же распахнулась. На порогѣ стоялъ Антонъ Степановичъ Арташевскій.

Увидавъ за спиной Козырева длинную фигуру Треймана, онъ сказалъ:

— А! Вы съ нимъ? Отлично! Такъ вотъ что, Иванъ Платоновичъ, мы сначала пройдемъ въ другой кабинетъ и поговоримъ

о дѣлѣ, а Костя въ это время распорядится ужиномъ. А потомъ, можно будетъ присоединиться и къ дамамъ.

Трейманъ успѣлъ разглядѣть въ полуотворенную дверь большой, ярко освѣщенный кабинетъ и нѣсколько, тоже ярко одѣтѣхъ, дамъ.

— Галѣй! Освѣти сосѣднiй!—приказалъ Арташевскiй.

— Слушаю, ваше превосходительство! — отвѣтилъ татаринъ и заковылялъ, какъ утка, по корридору.

Черезъ минуту, Арташевскiй, Козыревъ и Трейманъ были уже въ небольшой комнатѣ, освѣщенной висѣвшей съ потолка электрической люстрой.

— Что у васъ какой кислый видъ, Иванъ Платоновичъ?—спросилъ Арташевскiй, кривя свой ротъ въ нервную улыбку и подергивая плечомъ.

— Мерзавцы! Скоты! — захрипѣлъ Козыревъ. — Этотъ шельма Борщовъ выкинулъ сегодняшнюю мою передовую! И поставилъ свою собственную.

Потомъ вдругъ, отворивъ дверь и выставивъ голову въ корридоръ, онъ крикнулъ:

— Галѣй! Дай мнѣ сюда водки и свѣжей икры!

— А вы что, ѣсть хотите?—спросилъ его Араташевскiй

— Не то, что ѣсть, а понимаете—у меня нервы ходуномъ ходятъ. Я золъ, какъ чортъ! Такъ надо вотъ успокоительнаго принять.

— Такъ вы бы ужъ лучше флеръ-д'оранжъ спросили!—усмѣхнулся Арташевскiй.

— Водка вѣрнѣе дѣйствуетъ,—хмыкнулъ Козыревъ.

— Вы, можетъ быть, тоже хотите ужинать?—обратился Арташевскiй къ Трейману.

— Благодарю васъ, я могу подождать.

— Ну, и отлично! Въ такомъ случаѣ поговоримъ по дѣлу. Присядьте. Впрочемъ, виноватъ! Еще два слова Ивану Платоновичу. Статья нужная?—спросилъ онъ, повернувшись къ Козыреву.

— Еще бы не нужная! Продолженiе третьеводняшней. Я хотѣлъ исподволь и незамѣтно провести идею, а онъ меня, мерзавецъ, на полсловѣ оборвалъ! Скотина!

— А нельзя давнуть?—совсѣмъ тихо проговорилъ Арташевскiй.

— Въ данномъ случаѣ—нельзя. Замѣтитъ, хуже будетъ остерегаться,—также тихо отвѣтилъ Козыревъ.—Ну, да я подъ другимъ соусомъ выпущу. Мы съ Елинекомъ черезъ иностранную политику проведемъ.

Трейманъ слушалъ внимательно, но понималъ плохо, т. е. онъ понималъ, что нужно тѣмъ или другимъ путемъ провести что-то въ газетѣ, помимо воли и даже вѣдома редактора, но что нужно провести—онъ не зналъ.

«Впрочемъ,—думалъ онъ,—если я въ данномъ вопросѣ понадоблюсь, сами укажутъ».

— Ну, а вы, все-таки, не злитесь и печень свою не разстраивайте!—успокаивалъ Козырева Арташевскій.—И лучше всего идите прямо къ дамамъ, а мы здѣсь съ Андреемъ Андреевичемъ кое-о-чемъ потолкуемъ и тоже придемъ.

— И то пойду!—согласился Козыревъ.—А то тамъ вашъ Костя такой ужинъ закажетъ, что въ ротъ не возьмешь! А у меня со злости и огорченія печень лопнетъ.

И Козыревъ вышелъ изъ кабинета.

— Ну-съ, голубчикъ, присаживайтесь-ка сюда!—указалъ Арташевскій Трейману на кресло и самъ опустился на оттоманку возлѣ.

Изъ сосѣдняго кабинета доносились громкіе голоса и веселый смѣхъ.

— Ну, какъ дѣла?—помолчавъ немного, продолжалъ Арташевскій, всматриваясь въ Треймана своими свѣтло-сѣрыми глазами и нервно подергивая плечомъ.

— Да ничего, присматриваюсь покамѣстъ, пріучаюсь.

— Отлично-съ.

Арташевскій опять замолчалъ и задумался, какъ бы желая что-то вспомнить. Видимо, шумъ, доносившійся изъ-за стѣны, немного развлекалъ его.

— Да! вотъ что!—заговорилъ онъ, какъ бы собравшись съ мыслями,—у васъ, кажется, хорошій почеркъ?

— Недурной,—отвѣтилъ Трейманъ.

— Нѣтъ, не то что недурной, а прямо-таки хорошій, каллиграфическій. Я видѣлъ ваше писаніе. Очень хорошій почеркъ, очень!

— Я люблю писать красиво.

— Отлично-съ. Если вы любите писать красиво, значитъ вы, вообще, любите графическое искусство и значитъ у васъ вѣрный, а, можетъ быть, и наблюдательный глазъ. И вотъ, на этомъ основаніи я хочу васъ приспособить къ одному занятію. Дѣло въ томъ, что мы... нашли... типографскій шрифтъ, видимо, хорошо уже использованный, потому что порядкомъ-таки избитый. Мы—сдѣлали съ него оттиски, и вотъ я вамъ эти оттиски вручу, а вмѣстѣ съ этимъ я вручу вамъ нѣсколько брошюрокъ и листочковъ, напечатанныхъ, можетъ быть, въ этой типографіи, а, можетъ быть, не въ этой. Изучите хорошенько шрифтъ и

путемъ сравненія опредѣлите: что напечатано этимъ шрифтомъ, а что нѣтъ. Вы понимаете меня?

— Ну, конечно, понимаю.

— И вамъ это не будетъ трудно?

— Думаю, что нѣтъ.

— Такъ вотъ, голубчикъ, я вамъ эту работу и поручу. И чѣмъ скорѣе сдѣлаете вы ее, тѣмъ, конечно, лучше, но все-таки самое главное, это—точность. Ошибка, въ данномъ случаѣ, можетъ повести къ большой путаницѣ. Конечно, мы васъ еще немножко провѣримъ, но... во всякомъ случаѣ, прошу васъ быть точнымъ.

— Постараюсь!

— Отлично-съ! Завтра вечеромъ вы зайдете къ Козыреву и получите указанную работу. И, пожалуйста, сейчасъ же приступите къ ней.

— Хорошо, — дѣловымъ, служебнымъ тономъ отвѣтилъ Трейманъ.

Арташевскій опять помолчалъ немного. И опять, какъ будто вспомнивъ что-то, повернулся къ Трейману.

— Голубчикъ, Андрей Андреевичъ,—заговорилъ онъ ласково,—вы, кажется, живете съ кѣмъ-то? Т. е. я понимаю, съ какой-то женщиной?

— Да... но я думаю уже разойтись, — нѣсколько конфузясь, отвѣтилъ Трейманъ.

— Напрасно, голубчикъ, напрасно,—заторопился Арташевскій,—не совѣтую. Эта дѣвушка вамъ еще можетъ очень пригодиться.

— Да, но я думаю измѣнить немного обстановку моей жизни, я недоволенъ... т. е... какъ бы вамъ сказать? Мнѣ бы хотѣлось немного... поэлегантнѣе... а при новой обстановкѣ, эта дѣвушка... будетъ не только... безполезна, но и... неумѣстна.

Арташевскій придвинулся поближе къ Трейману.

— Нѣтъ, милый другъ,—заговорилъ онъ еще ласковѣе, даже интимно,—нѣтъ! Я вамъ до поры, до времени и обстановки измѣнять не совѣтую. Ни обстановки, ни дѣвушки. Я понимаю, что и то, и другое—должно коробить вашъ эстетически развитой вкусъ, но,—что дѣлать? Потерпите немного. Придетъ время, и въ хоромахъ жить будете. А пока нужно именно такъ, какъ вы живете. Вы даже одѣваетесь болѣе элегантно, чѣмъ бы слѣдовало, но это можно объяснить и извинить вашимъ долгимъ пребываніемъ за границей... Но барышню эту—сохраните... Вѣдь, вы, кажется, привезли ее изъ Швейцаріи?

— Да, но... она ничего не имѣетъ общаго... съ тѣми... лицами, которыя вамъ могутъ быть интересны. Она совсѣмъ не

развитая дѣвушка, хотя и офицерская дочь, но... совсѣмъ, какъ бы изъ мѣщанской семьи.

— Знаю,—весело отвѣтилъ Арташевскій,—знаю, что она и не развитая и ничѣмъ такимъ не занимается, и даже не интересуется. И это даже очень хорошо, потому что, во всякомъ случаѣ, она вамъ никогда и ни въ чемъ не помѣшаетъ. И никогда не потребуетъ отъ васъ никакихъ отчетовъ.

— Да, но это, вѣдь, тоже, что прислуга,—сказалъ Трейманъ опять почему-то сконфуженно улыбаясь.

— Вотъ, то-то и дѣло, что не совсѣмъ: съ одной стороны, она—почти, какъ прислуга, а съ другой...

И Арташевскій, оборвавшись, посмотрѣлъ пытливо Трейману въ глаза.

Трейманъ покраснѣлъ и его обтягивавшая скулы кожа слегка залоснилась.

— Нѣтъ, вы меня не такъ поняли,—засмѣялся Арташевскій, —живутъ, вѣдь, и съ простыми горничными. Это уже дѣло алькова. Я не о томъ. А дѣло въ томъ, что въ Швейцаріи, тамъ... въ Веве, принимали въ ней нѣкоторое участіе.

— Да... она была больна и...

— Ну, вотъ-вотъ! Въ ея пользу, кажется, даже подписка была?

— Да, но... маленькая.

— Это все равно! Важно, что ей было оказано вниманіе и она имъ воспользовалась. Это-то вотъ устанавливаетъ извѣстную с е р д е ч н у ю связь. Понимаете?

— Да... кажется.

— Вотъ-вотъ! Если она дѣвушка добрая, съ хорошимъ сердцемъ...

— О, да, она добрая дѣвушка, только—глупая.

— И чудесно-съ. Ничего лучшаго и не надо! Добра и глупа. Самый милый народъ! При случаѣ, конечно, она пожелаетъ отблагодарить чѣмъ-нибудь своихъ доброжелателей, ну, напримѣръ, предложить имъ пріютъ... вы, конечно, этому противиться не станете, ну, вотъ-съ... Поняли вы меня?

— Да, понялъ, понялъ!—искренно обрадовался Трейманъ.

— Вотъ и великолѣпно-съ! Стало быть, расходиться вамъ съ этой милой барышней—отнюдь не слѣдуетъ. И пока что, живите-ка съ ней на здоровье! Тѣмъ болѣе, что она, кажется, очень миленькая?

Трейманъ утвердительно кивнулъ головой и въ то же время думалъ:

«Откуда же, однако, онъ все это знаетъ? Неужели и за мной уже такое наблюденіе?»

А Арташевскій внимательно посмотрѣлъ на него и, какъ бы угадавъ его мысль, весело разсмѣялся.

— Васъ удивляетъ моя освѣдомленность?—заговорилъ онъ, нервно передергивая губами и слегка касаясь пальцами плеча Треймана.—Да, голубчикъ! Безъ этого нельзя. А поживете, такъ увидите, что это вовсе не такъ трудно. Это, какъ бирюльки: одна за другую цѣпляются... А теперь, пойдемте къ дамамъ, поужинаемъ... Да, кстати, хоть ваша милая барышня и... хорошій человѣкъ, вы все-таки свою работу держите отъ нея въ большой тайнѣ.

— Ну, конечно,—улыбнулся Трейманъ.

— Нѣтъ, я на тотъ случай, что... хорошъ-ли у васъ письменный столъ? Совѣтую англійскій замочекъ къ нему придѣлать или такой шкапчикъ особый завести... тоже съ англійскимъ замочкомъ. Понимаете?

— Понимаю.

— Ну, а теперь къ дамамъ!

И они пошли въ сосѣдній кабинетъ.

Тамъ было свѣтло, накурено и шумно. Три француженки—всѣ три болѣе или менѣе молодыя и пикантныя—наперерывъ одна передъ другой кричали, хохотали и картавили. Буква «р», такъ горохомъ и сыпалась. Какой-то преждевременно облысѣвшій юноша, съ большой бутоньеркой въ петлицѣ, перепархивалъ отъ одной къ другой и въ то же время успѣвалъ перекидываться отрывистыми фразами съ Козыревымъ, который сидѣлъ во главѣ стола и аппетитно ѣлъ свѣжую икру.

— Des ecrr-revisses! Des ecrr-revisses! барабанной дробью трещали француженки.

При входѣ Арташевскаго, дробь эта усилилась еще болѣе.

— Ar-r-r-chewsky!—набросились онѣ на Антона Степановича.—Гдѣ вы пропадали?.. Къ чорту дѣла!.. Мы хотимъ раковъ!.. Это спеціальность дома!

— Вотъ вамъ цѣлыхъ четыре!—указывая на мужчинъ и тыкая себя пальцемъ въ грудь, весело сказалъ Арташевскій.

— И три лангусты,—по-русски вставилъ Козыревъ.

Арташевскій представилъ дамамъ Треймана. Но его длинная, сухая фигура, видимо, не произвела никакого впечатлѣнія, несмотря на то, что самъ Андрей Андреевичъ, заслышавъ французскую болтовню, сразу повеселѣлъ и даже оживился.

— Ну, что же ваши раки?—обратился Арташевскій къ дамамъ.

— Мы ждемъ васъ! Раки нужно ѣсть всѣмъ вмѣстѣ, какъ свершать преступленіе.

— Это значитъ—пачкаться въ компаніи?—вставилъ Трейманъ, и такимъ хорошимъ французскимъ языкомъ, что всѣ француженки взглянули на него.

— Monsieur не французъ?—спросила одна изъ нихъ.

— Къ сожалѣнію, нѣтъ, mademoiselle!—отвѣтилъ Трейманъ.

— Но вы говорите, какъ французъ,—настаивала рыженькая Нишетъ.

— О, я стараюсь даже и чувствовать также,—слегка наклоняясь, сказалъ Трейманъ.

Въ это время два лакея вошли въ кабинетъ: одинъ изъ нихъ несъ большую металлическую миску, полную раковъ, другой —цѣлую стопку запасныхъ салфетокъ.

— Ну, что-жъ, будемъ пачкаться вмѣстѣ!—со смакомъ проговорилъ Козыревъ на довольно плохомъ французскомъ языкѣ.

Молодой человѣкъ, котораго звали коротко—Костя, заботливо принялся повязывать француженкамъ салфетки вокругъ шеи.

— Теперь мы всѣ, какъ бебе!—просипѣла толстая и смуглая Рене, вскидывая на лобъ свои сросшіяся брови.

— Ну, ну!—крякнулъ, взглянувъ на нее Козыревъ.

Вышелъ каламбуръ.

Рене, принявъ это на свой счетъ, пустила въ Козырева кускомъ хлѣба.

— Къ дѣлу, missieurs! Къ дѣлу, mesdames! —хлопотала толстенькая и бѣлокурая Алиса.

Всѣ дружно принялись за раковъ.

Мужчины, особенно Козыревъ, пачкали себѣ руки и капали на салфетки краснымъ соусомъ бордолезъ; дамы ѣли ловко и опрятно. Трейманъ не уступалъ дамамъ.

— Вы настоящій французъ,—шепнула ему Нишетъ.

Онъ ей признательно улыбнулся.

Послѣ раковъ мыли руки, сбросили съ себя салфетки и, усѣвшись опять вокругъ стола, на которомъ татары успѣли перемѣнить скатерть, принялись за ужинъ, если не особенно вкусный, то тщательно продуманный всей этой милой компаніей. Шампанское играло въ стаканахъ, въ глазахъ у дамъ прыгали черти; мужчины старались быть остроумными, впрочемъ, за исключеніемъ Арташевскаго, который и безъ всякаго старанія сыпалъ своими остротами, поминутно вызывая взрывы хохота.

Француженки были безъ ума отъ него. И всѣ такъ и льнули къ этому некрасивому, но сотканному изъ однихъ нервовъ человѣку.

Впрочемъ, уже къ половинѣ ужина, мѣста опредѣлились: толстая, бровастая и даже усатая Рене облюбовала себѣ юнаго

Костю; рыженькая, вертлявая Нишетъ откровенно жалась къ Арташевскому, а полненькая Алиса умильными глазками посматривала на кудлатаго Козырева.

— Какъ жаль, что monsieur—безъ дамы,—замѣтила Нишетъ, ласково глядя на Треймана, видимо, болѣе другихъ симпатизировавшая этому высокому, сухому человѣку.

— Ему предоставляется право ухаживать за всѣми тремя! —просипѣла Рене.

— Онъ рискуетъ умереть съ голоду!—вставилъ Арташевскій.

— Какъ Буридановъ оселъ? — ляпнула неосторожная Алиса.

— О, нѣтъ! А потому, что ротъ его будетъ слишкомъ занятъ поцѣлуями!—поправила ее Нишетъ и поднесла къ губамъ Треймана свою худенькую, какъ птичья лапка, руку.

Шампанское дѣлало свое дѣло: Козыревъ замѣтно и на этотъ разъ, кажется, искренно хмелѣлъ; Костя расплывался подъ взглядами Рене; Арташевскій становился все блѣднѣе, остроумнѣе и нервнѣе. Тикъ то и дѣло кривилъ его ротъ и подергивалъ щеку. Трейманъ же почему-то начиналъ чувствовать себя все болѣе и болѣе лишнимъ. И когда подали кофе, онъ уже былъ совершенно одинокъ.

Какое-то непріятное чувство шевелилось у него въ груди. Онъ понялъ, что его угощаютъ ужиномъ, предупредительно подливаютъ ему шампанскаго, предлагаютъ ему сигаръ, но что здѣсь онъ еще совершенно чужой и, можетъ быть, даже мѣшаетъ. Уйди онъ сейчасъ и его отсутствія не только никто не замѣтитъ, но, напротивъ, всѣ будутъ очень рады и еще веселѣе засверкаетъ здѣсь смѣхъ, еще откровеннѣе сдѣлаются отношенія и, можетъ быть, даже самые костюмы.

«Надо уйти»,—сказалъ онъ самому себѣ.

Но какъ разъ въ это время Костя сѣлъ къ піанино и проигралъ refrain шансонетки, которую въ этомъ сезонѣ исполняла въ одномъ изъ садовъ смуглая Рене.

— Voilà une maison où on mange!—засипѣла француженка, вскинувъ свои сросшіяся брови на самый лобъ и силясь этимъ придать наивное выраженіе своему помятому лицу.

Прослушавъ немного, Трейманъ приблизился къ Арташевскому и тихо сказалъ ему:

— Мнѣ бы пора.

— Что-жъ, до свиданья, голубчикъ!—быстро согласился тотъ, видимо довольный догадливостью Треймана.—А насчетъ ужина не безпокойтесь! Какъ-нибудь послѣ сосчитаемся!

И Трейманъ, незамѣтно для другихъ, вышелъ въ корридоръ.

Свѣтало. Онъ спустился по лѣстницѣ, надѣлъ свое пальто, и ошибся ходомъ: вмѣсто того, чтобы выйти на аллею, онъ вышелъ на пристань ресторана. Швейцаръ не остановилъ его, предполагая, что господинъ просто освѣжиться пошелъ.

На широкомъ помостѣ, за столикомъ у самой воды, сидѣла какая-то небольшая, но очень шумная компанія.

— А! Трейманъ! И вы здѣсь?—не безъ ужаса услыхалъ онъ хриплый голосъ Чаусова.

Андрей Андреевичъ думалъ уже было юркнуть обратно, но другой голосъ, въ которомъ онъ узналъ секретаря редакціи Каченковскаго, крикнулъ ему:

— Идите сюда!

И Трейманъ, волей-неволей, направился къ столику и въ третьемъ собутыльникѣ разглядѣлъ Тропинина.

Беллетристъ, видимо, былъ уже совсѣмъ пьянъ. Шляпу онъ сбросилъ на близь стоявшій пустой стулъ, его длинные, слегка вьющіеся волосы сбились на лобъ, галстукъ съѣхалъ на сторону, «размахайка» безпомощно болталась на одномъ только плечѣ.

На столѣ стояло ведерко съ шампанскимъ, большой кофейникъ, нѣсколько бутылокъ съ ликеромъ и коньякомъ.

— Вы это какже здѣсь?—спросилъ Чаусовъ.—Вѣдь, вы были, кажется, въ Акваріумѣ?

— Былъ,—отвѣтилъ Трейманъ, неохотно опускаясь на стулъ, предложенный ему Каченковскимъ.

— Какъ же вы сюда попали? Съ кѣмъ?—допытывался фельетонистъ.

— Одинъ.

— Одинъ?—удивился и Каченковскій. — Кто-жъ сюда пріѣзжаетъ въ одиночку?

— А вотъ я—пріѣхалъ. Ночь такая чудная. Я ушелъ изъ «Акваріума» и гулялъ на Островахъ. Захотѣлось чаю, я и зашелъ сюда.

— Идиллія!—иронически протянулъ Каченковскій.

— Дудки! Такъ я и повѣрилъ!—хрипѣлъ Чаусовъ.—Просто вы, душенька, изъ тайнобрачныхъ.

— Что вы этимъ хотите сказать? — насторожился Трейманъ.

— А то, что подцѣпили какую-нибудь мамзюльку въ «Акваріумѣ» и явились съ ней сюда ужинать! А меня еще увѣряли, что у васъ даже трехъ рублей нѣтъ!

— Но вы видите, что я одинъ! И, дѣйствительно, у меня трехъ рублей нѣтъ.

— Пейте кофе!—сказалъ Каченковскій.—Тропининъ сегодня получилъ авансъ и угощаетъ.

— Да, пожалуйста, пейте кофе! И вотъ... коньякъ или ликеръ,—подтвердилъ Тропининъ.

Трейманъ взялъ налитую Каченковскимъ чашку.

Изъ-за густой занавѣски полуоткрытаго окна, только что оставленнаго имъ кабинета, неслась уже новая шансонетка.

— Non ça ne marche pas!—дребезжалъ голосокъ рыженькой Нишетъ.

— Какая-то компанія кутитъ съ француженками изъ Крестовскаго,—сказалъ ему Каченковскій.

Трейманъ хорошо зналъ, какая это компанія, но ни малѣйшимъ движеніемъ лица не выдалъ этого.

Надъ рѣкой курился бѣлый туманъ, легкимъ пологомъ окутывая зелень Елагина Острова. На противоположномъ берегу въ разсвѣтѣ ранняго утра блѣдно мелькали огоньки «Славянки». Финляндскіе пароходы уже не ходили, но чей-то частный паровой катеръ, пыхтя и стуча машиной, плавно пронесся мимо. И съ катера доносились веселые женскіе голоса.

— Эхъ, хорошо бы еще соловья подпустить!—задумчиво проговорилъ Тропининъ, невѣрной рукой наливая себѣ шампанскаго.

— Это въ августѣ-то мѣсяцѣ?—разсмѣялся Чаусовъ.

— Въ Италіи теперь хорошо,—продолжалъ Тропининъ.—Ночи теплыя и темныя. Звѣзды—въ кулакъ! А вода въ морѣ—играетъ вся блестками. А съ моря доносится:

Che bella cosa... naiurnata'e sole...
O, solo mio!..

нещадно фальшивя, замурлыкалъ онъ себѣ подъ носъ.

И вдругъ, стукнувъ кулакомъ по столу и откинувъ голову назадъ, громко заговорилъ:

— Вретъ Чеховъ, вретъ! Жизнь—прекрасная вещь!

— Чеховъ вретъ?—иронически переспросилъ Чаусовъ.

— Не то, что вретъ... онъ, можетъ быть, и правду говоритъ, но не надо этой правды! Не хочу я этой правды! Не хочу! Правда—вотъ! Утро, красота, разсвѣтъ, вода, зелень — вотъ правда! А его правды мнѣ не надо! Онъ изъ меня душу живую выматываетъ! Онъ ходитъ между нами и мѣшаетъ мнѣ жить!

— Чеховъ мѣшаетъ жить?—опять удивился Чаусовъ.

— Ну, да, да! Мѣшаетъ! Онъ самъ несчастный и насъ дѣлаетъ несчастными. Онъ, какъ Щедринскій «баранъ Непомнящій», видѣлъ вѣщій сонъ и во снѣ заглянулъ «туда», куда заглядывать не слѣдуетъ, въ правду жизни... Заглянулъ и затосковалъ навсегда!.. И это страшно! И это проклятіе! И онъ развертываетъ

теперь передъ нами тотъ ужасъ, который онъ видѣлъ «тамъ»... Ну, да, да! Жизнь ничтожна! Жизнь безсмысленна! Жизнь жестока! Ты узналъ это? Ну, и умирай! Ну, и кончай съ собой! Не мѣшай намъ, простымъ, наивнымъ, вѣрящимъ... не мѣшай намъ жить! Не мучай насъ! Уйди! Уйди отъ насъ! Чуръ! Чуръ тебѣ!—и Тропининъ замахалъ руками.

— Какже ему не говорить правду, когда онъ ее видитъ!— вставилъ Каченковскій.

— Какъ? Какъ? А вотъ какъ!—заволновался Тропининъ и, залпомъ выпивъ стаканъ вина, быстро повернулся къ Каченковскому.—Толстой видѣлъ эту правду! Достоевскій тоже видѣлъ эту правду, а Пушкинъ весь—воплощенная правда!

— Позвольте, но Достоевскій... тоже не мало терзалъ насъ!

— Нѣтъ, ужъ вы позвольте!—перебилъ Тропининъ Каченковскаго.—Да, Достоевскій видѣлъ эту правду, тоже терзалъ насъ, но когда мы приходили въ отчаяніе, онъ въ утѣшеніе показывалъ намъ Бога. Пушкинъ давалъ намъ красоту, Толстой—и красоту, и Бога, а Чеховъ? Что Чеховъ намъ даетъ? Когда одинъ изъ насъ, сгорая весь въ огнѣ страшныхъ вопросовъ, бросился къ Чехову и заговорилъ съ нимъ о Богѣ, знаете, что онъ отвѣтилъ ему? Онъ сказалъ ему, что въ Москвѣ у Тѣстова солянку хорошую готовятъ и что подъ нее большая водка требуется.

— Правду сказалъ,—крякнулъ Чаусовъ.

— Молчи, циникъ!—закричалъ на него Тропининъ.—Понимаете, солянка! Вмѣсто Бога-то солянку предложилъ! Вотъ она его правда! Вотъ онъ ужасъ его страшной правды! Ты къ нему за Богомъ, а онъ тебѣ—«не угодно-ли соляночки съ листовкой?». Вѣдь, это ужасъ!

— Но, позвольте!—заговорилъ опять Каченковскій.—У Чехова есть же идеалы. Онъ часто говоритъ, что...

— Что черезъ триста лѣтъ людямъ жить хорошо будетъ?— опять перебилъ его Тропининъ.—Это, что-ли? Благодарю васъ за такое утѣшеніе! Черезъ триста лѣтъ! Черезъ триста лѣтъ!— повторялъ беллетристъ, стуча кулакомъ по столу.—Да и эти-то триста лѣтъ у него весьма проблематичны. Такъ, почему-то, черезъ триста, а почему не черезъ тысячу триста? А, чортъ! А чѣмъ жить сейчасъ? Во имя чего умирать? Во имя будущей славы, что-ли? Черезъ три тысячи триста лѣтъ? А!

Насъ въ могилѣ грѣетъ слава!
Экій вздоръ нелѣпый, право!

Нѣтъ, я сейчасъ же, здѣсь, на землѣ, хочу и Бога, и радости! Здѣсь, понимаешь, вотъ здѣсь!

— Въ ресторанѣ Фелисьена?—спросилъ Чаусовъ.

— Да... здѣсь... въ ресторанѣ Фелисьена... Хочу вѣрить, что ты не только фельетонистъ и пьяница, но что въ тебѣ и Богъ есть! Большой Богъ! Сильный! Великодушный! Прекрасный!.. И въ Каченковскомъ Богъ есть... И если васъ обидятъ, т. е. Бога въ васъ обидятъ, такъ я за васъ... умирать пойду! И не смѣйте мнѣ говорить, что это неправда! Не смѣйте!

— Да мы и не говоримъ,—улыбнулся Чаусовъ, замѣчая, что Тропининъ хмелѣетъ все болѣе и болѣе.

— За Бога я пойду умирать,—продолжалъ Тропининъ, машинально выпивъ чью-то рюмку коньяку.—А за солянку съ водкой—не пойду!.. Умру за прекрасную ложь и ненавижу гнойную правду! «Безумству храбрыхъ пою я славу!»—крикнулъ онъ и, поднявшись со стула, сильно покачнулся.

— А что-жъ хорошаго въ безумствѣ?—тихо, но внятно проговорилъ Трейманъ.

— Болванъ!—вырвалось у Тропинина.

Трейманъ похолодѣлъ и тоже поднялся съ мѣста.

— Это... это...—заговорилъ онъ дрожащимъ голосомъ.

— Оставьте его! Развѣ вы не видите, что онъ совсѣмъ пьянъ?—успокаивающе заговорилъ Каченковскій, показывая на Тропинина, который, пошатываясь изъ стороны въ сторону, пошелъ по помосту пристани.

Чаусовъ вскочилъ и послѣдовалъ за нимъ, видимо, боясь, какъ бы Тропининъ не свалился въ воду.

— Завтра же онъ первый извинится передъ вами. А сегодня онъ пьетъ во-всю.

— Но это не причина,—началъ было опять Трейманъ.

— Знаю, что не причина! Т. е. не причина это тамъ, у васъ, въ Европѣ, а у насъ—причина. Однимъ словомъ, завтра, въ редакціи, если хотите, можете возобновить этотъ разговоръ, а сегодня—оставьте.

— Такихъ господъ надо учить!—храбрился Трейманъ.

— Такъ завтра, завтра! Теперь некогда! Вы видите?

И Каченковскій указалъ Трейману на татарина, стоявшаго уже со счетомъ въ рукѣ.

— Поздно-съ,—говорилъ татаринъ.—Закрывать пора.

— Хорошо, до завтра!—согласился Трейманъ и, пожавъ протянутую ему Каченковскимъ руку, направился къ выходу.

Когда онъ подходилъ къ зданію ресторана, веселый хохотъ и шумъ, вырывавшійся изъ открытаго окна кабинета, гдѣ ужинала компанія Арташевскаго, привлекъ его вниманіе и онъ невольно посмотрѣлъ наверхъ. Драпировка какъ разъ въ это время слегка

распахнулась и Андрей Андреевичъ ясно разглядѣлъ обнаженный женскій торсъ.

«Которой изъ трехъ?—подумалъ онъ. И злобно улыбнувшись, закончилъ: «Да, вѣроятно, ужъ всѣ три раздѣты».

И вышелъ изъ ресторана.

— Почему? — бурлилъ Тропининъ, резонясь съ метръ д'отелемъ.—Почему мы должны уходить изъ ресторана, а вонъ та компанія въ кабинетѣ пьянствуетъ и шумитъ не меньше нашего.

— Но, monsieur,—настаивалъ французъ.—Но это потому, что они именно въ кабинетѣ. Въ кабинетѣ всегда можно дольше сидѣть.

— Но, въ такомъ случаѣ, дайте намъ сейчасъ кабинетъ.

— Но теперь уже поздно. Четыре часа ночи!

— А! Что такое четыре часа ночи? А я желаю сидѣть до пяти часовъ утра...

— Яша! Брось! Ну, ихъ къ чорту! Здѣсь, вообще, паршиво...—хрипѣлъ Чаусовъ.

Французъ метръ д'отель, смѣрилъ его только презрительнымъ взглядомъ.

Но на Тропинина эта странная аргументація почему-то подѣйствовала. И онъ, вдругъ, добродушно улыбнувшись, вынулъ изъ кармана брюкъ сторублевую бумажку и, передавая ее Каченковскому, сказалъ:

— Голубчикъ, милый, расплатитесь! А то я пьянъ... Я ничего не понимаю...

— Это ты вторую сегодня ужъ мѣняешь,—замѣтилъ Чаусовъ.

— Не знаю... можетъ быть... Не все-ли равно?..—забормоталъ Тропининъ и вдругъ громко вскрикнулъ:—Ѣдемъ на тони, вотъ что!

— Не довольно-ли?—проговорилъ Каченковскій, возвращая ему сдачу.

— Нѣтъ, милый, голубчикъ! Ѣдемъ, непремѣнно! Поѣдемъ на дальнія тони... на взморье!.. Вотъ и яликъ тутъ...

И черезъ минуту лодка съ компаніей отчалила уже отъ пристани ресторана Фелисьенъ и быстро помчалась внизъ по рѣкѣ къ Крестовскому мосту.

— Совсѣмъ пьяный... Утонетъ еще!—проговорилъ Козыревъ, отодвигая слегка занавѣску окна и глядя вслѣдъ удалявшейся лодкѣ, на которой Тропининъ пытался пѣть какую-то неаполитанскую пѣсенку.

— Однимъ меньше будетъ,—спокойно сказалъ за его спиной Арташевскій.

— Жаль! Талантливый человѣкъ!—задумчиво говорилъ Козыревъ.

— Во всякомъ случаѣ, встрѣтиться вамъ здѣсь съ нимъ было бы неудобно и Жюль молодецъ, что выпроводилъ эту компанію,—сухо проговорилъ Арташевскій.

— Я распорядился, чтобы этихъ господъ убрали не позже четырехъ часовъ,—крикнулъ изъ-за піанино Костя и принялся наигрывать новую шансонетку.

— Ar-r-chewsky! Fermez la fenête! Il fait froid!—крикнула Алиса, болѣе, чѣмъ откровенно раздѣтая.

Закрыли окно. Запѣла сиплая Рене. Нишетъ и Алиса принялись выплясывать какой-то модный танецъ.

Козыревъ налилъ себѣ полстакана портеру и добавилъ его шампанскимъ.

— Это вы для чего же такую смѣсь?—спросилъ, кривя губы, еще болѣе блѣдный, чѣмъ въ началѣ, Арташевскій.

— Чтобъ обалдѣть!—мрачно отвѣтилъ Козыревъ.

И выпивъ свою смѣсь, запилъ ее еще большой рюмкой коньяку.

— А нужно развѣ?—передернувъ плечомъ, опять спросилъ Арташевскій.

— Нужно.

— А зачѣмъ?

— Зачѣмъ?—и Козыревъ поднялъ на него свои маленькіе и злые глаза.—Зачѣмъ?—повторилъ онъ.—Какъ будто вы сами не знаете!

— Не знаю.

— Не притворяйтесь! Вы знаете это лучше, чѣмъ я самъ.

— Сентиментализмъ,—презрительно, сквозь зубы, проговорилъ Арташевскій.

— Сентиментализмъ?—опять повторилъ Козыревъ.

И вдругъ какъ-то вызывающе расхохотался.

— А вотъ когда вы въ одну прескверную осеннюю ночь,—тихо заговорилъ онъ, придвигая свое некрасивое, измятое лицо къ Арташевскому,—сидя въ своемъ рабочемъ кабинетѣ приставите къ правому виску дуло револьвера, такъ передъ тѣмъ, какъ дернуть за гашетку, вы узнаете, какой это сентиментализмъ.

Презрительная улыбка передернула нервное лицо Арташевскаго.

— Русскій надрывъ!—проговорилъ онъ.—Я, батенька, этимъ штукамъ недоступенъ!

— Придетъ и ваша череда,—настаивалъ Козыревъ.

— Нѣтъ-съ, не придетъ! Потому что ваша русская сущность мнѣ также чужда, какъ и вашъ русскій надрывъ.

— Да, вѣдь, вы сами-то тоже русскій! — улыбался Козыревъ.

— По происхожденію, да! Но... знаете, есть такое мѣстечко между Аньеромъ и Нельи... называется оно—Парижъ. Такъ вотъ, моя душа родилась тамъ, тамъ она создалась и выросла. Моя душа—парижанка, а парижанки...

— Да, парижанки рѣдко стрѣляются,—перебилъ его Козыревъ.—Онѣ больше угаромъ... изъ камина... кончаютъ съ собой. Ну, а вы, я полагаю, все-таки застрѣлитесь. Потому что, хоть душа-то ваша и парижанка, да чоботы она носитъ полтавскіе. Вѣдь, вы изъ підъ Пілтавы?

— Нѣтъ, съ Волыни! Но живу, служу и работаю—на Парижъ.

— А я вотъ—съ Волги... съ родины Степана Разина... чуть не на самыхъ Жигуляхъ родился... Духъ-то во мнѣ вольный, и могъ бы я быть хорошимъ человѣкомъ, да не доглядѣлъ! Совѣсть-то мою въ Петербургѣ черви съѣли!.. И вотъ теперь я...

— Вы, кажется, въ покаянный вопль впадаете? Глупо это, —заговорилъ Арташевскій, поднимаясь съ мѣста. — Глупо и грязно! Это напоминаетъ мнѣ библейское выраженіе, знаете, когда песъ возвращается къ своей...

— Ну, ну, договаривайте! — захрипѣлъ Козыревъ.—Что? Языкъ не поворачивается выговорить? Брезгуете словомъ? Ха? А я вотъ договорю, потому что я не чистоплюй! И душа у меня не парижанка, а русская баба въ лаптяхъ съ подковыркою! Ну, да, да! Я, какъ песъ, возвращаюсь къ моей блевотинѣ!..

Арташевскаго всего передернуло.

— Вы, кажется, ужъ пьяны,—брезгливо проговорилъ онъ и отошелъ къ піанино, гдѣ всѣ три француженки, подъ аккомпаниментъ Кости, во все горло распѣвали разухабистую французскую шансонетку.

— Kostia! — засипѣла Рене, закончивъ пѣніе какимъ-то совсѣмъ не двусмысленнымъ жестомъ.—Спойте намъ теперь что-нибудь русское, совсѣмъ русское! Спойте намъ пѣсню русскихъ апашей!

Костя самодовольно тряхнулъ головой, взялъ аккордъ и сильнымъ теноромъ и съ лихимъ пошибомъ, котораго совсѣмъ нельзя было ожидать отъ его фатовской фигурки, запѣлъ:

Я мать свою зарѣзалъ,
Отца своего убилъ,

Красвицу-невѣсту
Я въ морѣ утопилъ!
Погибъ я, мальчишечка,
Погибъ я навсегда!

Лицо Арташевскаго исказилось еще болѣе брезгливой гримасой. Но француженки слушали, затаивъ дыханіе.

Рыженькая Нишетъ всѣмъ тѣломъ прижалась къ Алисѣ и сама не замѣчая, все крѣпче и крѣпче сжимала ей руку выше локтя.

Рене широко раскрыла ротъ, но зубы ея были плотно сжаты, и получился страшный, хотя и красивый, звѣриный оскалъ.

А Костя пѣлъ куплетъ за куплетомъ и, поддаваясь настроенію пѣсни, голосъ его звучалъ все грустнѣе и грустнѣе. Но вотъ, онъ допѣлъ до конца и какъ-то отчаянно и безнадежно свистнулъ.

— Bravo!—крикнула было Алиса.

Но сзади раздалось какое-то странное хрюканье.

Всѣ повернулись. За столомъ, опустивъ голову на руки, сидѣлъ Козыревъ и рыдалъ.

— Пьяный надрывъ! — презрительно проговорилъ Арташевскій...

По широкой аллеѣ Каменнаго Острова, мѣрно шагая своими длинными ногами, пѣшкомъ возвращался въ городъ Андрей Андреевичъ Трейманъ. Встрѣчавшіеся ему по пути извозчики запрашивали такія безобразныя цѣны, что надо было быть «пьянымъ дуракомъ», чтобы дать ихъ.

«Дойду пѣшкомъ и лучше просплю лишній часъ, чѣмъ брошу лишній рубль»,—говорилъ Андрей Андреевичъ, сердито посматривая впередъ по дорогѣ.

Онъ былъ золъ и потому кожа, плотно обтягивавшая его скулы, не только блестѣла, но и подергивалась.

— Какъ они всѣ глупы,—говорилъ онъ самъ себѣ.—Тратятъ громадныя деньги, а веселиться не умѣютъ. Напиваются, какъ сапожники, и говорятъ пошлости. Заграницей они совсѣмъ не таковы, какъ здѣсь. Тамъ чужая культура сдерживаетъ ихъ. А дома они распоясываются и становятся отвратительными, какъ свиньи. Съ ними, положительно, не знаешь, какъ себя держать.

Андрей Андреевичъ въ глубинѣ души чувствовалъ, что онъ сегодня сдѣлалъ нѣсколько промаховъ, но гдѣ? Какихъ? Этого онъ прослѣдить не могъ. И потому, конечно, злился «на этихъ» людей, къ которымъ «порядочный человѣкъ» никакъ не примѣнится.

«А Тропинину я не забуду! Нѣтъ-съ, этому господину я не забуду! Онъ обо мнѣ вспомнитъ! Онъ меня узнаетъ! Ого-го-го-о»!

Андрей Андреевичъ при этомъ даже сердито махалъ пальцемъ по воздуху.

XIII.

На другой день вся редакція была не въ духѣ. Каченковскій, сидя за своимъ секретарскимъ столомъ, то и дѣло нюхалъ нашатырный спиртъ и хватался за голову.

Чаусовъ, расхаживая взадъ и впередъ по его комнатѣ и хрипя болѣе обыкновеннаго, ругался, размахивая корректурой своего фельетона, на которой стояла зловѣщая надпись, сдѣланная синимъ карандашемъ: «не пойдетъ».

— Почему не пойдетъ? На какомъ основаніи?—приставалъ онъ къ Каченковскому.

— Господи! Да, вѣдь, я ужъ тебѣ объяснялъ!—болѣзненно морщась, говорилъ секретарь.—Никита Фомичъ прочиталъ и сказалъ, что это—пьяный бредъ и что такъ для «Кругозора» писать нельзя.

— Скотина этотъ Борщовъ! Право, скотина! — ругался Чаусовъ.

— А ты вотъ поди и скажи ему это,—не безъ ироніи замѣтилъ Каченковскій.

— И сказалъ бы, непремѣнно бы сказалъ!

— Такъ за чѣмъ же дѣло стало?

— Деньги нужны. Я сегодня наровилъ небольшой авансикъ попросить.

— Не рекомендую! Онъ сегодня туча-тучей. Сейчасъ Елинека такъ распушилъ, что нашъ Жозенька отъ него, какъ изъ бани, выскочилъ.

Вошелъ редакціонный разсыльный.

— Ну, что?—спросилъ его Каченковскій.

— Статьи сегодня не будетъ-съ.

— Отчего?

— По причинѣ того, что они еще со вчерашняго дня домой не возвращались.

— Это тебѣ кто сказалъ?

— Матильда Ивановна. Вышли и сказали-съ, что Иванъ Платоновичъ, какъ вчера уѣхали изъ дому, такъ и не бывали еще,—обстоятельно докладывалъ разсыльный.

— Ну, вотъ видишь, еще непріятность! Козыревъ загулялъ! —обратился Каченковскій къ Чаусову.

И затѣмъ, повернувшись къ разсыльному, коротко сказалъ:

— Ступайте!

Тотъ вышелъ.

— Ну, вотъ, Никита Фомичъ еще болѣе обозлится. Надо пойти сказать ему.

И Каченковскій, сжавъ обѣими руками виски, осторожно поднялся со стула.

— Черти полосатые!—ругался Чаусовъ.—Чей же сегодня фельетонъ идетъ?

— Батенкова. Запасной.

— Сколько же у этого Батенкова фельетоновъ запасныхъ?

— А сколько угодно. Онъ не по вашему работаетъ!

— Такъ нельзя же на одномъ Батенковѣ выѣзжать!

— Отчего нельзя? Даже наоборотъ! Его фельетоны всегда розницу поднимаютъ,—улыбнувшись, отвѣтилъ Каченковскій и направился къ двери.

— Постой!—крикнулъ ему Чаусовъ.—Ты не можешь дать мнѣ пять рублей?

— Нѣтъ, не могу.

— Почему?

— Да потому, что у меня у самого только два съ полтиной.

— О, дьяволъ! Да погоди, постой же! Успѣешь!—загородивъ дорогу, продолжалъ Чаусовъ.—Ты не знаешь, гдѣ сейчасъ Тропининъ?

— Знаю.

— Гдѣ?

— Въ Финляндію ѣдетъ. Сегодня съ утреннимъ поѣздомъ уѣхалъ. Я провожалъ. Изъ-за него всю ночь не спалъ.

— Въ Финляндію?—широко раскрывая свои воспаленные глаза, переспросилъ Чаусовъ.

— Ну, да! Въ Финляндію.

— Куда же въ Финляндію?

— Не знаю. Билетъ взялъ въ Гельсингфорсъ.

— Зачѣмъ?

— А кто-жъ его знаетъ? Нужно, говоритъ. Взялъ и поѣхалъ.

— Пьяный?

— Нѣтъ, къ утру онъ освѣжѣлъ. Ты, вотъ, совсѣмъ, какъ мертвецъ, свалился, а онъ—освѣжѣлъ. На вокзалѣ мы чаю съ нимъ напились. Онъ и уѣхалъ.

— Да зачѣмъ же?

— Какой чудакъ! Да говорю тебѣ—не знаю! Ну, пусти! Мнѣ къ Никитѣ Фомичу надо, о Козыревѣ сообщить!

И Каченковскій вышелъ изъ комнаты. Чаусовъ хрипло выругался ему вслѣдъ.

Трейманъ, исполняя вчерашнее приказаніе Елинека, явился въ редакцію во фракѣ. А Елинекъ объявилъ ему, что интервью не состоится, такъ какъ лордъ Квексъ сегодня съ дороги никого принимать не будетъ.

Трейманъ, и безъ того разстроенный вчерашними непріятностями и сегодняшней, плохо проведенной ночью, насупился еще болѣе.

Каченковскій, заглянувшій случайно въ его комнату, не безъ ехидства спросилъ:

— Что это вы во фракѣ? Не на дуэль-ли Тропинина вызывать собрались? Такъ онъ, батенька, тю-тю! Въ Финляндію уѣхалъ!

— Напрасно господинъ Тропининъ укрывается. Я его на дуэль вызывать не намѣренъ. Есть и другія средства проучить этого господина,—холодно отвѣтилъ Трейманъ и сейчасъ же внутренно раскаялся въ этихъ послѣднихъ словахъ.

А тутъ еще Коченковскій разсмѣялся и, впадая въ его тонъ, проговорилъ:

— Напрасно вы думаете, что Тропининъ укрывается. Вотъ онъ вернется, я ему скажу, такъ онъ самъ васъ вызоветъ.

И прошелъ въ комнату Елинека.

«Два jours néfastes подрядъ!—мысленно заключилъ Трейманъ.

Вечеромъ онъ пошелъ къ Козыреву, но встрѣтившая его Матильда Ивановна и ему сообщила, что Ивана Платоновича нѣтъ, а что вотѣ на его, Треймана, имя присланъ большой пакетъ, и что она можетъ ему вручить его, такъ какъ на пакетѣ стоитъ надпись: «Въ случаѣ отсутствія Ивана Платоновича, передать лично господину Трейману».

Забравъ объемистую кипу бумагъ, тщательно запакованную въ синій коленкоровый пакетъ, Трейманъ хотѣлъ было идти, но Матильда Ивановна остановила его:

— Благоволите расписаться,—дѣловито проговорила она, поправляя свои очки.

Трейманъ расписался и на извозчикѣ поѣхалъ домой.

XIV.

Ахматовы вернулись въ Петербургъ и Трейманъ, узнавъ объ этомъ изъ газетъ, рѣшилъ сдѣлать имъ визитъ.

Разузнавъ о пріемномъ днѣ Ольги Александровны и облачившись въ свой вѣнскій рединготъ, онъ къ четыремъ часамъ отправился въ маленькій особнякъ Ахматовыхъ на Мойкѣ.

Его приняли. Но съ первыхъ же словъ, которыми его встрѣтила Ольга Александровна, онъ понялъ, что Ахматовы здѣсь совсѣмъ не таковы, какъ за границей. Прежде всего, Ольга Александровна сдѣлала видъ, что не сразу узнала его и, только перекинувшись двумя-тремя ничего не значащими словами, она, какъ бы вспомнивъ, воскликнула:

— Ахъ, «карета скорой помощи»!

И только послѣ этого принялась за разспросы.

Трейманъ все это замѣтилъ, понялъ, но не обидѣлся: «такъ должны дѣлать всѣ сановные люди»,—подумалъ онъ и рѣшилъ даже про себя, что со временемъ, когда его положенiе упрочится по службѣ и въ обществѣ, онъ будетъ совершенно также поступать со своими знакомыми, которые помельче.

— Ну, что подѣлываете? Чѣмъ занимаетесь?—разспрашивала Ольга Александровна.

Трейманъ сообщилъ, что онъ причисленъ уже,—конечно, пока сверхъ штата,—къ иностранному министерству, а что занимается онъ теперь въ редакцiи газеты «Кругозоръ», по внѣшней политикѣ.

— Вотъ какъ? Браво! Браво!—одобрила Ольга Александровна.

Но сейчасъ же спросила:

— Почему же «Кругозоръ»? Почему не «Современныя Вѣсти»?

Трейманъ объяснилъ, что, во-первыхъ, въ «Современныхъ Вѣстяхъ» все переполнено, а во-вторыхъ, и въ «Кругозорѣ», при желанiи и извѣстномъ умѣнiи, можно вести политику въ томъ духѣ, который наиболѣе соотвѣтствовалъ бы видамъ правительства.

— Ну, да, да! Конечно!—согласилась Ольга Александровна. —Но только смотрите, какъ бы они васъ не совратили!

Трейманъ значительно улыбнулся, какъ бы говоря: «о, нѣтъ! меня не совратятъ!».

Олега Александровна вспомнила и про ту молодую дѣвушку, которую они по подпискѣ отправляли изъ Швейцарiи и которую, кажется, онъ взялся даже проводить въ Россiю.

— Вы, должно быть, говорите про дѣвицу Второву?— переспросилъ Трейманъ, почему-то не найдя возможнымъ назвать Дашеньку «mademoiselle».—Она здѣсь, въ Петербургѣ, и, кажется, поступила куда-то на мѣсто... къ дѣтямъ... бонной.

И ни одинъ мускулъ не дрогнулъ на костлявомъ лицѣ Андрея Андреевича при этихъ словахъ.

— Ну, а какъ вы сами живете?—продолжала Ольга Александровна,—гдѣ бываете?

— Знакомствъ у меня немного. Кромѣ редакціонной семьи, да графа Раабе-фонъ-Блазевицъ, я почти нигдѣ не бываю.

При имени графа Раабе, Ольга Александровна сдѣлала большіе глаза.

— Вотъ какъ? Вы бываете у графа Федора Эдуардовича? —слегка удивилась она.—Гдѣ же вы съ нимъ познакомились?

— Графъ зналъ меня еще ребенкомъ. Моя семья, въ свое время, пользовалась его расположеніемъ.

— Вотъ какъ?—повторила Ольга Александровна, по привычкѣ соображая: какъ можно воспользоваться и этимъ обстоятельствомъ.

Ольга Александровна была человѣкъ большой дѣловитости и у нея, что называется, каждое лыко шло въ строку.

Въ это время пріѣхали какихъ-то двѣ дамы и гвардейскій офицеръ. Ольга Александровна нашла возможнымъ, хотя и очень вскользь, представить имъ Андрея Андреевича.

Вышелъ изъ кабинета и самъ Петръ Ивановичъ Ахматовъ. Этотъ, кажется, совершенно искренно не узналъ Треймана, хотя поздоровался съ нимъ очень любезно.

И Петръ Ивановичъ былъ здѣсь не тѣмъ замухрастымъ старичкомъ, какимъ Трейманъ привыкъ его видѣть въ Монтре, въ кофейной Зюрхера. И въ немъ чувствовался здѣсь сановникъ и важное лицо.

Зазвенѣли шпоры и, грузно переваливаясь съ ноги на ногу, вошелъ новый посѣтитель, Никодимъ Павловичъ Пантусовъ.

— Ah, général!—привѣтствовала его хозяйка.

— Матушка! Ольга Александровна! Наконецъ-то, вы вернулись! Соскучились мы объ васъ! Ну, теперь хоть въ Петербургѣ посвѣтлѣе будетъ,—загремѣлъ онъ своимъ непомѣрнымъ басомъ, смачно цѣлую протянутую ему пухлую руку.

Затѣмъ, поздоровавшись съ хозяиномъ и гостями, онъ увидалъ Треймана.

— А! «Карета скорой помощи»! Радъ, радъ васъ видѣть!

И тиснувъ Андрею Андреевичу руку, снова повернулся къ хозяйкѣ и загремѣлъ:

— Слышали? Нашъ-то! Сіятельный-то князь, Лоскутовъ! Опять отмочилъ штуку!

Какъ ни интересно было знать: что именно «отмочилъ» князь Лоскутовъ, но Андрей Андреевичъ, сообразивъ, что визитъ его перешелъ дозволенныя границы, почтительнѣйше откланялся и вышелъ изъ салона, унося очень лестное для себя приглашеніе—«бывать», сдѣланное ему и хозяйкой, и хозяиномъ.

Отъ Ахматовыхъ онъ отправился въ редакцію.

Тамъ, проходя по корридору въ свою комнату, онъ встрѣтился съ выходившимъ отъ Елинека Козыревымъ, котораго онъ не видалъ уже съ недѣлю, т. е. съ самой попойки у Фелисьена.

— Зайдите сегодня часовъ въ десять вечера ко мнѣ!—на ходу буркнулъ ему Козыревъ и прошелъ въ переднюю.

Вечеромъ, когда Трейманъ позвонилъ у двери Козырева, сердце у него почему-то екнуло. Какое-то предчувствіе чего-то большого и важнаго охватило его. До сихъ поръ онъ срывалъ только цвѣточки со своего новаго дѣла, теперь, кажется, приходилось добираться и до самыхъ ягодокъ. И это не то, что пугало Андрея Андреевича, но заставляло его настораживаться, озираться. Онъ понималъ, что здѣсь малѣйшій промахъ можетъ обойтись ему дорого. И какъ ни какъ, а, вѣдь, это начиналась новая полоса въ его жизни и, можетъ быть, переломъ въ его судьбѣ.

Матильда Ивановна провела его прямо въ столовую. Тамъ, за самоваромъ, съ газетой въ рукахъ, одиноко сидѣлъ Козыревъ. Передъ нимъ стоялъ стаканъ крѣпкаго чая, на пепельницѣ курилась толстая папироса-самокрутка въ кавказскомъ мундштукѣ.

— Здравствуйте!—не поднимаясь съ мѣста и протягивая ему свою короткую, волосатую руку, поздоровался Козыревъ.— Садитесь и будемъ пить чай. Вы какой пьете?

— Средній,—отвѣтилъ Трейманъ, опускаясь на стулъ съ высокой спинкой.

Козыревъ отложилъ въ сторону газету и сталъ наливать въ стаканъ чай.

Трейманъ мелькомъ взглянулъ на заголовокъ газеты и прочиталъ: «Journal de Génève», потомъ перевелъ глаза на лицо Козырева. Оно было спокойно, холодно. Глаза смотрѣли сурово, а губы энергично сжаты. Обыкновенно взлохмаченные волосы Козырева были на этотъ разъ зачесаны назадъ и лежали ровными, волнистыми прядями. И голосъ у него звучалъ безъ обычной хрипоты, ровно и увѣренно.

Такимъ Трейманъ Козырева еще не видалъ и въ глубинѣ души долженъ былъ сознаться, что т а к о й Козыревъ производилъ впечатлѣніе почти жуткое.

На столѣ не было ни одной бутылки, а стояло только нѣсколько вазочекъ съ вареньемъ и корзина съ разнымъ печеньемъ.

— Вамъ, можетъ быть, рому или коньяку въ чай?—спросилъ Козыревъ, передавая Трейману стаканъ въ серебряномъ подстаканникѣ.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я такъ,—отвѣтилъ тотъ, чувствуя,

что онъ теряетъ самообладаніе подъ взглядомъ маленькихъ, калмыцкихъ глазокъ, которые на него смотрѣли такъ просто, такъ увѣренно, какъ бы говоря: «что-жъ, братецъ мой, пора и за дѣло».

— Ну-съ,—заговорилъ, между тѣмъ, Козыревъ, прихлебывая изъ своего стакана.—Антонъ Степановичъ доволенъ вашей работой по сличенію шрифтовъ. Вы тамъ двѣ-три ошибки сдѣлали, но это не суть важно, да и не объ этомъ теперь рѣчь. А вы вотъ что-съ: будь-ка такъ добры, поподробнѣе и пообстоятельнѣе разскажите мнѣ о вашихъ швейцарскихъ знакомствахъ.

— Т. е. что именно?—переспросилъ Трейманъ.

— А вотъ то именно: съ кѣмъ вы знакомы и въ какихъ отношеніяхъ? Начнемъ съ Лагутина. Какъ вы съ нимъ?

— Съ Лагутинымъ я знакомъ, какъ и съ другими, не больше и не меньше,—началъ Трейманъ.—Ни дружбы, ни какихъ-нибудь особенно пріязненныхъ отношеній между нами не было. Я знакомъ съ Лагутинымъ, съ Войновичемъ, съ Марьей Александровной, съ Оленькой Бриксъ, съ Антіохомъ...

— Постойте!—остановилъ его Козыревъ.—Вы его настоящаго имени не знаете?

— Нѣтъ, не знаю.

— Запомните: Федоръ Емельченко. Онъ же и Капустнякъ... Такъ. Ну, дальше!

Трейманъ вынулъ свою записную книжечку и по ней сталъ вспоминать и другія имена.

— Хорошо! Знакомство большое, но все это, конечно, поверхностно, что называется, шапочное знакомство. Къ вамъ они, конечно, относятся недовѣрчиво?

— Они не имѣютъ основанія мнѣ не довѣрять,—слегка обидѣвшись, сказалъ Трейманъ.

— Ну, да вѣдь и довѣрять тоже не имѣютъ никакого основанія.

— Конечно, да, но...

— Позвольте, не въ этомъ дѣло,—перебилъ его Козыревъ. —Въ перепискѣ вы изъ нихъ ни съ кѣмъ не состоите?

— Нѣтъ... Впрочемъ, виноватъ: коротенькую открытку я послалъ Оленькѣ Бриксъ. Она ухаживала тамъ за больной моей... когда та была тамъ... больна...

— Хорошо. Понимаю. Ну, а отвѣта не получили?

— Нѣтъ.

— Такъ вотъ что-съ: попросите теперь вы вашу сожительницу,—обстоятельно заговорилъ Козыревъ, постукивая по стакану своими желтыми ногтями.—Попросите вашу сожительницу—ее, кажется, Дарья Васильевна зовутъ?—Хорошо. Такъ

вотъ, попросите вы ее, чтобы она самостоятельно написала большое письмо этой самой Оленькѣ Бриксъ. Проредактируйте письмо сами. Пусть она напишетъ, что вы оба отлично устроились. Живете дружно. Что вы работаете въ прогрессивной газетѣ «Кругозоръ», что кое съ кѣмъ познакомились, съ кѣмъ именно, въ письмѣ, дескать, упоминать неудобно. Но что она, т. е. ваша Дашенька, ни на минуту не забываетъ добра, которое ей тамъ сдѣлали и отъ души рада бы чѣмъ-нибудь отблагодарить за него... И тутъ сейчасъ, знаете-ли, этакое à propos... Понимаете, этакое «да, кстати»: «Если, дескать, вы, Оленька, или кто нибудь изъ вашихъ друзей, вздумаете пріѣхать въ Петербургъ, то, на первыхъ порахъ можете спокойно и ничѣмъ не рискуя, остановиться у насъ. У дворниковъ, дескать, мы на самомъ лучшемъ счету, потому что Андрей Андреевичъ, по своей нѣмецкой аккуратности, крайне остороженъ»...

Отъ «нѣмецкой аккуратности» Треймана почему-то слегка передернуло и онъ про себя уже рѣшилъ, что фразу эту надо передѣлать и написать что-нибудь вродѣ: «по своему благоразумію», или «по своей дальновидности».

— Однимъ словомъ, вы хорошо понимаете меня?—переспросилъ Козыревъ, раскуривая погасшую папиросу.

— Кажется, что хорошо.

— Но лучше всего вотъ что: вы набросайте-ка сейчасъ черновичекъ и мы его обсудимъ, потому что это дѣло надо дѣлать тонко и осторожно.

И Козыревъ досталъ изъ-подъ газеты довольно толстый блокъ-нотъ и, сорвавъ сверху нѣсколько уже исписанныхъ листиковъ, передалъ его вмѣстѣ съ карандашемъ Трейману.

Андрей Андреевичъ умѣлъ и любилъ писать письма и умѣлъ писать ихъ на всякіе лады и вкусы, а потому, черезъ полчаса онъ набросалъ довольно обстоятельный черновичекъ, который и подалъ Козыреву.

Тотъ съ карандашемъ въ рукахъ пробѣжалъ его и, сдѣлавъ двѣ-три незначительныхъ поправки, въ общемъ одобрилъ.

— Ну-съ,—сказалъ онъ послѣ этого,—продиктуйте вы это письмо вашей Дашенькѣ и принесите его мнѣ, а я уже его отправлю и отправлю такъ, что оно непремѣнно дойдетъ. А затѣмъ, ждите и, въ случаѣ полученія отвѣта, принесите его ко мнѣ. Если же отвѣта не послѣдуетъ, а вмѣсто него, въ одинъ прекрасный день или вечеръ, явится къ вамъ кто-нибудь о т т у д а, вы того субъекта пріютите,—крупная рыба къ вамъ, конечно, не пойдетъ, но иногда и малявкой пренебрегать не слѣдуетъ,—причемъ имѣйте видъ конспиративный, т. е. не показывайте сразу, что у васъ можно жить безопасно... Они хоть и пижоны, но...

догадаться могутъ... А потому, принимайте всякія таинственныя мѣры. Причемъ сами всякихъ бесѣдъ, сношеній, а тѣмъ паче— разспросовъ, избѣгайте. У васъ видъ для сего не располагающій. Предоставьте все это сердцу вашей Дашеньки. Съ ней они будутъ спокойнѣе. Да и въ самой Дашенькѣ не возбудите какъ-нибудь подозрѣнія! На сердце ея дѣйствуйте, понимаете, на сердце, на доброту души! Вѣдь, она у васъ, кажется, этакъ вродѣ ангельчика?

— Да, она очень, очень... наивная дѣвушка.

Андрей Андреевичъ хотѣлъ сказать: «глупая», но почему-то замѣнилъ это слово: «наивная».

— И добрая?

— Да... очень добрая.

— Ну, вотъ, что и требуется. Кромѣ того,—потирая себѣ лобъ, продолжалъ Козыревъ,—теперь же приготовьте вашу Дашеньку, что вы каждую минуту, нежданно, негаданно, можете быть командированы редакціей, куда-нибудь тамъ... въ Москву, въ Кіевъ, въ Одессу... понимаете, чтобъ она хорошенько это взяла въ толкъ и чтобъ вашъ «молніеносный» отъѣздъ никогда бы не былъ для нея неожиданностью.

— А развѣ редакція можетъ меня такъ командировать?

— Можетъ,—отвѣтилъ Козыревъ, и неуловимая улыбка мелькнула у него подъ усами.

Затѣмъ, онъ всталъ и, опять взъерошивъ по привычкѣ свои волосы, сталъ ходить взадъ и впередъ по столовой.

— Скажите еще вотъ что:—заговорилъ онъ послѣ небольшой паузы, остановившись передъ Трейманомъ.—Вы очень привязаны къ этой дѣвушкѣ? Вы очень ее любите?

Трейманъ криво усмѣхнулся.

— Странный вопросъ,—заговорилъ онъ слегка дрожащимъ голосомъ,—я, интеллигентный и воспитанный человѣкъ, развѣ я могу привязаться серьезно къ дѣвушкѣ, которая даже плохо грамотна и изъ самаго низкаго общества...

Козыревъ слушалъ и, слегка покачивая головой, презрительно улыбался.

— Такъ что разлука съ ней васъ бы не особенно огорчила? —спросилъ онъ.

— Нисколько. Даже напротивъ. Я самъ хотѣлъ съ ней разстаться, такъ какъ она понижаетъ... мое tenue... мою обстановку... Но Антонъ Степановичъ посовѣтовалъ мнѣ пока подождать, говоря, что все это можетъ пригодиться.

— Да, все это можетъ пригодиться,—раздумчиво повторилъ Козыревъ и потомъ вдругъ спросилъ:—Да, вѣдь, она, кажется, хорошенькая?

— Т. е. что значитъ—хорошенькая? У нея миловидное личико, но формы...

И Трейманъ сдѣлалъ брезгливую гримасу.

— Ну, вотъ что, голубчикъ, я васъ ужинать не оставлю. Мнѣ сейчасъ нужно ѣхать въ типографію, править корректуру завтрашней своей статьи, такъ что—до свиданья. Сдѣлайте все, какъ я вамъ говорилъ, и помните, что о каждомъ шагѣ, о каждомъ движеніи по этому дѣлу вы должны предупреждать меня. А... относительно вознагражденія—будьте спокойны. Останетесь довольны, даже сверхъ ожиданія. Простите, что я васъ такъ выпроваживаю, но вы знаете—les affaires avant tout. До свиданья.

И Козыревъ, проводивъ Треймана до передней, самъ вышелъ изъ дому почти сейчасъ же вслѣдъ за нимъ.

Но онъ не прямо поѣхалъ въ типографію. Передъ этимъ ему нужно было еще заѣхать по дѣлу къ Антону Степановичу Арташевскому.

Начальника своего—потому что Арташевскій былъ, дѣйствительно, начальникомъ Козырева—онъ засталъ въ минуту отдыха.

Антонъ Степановичъ игралъ со своимъ любимцемъ, породистымъ, но слегка ожирѣвшимъ, фоксъ-терьеромъ Вайтомъ. Онъ бросалъ ему большой черный мячикъ, а Вайтъ, хрипя и фыркая, ловилъ его и подавалъ обратно хозяину.

— Ожирѣлъ, поганецъ! Хрипитъ, какъ генералъ Пантусовъ,—проговорилъ Арташевскій, поздоровавшись съ Козыревымъ и лаская своего терьера.

— Я къ вамъ не надолго,—предупредилъ Козыревъ, кладя свой портфель на стоявшій среди кабинета круглый столъ, покрытый скатертью и заваленный альбомами и кипсеками.

— Ну, что-жъ, будемъ чай пить,—предложилъ Арташевскій, обтирая платкомъ руки.

И пошелъ въ свою маленькую столовую.

— Тропининъ въ Финляндію уѣхалъ,—сообщилъ шедшій слѣдомъ за нимъ Козыревъ.

— Есть,—коротко, по-флотски, отозвался Арташевскій.

И Козыревъ не могъ понять: что собственно должно было обозначать это «есть»: «принимаю-ли, дескать, къ свѣдѣнію?» или: «И безъ тебя знаю».

Они сѣли за столъ, на которомъ уже кипѣлъ маленькій, круглый никкелевый самоварчикъ. А возлѣ него стоялъ большой китайскій чайникъ, покрытый теплымъ колпакомъ въ видѣ пѣтуха.

— Чай я, собственно говоря, уже пилъ...—началъ было Козыревъ.

— Въ такомъ случаѣ, какого вина?—не давъ ему договорить, спросилъ Арташевскій и потянулся къ грушѣ электрическаго звонка.

— Нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ его Козыревъ. — Воздерживаюсь.

Арташевскій опустилъ руку и криво усмѣхнулся, причемъ щеку его очень замѣтно передернуло «тикомъ».

— Люблю я васъ въ этомъ настроеніи,—заговорилъ онъ, почти ласково глядя на Козырева.—Вы послѣ большого перепоя очень хороши бываете. Дѣло у васъ кипитъ въ рукахъ; энергіи хоть отбавляй.

— Золъ я становлюсь, вотъ что! Золъ и... даже отвратителенъ,—мрачно проговорилъ Козыревъ, закуривая толстую папиросу.

— Батюшка! Что вы это? Зачѣмъ такія кислыя слова?—остановилъ его Арташевскій.—Не отвратительны, а почти прекрасны, какъ всякій человѣкъ, который захваченъ большой и плодотворной работой.

— Что вы называете «плодотворной»?

— А все то, что приноситъ плоды.

И Арташевскій, опять улыбнувшись, схватился за щеку.

— Что съ вами?—спросилъ Козыревъ.

— Да невральгія личного нерва, кажется, у меня разыгрывается,—отвѣтилъ тотъ, растирая щеку.

— Скверная штука!

— Да, очень скверная,—подтвердилъ Арташевскій.

— Лечиться надо!

— Некогда.

— Развѣ работы много?

— Чортова прорва. Сегодня опять часовъ до пяти просижу.

И Арташевскій, снявъ колпакъ съ чайника, началъ наливать себѣ въ стаканъ густой и почти совершенно черный чай.

— Вонъ вы какой чай пьете!—замѣтилъ Козыревъ.—Я пью крѣпкій, а вы уже прямо настоящій деготь.

— Ничего не подѣлаешь—привыкъ! Да и работа безъ этого не пойдетъ.

— Такъ, вѣдь, невральгія-то еще хуже разыграется.

— Тогда мѣры примемъ.

— Какія?

— Морфій.

— Вспрыскиваете?

— Вспрыскиваю.

— Скверно это. Опасно.

— Да, знаю, что опасно, но безъ этого не обойдешься.

— Почему такъ?

— А потому что деньги нужны и жить хочется... Впрочемъ, что это вы сегодня какіе наивные вопросы задаете? А развѣ вашъ «запивохинъ» не то же самое?

— Ну, нѣтъ, далеко не то же самое, потому что я отъ моего «запивохина» всегда остановиться могу, а привыкнуть къ морфію—это ужъ крышка!

— Ну, что-жъ? Крышка, такъ крышка!

— Неужели вы въ самомъ дѣлѣ такъ равнодушно относитесь къ жизни?

— Равнодушно?—повторилъ Арташевскій.—Совсѣмъ нѣтъ! Папротивъ, я очень люблю жизнь, очень дорожу ею, только я ея не боюсь.

— Т. е. смерти не боитесь?

— Нѣтъ, смерти я боюсь. И если бы въ тотъ моментъ, когда она протянетъ ко мнѣ свою костлявую лапу, я могъ бы вздернуть ее на висѣлицу, я сдѣлалъ бы это съ особеннымъ удовольствіемъ. Но она, подлая, совершенно неуязвима... Но жизни я не боюсь и желаю провести ее въ наилучшемъ состояніи духа. А что поможетъ мнѣ въ этомъ—сегодня женщины, завтра, можетъ быть, морфій—не все-ли равно? Важно только, чтобъ во всякую минуту этой жизни я былъ бы увѣренъ, что беру отъ нея все, что только можно взять. А много отъ нея, вѣдь, не возьмешь, какъ отъ паршивой овцы—развѣ шерсти клокъ?

— И такъ, только «я, я, я» и ничего больше?—спросилъ Козыревъ.

— Ну, да, конечно: «я, я, я», а въ данный моментъ вотъ еще вы, иногда «она», иногда—«онѣ»... Но, впереди всего, конечно, я. Да, вѣдь, полагаю, что и у васъ также? Вѣдь, и вы—«центръ вселенной»? И что бы мы ни дѣлали, мы дѣлаемъ все только для себя. И это не только мы съ вами, а всѣ, всѣ безъ исключенія. Даже, «тѣ», что воображаютъ, что они служатъ какой-то идеѣ, работаютъ на слѣдующее поколѣніе... Все это глубокая неправда. Всѣ они работаютъ только для себя.

— А умираютъ?—угрюмо спросилъ Козыревъ.

— Т. е. вы, вѣроятно, хотите сказать: идутъ на эшафотъ? —съ легкой улыбкой переспросилъ Арташевскій и продолжалъ, потирая щеку рукой.—И на эшафотъ идутъ для себя. И тутъ то даже особенно для себя, т. е. подчеркиваю—идутъ или, вѣрнѣе, еще собираются, ну, а когда вотъ всходятъ... тутъ ужъ нѣкоторые и дрейфить начинаютъ. Животное начало выступаетъ наружу и громко протестуетъ противъ смерти. Но есть молодцы, которые и на эшафотѣ держатъ себя хорошо.

Это самые большіе эгоисты, это люди, почти [illegible] себя. У такого веревку изъ рукъ не вырвешь! [illegible] смерти извлекаетъ наслажденіе. И я думаю, что въ [illegible] онъ даже это знаетъ, но спросите его и онъ вам[illegible] искренно отвѣтитъ, что умираетъ за грядущее п[illegible] онъ работаетъ для исторіи. А я вотъ одного такого [illegible] силъ... въ его камерѣ... вдвоемъ мы сидѣли... «а что, [illegible] вотъ если сейчасъ какая-нибудь комета шальная [illegible] землю въ бокъ и расшибетъ ее въ мелкія песчинки—[illegible] ворю, останется отъ вашей исторіи?» Такъ онъ закричалъ [illegible] меня. «Молчите, говоритъ, не отнимайте у меня счастья жизни!» А и жизни-то ему оставалось ровно двадцать четыре часа. И онъ зналъ это, а въ исторію вѣрилъ и будущимъ поколѣніямъ служилъ... Ну, развѣ это не вздоръ? Когда одинъ моментъ— и все для васъ сразу исчезнетъ! И исторія, и будущія поколѣнія и, что самое пикантное,—это то, что вы даже не будете знать: когда именно исчезнетъ? И какъ именно исчезнетъ? Фу!—и Арташевскій дунулъ.—Фу! И нѣтъ ничего. Охватите хорошенько это «ничего». Хорошенько только охватите! И вы увидите, что никакихъ исторій и никакихъ поколѣній и не существуетъ.

— Вы атеистъ?—тихо спросилъ Козыревъ.

— Что за оскорбительный вопросъ?—удивился Арташевскій.—Ну, конечно! Вѣдь, и сами же вы—атеистъ.

— Я этого еще хорошенько не знаю,—говорилъ Козыревъ, какъ-то задумчиво покачивая головой.—Я исчезну, вы исчезнете, земля исчезнетъ, луна исчезнетъ, Марсъ исчезнетъ, но что-нибудь, вѣдь, останется? Да, въ концѣ концовъ, куда же это все исчезнетъ?

— Разложится на первоначальные элементы.

— Ну, а элементы-то останутся?

— Да чортъ съ ними! Пусть остаются! Мнѣ-то что? Меня не будетъ, такъ, экое, подумаешь, мнѣ дѣло до какихъ-то элементовъ! Вотъ, вотъ этого не будетъ!—уже повышая голосъ и махая рукой, заговорилъ онъ.—Вотъ этой руки не будетъ! Вотъ этихъ пальцевъ! Вотъ этихъ ногтей! Такъ чортъ-ли мнѣ до какихъ-то тамъ элементовъ?! Еще они, пожалуй, поганые, сложатся опять въ какую-нибудь другую руку, а эта другая рука, въ свою очередь, сложится надъ моей могилой въ оскорбительную комбинацію изъ трехъ пальцевъ: «на, дескать, выкуси! Изъ твоихъ же элементовъ, а ничего не подѣлаешь!» Одно, только и утѣшеніе, что ничего этого я ни знать, ни вѣдать не буду. И потому, пусть эти элементы слагаются и разлагаются какъ имъ угодно—мнѣ все равно!

[illegible] дь, вы непремѣнно застрѣлитесь!—вдругъ ска- [illegible] и лицо его, при этихъ словахъ, какъ будто даже [illegible]

[illegible] вотъ вамъ скажу, что вы вотъ—не допили! Пре- [illegible] оборвали. Потому что, когда вы допьете, вы умнѣе [illegible] зко проговорилъ Арташевскій, чувствуя, что онъ [illegible] орбленіе и чувствуя же, что этого ему уже давно [illegible]

[illegible] зналъ, что Козыревъ не посмѣетъ обидѣться, ни воз- [illegible] тъ. Онъ зналъ, что Козыревъ слишкомъ дорожитъ своимъ мѣстомъ и заработкомъ. И Арташевскому было пріятно слегка встряхнуть этого толстаго, лохматаго и неряшливаго человѣка.

И, дѣйствительно, Козыревъ насупился, но промолчалъ.

Помолчалъ немного и Арташевскій.

— Ну, что, какъ вашъ ученикъ?—заговорилъ онъ, найдя, вѣроятно, что его отповѣдь на фамильярность Козырева уже достаточно подчеркнута молчаніемъ.

— Вы это про Треймана?—угрюмо переспросилъ Козыревъ.

— Да.

— Что-жъ, мерзавца въ немъ совершенно достаточно. Только онъ очень глупъ, пошлъ и бездаренъ.

При словѣ «мерзавца», Арташевскій опять улыбнулся и дернулъ щекой, какъ бы говоря: «понимаю, голубчикъ, что твой покаянный стихъ еще не совсѣмъ прошелъ». И затѣмъ, сильно втянувъ воздухъ сквозь полусжатыя губы, продолжалъ, отчеканивая каждое слово:

— А по моему, онъ не только дуракъ и пошлякъ, но и въ высокой степени буржуй и вотъ это, все вмѣстѣ взятое, навѣрное поможетъ ему сдѣлать карьеру. Глупъ, пошлъ и буржуазенъ; беззастѣнчивъ, настойчивъ и прямолинеенъ. Великолѣпная фигура! Карьера за нимъ обезпечена... Ну-съ,—мѣняя тонъ, прервалъ онъ самъ себя.—Такъ какъ вы ни чаю, ни вина не хотите, то, чтобы не терять времени пойдемте въ кабинетъ и позаймемтесь тамъ малость дѣлами. Ефремъ!—обратился онъ къ вошедшему на звонокъ своему благообразному и пожилому камердинеру.—Перенеси мой стаканъ.

И Ефремъ, взявъ съ буфета подносъ со стаканомъ чая, пошелъ въ кабинетъ.

— Ну-съ,—говорилъ черезъ минуту Арташевскій, сидя за своимъ большимъ письменнымъ столомъ и перелистывая какое-то «дѣло» въ синей папкѣ.—Вотъ-съ, по этимъ бумажкамъ нужно сдѣлать маленькое соображеніе. Понимаете, генезисъ отыскать. И затѣмъ, они переходятъ всѣ въ ваше распоряженіе.

— Сдайте этихъ кому-нибудь другому. Мнѣ не сегодня-завтра некогда будетъ,—глухо проговорилъ Козыревъ, стоя возлѣ стола и обѣими руками потирая поясницу.

— А что такъ?

— Съ часу на часъ «лагутинцевъ» ожидаю.

— Вы почему думаете, что они явятся?

— Съ полгода собираются. Стосковались, Сормовскій процессъ на носу...—улыбнулся Козыревъ.—Граница у нихъ чистая теперь.

— Кто у нихъ тамъ держитъ?

— Границу-то? Да все та же, Фанни Семеновна. Я скоро ужъ Боруха навстрѣчу имъ вышлю.

— Чудесно-съ! А удобный народъ эти господа евреи! Когда Ахматовъ разъ заявилъ, что ихъ всѣхъ до одного изъ Россіи выслать надо, такъ графъ Раабе очень остроумно взмолился: «оставьте намъ хоть десятка три на агентуру»,—разсмѣялся Арташевскій.

— Всякіе бываютъ! И между нами, русскими, есть недурные работники! Вотъ, хоть бы мы съ вами,—угрюмо проговорилъ Козыревъ.

Арташевскій весь передернулся и злыми глазами посмотрѣлъ на своего сотрудника.

— Сегодня покамѣстъ все,—сухо проговорилъ онъ, откладывая синюю папку съ дѣлами въ сторону и поднимаясь съ мѣста.

Козыревъ молча пожалъ ему руку и вышелъ въ переднюю.

XV.

Каждый разъ, когда Андрею Андреевичу приходилось переживать какую-нибудь непріятность или оскорбленіе самолюбія,—а за послѣднее время и это случалось нерѣдко,—онъ возвращался домой особенно молчаливымъ и пасмурнымъ. Въ глубинѣ души ему всегда почему-то казалось, что во всемъ этомъ виновата Дашенька. Почему она—онъ бы объяснить, конечно, не могъ, но непріязненное чувство все болѣе и болѣе скапливалось у него противъ его сожительницы.

Дашенька чувствовала это и искренно страдала. Она все сильнѣе привязывалась къ Андрею Андреевичу. За что? Почему? Кто объяснитъ эту тайну женскаго сердца?

И вдругъ Андрей Андреевичъ перемѣнился.

Вернувшись ночью отъ Козырева, по обыкновенію, хмурымъ и пасмурнымъ, онъ—встрѣченный въ передней Дашенькой—словно вспомнилъ что, улыбнулся и ласково заговорилъ:

— Ждала? Скучала?

— Да... нѣтъ... т. е., конечно, ждала, но я, Андрей Андреевичъ, не скучаю, нѣтъ...—запуталась Дашенька, застигнутая врасплохъ этимъ ласковымъ вопросомъ.

— Не скучаешь? Значитъ, ты не любишь меня?—все улыбаясь, говорилъ Андрей Андреевичъ.

— Какъ не люблю? Что вы? Что... ты? Очень люблю, только я... я не смѣю...

— Чего не смѣешь?

— Надоѣдать своими чувствами.

Андрею Андреевичу чрезвычайно нравилась эта рабья покорность.

«Таковы и должны быть нормальныя отношенія между мужчиной и женщиной»,—сказалъ онъ самому себѣ и потрепалъ Дашеньку по щекѣ.

Не ожидавшая такой ласки, Дашенька вспыхнула до самыхъ висковъ.

А Андрей Андреевичъ, самъ повѣсивъ свое пальто, прошелъ въ свой кабинетикъ.

— Дора, поди сюда!—крикнулъ онъ Дашенькѣ, убиравшей въ передней его резиновыя калоши.

Радостная вошла она на этотъ необычный зовъ. Андрей Андреевичъ указалъ ей рукой мѣсто рядомъ съ собой на оттоманкѣ. Дашенька такъ и прикурнула къ нему. Онъ обнялъ ее и ласково,—насколько могъ—заглянулъ ей въ глаза.

— Тебѣ, должно быть, скучно здѣсь, въ Петербургѣ?—тихо заговорилъ онъ.

— Почему скучно?—начала было Дашенька.

Но онъ сейчасъ же перебилъ ее.

— Ну, конечно, скучно. Всегда одна и одна. Ни подруги, никакихъ знакомыхъ. Это не то, что въ Швейцаріи, гдѣ около тебя было столько милыхъ людей.

— Гдѣ же, Андрей Андреевичъ? Много-ли? Только въ самомъ концѣ.

— Ну, да, вотъ именно, въ самомъ концѣ. Но зато какіе прекрасные люди, добрые, честные, благородные... А здѣсь и знакомства дѣлать опасно: заведутся какіе-нибудь дураки... Да, знакомства нужно заводить осторожно,—вздохнулъ онъ.—И хорошія, уже сдѣланныя, нужно поддерживать внимательно... Отчего ты, напримѣръ, не напишешь кому-нибудь письма туда? Напримѣръ, Оленькѣ Бриксъ... Она такъ за тобой ухаживала, когда ты была больна.

— Мы, вѣдь, писали, Андрей Андреевичъ...

— Ну, что мы писали? Коротенькую открытку. Напиши поподробнѣе, какъ пишутъ подругамъ.

— Да что я напишу ей, Андрей Андреевичъ? Она образованная,, а я—что-жъ я напишу ей?

— Ну, хочешь, я тебѣ продиктую письмо?

— Продиктуйте!—обрадовалась Дашенька.—Мнѣ бы и самой хотѣлось написать имъ, что я помню ихъ добро.

— Отлично! Кто знаетъ,—можетъ быть, кто-нибудь изъ нихъ вздумаетъ пріѣхать сюда, въ Петербургъ...

— Имъ нельзя, Андрей Андреевичъ, они «замѣшаны».

— Глупенькая!—улыбнулся Трейманъ.—Имъ нельзя открыто, но можно конспиративно. Понимаешь, такъ, подъ чужой фамиліей, понимаешь—не гласно! Мало-ли ихъ такъ пріѣзжаетъ. Останавливаются у своихъ добрыхъ знакомыхъ... скрываются... вотъ и у насъ могли бы остановиться...

— У насъ?—удивилась Дашенька.

— Ну, да! У насъ. Одинъ-два человѣка насъ не стѣснятъ... Вѣдь, имъ что нужно? Только ночлегъ, хотя бы на полу. Они отлично привыкли къ этому. Они могутъ спать въ столовой и даже въ корридорѣ...

— А вы не боитесь, Андрей Андреевичъ?

— Бояться! Вотъ глупости! Чего бояться? Надо быть только осторожнымъ. Конечно, надо быть очень осторожнымъ.. Ну, вотъ, какъ будто зашли кто-нибудь вечеромъ въ гости и засидѣлись, какъ будто, до утра, а когда ушли? Кто замѣтитъ. Ахъ, нужно только быть осторожнымъ и тогда все можно. А мнѣ бы хотѣлось, чтобы у тебя была одна или двѣ хорошихъ подруги, умныхъ, образованныхъ, которыя бы вліяли на твою интеллигентность, т. е. понимаешь—развивали бы тебя. Мнѣ самому некогда. Я всегда за дѣломъ... Да, наконецъ, я всякую минуту могу уѣхать...

— Какъ уѣхать? Куда?—испугалась Дашенька.

— А кто же знаетъ? Наше дѣло такое, писательское. Редакція можетъ послать всякую минуту куда-нибудь въ командировку, какъ, напримѣръ, было разъ съ американскимъ корреспондентомъ Стэнли. Сидѣлъ онъ у себя дома, тихо и покойно и вдругъ его вызываютъ въ редакцію. А издатель, г. Бенетъ, говоритъ ему: «вотъ вамъ деньги, берите свой чемоданъ и поѣзжайте немедленно въ Африку отыскивать Левингстона». И онъ взялъ деньги, уложилъ чемоданъ и сейчасъ же поѣхалъ. И путешествовалъ два-три года, теперь ужъ я хорошенько не помню.

Глаза Дашеньки широко и испуганно раскрылись.

— Какъ? И вы можете уѣхать на два... или... на три года? —прошептала она.

Андрей Андреевичъ снисходительно улыбнулся.

— Ну! Русскія газеты такихъ командировокъ не даютъ! На двѣ, на три недѣли, даже на мѣсяцъ, могу уѣхать всякую минуту.

— Всякую минуту?—повторила Дашенька.

— Да, мой другъ, всякую минуту,—подтвердилъ Андрей Андреевичъ.—И тогда тебѣ какъ, вѣдь, скучно будетъ!

Дашенька еще плотнѣе прижалась къ нему и незамѣтно поцѣловала его въ плечо.

— Ну, а теперь, давай поужинаемъ, пока я еще не уѣхалъ въ Африку,—пошутилъ Андрей Андреевичъ и, поцѣловавъ Дашеньку въ лобъ, поднялся съ оттоманки.

На другой день письмо къ Оленькѣ Бриксъ было написано и передано Андреемъ Андреевичемъ Козыреву.

А черезъ недѣлю вернулся изъ Финляндіи Тропининъ. Онъ былъ весь какой-то просвѣтленный, радостный. И лицо у него посвѣжѣло, и глаза смотрѣли свѣтло и весело.

Придя въ редакцію, онъ почти сейчасъ же отыскалъ Треймана и, протягивая ему руку, сказалъ:

— Простите меня, голубчикъ! Я былъ пьянъ и не помнилъ, что говорилъ. И, повѣрьте, оскорбить васъ я не имѣлъ ни малѣйшаго желанія!

Трейманъ солидно пожалъ ему руку и проговорилъ, что онъ все это отлично понимаетъ и никакихъ претензій не имѣетъ.

Съ возвращеніемъ Тропинина внимательный наблюдатель могъ бы подмѣтить нѣкоторую перемѣну въ настроеніи и у главнаго редактора, Никиты Фомича Борщова. Онъ подолгу оставался наединѣ съ восторженнымъ беллетристомъ, о чемъ-то тихо съ нимъ бесѣдовалъ и, въ противоположность Тропинину, становился задумчивѣе и сумрачнѣе.

Елинекъ однажды подслушалъ, какъ Борщовъ, провожая Тропинина изъ своего кабинета, сказалъ ему:

— Смотрите, душенька, не перегорячитесь и не сорвите залпа раньше времени.

Тропининъ на это только усмѣхнулся и, тряхнувъ своими кудрями, продекламировалъ:

Отбрось ненужныя сомнѣнья,
Гляди съ надеждою впередъ!

А еще недѣли черезъ двѣ Козыревъ вызвалъ къ себѣ Треймана и почти также лаконически и безапелляціонно, какъ Бенетъ говорилъ со Стэнли, сказалъ ему:

— Сегодня съ ночнымъ поѣздомъ вы выѣдете въ Москву. Остановитесь тамъ въ Лоскутной гостинницѣ и будете ждать моихъ распоряженій. А вотъ вамъ и деньги на дорогу.

И онъ подалъ ему три сторублевыхъ бумажки.

— А какъ же редакція?—спросилъ Трейманъ, укладывая деньги въ свой бумажникъ.

— Поѣзжайте сейчасъ же къ Борщову и заявите ему, что важныя семейныя, неотложныя, какія тамъ угодно, дѣла требуютъ вашего отсутствія изъ Петербурга недѣли на полторы, а, можетъ быть, и на двѣ. Говорите неопредѣленно и съ оттѣнкомъ таинственности. Можете даже загадочно улыбаться. Укладывая свой чемоданъ, захватите съ собой всякаго рода письма и записки, представляющія для васъ какой-нибудь интересъ. О вещахъ можете не безпокоиться, онѣ будутъ въ сохранности. Дамѣ вашей скажите, что ѣдете всего дня на три, на четыре, по порученію редакціи. Адреса, гдѣ остановитесь въ Москвѣ, ей не говорите. Скажите ей, что сами еще не знаете, гдѣ остановитесь. Въ Москвѣ держите себя уединенно, т. е. никакихъ новыхъ знакомствъ не заводите и старыхъ не возобновляйте. Мнѣ тоже зря не пишите. Сидите въ Лоскутной гостинницѣ и ждите моихъ распоряженій. Мои письма и телеграммы я вамъ буду подписывать—«Никитинъ». Все поняли?

— Все понялъ,—криво усмѣхаясь, отвѣтилъ Трейманъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ, до свиданья.

Дашенька такъ и ахнула, когда узнала, что ея Андрей Андреевичъ сегодня же выѣзжаетъ въ Москву. Слезы показались у нея на глазахъ, но Андрей Андреевичъ сказалъ:

— Какія глупости! Вѣдь, всего на три-четыре дня!

И она поспѣшно отерла ихъ рукавомъ своей кофточки...

А на другое утро Андрей Андреевичъ, сидя въ скромномъ номеркѣ Лоскутной гостинницы, наливалъ себѣ кофе и, намазывая масло на горячій московскій калачъ, разсуждалъ:

«Ну, моя дѣятельность началась. Правда, меня переставляютъ еще, какъ простую пѣшку, но, надѣюсь, что это будетъ продолжаться недолго. Теперь мнѣ пора и «опредѣлиться»,—какъ говоритъ Козыревъ. До сихъ поръ я дѣйствовалъ, не имѣя опредѣленнаго Standpunst'а или, какъ русскіе говорятъ, исходной точки. Теперь надо себѣ эти точки намѣтить, точно соображаясь съ требованіемъ времени.

Во-первыхъ, кто я такой? Я—человѣкъ истинно-русскій... Досадно, что у меня фамилія нѣмецкая... Конечно, можно хлопотать и перемѣнить ее, какъ перемѣнила Ольга Александровна свое имя и отчество: изъ Эльги—сдѣлала Ольгу; изъ Альбертовны—Александровну. Но какъ назвать себя? Трейманъ—это значитъ

—вѣрный... или даже—вѣрный человѣкъ... Конечно, такъ не удобно... Вѣрновъ... это звучитъ некрасиво. Вѣрнинскій—тутъ есть что-то польское... И ужъ лучше Трейманъ, чѣмъ Вѣрнинскій. Да и въ нашемъ «Россійскомъ патріотическомъ собраніи» такъ много настоящихъ людей, истинныхъ патріотовъ, съ нѣмецкими фамиліями. И тамъ даже на «man»—смотрятъ съ меньшимъ предубѣжденіемъ, чѣмъ на «скій» или «евичъ»... Итакъ, останемся тѣмъ, чѣмъ мы есть на самомъ дѣлѣ, т. е. Трейманомъ. Да и кто знаетъ, какъ еще можетъ повернуться внутренняя политика и, можетъ быть, въ недалекомъ будущемъ Трейманъ будетъ болѣе bien vue, чѣмъ Вѣрновъ, Петровъ и Ивановъ.

Затѣмъ, я—православный. Это—прекрасно. Тутъ уже не можетъ быть никакихъ недоразумѣній...

Ну, и все прочее должно исходить изъ этихъ исходныхъ точекъ... «Исходить изъ исходныхъ»,—сейчасъ же поправилъ онъ самъ себя... Лучше «вытекать изъ исходныхъ»...

Какъ вернусь въ Петербургъ, сейчасъ же попрошу Ольгу Александровну рекомендовать меня въ дѣйствительные члены «Россійскаго патріотическаго собранія». И что бы мнѣ ни говорилъ Козыревъ и даже Арташевскій, я пойду по этой дорогѣ. Притворяться я больше не же-ла-ю! Изображать изъ себя «краснаго» не могу. Въ этой шкурѣ я всегда останусь пѣшкой; тогда какъ, надѣвъ бѣлыя одежды, я уже спокойно и увѣренно пойду своей дорогой. Перспектива быть Козыревымъ и даже самимъ Арташевскимъ—меня не удовлетворяетъ. Я чувствую въ себѣ способности быть чѣмъ-нибудь побольше и позначительнѣе. Тѣ свѣдѣнія, которыя я пріобрѣту отъ сношенія съ этими господами, мнѣ въ будущемъ, конечно, пригодятся. Но замкнуть себя въ этой дѣятельности я не намѣренъ. И если покровителю моему, графу фонъ-Раабе, не угодно дать мнѣ настоящій толчекъ, то я постараюсь получить его отъ Петра Ивановича Ахматова, положеніе котораго все болѣе и болѣе укрѣпляется, тогда какъ на Раабе, кажется, начинаютъ смотрѣть уже косо. Пойдемъ туда, гдѣ вѣрнѣе и прочнѣе».

— Да-съ!

И выговоривъ это послѣднее «да-съ» уже вслухъ, Трейманъ допилъ остатокъ кофе и обтеревъ салфеткой свои безцвѣтные усы, всталъ изъ-за стола.

XVI.

Когда, дня черезъ три послѣ отъѣзда Треймана изъ Петербурга, фельетонистъ Чаусовъ вошелъ въ редакцію газеты «Кругозоръ», онъ сразу, своимъ изощреннымъ на многолѣтнемъ

репортажѣ нюхомъ, почувствовалъ, что въ нѣдрахъ газеты произошло что-то необычное.

Во-первыхъ, онъ узналъ, что, несмотря на сравнительно ранній часъ,—было всего половина второго,—Никита Фомичъ Борщовъ, не пріѣзжавшій никогда раньше трехъ, уже съ полчаса, какъ сидитъ у себя въ кабинетѣ съ Елинекомъ и съ сейчасъ только что вызваннымъ по телефону Батенковымъ.

Затѣмъ, еще на лѣстницѣ его обогналъ фактическій издатель газеты, коммерсантъ Голодковъ. Лицо у «купезы», какъ всѣ въ редакціи называли издателя, было какое-то растерянное, почти испуганное и хотя онъ вѣжливо отвѣтилъ на поклонъ Чаусова, но врядъ-ли узналъ его.

И изъ передней Голодковъ тоже прошелъ прямо въ кабинетъ къ Борщову.

Въ комнатѣ секретаря, куда заглянулъ Чаусовъ, Каченковскаго не было и редакціонный служитель сообщилъ фельетонисту, что «Казиміръ Витольдовичъ сегодня вотъ уже второй разъ какъ уѣзжаютъ изъ редакціи».

Въ репортерской, куда прошелъ Чаусовъ, сотрудники тоже не сидѣли на своихъ мѣстахъ, а, сгруппировавшись вокругъ одного стола, о чемъ-то горячо бесѣдовали.

— Въ чемъ дѣло?—спросилъ Чаусовъ.

— Аресты,—торопливо отвѣтилъ ему юркій репортерчикъ Дрейцигеръ.

— Аресты? Гдѣ? Кого? Что?—удивился Чаусовъ.

— Да не аресты, пока—обыски,—заговорилъ громадный, волосатый, даже страшный на видъ репортеръ Іона Колдобинъ.—Произведены обыски.

— У кого?

— Во-первыхъ, у Козырева; во-вторыхъ,—у Треймана, и, въ-третьихъ, кажется, у Тропинина.

— Козыревъ и Трейманъ—арестованы, — вмѣшался опять Дрейцигеръ.

— Ну, вотъ! Вы лучше знаете!—обиженно и такъ не шедшимъ къ его громоздской фигурѣ пискливымъ голосомъ продолжалъ Колдобинъ.—Трейманъ арестованъ!—презрительно усмѣхнулся онъ,—когда Треймана въ Петербургѣ нѣтъ! Обыскъ, дѣйствительно, у него произведенъ и сожительница его, дѣйствительно, взята и тамъ еще кого-то захватили.

— Да какой Трейманъ?—переспросилъ Чаусовъ.—Неужто это нашъ сушоный судакъ?

— Онъ самый.

— Вотъ тебѣ на! Ну, кто бы могъ ожидать отъ этого крахмальнаго?

— Такъ, вѣдь, онъ изъ Швейцаріи пріѣхалъ.

— Ахъ, да! Вотъ что!.. Ну, а Тропининъ?

— У Тропинина былъ обыскъ, но онъ на свободѣ,—сообщалъ Колдобинъ.

— А я вамъ говорю—арестованъ,—закартавилъ Дрейцигеръ.

— Мелите больше! Козырева, дѣйствительно, взяли было, но ужъ, кажется, выпустили..

— Козыреву не привыкать стать! Это обстрѣлянная птица,—замѣтилъ кто-то.

— Ну, этотъ и въ одиночкѣ сидѣлъ, и въ Сибири, кажется, не одинъ разъ побывалъ.

— А Тропининъ навѣрное не взятъ?

— Навѣрное,—подтвердилъ Колдобинъ.

— А я говорю—арестованъ,—настаивалъ на своемъ Дрейцигеръ.

— Да вонъ Каченковскій пріѣхалъ! Онъ лучше знаетъ,—замѣтилъ кто-то, услыхавъ движеніе въ сосѣдней, секретарской комнатѣ.

— Почему лучше? Я тоже не хуже его знаю,—обиженно пищалъ несуразный Колдобинъ.

Но Чаусовъ, уже не слушая его, прошелъ къ Каченковскому.

— Казиміръ, въ чемъ дѣло?—спросилъ онъ секретаря.

— Постой! Некогда! Сейчасъ только къ Никитѣ Фомичу пройду! Черезъ минутку вернусь. Подожди! Посиди здѣсь.

И Каченковскій, необычно возбужденный и взволнованный, вышелъ изъ комнаты.

Чаусовъ закурилъ папироску и сѣлъ въ кресло.

Минутъ черезъ пять, не больше, секретарь, вытирая платкомъ со лба потъ, вернулся въ свою комнату и, словно разбитый, опустился на диванчикъ.

— Ну, ну, въ чемъ дѣло? Разсказывай!—набросился на него Чаусовъ.

— Потѣха!—разсмѣялся Каченковскій.—Еслибъ ты только видѣлъ сейчасъ нашего «купезу»! Красный, какъ ракъ; руками машетъ, а самъ со страху трясется весь. «Я,—говоритъ,—всю газету прекращу. Я,—говоритъ,—не желаю путаться! Мнѣ,—говоритъ,—это, по моимъ коммерческимъ дѣламъ, никакъ невозможно! Я,—говоритъ,—человѣкъ вѣрноподданный и никакихъ конституціевъ не желаю». Никита Фомичъ даже прикрикнулъ на него. «А барыши, говоритъ, съ газеты получать любишь? А комплименты выслушивать любишь»?.. Ну, тотъ, конечно, и осѣкся.

— Да съ чего это онъ?—спросилъ Чаусовъ.

— Да ему кто-то сказалъ, что и въ редакціи, и у него на квартирѣ обыскъ будетъ, ну, и что его непремѣнно арестуютъ. Вздоръ, конечно. Просто, кто-то подшутилъ надъ нимъ.

— Да нѣтъ, ты мнѣ, пожалуйста, толкомъ разскажи!

— Да что-жъ особеннаго?—напуская на себя дѣланное спокойствіе, заговорилъ Каченковскій. — Сегодня ночью былъ обыскъ на квартирѣ у Треймана. Самого-то его нѣтъ—онъ въ Москвѣ. Ну, и накрыли тамъ кое-кого. И забрали. И сожительницу его взяли. Вотъ, собственно говоря, и все. По обычаю, конечно, пошарили и у нашего Ивана Платоновича Козырева—вѣдь, онъ, знаешь, всегда именинникъ: и на Антона, и на Онуфрія.

— Все никакъ угомониться не можетъ. Мало ему?—не то сочувствуя, не то упрекая, замѣтилъ Чаусовъ.

— Да, ужъ такой боевой конь! Ни Сибирь, ни каторга на него не дѣйствуетъ. Но на этотъ разъ, кажется, прошло все для него благополучно. Я сейчасъ отъ него. Сидитъ и завтракаетъ. Ну, и обжора же!

— Н-да, любитъ перекусить! — смачно подтвердилъ Чаусовъ.

— И какъ это у него вмѣстѣ все вяжется: и политика, и плотоугодіе?—удивился Каченовскій.

— Русскій человѣкъ, пестрый человѣкъ,—замѣтилъ Чаусовъ и сейчасъ же спросилъ:—Нѣтъ, ты мнѣ, главное, скажи, что съ Тропининымъ?

— Вотъ тутъ, братъ, штука странная,—закуривая папиросу и понижая голосъ, заговорилъ Каченковскій.—Несомнѣнно, что онъ сегодня ночью былъ на квартирѣ у Треймана. И попалъ въ общую облаву. Но его отпустили или выпустили, или онъ самъ улизнулъ... ужъ я, право, не знаю... Только среди арестованныхъ его нѣтъ. И дома его нѣтъ. Я передъ Козыревымъ къ нему заѣхалъ. Тамъ всѣ волнуются: и жена, и свояченица, и дѣтишки. Съ вечера ушелъ и до сихъ поръ нѣтъ.

— А обыскъ былъ у него?

— Нѣтъ, и обыска никакого не было. И никто даже справляться не заходилъ. И когда я объ этомъ разсказалъ Козыреву, тотъ какъ-то многозначительно хмыкнулъ и словно про себя, замѣтилъ: «вотъ какъ?—говоритъ.—Не ожидалъ»!

— Чего же это онъ не ожидалъ?—загорячился вдругъ Чаусовъ.—Что ужъ онъ, не подозрѣваетъ-ли Тропинина въ чемъ-нибудь? Ужъ не на предательство-ли онъ намекаетъ? Ну, такъ, братъ, нѣтъ! Тропининъ, братъ, чистой души человѣкъ! Онъ, можетъ быть, и забулдыга, какъ мы, грѣшные, но совѣсть у него чиста, какъ...

Чаусовъ не нашелъ сравненія и закончилъ словами:

— Да я за него, какъ за самого себя поручусь.

— Эхъ, братъ! Ни за кого не ручайся! Даже... за самого себя!—какъ-то значительно заключилъ Каченковскій и, поднявшись съ дивана, пересѣлъ къ своему столу.

Въ дверь постучали и въ комнату вошелъ редакціонный служитель.

— Васъ просятъ въ пріемную,—обратился онъ къ Каченковскому.

— Кто еще?—съ кислой гримасой спросилъ тотъ.

— Какіе-то студенты.

— Эхъ,—крякнулъ Каченковскій и, устало поднявшись съ мѣста, направился въ пріемную.

Чаусовъ—за нимъ.

Въ пріемной трое студентовъ окружили секретаря и о чемъ-то тихо заговорили.

— Не знаю, господа, не знаю!—отвѣчалъ тотъ, пожимая плечами.

— Въ чемъ дѣло?—вмѣшался Чаусовъ.

— Да вотъ, спрашиваютъ про Тропинина.

— А вамъ, собственно, зачѣмъ его?—полюбопытствовалъ Чаусовъ.

Студенты переглянулись между собой и замялись.

— Можете смѣло, господа, говорить. Я такой же членъ редакціи, да, кромѣ того, и личный другъ Тропинина,—сказалъ Чаусовъ.

— Видите-ли, — заговорилъ одинъ изъ студентовъ, еще болѣе понижая голосъ.—Онъ сегодня обѣщалъ быть въ театрѣ... въ Маломъ театрѣ... Такъ намъ бы хотѣлось навѣрное знать: будетъ-ли онъ?

— А зачѣмъ вамъ, собственно говоря, это знать?—допытывался Чаусовъ.

Студентъ замолчалъ и опять переглянулся съ товарищами.

Обрюзглое лицо и хриплый голосъ фельетониста, видимо, не внушали имъ довѣрія.

— Да тамъ что сегодня идетъ?—спросилъ, въ свою очередь, Каченковскій.

— «Контрабандисты»,—тихо проговорилъ одинъ изъ студентовъ.

Теперь уже переглянулись Чаусовъ съ Каченковскимъ.

— Тэ-э-къ-съ,—значительно протянулъ фельетонистъ. — Тамъ готовится демонстрація?.. Ну, Тропининъ врядъ-ли будетъ тамъ сегодня. Но я—буду. Навѣрное—буду. И, если вамъ что нужно,—весь къ вашимъ услугамъ, господа!

— Позвольте узнать вашу фамилію?—спросилъ кто-то изъ студентовъ.

— Чаусовъ,—отвѣтилъ фельетонистъ, почему-то слегка обиженный.—А псевдонимъ мой «Омикронъ».

Студенты опять переглянулись и, словно не досказавъ все-таки чего-то самаго важнаго, откланялись и вышли изъ пріемной.

Каченковскій пошелъ за ними и, миновавъ переднюю, свернулъ направо, въ кабинетъ къ редактору.

Тамъ, помимо самого Никиты Фомича, находились еще издатель Голодковъ, фельетонистъ Батенковъ, Елинекъ и какой-то гвардейскій офицеръ съ умнымъ и красивымъ лицомъ.

Шелъ горячій разговоръ, но при входѣ Каченковскаго, онъ сразу оборвался и всѣ глаза вопросительно устремились на него, какъ бы спрашивая: «ну, что еще случилось»?

Каченковскій взглянулъ на офицера. Елинекъ поторопился ихъ познакомить. По названной фамиліи, секретарь узналъ, что это тоже одинъ изъ сотрудниковъ «Кругозора», статьи котораго, спеціально по военнымъ вопросамъ, отличались всегда большой яркостью и крайне прогрессивнымъ направленіемъ. Но самъ этотъ офицеръ никогда раньше не бывалъ въ редакціи и рукописи свои всегда присылалъ съ посыльнымъ.

— Были студенты. Спрашивали Тропинина,—началъ Каченковскій,—сегодня въ Маломъ театрѣ первое представленіе «Контрабандистовъ». Готовится демонстрація.

— Странно, какъ все это гласно!—слегка картавя, заговорилъ офицеръ.—Готовятъ демонстрацію и сами же объ этомъ объявляютъ urbe et orbi.

— Такъ это ужъ съ недѣлю, какъ извѣстно!—сказалъ Батенковъ.

— Ну, вотъ извольте! Опять безобразіе!—вздыхая и сильно напирая на букву «о», отозвался «купеза» Голодковъ.

Борщовъ не вытерпѣлъ и разсмѣялся.

— Экій же ты трусъ, Никонъ Семеновичъ! А еще прогрессистъ! Такъ, вѣдь, демонстрація-то будетъ въ театрѣ, а не у насъ, въ редакціи!

Но Голодковъ только махнулъ рукой и отвернулся къ окошку.

Батенковъ медленными, размѣренными шагами принялся ходить взадъ и впередъ по комнатѣ, какъ онъ ходилъ и до прихода Каченковскаго.

— Несомнѣнно, вы преувеличиваете,—заговорилъ онъ своимъ сырымъ, спокойнымъ баскомъ.—Тропининъ тутъ совершенно не причемъ.

— Но, позвольте!..

— Нѣтъ, вы позвольте!—остановилъ онъ, пытавшагося заговорить Елинека.—Вы уже свое сказали. Дайте мнѣ сказать. И такъ, по моему, Тропининъ тутъ не причемъ. И вы—преувеличиваете, какъ преувеличиваютъ и «тамъ»... — Батенковъ кивнулъ куда-то головой,—хватаясь по всякому важному и неважному случаю за Козырева. Козыревъ былъ конь, да изъѣздился. Укатали горку сивыя бурки, какъ говорилъ одинъ нѣмецъ. Стоитъ только вникнуть въ его передовицы. Ну, помилуйте! Какой это революціонеръ? Да онъ передъ графомъ Раабе на заднихъ лапкахъ готовъ плясать! Его хоть сейчасъ съ нашимъ купезой въ дышло запрягай!

— Однако, у него былъ обыскъ!—настаивалъ Елинекъ.

— Что-жъ, по традиціи. Они, можетъ быть, сегодня и у купезы обыскъ сдѣлаютъ!

— Плюнь! Не каркай!—сердито пробурчалъ у окна Голодковъ.

— Вотъ, роль Треймана—мнѣ, дѣйствительно, не ясна,—продолжалъ Батенковъ.—Но мы всѣ такъ мало его знаемъ... Кто его рекомендовалъ къ намъ въ редакцію?

— Іосифъ Викторовичъ, — взглядывая на Елинека, отозвался, все время молчавшій, Борщовъ.

— Я его тоже почти совсѣмъ не знаю,—заторопился Елинекъ.—Но мнѣ рекомендовала его одна почтенная дама, которой я не довѣрять не имѣю никакого основанія и...

— Ну, вотъ! Ну, вотъ! Бабъ слушаетя, всякаго принимаетя, а потомъ тутъ возись съ ними,—единымъ духомъ выпалилъ купеза Голодковъ, поворачивая отъ окна свое красное, возбужденное лицо.

Всѣ размѣялись.

— Ну, довольно, господа! Мнѣ работать надо,—рѣшительно проговорилъ Борщовъ, поднимаясь со своего мѣста.—А объ этомъ уже потолкуемъ на досугѣ. Заѣзжайте сегодня ко мнѣ обѣдать!—обратился онъ къ взявшемуся за фуражку офицеру.—Приходи, Левушка, и ты.

— All right!—буркнулъ въ знакъ согласія Батенковъ.

А офицеръ только звякнулъ шпорами.

— Казиміръ Витольдовичъ,—повернулся Борщовъ къ Каченковскому,—въ виду возможной сегодня демонстраціи, будьте въ типографіи пораньше. Я тоже не позже девяти пріѣду.

Всѣ вышли изъ кабинета. Остался только одинъ Голодковъ. И, лишь затворилась дверь за выходившимъ послѣднимъ Елинекомъ, лицо Голодкова сразу преобразилось. Придурковатое вы-

раженіе исчезло и маленькіе, подслѣповатые глазки «купезы», умно и пытливо уставились на Борщова.

— Такъ ты думаешь, Никита Фомичъ, что не опасно?—спросилъ онъ тихимъ голосомъ и даже менѣе обыкновеннаго упирая на букву «о».

— Опаснаго тутъ ровно ничего нѣтъ,—нервно потирая колѣни руками,—жестъ, къ которому Борщовъ всегда прибѣгалъ, когда его мысль начинала возбужденно работать,—заговорилъ Никита Фомичъ.—Опаснаго ничего нѣтъ. Можешь спать спокойно. Но гадость какая-то и даже въ самыхъ нѣдрахъ нашей редакціи назрѣваетъ. Но какая—понять еще не могу... Ну, а пока—до свиданья! Мнѣ, дѣйствительно, работать нужно.

Голодковъ взялся за свою бобровую шапку.

— Фомичъ,—заговорилъ онъ,—я сегодня, такъ около часу ночи, заѣду въ типографію.

— Зачѣмъ?

— Да интерсно, вѣдь, все-таки, чѣмъ демонстрація-то кончится? А потомъ ужинать поѣдемъ.

— А въ театрѣ не будешь?

— Не буду! Ну, ихъ! Опасно!

Борщовъ улыбнулся.

— Ну, ладно. Заѣзжай! Будемъ ужинать,—заключилъ онъ, пожимая Голодкову руку.

XVII.

Типографія Голодкова, гдѣ помѣщалось ночное отдѣленіе редакція газеты «Кругозоръ», находилась невдалекѣ отъ Малаго театра.

Въ трехъ просторныхъ комнатахъ, отведенныхъ подъ редакцію, къ девяти часамъ вечера собралось уже довольно много народу. Чувствовалось какое-то напряженное настроеніе. То и дѣло звонилъ телефонъ, хлопала входная дверь, приходили и уходили репортеры; тормошили разспросами Каченковскаго.

Пріѣхалъ Борщовъ, а немного спустя, и Батенковъ.

— Началось!—пронеслось, видимо всѣми ожидаемое, жуткое слово.

Напряженіе передалось и въ типографію. Наборщики работали плохо и тоже чего-то ожидали. Они знали, что трое изъ ихъ товарищей сегодня въ театрѣ.

Хромой метранпажъ, съ «полосами» въ рукахъ, то и дѣло ковылялъ изъ типографіи въ редакторскую комнату и его, обыкновенно спокойное, лицо было сегодня необычно возбуждено.

— Если кто-нибудь еще уйдетъ отъ кассы, ей-Богу, попрошу Эрнеста Федоровича уволить!—объявилъ онъ громко въ наборной.

Наборщики сердито покосились на него, но, зная, что «хромой», а тѣмъ болѣе факторъ типографіи Эрнестъ Федоровичъ, шутить не любитъ, насупились надъ своими кассами, съ поразительной быстротой и вѣрностью выхватывая оттуда нужныя литеры.

— Началось!—сказалъ Каченковскій, входя въ комнатку, гдѣ уже работалъ Борщовъ и сидѣлъ со стаканомъ чая Батенковъ.

— Бьютъ?—спросилъ фельетонистъ, закуривая папиросу.

— Нѣтъ еще, кажется. Но оцѣпили. Шумъ большой идетъ.

— Какъ это глупо!—пробасилъ Батенковъ.—Что они этимъ хотятъ выразить?

— Свое настроеніе, очевидно,—буркнулъ Борщовъ, правя какую-то корректуру.

— Да развѣ такъ выражается настроеніе? По-моему, это просто стрѣльба изъ пушекъ по лягушкамъ. Ничего не продумано, ничего не организовано. Репетиловщина какая-то.

Въ сосѣдней комнатѣ становилось все шумнѣе и шумнѣе.

Борщовъ всталъ съ мѣста и, отворивъ дверь, громко проговорилъ:

— Господа! Нельзя-ли потише? Работать мѣшаете.

— Чаусовъ изъ театра пришелъ! Чаусовъ!—крикнуло ему нѣсколько голосовъ.

— Гдѣ Чаусовъ?

— Умывается и приводитъ себя въ порядокъ.

— А что, развѣ?..

— Да, помяли немного.

— Даже здорово помяли,—захрипѣлъ Чаусовъ, выходя съ полотенцемъ въ рукахъ изъ уборной.—Совсѣмъ было благополучно выбрался, да въ самомъ вестибюлѣ уже приперли.

— Ну, а что тамъ?—спросилъ Борщовъ.

— Да что! Скандалъ форменный! Крики, шумъ, свистки! Одна дама изъ ложи даже биноклемъ запустила.

— Садитесь и пишите!—сказалъ Борщовъ.

— Да не могу писать! Руки трясутся чортъ знаетъ какъ! Пера держать не могу.

— Ну, продиктуйте кому-нибудь!

Въ передней послышался сильный шумъ и говоръ. Выглянули туда: два студента вводили подъ руки какого-то молодого человѣка, безъ шубы, съ одной калошей на ногѣ и, видимо, въ чужой фуражкѣ на затылкѣ.

— Батюшки! Да это Корниловъ!—воскликнулъ Борщовъ.

— Онъ самый и есть! — отозвался молодой человѣкъ.— Прямо съ поля брани!

— Что, васъ потрепали, кажется?

— Есть малость!

— Онъ раненъ въ голову,—сказалъ одинъ студентъ.

— Раненъ! Вы тоже скажете!—передразнилъ Корниловъ.— Просто самъ объ дверь вискомъ треснулся.

— Но, однако, у васъ кровь!—замѣтилъ Борщовъ.

— Это называется—разрывы верхнихъ покрововъ,—отвѣтилъ Корниловъ и весело расхохотался.

Замѣтно, что онъ былъ сильно возбужденъ, нервничалъ и все время принимался смѣяться.

Его провели въ уборную, чтобы обмыть кровь и привести въ порядокъ истрепанное платье.

Народу въ редакціонныя комнаты набиралось все болѣе и болѣе. Всѣ наперерывъ разсказывали свои впечатлѣнія и выходило, по обыкновенію, сбивчиво и противорѣчиво. На одномъ только сходились неизмѣнно: это, что какая-то дама бросила изъ ложи биноклемъ. Нѣкоторые даже называли фамилію этой дамы. Одни говорили, что это—портниха съ Караванной; другіе—что это—жена какого-то доктора. Одни утверждали, что это — еврейка, другіе—русская, третьи—полька.

Въ типографіи тоже было неспокойно. Изъ трехъ наборщиковъ вернулся только одинъ и сообщилъ, что двухъ товарищей его забрали и повели куда-то въ общей кучѣ. Наборщики волновались, просили сначала «хромого», а потомъ и самого фактора послать на развѣдки о своихъ товарищахъ.

— Не безпокойтесь! Не убьютъ ихъ! Завтра будутъ на своемъ мѣстѣ!—спокойно говорилъ Эрнестъ Федоровичъ.

Въ комнатѣ у Борщова собрались: Батенковъ, Чаусовъ, Каченковскій, только что пріѣхавшій Елинекъ и еще кое-кто изъ видныхъ сотрудниковъ. Пришелъ и оправившійся Корниловъ, тоже принимавшій,—по своей спеціальности адвоката,—нѣкоторое участіе въ газетѣ по юридическимъ вопросамъ и какъ юрисконсультъ, и какъ сотрудникъ. Ему достали откуда-то валеріановыхъ капель и онъ, хотя все еще продолжалъ хохотать, но былъ уже значительно спокойнѣе.

Онъ разсказывалъ о впечатлѣніяхъ сегодняшней демонстраціи, спорилъ съ Чаусовымъ о разныхъ подробностяхъ и нѣсколько разъ предлагалъ Батенкову держать пари, утверждая, что черезъ пять лѣтъ въ Россіи будетъ конституція, на что Батенковъ скептически улыбался, но отъ пари отказывался.

— Значитъ, и вы вѣрите? Значитъ, и вы вѣрите?—радовался экспансивный адвокатъ.

— Нѣтъ, не вѣрю!—басилъ Батенковъ.—Не только черезъ пять, но врядъ-ли и черезъ десять мы настоящей-то ее дождемся.

И Батенковъ неторопливо своимъ сытымъ баскомъ начиналъ излагать свои доводы, почему онъ не допускалъ возможности такого скораго осуществленія всѣхъ желанныхъ реформъ.

— Послушайте! Левъ Александровичъ! Милый Левъ Александровичъ!—волновался Корниловъ, отмахиваясь обѣими руками отъ этихъ доводовъ.—Вы умны! Вы очень умны! Къ сожалѣнію, вы даже умны болѣе, чѣмъ слѣдуетъ!

— Что значитъ—болѣе, чѣмъ слѣдуетъ? — немного повышая голосъ, какъ бы затронутый за живое, пробасилъ Батенковъ.

Борщовъ почувствовалъ возможность непріятной сцены и, обратившись ко всѣмъ, сказалъ:

— Господа! Вѣдь, какъ ни какъ, а завтра номеръ долженъ выйти! Вы не только мнѣ мѣшаете, но мѣшаете, кажется, и Павлу Васильевичу.

— Мнѣ ничто не мѣшаетъ,—отозвался спокойный голосъ изъ угла комнаты.

И тутъ только всѣ невольно взглянули на этотъ уголъ. А тамъ, за небольшимъ столикомъ, сплошь заваленнымъ корректурными листами и освѣщеннымъ простенькой электрической лампочкой, сидѣлъ сѣрый, незамѣтный человѣкъ съ неподвижнымъ лицомъ, видимо, ничего не слышавшій и не видѣвшій вокругъ себя, весь углубленный въ свою обычную работу и отзывавшійся лишь на свое имя. Это былъ Павелъ Васильевичъ Вознесенскій, ночной редакторъ, выпускавшій, подъ наблюденіемъ Борщова, номера газеты.

Это былъ «человѣкъ-маятникъ», какъ звалъ его Батенковъ. Если бы загорѣлась типографія, если бы началось землетрясеніе и обрушился потолокъ, Павелъ Васильевичъ Вознесенскій и подъ обломками также бы спокойно и внимательно продолжалъ просматривать полосу за полосой.

— Такъ я васъ спрашиваю, почему же я уменъ болѣе, чѣмъ слѣдуетъ?—не обративъ вниманія на замѣчаніе Борщова, настаивалъ Батенковъ.

— А потому, дорогой Левъ Александровичъ!—загорячился опять Корниловъ,—что умъ вашъ порабощаетъ всѣ остальные...

Вдругъ, въ это время кто-то произнесъ имя Тропинина. И, услыхавъ эту фамилію, Корниловъ забылъ, что онъ хотѣлъ

сказать, заволновался еще болѣе и, обращаясь преимущественно къ Борщову, горячо заговорилъ:

— Да, да! Тропининъ! Я и забылъ совсѣмъ! А о немъ-то я именно и хотѣлъ съ вами говорить! Сегодня вездѣ: и у насъ въ судѣ, и въ театрѣ только и разговору что о немъ.

— Что же говорятъ?—забывъ свою обиду, спросилъ и Батенковъ.

— Да разговоры самые сбивчивые. Говорятъ, что-то нехорошее.

И Корниловъ сталъ передавать слышанное имъ о Тропининѣ. Выходило какъ-то неладно. И на имя этого до сихъ поръ ничѣмъ не запятнаннаго человѣка ложилась какая-то тѣнь.

— Я тоже слышалъ,—вмѣшался Елинекъ.

Каченковскій долженъ былъ сознаться, что слышалъ и онъ.

Начались споры. Всѣ какъ будто отстаивали Тропинина, всѣ утверждали, что «этого быть не можетъ», но утвержденія эти были слабы и неувѣренны. Доводы же противоположнаго мнѣнія и особенно то, что Тропинину, захваченному вмѣстѣ съ прочими, была дана возможность уйти, падали неотразимо, какъ камни. Никто не хотѣлъ вѣрить въ возможность предательства со стороны такого милаго человѣка, какъ Яша Тропининъ и въ то же время у всѣхъ мелькало какое-то жуткое сомнѣніе въ его невинности.

Даже Батенковъ въ своихъ доводахъ казался неубѣдителенъ, даже Чаусовъ, еще сегодня утромъ ручавшійся за Тропинина, какъ за самого себя, какъ будто начиналъ колебаться.

И всѣ съ какимъ-то особеннымъ уваженіемъ упоминали имя Козырева и даже мало кому извѣстнаго Треймана.

Нѣсколько разъ повторяли фразу Козырева, сказанную имъ при извѣстіи, что Тропининъ не захваченъ: «вотъ какъ? Не ожидалъ!». И эта фраза казалась всѣмъ почему-то особенно вѣсской и неотразимой.

Но что было всего страннѣе, что въ продолженіе всѣхъ этихъ споровъ Никита Фомичъ Борщовъ не проронилъ ни одного слова. Хмурый, съ опущенной надъ какой-то корректурой головой, сидѣлъ онъ съ карандашемъ въ одной рукѣ, другой же все сильнѣе и сильнѣе растирая себѣ подъ столомъ колѣнку. И чѣмъ болѣе слабѣла защита Тропинина и усиливались восхваленія Козырева, тѣмъ сумрачнѣе становилось его лицо, тѣмъ энергичнѣе растиралъ онъ свою колѣнку.

И, вдругъ, выбравъ среди общаго гама удачный моментъ, онъ сердито крякнулъ и сильно стукнулъ карандашемъ по столу. Всѣ невольно смолкли и обернулись въ его сторону.

А Борщовъ, приподнявъ отъ корректуры свое, слегка поблѣднѣвшее, большое лицо и повернувшись къ стоявшему возлѣ его стола Каченковскому, спокойно, но такъ, чтобы всѣ слышали каждое его слово, проговорилъ:

— Казиміръ Витольдовичъ! Съ завтрашняго числа вычеркните изъ списковъ сотрудниковъ газеты «Кругозоръ» Ивана Платоновича Козырева и господина Треймана.

Наступила полная тишина и сквозь нее какъ-то испуганно прозвучалъ слегка дрожащій голосъ Каченковскаго.

— Слушаю, Никита Фомичъ.

Прошло еще съ полминуты молчанія и потомъ всѣ, вдругъ, заговорили разомъ:

— Но что вы дѣлаете, Никита Фомичъ? Развѣ такъ возможно?—заверещалъ испугавшійся Елинекъ.

— Такъ не увольняютъ даже прислугу!—гудѣлъ басъ Батенкова.

— Нельзя такъ самовластвовать! Какая же это прогрессивная газета?—загорячился и Корниловъ.

Хрипѣлъ что-то и Чаусовъ, кричали и другіе. Одинъ только Павелъ Васильевичъ Вознесенскій, молча и не обращая ни на что вниманія, сидѣлъ надъ своими корректурами.

Лицо Борщова блѣднѣло все болѣе и болѣе. Синій карандашъ, который онъ вертѣлъ между пальцами, былъ уже сломанъ на нѣсколько частей. И вдругъ онъ поднялся изъ-за стола и вытянулся во весь ростъ.

— Господа!—заговорилъ онъ, заглушая весь этотъ шумъ.—Представляю вамъ право протестовать противъ моихъ поступковъ, какъ и сколько угодно, но я своего рѣшенія не отмѣню и всю отвѣтственность за него принимаю на свою голову.

Опять наступило полное молчаніе.

И какъ разъ въ эту минуту въ дверяхъ комнаты показалась сытенькая фигура Голодкова.

— А! Купеза!—съ нервной веселостью крикнулъ ему Борщовъ.—Ужинать? Ѣдемъ! Ѣдемъ!.. Павелъ Васильевичъ!—обернулся онъ къ Вознесенскому.—Заканчивайте номеръ! Въ случаѣ чего, позвоните ко мнѣ въ ресторанъ Кюба.

Вознесенскій молча кивнулъ головой.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

8-го іюля 1904 года день съ утра стоялъ непогожій. Набѣгали тучки, то и дѣло срывался дождь. Потомъ вѣтеръ разбрасывалъ облака, проглядывало солнце, а затѣмъ опять его заволакивали тучи и шелъ мелкій порывистый дождь. И опять налетали шквалики. Было свѣжо.

По Измайловскому проспекту, по направленію къ Варшавскому вокзалу, ѣхало необычно много экипажей. Собственныя кареты, закрытыя ландо, щегольскіе фаэтоны перемѣшивались съ простыми извозчиками. Вагоны конки тоже шли переполненные, да и по тротуару небольшими группами шагали молодые люди въ студенческихъ пальто и скромно одѣтыя курсистки. Они перекликались между собою, о чемъ-то разспрашивали другъ друга, и въ этихъ разспросахъ чувствовалось, что всѣ они шли какъ-то на-обумъ, неувѣренно и хорошенько не зная, туда-ли они идутъ.

— Да его привезли или нѣтъ?—спрашивала одна курсистка.

— Говорю вамъ, что привезли,—отвѣчалъ увѣренно высокій студентъ.

— А я вамъ говорю, что не только не привезли, но сюда и не привезутъ,—вмѣшался въ ихъ разговоръ маленькій, плотный горнякъ.—И намъ нужно было прямо на Николаевскій вокзалъ, потому что вагонъ подадутъ туда.

— Такъ зачѣмъ же вы сами-то идете?—спросила его курсистка.

— А затѣмъ, что всѣ идутъ, ну, вотъ и я...—сконфузился горнякъ.—Только мы совершенно напрасно сюда премъ!

— Ну, а это что? Развѣ не видите?—указала курсистка на ѣхавшій къ вокзалу экипажъ.

Горнякъ разсмѣялся.

— Такъ что вы думаете, что эти господа тоже Чехова встрѣчать ѣдутъ?

— А почему бы нѣтъ?

— Это въ придворныхъ-то каретахъ? Съ ливрейными-то лакеями?

— Такъ зачѣмъ же они ѣдутъ?—наивно спросила курсистка.

Горнякъ фыркнулъ. Улыбнулся и высокій студентъ.

— Генерала встрѣчать,—сообщила какая-то «чуйка», шагавшая возлѣ студенческой группы.

— Живого?—спросила курсистка.

— А кто-жъ его знаетъ? Можетъ, живого, а можетъ и мертваго.

— Живого! Живого!—подтвердила какая-то старуха, ковылявшая тутъ же.

— Однако, живыхъ съ вѣнками не встрѣчаютъ, а я въ нѣсколькихъ каретахъ вѣнки видала, — замѣтила другая курсистка.

— Ну, стало быть, мертваго,—согласилась «чуйка».

— А я тебѣ говорю—живого!—настаивала старуха.

— Однимъ словомъ, «никто не знаетъ настоящей правды», —заключилъ высокій студентъ характерной Чеховской фразой.

— Да вы зачѣмъ идете? — обратился къ нему какой-то господинъ въ очень потертомъ пальто.

— Мы идемъ встрѣчать тѣло Чехова,—отвѣтилъ студентъ.

— Такъ-съ. И я тоже за тѣмъ иду.

— Стало быть, его сюда привезутъ?—спросила его курсистка.

— Положительно вамъ сказать не могу. Слышалъ я, будто на Варшавскій. Вотъ и пошелъ.

— А навѣрное не знаете?

— Да кто же у насъ что-нибудь навѣрное знаетъ?—улыбнулся потертый.

— Надо городового спросить. Они знаютъ, — замѣтила «чуйка».

И, сойдя съ тротуара, направилась къ городовому.

— Ну, что? Ну, что?—обратились къ нему студенты и курсистки, когда человѣкъ въ чуйкѣ вернулся назадъ.

— Да ничего! Иди,—говоритъ,—своей дорогой!—сконфуженно улыбаясь, отвѣтила «чуйка».

— Да ему и самому неизвѣстно,—прошамкала старуха.

— Ну, что-жъ, развѣ не вѣрно сказалъ Чеховъ, что «никто не знаетъ настоящей правды»?—повторилъ высокій студентъ.

Горькая улыбка мелькнула по многимъ лицамъ.

— Товарищи! Товарищи!—быстро заговорилъ одинъ студентъ.—Сейчасъ С. проѣхалъ!

И онъ назвалъ издателя одной распространенной газеты.

— Ну, значитъ, Чехова сюда привезутъ!

— А, можетъ, и онъ генерала встрѣчать поѣхалъ?—выразилъ кто-то сомнѣніе.

— Вотъ будетъ хорошо, если мы придемъ сюда, а гробъ привезутъ на Николаевскій вокзалъ!—раздался чей-то унылый голосъ.

— Все возможно!—философски замѣтилъ высокій студентъ.

— Товарищи! Смотрите! Смотрите! А, вѣдь, это Тропининъ!—почти крикнулъ горнякъ.—А тотъ ужъ генерала встрѣчать не поѣдетъ!

— Это какой Тропининъ? Тотъ?—спросилъ кто-то.

— Да, тотъ.

— А кто-жъ его знаетъ? Можетъ, и онъ... теперь при генералахъ...

— Что вы говорите, товарищи!—возмутился горнякъ.—Вы знаете, что Тропининъ вполнѣ реабилитированъ!

— Дыму безъ огня не бываетъ,—пробурчалъ скептикъ.

Горнякъ покраснѣлъ до корней волосъ.

— Это гадость съ вашей стороны! Вы должны знать, что заявилъ Борщовъ! И повторять такія гнусности...

Ссора готова уже была вспыхнуть.

— Товарищи! Перестаньте, пожалуйста! Какъ вамъ не стыдно?—вмѣшался высокій студентъ.—Развѣ здѣсь время и мѣсто?

Группа уже подходила къ самому вокзалу.

— Ну, конечно, генерала привезли!—замѣтилъ студентъ-путеецъ, указывая на расположенныя возлѣ войсковыя части артиллеріи, кавалеріи и пѣхоты.

— Да Чехова-то, Чехова привезли-ли?—допытывалась курсистка.

— Привезли! Привезли!—сообщилъ кто-то изъ ранѣе прибывшихъ,—только сначала генерала Обручева вынесутъ.

— Какого Обручева?—спросилъ горнякъ.

— Ну, ужъ этого я не знаю! — пожалъ плечами сообщавшій...

Кареты и коляски все подъѣзжали и подъѣзжали. Генералы —штатскіе и военные,—элегантныя дамы въ темныхъ туалетахъ выходили изъ этихъ каретъ, здоровались со знакомыми и разбивались по группамъ.

Полицейскіе хлопотливо перебѣгали съ мѣста на мѣсто; важно и не торопясь проходили жандармы. Почтительно, но съ сознаніемъ своего достоинства, козыряли они штатскимъ и военнымъ сановникамъ.

Въ одной изъ группъ, гдѣ преобладалъ военный элементъ, возвышалась грузная фигура генерала Пантусова.

— Да, да,—рокоталъ онъ своимъ могучимъ голосомъ.— Покойникъ былъ большой и настоящій военный талантъ. Я помню, какъ въ 77-мъ году онъ пріѣхалъ къ намъ въ армію. Я былъ тогда полковникомъ и состоялъ въ распоряженіи графа Лорисъ-Меликова, который, впрочемъ, тогда еще графомъ не былъ. Штабъ нашъ находился тогда подъ Заимомъ или подъ Мацрой... вотъ теперь хорошенько вспомнить не могу.

— Не подъ Визинкевомъ-ли, ваше превосходиетльство?— спросилъ одинъ старенькій генералъ.

— Нѣтъ, во всякомъ случаѣ, не подъ Визинкевомъ, а или подъ Заимомъ, или подъ Мацрой... Ну, вотъ тогда-то къ намъ Обручевъ и пріѣхалъ и сразу всѣ дѣла повернулъ! Большой талантъ! Большой талантъ былъ! Теперь бы вотъ намъ такихъ-то побольше. Да что будешь дѣлать? Не везетъ намъ! Какъ это у Майкова-то въ стихахъ сказано? «У несчастнаго другъ умираетъ, у счастливаго—недруги мрутъ»...

— Да это не у Майкова, а у Некрасова,—поправилъ его кто-то.

— Ну, все равно: у Майкова-ли, у Некрасова-ли!—махнулъ рукой Пантусовъ. — Важно, что правда! И вотъ, у насъ, дѣйствительно, друзья умираютъ: Макарова потеряли... Ну, тотъ хоть на дѣлѣ, а Обручевымъ даже и воспользоваться не смогли.

— А правда,—сильно понижая голосъ, заговорилъ какой-то молодой полковникъ,—что генералъ-адъютантъ Обручевъ въ молодости былъ краснымъ?

— Ну, батюшка, это насъ не касается!—огрызнулся на него старенькій генералъ.—Мало-ли что бываетъ въ молодости? Важно, что въ немъ мы потеряли талантливаго стратега.... Вотъ что важно-съ.

— Послѣ смерти всѣхъ хвалятъ,—шепнулъ полковнику какой-то штатскій, и они отошли въ сторону.

— А кого это еще хоронятъ? — спрашивала въ другой группѣ молоденькая, элегантная дама.—Правда, что писателя Чехова?

— Да, графиня, Чехова,—отвѣтилъ ей красивый военный.

— Онъ, кажется, скучный писатель былъ?

— О, нѣтъ, графиня! Напротивъ! Сначала онъ писалъ очень веселенькія сценки, потомъ критика его сбила съ толку, и онъ сталъ серьезничать, въ ущербъ себѣ.

— Да, да! Я что-то помню! Сначала веселое, потомъ скучное,—лепетала графиня.—Но онъ очень талантливый былъ?—повернулась она опять къ военному.

— О, да, очень талантливый,—подтвердилъ тотъ.

— Онъ писалъ также для театра, — заговорила другая, болѣе пожилая дама. — Для Александринскаго театра, только Савина никогда не играла въ его пьесахъ.

— Мнѣ кажется, что въ одной пьесѣ она играла,—началъ было военный.

Но въ это время кто-то сказалъ:

— Графъ Раабе пріѣхалъ!

Высокій, нѣсколько сутуловатый, съ большими, отвислыми усами, графъ Раабе-фонъ-Блазевицъ медленно поднимался на ступеньки подъѣзда. Монументальные жандармы вытянулись въ струнку и такъ и замерли, держа руку подъ козырекъ.

Графъ исподлобья своимъ тяжелымъ взглядомъ обводилъ разступавшуюся передъ нимъ публику, вѣжливо, но важно отвѣчая на почтительные поклоны.

— А онъ похудѣлъ!—замѣтилъ кто-то въ третьей группѣ.

— Дѣла не улыбаются.

— Что вы? Мнѣ кажется, онъ никогда еще не былъ въ такой силѣ,—возразилъ другой.

— Сила-силой, но... вы слышали? Князь Лоскутовъ вернулся изъ-за границы.

— Ну, такъ что-жъ?

— Ахъ, кстати! Знаете послѣднее mot князя Лоскутова?—вмѣшался третій.

— Ну?

— Онъ сказалъ: «я предпочитаю быть лучше мушиной головой, чѣмъ львинымъ хвостомъ».

— Brávo!

— Pardon, messieurs! Это слова Виктора Гюго! Изъ «Notre-Dame de Paris». И говоритъ тамъ это Гренгуаръ.

— Что-жъ? Это доказываетъ только, что князь начитанъ,—улыбнулся кто-то.

Къ вокзалу подъѣхалъ плохонькій извозчикъ и съ него, путаясь въ длинныхъ полахъ потрепанной «размахайки», слѣзъ Тропининъ. Отыскивая мелочь, онъ замѣшкался, и усатый жандармъ крикнулъ его извозчику:

— Отъѣзжай! Отъѣзжай скорѣй!

И крупная, рыжая лошадь, побрякивая мундштукомъ и брызгая пѣной, почти наѣхала на Тропинина.

Онъ поднялъ глаза и увидалъ, какъ изъ щегольскаго «карта», бросивъ вожжи мальчику грумму, осторожно вылѣзалъ высокій, молодой еще человѣкъ, съ безцвѣтными усиками и съ желтымъ, костистымъ лицомъ.

Тропининъ узналъ Треймана.

Холодные, свѣтлосѣрые глаза Андрея Андреевича скользнули по замызганной и обтрепанной фигурѣ беллетриста и на секунду выразили удивленіе. Онъ тоже узналъ Тропинина. Но взглядъ его сейчасъ же перекинулся на группу, гдѣ возвышалась фигура Пантусова. И онъ быстро направился къ громогласному генералу и, съ фамильярной вѣжливостью раскланявшись съ нимъ, сообщилъ:

— Сейчасъ пріѣдутъ Ахматовы.

Генералъ Пантусовъ обдернулся.

И, дѣйствительно, почти сейчасъ же подъѣхала карета съ ливрейнымъ лакеемъ и остановилась у подъѣзда.

И Пантусовъ, и Трейманъ—оба поспѣшили къ ней и помогли выйти сначала Ольгѣ Александровнѣ, а затѣмъ и Петру Ивановичу Ахматову.

Трейманъ заглянулъ въ карету, какъ будто искалъ еще кого-то. Ольга Александровна поймала этотъ взглядъ и пожала плечами, какъ бы говоря: «Вотъ еще выдумали!».

Пантусовъ взялъ ее въ это время подъ руку и повелъ на крыльцо.

— Да, да, дорогой другъ!—рокоталъ онъ своимъ басомъ.— «У несчастнаго другъ умираетъ, у счастливаго—недруги мрутъ».

Они какъ разъ въ это время проходили мимо Тропинина, тоже поднимавшагося по ступенькамъ крыльца. И тотъ, услыхавъ эти стихи, почему-то вздрогнулъ и горько улыбнулся.

Петра Ивановича Ахматова встрѣчали такими же почтительными поклонами, только жандармы менѣе напряженно тянулись.

— Подали!—сказалъ кто-то и еще нѣсколько голосовъ повторило это слово.

И элегантныя группы съ преобладающимъ военнымъ элементомъ двинулись на вокзалъ, къ перрону.

И почти сейчасъ же оттуда понеслось стройное пѣніе большого, хорошо спѣвшагося хора...

Группы студентовъ и курситокъ скапливались понемногу около подъѣзда.

— Боже мой! Какъ насъ мало! Какъ насъ мало!—почти плакала одна, совсѣмъ юная курсистка, поворачивая свое милое, наивное личико то къ одному, то къ другому товарищу.—И это все, что пришло встрѣтить дорогого Антона Павловича!

— Что же дѣлать? Никто ничего не зналъ!—утѣшилъ ее высокій студентъ.—Но, погодите, повезутъ тѣло по городу и провожающихъ наберется сотня тысячъ.

— Развѣ его по городу повезутъ?—спросилъ кто-то.

— А то какъ же? А съ Варшавскаго-то на Николаевскій?

— А, можетъ быть, передадутъ вагонъ по соединительному пути?

— Ну, вотъ выдумали! Конечно, по городу повезутъ.

— Товарищи! Товарищи!—запыхавшись, заговорилъ плотный горнякъ, быстро подходя къ группѣ.—Это возмутительно! Это прямо возмутительно!

— А что? Что такое?

— Его привезли въ вагонѣ для устрицъ!

— Кого? Кого?

— Тѣло Антона Павловича! Я самъ сейчасъ видѣлъ! Самъ! Простой вагонъ! Ничѣмъ не украшенъ и на немъ надпись: «вагонъ для устрицъ».

Многіе поблѣднѣли.

Въ это время офицеръ, командовавшій парадомъ, громкимъ и словно отчаяннымъ голосомъ крикнулъ:

— Смирр-на-а!

Что-то дрогнуло, звякнуло, какая-то тѣнь пробѣжала по фронту, стоявшей передъ вокзаломъ, пѣхоты.

Пѣніе церковнаго хора вырвалось на площадь. Раздалась новая команда, въ воздухѣ молніей блеснули штыки и палаши кавалеристовъ.

Группа студентовъ и курсистокъ попятилась въ сторону. Цѣлая шеренга городовыхъ и жандармовъ оттѣсняли ихъ.

Около громадной, бѣлой колесницы съ балдахиномъ засуетились люди, одѣтые во все бѣлое, съ бѣлыми цилиндрами на головахъ. Потянулись попарно пѣвчіе въ длинныхъ кафтанахъ, расшитыхъ позументами, показались въ бѣлыхъ богатыхъ ризахъ священники, а за ними, тяжело и неловко переступая съ ноги на ногу, нѣсколько носильщиковъ, вперемежку съ генералами и другими военными несли большой металлическій гробъ.

Еще отчаяннѣе пронеслась команда, и стройный, военный оркестръ тихо и гдѣ-то въ сторонѣ заигралъ «Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ», и потекла похоронная толпа...

Тропининъ, прижатый къ косяку двери, безъ шляпы, со своими пышными, подернутыми уже сѣдиной волосами, казался какимъ-то неподходящимъ пятномъ среди этихъ блестящихъ мундировъ и нарядно одѣтыхъ дамъ.

Усатый жандармъ протискался къ нему и всталъ рядомъ, не спуская съ него внимательныхъ глазъ. Тропининъ не замѣчалъ этого. Онъ смотрѣлъ на проходившихъ мимо него людей и невольно ловилъ обрывки разговоровъ.

— Да, мы завтра же уѣзжаемъ. Прямо въ Маріенбадъ,— говорила какая-то дама.

— Но вы опоздали,—отвѣчалъ ей толстый старикъ, держа наравнѣ съ плечомъ свою треугольную шляпу съ плюмажемъ...

— Сегодня вечеромъ засѣданіе. А завтра онъ ѣдетъ въ Петергофъ...

— Но онъ вчера былъ въ Петергофѣ.

— Нѣтъ, вчера онъ не былъ,—говорили какихъ-то два господина въ штатскихъ пальто, изъ-подъ которыхъ выглядывали шитые золотомъ воротники мундировъ, и проходили мимо, вслѣдъ за дамой, собирающейся въ Маріенбадъ.

— Нѣтъ, онъ уже давно хворалъ: не то діабетъ, не то нефритъ,—сообщалъ одинъ военный другому.

И вдругъ, чтобы дать дорогу какой-то дамѣ, надвинулся на Тропинина своей широкой спиной.

Жандармъ насторожился и приподнялъ даже руку.

Многіе проходили молча. Нѣкоторые не безъ удивленія посматривали на растрепаннаго писателя, словно спрашивали: «Это что за «типъ» и зачѣмъ онъ тутъ»?

Произошла заминка. Всѣ пріостановились. Возлѣ Тропинина задержались какихъ-то два административныхъ юнца.

— Слушай, Юра!—весело улыбаясь и картавя, зашепталъ одинъ другому.—Ты слышалъ новый каламбуръ про Куропаткина и Куроки?

— Нѣтъ, а что такое?—по-французски, но съ явнымъ нѣмецкимъ акцентомъ спросилъ другой.

— Слушай, это сказалъ баронъ Эрнестъ Карловичъ!—картавя и смѣясь, шепталъ первый.—Онъ сказалъ: Kuropatkin dass heist—Kuroki packt im».

— Tais toi!—шепнулъ второй и осмотрѣлся.

Толпа двинулась, и юнцы пошли дальше.

Процессія уже выстроилась на площади и громадный балдахинъ, покачивая своими перьями, поплылъ впередъ.

Толпа около Тропинина порѣдѣла и онъ вошелъ во внутрь вокзала.

II.

— Тропининъ, здравствуйте!—крикнулъ ему кто-то.—Вы знаете, не позволяютъ везти черезъ городъ!

— Кого? Что не позволяютъ?—не понялъ сразу Тропининъ.

— Да понимаете—Чехова не позволяютъ, а прямо въ вагонѣ передадутъ на Николаевскій вокзалъ.

— Не то вы говорите!—вмѣшалась дама, подошедшая къ нимъ.—Не то, что не позволяютъ, а не успѣютъ къ почтовому поѣзду!

— Ну, а развѣ нельзя со слѣдующимъ?

— Не знаю, почему-то нельзя!

Вокзалъ опустѣлъ уже окончательно. И только небольшія группы студентовъ и курсистокъ проходили черезъ него на перронъ.

— Тропининъ!—крикнулъ высокій, полный человѣкъ лѣтъ сорока, въ мягкой шляпѣ и съ зонтикомъ въ рукахъ.—Это вы? Какъ я радъ васъ видѣть!

И онъ протянулъ Тропинину обѣ руки.

Тропининъ крѣпко и, видимо обрадовавшись, пожалъ ихъ.

— Вы узнали меня, Вадимъ Николаевичъ?—спросилъ онъ.

— Ну, вотъ! Конечно! Да вы почти не измѣнились, только вотъ немножко посѣдѣли, кажется,—говорилъ торопливо Вадимъ Николаевичъ Отрубевъ, тоже довольно извѣстный беллетристъ, считавшійся однимъ изъ друзей Чехова.—Вы знаете,—продолжалъ онъ,—какая гадость выходитъ? Мы хотѣли провести тѣло черезъ весь Петербургъ и потомъ отправить его со скорымъ поѣздомъ въ Москву. Не позволяютъ! А, между тѣмъ, никто не предупрежденъ! Никто не знаетъ!.. Пойдемте-ка, пойдемте со мной! Тамъ С. пошелъ съ министромъ говорить!

И, взявъ подъ руку Тропинина, Отрубевъ потащилъ его обратно на подъѣздъ.

Приземистый, совершенно сѣдой С., издатель одной распространенной газеты, посматривая изъ-за очковъ своими лукавыми глазами на стоявшаго передъ нимъ министра путей сообщенія, тоже уже старика съ бритымъ лицомъ и только съ маленькой, характерной американской бородкой, говорилъ своимъ отрывистымъ, бубнящимъ баскомъ:

— Собственно говоря, я не понимаю, почему же нельзя?

— Ну, потому, что къ скорымъ поѣздамъ вагоновъ съ покойниками не прицѣпляютъ.

— Но позвольте! А привезли же, вѣдь, со скорымъ поѣздомъ...

И С. привелъ какой-то примѣръ.

Министръ пожалъ плечами.

— Да, но на это было особое разрѣшеніе... въ видѣ исключенія...

— А развѣ для Чехова нельзя сдѣлать такого же исключенія?

— Я не могу. Если бы вы обратились заранѣе, недѣли за двѣ...

— Но позвольте, князь, онъ тогда еще живъ былъ.

Министръ опять пожалъ плечами.

— Такъ никакъ нельзя?

— Рѣшительно не могу!—съ видомъ глубокаго сожалѣнія отвѣтилъ министръ и, пожавъ руку С., направился къ поданной ему каретѣ.

С. тряхнулъ головой и пошелъ во внутрь вокзала, постукивая своей палкой.

— Ну, что?—торопливо подошелъ къ нему Отрубевъ.

— Нельзя,—коротко отвѣтилъ С.

Отрубевъ началъ громко возмущаться. С. хитро взглянулъ на него черезъ очки и почти приказалъ:

— Скажите, чтобъ начинали литію.

Отрубевъ, а вмѣстѣ съ нимъ и Тропининъ, быстро пошли на перронъ.

На всю эту сцену, стоя въ нѣсколькихъ шагахъ въ сторонѣ, посматривалъ Андрей Андреевичъ Трейманъ. И холодная, почти презрительная улыбка мелькала на его тонкихъ губахъ.

Проводивъ ихъ глазами, Трейманъ сталъ внимательно смотрѣть по площади, по направленію къ Обводному каналу. Видимо, онъ кого-то ждалъ. То и дѣло взглядывалъ онъ на свои красивые, золотые часы, нервно пощелкивалъ ихъ крышкой и опять смотрѣлъ вдаль по площади.

И вдругъ лицо его оживилось, мускулы на щекахъ задвигались и кожа на нихъ отъ напряженія залоснилась. Онъ быстро спустился по лѣстницѣ до самаго тротуара.

Изъ-за угла вокзала выѣхало легонькое ландо, запряженное парою вороныхъ лошадей.

Когда экипажъ подкатилъ къ подъѣзду вокзала, Трейманъ бросился къ нему, открылъ дверцу и помогъ выйти высокой, худощавой, элегантно одѣтой дамѣ. Изъ-подъ большой шляпы ея выбивались локоны рыжихъ, несомнѣнно крашеныхъ волосъ. Дама была еще молода—лѣтъ двадцати семи-восьми, не болѣе. Но лицо ея, несмотря на макильяжъ, имѣло видъ усталый и поношенный Большіе, свѣтло-сѣрые глаза смотрѣли на все разсѣянно и небрежно.

— Я думалъ, что вы уже не пріѣдете,—ласково, насколько могъ, проговорилъ Трейманъ.

— Я встрѣтила процессію по дорогѣ,—сиплымъ, словно надорваннымъ голосомъ заговорила дама.—Хотѣла было повернуть, но вспомнила, что вы здѣсь ждете и проѣхала прямо.

— Да, я васъ жду,—подтвердилъ Трейманъ, съ видомъ покорности опуская глаза.

— Такъ ѣдемте?—сказала дама.

Но вдругъ оборвалась и стала прислушиваться.

— Это что тамъ за пѣніе?—спросила она.

— А это тамъ... служатъ... кажется, панихиду... или, не знаю, какъ это называется.

— По комъ?

— По писателѣ Чеховѣ.

Дама вдругъ подобрала платье и рѣшительно сказала:

— Пойдемте туда. Это очень кстати, что я пріѣхала. Я очень люблю Чехова.

Трейманъ подалъ ей руку. Ему крайне не хотѣлось идти къ той публикѣ,—писателей и журналистовъ,—среди которыхъ могли найтись люди, знавшіе его въ лицо. Но ослушаться своей дамы онъ, видимо, не смѣлъ или не находилъ умѣстнымъ.

— Я очень люблю Чехова,—говорила дама, проходя черезъ вестибюль вокзала.—Нѣкоторые разсказы его я перечитывала по нѣсколько разъ. Напримѣръ, «Тина»... Вы знаете его разсказъ «Тина»?

— Н-нѣтъ, не знаю,—сознался Трейманъ.

— Или вотъ «Вѣдьма»... Онъ удивительно умѣлъ проникать въ больную женскую душу...

Трейманъ какъ-то опасливо покосился на свою даму.

Они вышли на перронъ.

Впереди, за стекляннымъ навѣсомъ вокзала, стояла довольно большая толпа людей и оттуда неслось церковное пѣніе.

Быстро и какъ-то по-мужски твердо шагая, направилась туда высокая, рыжая дама, словно ведя за собою Треймана.

На запасномъ пути, возлѣ открытаго товарнаго вагона, внутри котораго, у гроба, обложеннаго вѣнками, духовенство совершало литію, стояла небольшая кучка писателей и журналистовъ, окруженная негустой толпой молодежи.

— Это кто высокій старикъ? Сѣдой, такой красивый?—спросила дама.

— Это издатель журнала «Нива», Марксъ,—отвѣтилъ Трейманъ.

— Красивъ. А рядомъ съ нимъ? Полный, съ одутловатымъ лицомъ?

— Беллетристъ и драматургъ Отрубевъ.

— А возлѣ, такой растрепанный весь?

Голосъ у Треймана почему-то слегка дрогнулъ, когда онъ проговорилъ:

— Писатель Тропининъ.

— Ну, а гдѣ вдова Чехова, артистка?—допытывалась рыжая дама.

Трейманъ не могъ указать. Онъ не зналъ въ лицо О. Л. Книпперъ-Чеховой.

— Она въ вагонѣ, возлѣ гроба,—сказалъ кто-то изъ молодежи.

— Ну, а это кто? Хорошенькая, брюнетка, которая стоитъ недалеко отъ Маркса?

— Это... жена Борщова,—отвѣтилъ тотъ же студентъ.

— Борщова? Борщова?—повторила она.—Это тотъ, который сосланъ?

— Да, бывшій редакторъ «Кругозора»,—подтвердилъ студентъ.

Трейманъ же почему-то промолчалъ, дѣлая видъ, что онъ не знаетъ жены своего бывшаго редактора.

Сдѣлавъ еще нѣсколько вопросовъ, рыжая дама вдругъ какъ-то сразу оборвалась, задумалась и стала упорно смотрѣть внутрь товарнаго вагона, откуда теперь неслись тихія слова священника. Потомъ, испуганно вздрогнувъ, стала быстро креститься, дѣлая маленькіе поклоны. Чуть слышный вздохъ вырвался изъ ея груди.

А затѣмъ, круто повернувшись къ Трейману, она почти громко сказала:

— Пойдемте!

И, подобравъ платье, зашагала по перрону. Трейманъ едва поспѣвалъ за ней. Въ вестибюлѣ она пріостановилась.

— Я съ утра ничего не ѣла. Поѣдемъ завтракать,—сказала она.

— А куда?..—спросилъ Трейманъ.

— Ну, куда? Ну, куда-нибудь въ кабакъ!

Слово «кабакъ» непріятно рѣзнуло Андрея Андреевича.

— Въ вашемъ или моемъ экипажѣ мы поѣдемъ?—спросилъ Трейманъ.

— Ну, конечно, въ моемъ,—отвѣтила дама, оправляя юбку.

— Въ такомъ случаѣ, подождите минутку! Я скажу только моему грумму, чтобы онъ ѣхалъ домой и позову вашъ экипажъ.

И Трейманъ быстро вышелъ изъ вокзала.

Онъ спустился на тротуаръ и направился туда, гдѣ виднѣлся его «картъ». Груммъ, завидѣвъ его, хотѣлъ было подать лошадь,

но Трейманъ сдѣлалъ ему знакъ рукой—оставаться на мѣстѣ. И подойдя вплотную къ высокимъ, желтымъ колесамъ, торопливо заговорилъ:

— Вотъ что, я сегодня больше не поѣду, а хозяину скажи, что деньги я завезу часа черезъ два.

И замѣчая, что мальчикъ глядитъ на него съ недоумѣніемъ, добавилъ:

— Ну, а это вотъ тебѣ на чай!

И, вынувъ изъ кошелька пятьдесятъ копѣекъ, онъ протянулъ ихъ грумму.

Тотъ, видимо, не привыкшій получать такія нищенскія подачки, встряхнулъ полтинникъ на ладони и какъ-то укоризненно посмотрѣлъ сверху на Треймана.

— Что-жъ, тебѣ мало?—сердясь и краснѣя, спросилъ Трейманъ.

— Маловато,—отвѣтилъ избалованный мальчуганъ.

Трейманъ досталъ еще сорокъ копѣекъ и, передавая ихъ грумму, добавилъ:

— Ну, этого ужъ за глаза довольно!

Мальчикъ слегка приподнялъ шляпу и натянулъ вожжи. Трейманъ обернулся: на ступенькахъ вокзала стояла его дама и въ лорнетку смотрѣла въ его сторону. Пара вороныхъ, запряженныхъ въ легкое ландо, подъѣзжала къ крыльцу. Трейманъ пошелъ къ подъѣзду.

— Ѣдемъ!—сказала ему дама.

Носильщикъ съ бляхой предупредительно открылъ дверку, и дама, сильнымъ и упругимъ движеніемъ сама вскочила въ экипажъ. Трейманъ помѣстился рядомъ съ ней.

Лошади тронули.

— Это у васъ собственный?—спросила дама, указывая глазами на ѣхавшій впереди «картъ».

— Да... собственный,—спокойно отвѣтилъ Трейманъ.

Легкая улыбка скользнула по губамъ его спутницы. Она знала и этотъ «картъ», и эту рыжую лошадь, и этого мальчишку-грумма. Знала, что это, что называется, «выѣздъ со двора», и всего какую-нибудь недѣлю тому назадъ она каталась въ немъ на Островахъ.

Какъ разъ въ это время они обгоняли ѣхавшій легкой рысцой «картъ» и мальчикъ-груммъ, узнавъ даму, недавно еще такъ щедро давшую ему на чай, весело осклабился, приподнявъ шляпу, и довольно громко сказалъ:

— Здравствуйте, барыня.

Андрей Андреевичъ замѣтно покраснѣлъ и мускулы его щекъ непроизвольно задвигались подъ залоснившейся кожей...

Литія была окончена. Духовенство и близкіе покойному Чехову люди вышли изъ вагона, нѣсколько человѣкъ изъ толпы двинулись на ихъ мѣсто, чтобы посмотрѣть на гробъ, на вѣнки, но едва-ли не болѣе всего ихъ интересовала надпись: «вагонъ для устрицъ».

Но надпись эта была уже предусмотрительно стерта. Говорили, впрочемъ, что на другой сторонѣ вагона еще оставалась такая же. Но заглянуть туда не представлялось возможности.

— Что, видѣли надпись?—спрашивала какая-то полная дама въ пенснэ студента.

— Нѣтъ, не видалъ.

— Говорятъ, на той сторонѣ вагона есть.

— Не знаю, не видалъ!—повторилъ студентъ.

— Да какъ же это вы?—проговорила дама и голосѣ ея слышалось разочарованіе.

Толстый Отрубевъ взялъ Тропинина подъ руку, и, идя съ нимъ по перрону, озабоченно говорилъ:

— Вотъ что, голубчикъ Яковъ Алексѣевичъ! Мнѣ сейчасъ нужно проводитъ Ольгу Леонардовну и еще двухъ дамъ. Онѣ проѣдутъ прямо на Николаевскій вокзалъ. С. предоставилъ имъ свой экипажъ. Я ихъ только посажу, а потомъ я вернусь къ вамъ и мы вмѣстѣ поѣдемъ по передаточной. Такъ вы подождете меня здѣсь.

И Отрубевъ быстро зашагалъ по перрону и пошелъ къ вагону съ гробомъ. Онъ уже былъ закрытъ, но маленькая кучка молодежи все еще стояла передъ нимъ.

— Господинъ Тропининъ!—обратился къ беллетристу одинъ изъ студентовъ.—Что, вагонъ будетъ перевезенъ на Николаевскій вокзалъ?

— Да, да,—разсѣянно отвѣтилъ Тропининъ.

— А мы успѣемъ туда?

— Конечно, успѣете. Почтовый поѣздъ отходитъ въ три часа, а теперь только еще въ началѣ второй.

И вдругъ Тропининъ почувствовалъ, что при этихъ, совсѣмъ простыхъ словахъ у него мучительно заныло сердце и слезы сами выступили на глаза. Онъ быстро отвернулся отъ студента и зашагалъ обратно.

«Срокъ... самое страшное въ жизни—это срокъ»,—думалъ онъ про себя.—«Опредѣленіе времени... Теперь въ началѣ второй часъ, а въ три часа его увезутъ... и я уже никогда не увижу его!.. Въ три часа... и его отнимутъ у насъ... въ три часа»...

Онъ вынулъ носовой платокъ и осторожно, чтобы никто не видалъ, отеръ набѣжавшія слезы.

И вдругъ ему вспомнилось, какъ высокій генералъ, перевирая, цитировалъ стихи: «У несчастнаго—другъ умираетъ; у счастливаго—недруги мрутъ».

И опять странно,—эти скорбныя строчки подѣйствовали на Тропинина какъ-то успокаивающе. Онъ глубоко, но облегченно вздохнулъ.

«Ну, что-жъ дѣлать? Значитъ, такъ нужно»,—сказалъ онъ самому себѣ.

Немного спустя, по желанію подъѣзжавшей публики, отслужили еще литію, а затѣмъ вагонъ уже былъ закрытъ окончательно. А черезъ часъ передаточный поѣздъ, съ прицѣпленнымъ къ нему чеховскимъ вагономъ, тронулся къ Николаевскому вокзалу.

Въ единственномъ пассажирскомъ вагонѣ третьяго класса сидѣло нѣсколько человѣкъ, пожелавшихъ проводить гробъ. Тутъ же были: Тропининъ и Отрубевъ. Тропининъ хмуро молчалъ, Отрубевъ же, напротивъ, безъ умолку говорилъ съ подсѣвшими къ нему студентами и какимъ-то господиномъ съ бритымъ лицомъ.

Отрубевъ, видимо, гордился, что на его долю, въ этотъ день, выпала нѣкоторая роль. Возлѣ него стояли какія-то картонки, саквояжи, портпледы и футляръ для зонтиковъ.

— Это вещи вдовы,—пояснялъ онъ.—Мнѣ придется ее проводить. Батюшки! Двадцать третьяго уже! До отхода почтоваго всего—сорокъ минутъ, а на Николаевскомъ надо еще отслужить панихиду. Когда-то это мы все успѣемъ?—безпокоился онъ, посматривая то на свои часы, то въ окно вагона.

Человѣкъ съ бритымъ лицомъ, по всѣмъ признакамъ—актеръ, былъ, однако, не актеромъ, а издателемъ одного маленькаго, едва дышавшаго журнальчика. Онъ юлилъ около Отрубева и все шепталъ ему:

— Вотъ, Вадимъ Николаевичъ, написали бы вы воспоминанія о Чеховѣ, да дали бы мнѣ! Я вамъ заплачу, ей-Богу, заплачу!

— Хорошо! Хорошо! Можетъ быть,—небрежно отзывался Отрубевъ.

И потомъ, также шопотомъ, добавлялъ:

— Вы бы вонъ Тропинина попросили! Онъ тоже былъ знакомъ, а ему кстати, кажется, и деньги нужны.

Но издатель почему-то къ Тропинину не обращался. Онъ искоса посматривалъ на него и опять приставалъ къ Отрубеву.

— Такъ, печатный листикъ... или даже полтора! Ей-Богу, заплачу!—шепталъ онъ.

Но вотъ и Николаевскій вокзалъ. На перронѣ—большая толпа народу. Поднялась суетня, давка.

Тропининъ потерялъ Отрубева. Съ трудомъ протолкался онъ къ локомотиву, куда прицѣпили вагонъ съ гробомъ.

Началась панихида. Несли наскоро приготовленные вѣнки. Дребезжали телѣжки съ багажемъ, слышались громкіе выклики грузчиковъ:

— Па-а-азвольте!

Тропининъ, опять притиснутый къ стѣнѣ, стоялъ безъ шляпы и тупо смотрѣлъ на всю эту безтолковую толпу, на клубы дыма, вырывавшагося изъ локомотива и на темнѣвшую часть товарнаго вагона, въ которомъ находился гробъ съ тѣломъ Чехова.

Но вотъ пѣніе смолкло, послышался звукъ задвигаемой двери и почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ дребезжащая трель оберъ-кондукторскаго свистка.

Часть публики торопливо бросилась къ своимъ вагонамъ, завылъ локомотивъ и поѣздъ тронулся.

И опять слезы накипѣли и брызнули изъ глазъ Тропинина.

— Прощай!—еле слышно прошепталъ онъ и тихо пошелъ по перрону къ выходу.

Нѣсколько человѣкъ раскланялись съ нимъ, но какъ-то холодно, отчужденно. Тропининъ этого, казалось, не замѣчалъ и на нѣкоторые поклоны отвѣчалъ растерянно, а на нѣкоторые, просмотрѣвъ, совсѣмъ не отвѣтилъ.

Онъ уже былъ у самаго выхода, когда сзади него раздался громкій голосъ Отрубева:

— Яковъ Алексѣевичъ! Куда же вы? А я васъ ищу,—говорилъ Отрубевъ, беря подъ руку Тропинина.

— Да домой,—отвѣтилъ тотъ.

— Зачѣмъ же домой? Пойдемте, посидимъ гдѣ-нибудь, помянемъ!—предложилъ Отрубевъ.

— Пойдемте,—согласился Тропининъ.

На порогѣ вокзала Отрубевъ то и дѣло раскланивался, перекидывался отрывистыми фразами со своими безчисленными знакомыми, на ходу пожималъ руки. Тропининъ тоже раза три нерѣшительно приподнялъ шляпу.

Потомъ, они пѣшкомъ перешли Знаменскую площадь и зашли въ какой-то скромный ресторанчикъ.

Въ углу, у окна, былъ свободный столикъ и они заняли его. Отрубева, вообще, популярнаго во всѣхъ ресторанахъ, отъ высшихъ и до низшихъ, знали и здѣсь. Самъ буфетчикъ, выйдя изъ-за своей стойки, подошелъ къ нимъ:

— Чѣмъ могу служить, Вадимъ Николаевичъ?—осклабляясь, спросилъ онъ.

— Да дайте намъ черной редиски, холодныхъ раковъ, осетровой тешки—это на закуску,—быстро и не задумываясь, зака-

зывалъ Отрубевъ, а затѣмъ, повернувшись къ Тропинину, спросилъ:—Вы, вѣдь, пьете?

Тотъ утвердительно кивнулъ головой.

— Ну, а затѣмъ дайте намъ окрошки,—день-то прояснился, жарко становится, сыпалъ Отрубевъ,—а затѣмъ сдѣлайте битаго мяса съ лукомъ... или нѣтъ, постойте! Лучше печенку въ сметанѣ. Одобряете?—опять обратился онъ къ Тропинину.

— Одобряю,—равнодушно отвѣтилъ тотъ.

— Да водочки! Самой холодной водочки! А потомъ пивца выпьемъ, или винца... Тамъ ужъ видно будетъ.

И лицо Отрубева приняло почти сладострастное выраженіе.

— Такъ-то, батенька, Яковъ Алексѣевичъ! Проводили мы нашего дорогого Антона Павловича!—заговорилъ Отрубевъ, когда буфетчикъ и лакей ушли исполнять заказъ.—И, надо правду сказать, убого проводили. Правда, мы въ этомъ почти не виноваты. Никто ничего не зналъ, когда привезутъ тѣло. Говорятъ, что С. еще вчера получилъ телеграмму, и если это такъ, то да будетъ ему стыдно, что онъ вчера же не выпустилъ какого-нибудь экстренаго прибавленія къ своей газетѣ! А то прямо—срамъ! Никто ничего не знаетъ; мечутся съ мѣста на мѣсто, съ вокзала на вокзалъ! Прямо—срамъ! Я такъ сейчасъ и вдовѣ говорилъ... Я на Николаевскомъ вокзалѣ все время у нея въ купэ былъ... А! Ну, вотъ и водочка, и закусочка! Ну, что-жъ, цапнемъ, что-ли, по маленькой? Цапнемъ да повторимъ! Со свиданіемъ!.. Покойный, въ свое время, вѣдь, тоже любилъ выпить... Помню, разъ писалъ мнѣ: «пріѣду въ Петербургъ, разыщу васъ, и мы примемъ съ вами по пятнадцати капель внутренняго»... Что за письма! Что за письма! Послѣ Пушкина положительно никто не писалъ такъ: легко, безъ всякой натуги, остроумно и всегда содержательно... Въ одномъ словѣ умѣлъ выразить... Давайте-ка еще по рюмочкѣ!.. Подъ тешку!.. Ну, и хрѣнъ!.. Слезу прошибаетъ... Да вы понюхайте чернаго хлѣба!

Но Тропинкинъ отвернулся къ окну и закрылся салфеткой: слезы текли у него не отъ хрѣна.

Отрубевъ понялъ это и на минуту примолкъ.

— Горько, голубушка Яковъ Алексѣевичъ, горько! — заговорилъ онъ опять, но ужъ тихимъ голосомъ и съ неподдѣльнымъ чувствомъ. — Большое горе для насъ... Публикѣ то еще не такъ! Ей онъ свои сочиненія оставилъ, а вотъ намъ-то! Намъ-то. Лично знавшимъ его! Намъ, такъ его любившимъ...

— Я его не любилъ, — вдругъ проговорилъ Тропининъ, поворачивая къ Отрубеву свое по-ребячьи заплаканное лицо.

Отрубевъ даже поставилъ на столъ рюмку съ водкой, которую держалъ въ рукахъ: такъ поразило его это неожиданное признаніе.

— Не любили? — тихо переспросилъ онъ и прибавилъ: : Какъ писателя?

— И какъ писателя, и какъ человѣка, — подтвердилъ Тропининъ. — Какъ писатель, — продолжалъ онъ, — Чеховъ почти ничего не говорилъ моей душѣ. Иногда двѣ-три поэтическихъ черточки или остроумныя фразы заставляли меня еще больше раздражаться противъ него. Я чувствовалъ въ немъ талантъ... большой... громадный талантъ, но талантъ — напрасный, ничего намъ не говорящій, ни къ чему насъ не ведущій. Его нытье — бѣсило меня! Я чувствовалъ въ немъ сознаніе безсилія и чувство полной безнадежности на триста лѣтъ впередъ. Когда заговорилъ Горькій, когда онъ, какъ орелъ, заклекоталъ въ поднебесьѣ, когда онъ произнесъ свое властное «не хочу»! — я воспрянулъ духомъ и всѣмъ моимъ сердцемъ устремился къ этому писателю.

— Вы боевой человѣкъ! Вы — революціонеръ, — началъ было опять Отрубевъ.

Но Тропининъ остиновилъ его.

— Погодите, не перебивайте! — сказалъ онъ и продолжалъ. — И вотъ, когда стало подниматься солнце Максима Горькаго, чеховскій лунный свѣтъ поблѣднѣлъ и разсѣялся въ моихъ глазахъ. «Этотъ писатель не для насъ и не ко времени», рѣшилъ я. Этотъ писатель для тѣхъ, кто отъ бездѣлья, или полной непригодности къ жизни, любитъ покопаться въ своей душѣ, поныть, поскулить, похныкать... А всѣ эти вещи я считалъ глубоко-недостойными человѣка. Хныканье и нытье это уже роскошь. Это можетъ себѣ позволять человѣкъ, или все уже совершившій, или ничего совершить неспособный. Такъ разсуждалъ я тогда о Чеховѣ-писателѣ. Чеховъ-человѣкъ тоже не нравился мнѣ. Его уклончивость и молчаливость въ товарищескихъ бесѣдахъ, — мнѣ не нравились. Даже письма его, которыми такъ всѣ увлекались, меня, признаться сказать, оскорбляли немного: очень ужъ мнѣ они всегда казались свысока. Обидно было, что на вопль вашего сердца онъ отвѣчаетъ шуточками да прибауточками. Такъ думалъ я и такъ чувствовалъ, пока... Постойте! Налейте мнѣ еще рюмку водки!

Отрубевъ налилъ. Они выпили, и Тропининъ, опустивъ голову на руки, продолжалъ:

— Такъ думалъ я, пока... не стряслась надо мною бѣда. Пока счастье не повернулось ко мнѣ спиною, пока судьба не треснула меня со всего размаха дубиной по затылку... Вы знаете сами, какой клеветой обволокли меня, словно паутиной... Нашлись

добрые люди, которые не вѣрили этой клеветѣ—вы, между прочимъ...

Отрубевъ кивнулъ головой и пожалъ лежавшую на столѣ руку Тропинина.

— ...Борщовъ, такъ самоотверженно, даже въ ущербъ себѣ, защищавшій меня; еще нѣсколько товарищей... Но—Талейранъ недаромъ сказалъ „calomniez, calomniez, il en restera toujour quelque chose“. Клевета, подлая клевета облипала меня, какъ птичій клей, связывала она мнѣ и руки, и ноги. Правда, во многомъ я и самъ виноватъ: прежде всего, я малодушно струсилъ, и, вмѣсто того чтобъ смѣло пойти впередъ и раздѣлить судьбу товарищей по несчастью, я послѣ обыска у этого мерзавца Треймана, предавшаго всѣхъ насъ...

— Вы такъ думаете?—спросилъ Отрубевъ.

Тропининъ горько усмѣхнулся.

— Нѣтъ, не думаю. Теперь это я уже знаю завѣдомо... И такъ, вмѣсто того чтобы раздѣлить судьбу товарищей, я воспользовался умышленной оплошностью дѣлавшихъ обыскъ и—бѣжалъ. И вотъ, съ этого-то момента и начались мои страданія... Потомъ я одумался, вернулся, самъ явился, куда слѣдуетъ, но меня не брали: «Намъ, говорятъ, васъ не нужно! Гуляйте, говорятъ, себѣ на свободѣ». Но я убью кого-нибудь!—говорилъ я. «А! Тогда мы васъ возьмемъ и... повѣсимъ»,—спокойно отвѣчали мнѣ... Не могъ же я, въ самомъ дѣлѣ, идти и убивать. Я не могу убить! Это противно моей натурѣ!.. Ну, тогда я рѣшилъ, очертя голову, броситься въ самую кипучую дѣятельность... Но куда я ни бросался, я наталкивался на каменную стѣну недовѣрія. Меня чуждались... меня боялись... да и недаромъ!.. По моимъ пятамъ шли сыщики, и я своей необузданной необдуманностью самъ наводилъ ихъ на наши гнѣзда. Гдѣ только появлялся я, тамъ начинались аресты... Поймите! Нѣтъ, вы поймите, что я долженъ былъ переживать!.. Нѣсколько разъ приставлялъ я револьверъ къ моему виску, но рука безсильно опускалась при мысли: умереть запятнаннымъ! Умереть съ печатью Іуды... Вѣдь, у меня есть дѣти! Вѣдь, эта печать проклятія перейдетъ и на нихъ, и они, ни въ чемъ неповинные, будутъ тоже страдать всю жизнь. Реабилитировать себя! Во что бы то ни стало реабилитировать... но какъ, какъ, какъ?.. И вотъ, милый Вадимъ Николаевичъ, въ одну изъ такихъ безконечно-страшныхъ минутъ моей жизни я случайно перечиталъ чеховскую «Палату № 6». Перечиталъ и завылъ, какъ раненый звѣрь!.. О-о! Какимъ ужасомъ пахнуло на меня отъ нея... о-о! Какая страждущая, наболѣвшая душа писателя выглянула на меня изъ этой роковой палаты, въ которой такъ же безпомощно бился такой же человѣкъ, какъ я. О, какое

любящее сердце прозрѣлъ я въ Чеховѣ, въ этомъ Чеховѣ, который такъ умѣлъ скорбѣть за своего брата. Мнѣ показалось, что онъ меня нѣжно прижалъ къ своей груди и молча, безъ словъ, безъ фразъ, безъ пафоса заплакалъ вмѣстѣ со мной... И одна мысль меня охватила: броситься къ нему, прижаться и сказать: я не одинъ, потому что ты, ты знаешь, какъ страдаютъ люди... Но и тутъ злой рокъ сталъ мнѣ поперекъ дороги: Чеховъ умеръ... И теперь кому же? Кому же я разскажу тоску мою? Помните, Вадимъ Николаевичъ, разсказъ Чехова, какъ старику-извозчику некому было разсказать свое горе, и онъ разсказалъ его своей старенькой кляченкѣ... А у меня и кляченки-то этой нѣтъ!.. Жена... но мы чужды другъ другу; дѣти... но они еще такъ малы... А Чеховъ, вотъ, умеръ... умеръ...

И Тропининъ опять отвернулся къ окну и закрылся салфеткой.

А Отрубевъ, не замѣчая самъ, что по его щекамъ текутъ слезы, смотрѣлъ, какъ истерически вздрагиваютъ плечи Тропинина, и тихо шепталъ: «Да! Великой любви былъ писатель Чеховъ и чудной души человѣкъ».

— Простите, Вадимъ Николаевичъ, что я раскисъ... и васъ, можетъ быть... смутилъ,—заговорилъ черезъ минуту Тропининъ.—Простите... и давайте болтать о чемъ-нибудь другомъ...

Отрубевъ слегка дрожащей рукой разливалъ окрошку. Онъ пытался, но никакъ не могъ заговорить. Чувство подсказывало ему, что возвращаться къ этой тьмѣ больше уже нельзя —это значило бы рвать на клочья сердце Тропинина, а съ языка, какъ на зло, готовы были срываться разныя пошлыя фразы утѣшенія. Молча налилъ онъ еще по рюмкѣ водки, молча же чокнулся съ Тропининымъ, потомъ, хлебнувъ ложки двѣ изъ тарелки, вдругъ сказалъ:

— А окрошка то, вѣдь, не дурна. Только... кажется, нужно прибавить немного горчицы...

— Да, да, кажется, недурна... и горчицы... это хорошо,—разсѣянно подтвердилъ Тропининъ.—Ну, а что у васъ новаго тутъ, въ Петербургѣ? Вѣдь, я... не въ курсѣ дѣла,—спросилъ онъ, стараясь говорить спокойно.

— Да что новаго? Новостей много, да, пожалуй, вы всѣ ихъ знаете,—оживился Отрубевъ, аппетитно прихлебывая пахнувшую свѣжими огурцами и укропомъ окрошку.—Ну, что Борщовъ сосланъ, это вы, конечно, давно знаете. Знаете, что онъ взятъ еще три года тому назадъ 4 марта, на площади Казанскаго собора. Знаете, конечно, что «купеза» Голодковъ круто повернулъ фронтъ и повелъ свою газету по иному руслу... Ба-

тенковъ, какъ вамъ извѣстно, махнулъ на газету рукой и удалился заграницу.

Тропининъ молчалъ, грустно глядя въ окно.

— Ну-съ,—продолжалъ Отрубевъ,—а газету «Кругозоръ» благополучно и предусмотрительно ведетъ... Іосифъ Викторовичъ Елинекъ... Да, вѣдь, какъ ведетъ-то, я вамъ скажу!—все болѣе и болѣе оживляясь, говорилъ Отрубевъ.—Все на тонкой деликатности... Интервью съ сановниками! Бесѣды со знатными иностранцами! Корреспонденціи мистера Стэда! Утѣшительныя извѣстія съ театра военныхъ дѣйствій! Потрясаніе оружіемъ!..

— До сихъ поръ?

— Да-съ, до сихъ поръ! Даже послѣ Тюринчена не унываетъ. «Это,—говоритъ,—все цвѣточки! А ягодки будутъ впереди! И мы япошкамъ покажемъ еще, гдѣ раки зимуютъ!»

— Да, вѣдь, кажется, уже хорошо показали! На Ялу!—улыбнулся Тропининъ.

— А, вотъ, говоритъ, они еще объ Портъ-Артуръ зубы сломаютъ! Узнаютъ,—что такое Стессель съ его орлами!.. Ахъ, если-бъ это не было такъ грустно, такъ умереть отъ смѣха можно бы было!

И замѣтивъ, что лицо Тропинина опять омрачилось и что онъ, весь вздрагивая, все повторялъ: «Боже мой! Какой это ужасъ!»—Отрубевъ бережно обошелъ эти страшныя, кровавыя картинки и, стараясь развеселить своего пріятеля, началъ разсказывать анекдоты изъ редакторской дѣятельности Елинека.

— Нѣтъ, вы не можете себѣ представить, Яковъ Алексѣевичъ, какой у нихъ въ газетѣ теперь «стиль» завелся! Какимъ они тамъ языкомъ пишутъ! Вотъ еще недавно одинъ репортеръ, Іона Колдобинъ, описывая кражу на какой-то дачѣ, подарилъ насъ такимъ перломъ: «собаки, говоритъ, обыкновенно очень чуткія, во всю эту ночь какъ-то загадочно никого не безпокоили своимъ неумолчнымъ лаемъ»... Потѣха!

Въ это время къ сосѣднему съ ними столику подошли два молодыхъ человѣка: одинъ средняго роста, бѣлокурый, очень красивый; другой—высокій, смуглолицый, брюнетъ. Тихо говоря между собой, они распорядились дать имъ бутылку сельтерской воды и бокалъ пива.

Отрубевъ какъ-то искоса посмотрѣлъ на нихъ и, перегнувшись къ Тропинину, едва слышно спросилъ:

— Вы знаете, кто это?

Тотъ отрицательно мотнулъ головой.

— Это—Арсентьевъ и Федоръ. Это новые люди.

— Который Арсентьевъ?—спросилъ Тропининъ, слыхавшій уже эту фамилію.

— Блондинъ, такой красивый,—отвѣтилъ Отрубевъ и, замѣтивъ, что молодые люди обратили вниманіе на ихъ перешептыванія, опять громко заговорилъ:—Да, голубушка, Яковъ Алексѣевичъ! Отъ прежняго «Кругозора» теперь и слѣда не осталось! Не хуже «Современныхъ Вѣстей» бряцаютъ оружіемъ и звонятъ въ патріотическіе колокола.

— Меня не это удивляетъ,—заговорилъ Тропининъ.—Меня удивляетъ петербургское общество. Тамъ, за Ураломъ, льется кровь, тамъ гибнутъ наши родные братья, а Петербургъ ликуетъ, рестораны полны, кафешантаны—полны. Люди поглощены своими мелкими, житейскими интересами.

— Мало того, скажу вамъ,—перебилъ его Отрубевъ,—даже какъ будто радуются нашему пораженію.

— Ну, тѣ, которые радуются пораженію, тѣ врядъ-ли ликуютъ! У тѣхъ, я думаю болѣе надежды въ будущемъ, а не ликованіе сегодняшняго дня.

Отрубевъ, видимо, не понималъ словъ Тропинина, но тотъ не счелъ нужнымъ объяснить и продолжалъ:

— Но какъ общество-то, общество-то, вообще, можетъ спокойно относиться къ этимъ бѣдамъ?

— Ахъ, эти-то? Да!—спохватился Отрубевъ.—Ну, что-жъ? у этихъ бодрость духа поддерживаютъ «Современныя Вѣсти», а теперь и «Кругозоръ».

— Да, кстати,—спросилъ вдругъ Тропининъ.—А гдѣ Козыревъ?

— Козыревъ? Испарился, какъ дымъ, что называется, исчезъ безъ остатка.

— Загадочно,—произнесъ Тропининъ.

При фамиліи Козырева, молодые люди, сидѣвшіе за сосѣднимъ столомъ, т. е. Арсентьевъ и Федоръ, вдругъ насторожились. Потомъ, подозвавъ къ себѣ офиціанта, они заплатили, что съ нихъ слѣдовало, и наполовину не допивъ ни пива, ни воды, поднялись съ мѣста и пошли къ выходу.

— Я тебѣ говорю, что это Тропининъ,—сказалъ Арсентьевъ уже у самыхъ дверей.

— Значитъ, онъ опять появился въ Петербургѣ?—замѣтилъ Федоръ.

Къ счастью, Тропининъ этого разговора не слыхалъ.

— Да, вотъ они, новые люди! Вотъ тѣ, кому предстоитъ дѣйствовать въ недалекомъ будущемъ,—заговорилъ Отрубевъ, проводивъ глазами Арсентьева и Федора.—Это люди дѣла! А намъ, писателямъ, и, тѣмъ болѣе, беллетристамъ, передъ ними отступить нужно.

Тропининъ усмѣхнулся.

— Почему такъ? Почему именно намъ, беллетристамъ или писателямъ вообще? Развѣ мы какая-нибудь особая порода? Развѣ мы не такіе же люди?

— Люди-то мы—люди, и такіе же, пожалуй, только въ томъ бѣда, что люди мы ушибленные. Анализъ насъ разъѣдаетъ! Прошлое на насъ свои оттиски оставило. Мы, вотъ, видите-ли, водочку попиваемъ, а они—воду.

— Развѣ это важно?—спросилъ Тропининъ. И сейчасъ же, не дождавшись отвѣта, самъ возразилъ себѣ.—Да, конечно, важно! И очень важно. Адмиралъ Уріу, собираясь въ бой, предложилъ тостъ стаканомъ чистой воды. Да, конечно, это важно. «Они»—пьютъ «воду», а мы—пьемъ «водочку». Они пьютъ для того, чтобы жить; мы живемъ для того, чтобы пить.

— Вѣрно, вѣрно, голубчикъ, Яковъ Алексѣевичъ!—подтвердилъ Отрубевъ и вдругъ, съ сразу повеселѣвшимъ лицомъ, спросилъ:—А не выпить-ли намъ по сей причинѣ бутылочку кахетинскаго винца?

Тропининъ горько усмѣхнулся.

— Что-жъ, выпьемъ, хотя бы за здоровье тѣхъ, кто пьетъ одну воду.

III.

Трейману не сразу и не легко удалось «надѣть бѣлыя одежды». Цѣпкія руки Арташевскаго и Козырева держали его крѣпко.

— Нѣтъ, голубчикъ, коли вы нашъ, такъ вы уже нашъ до гроба,—откровенно сказалъ ему Козыревъ, при первомъ же намекѣ Треймана о «бѣлыхъ одеждахъ».

— Но «здѣсь» нѣтъ никакого движенія,—замѣтилъ Трейманъ.

— Какого вамъ чорта еще движенія? Деньги есть—вотъ вамъ и движеніе. Что же вы, чиновъ захотѣли, что-ли?

— Да, я хочу чиновъ,—не задумываясь, отвѣтилъ Андрей Андреевичъ.

— Ну, что-жъ, будутъ вамъ современемъ и чины,—помолчавъ немного, пообѣщалъ Козыревъ.

— Улитка ѣдетъ, да не скоро будетъ,—перевирая пословицу, важно проговорилъ Трейманъ.

Козыревъ усмѣхнулся.

— Ну, коли такъ, я вамъ тоже русской пословицей на нѣмецкій ладъ отвѣчу: далеко Петру до Куликова поля.

Трейманъ понялъ что надъ нимъ смѣются, и кожа на скулахъ его залоснилась и покраснѣла. Онъ оборвалъ разговоръ и съ этого дня повелъ свое дѣло въ большой тайнѣ.

Онъ сталъ часто бывать у Ахматовыхъ и скоро для Ольги Александровны сдѣлался незамѣнимымъ чиновникомъ по особымъ порученіямъ, опять той милой «каретой скорой помощи», которая снискивала ему особенное расположеніе всѣхъ.

Онъ бывалъ и у благодѣтеля своего, графа Раабе-фонъ-Блазевицъ, но тамъ онъ держалъ себя молчаливо и внимательно; слѣдилъ за всѣмъ, ко всему прислушивался, а потомъ, въ удобную минуту, сообщалъ Ольгѣ Александровнѣ нужныя ей свѣдѣнія. Та его буквально гладила по головкѣ, называла «умницей» и награждала.

Сухой и черствый Петръ Ивановичъ Ахматовъ тоже обратилъ свое вниманіе на этого «полезнаго» молодого человѣка, и черезъ какой-нибудь годъ Трейманъ перемѣнилъ мѣсто службы и попалъ въ вѣдомство Петра Ивановича.

Козыревъ, къ этому времени, сильно себя скомпрометировавшій въ какой-то слишкомъ уже беззастѣнчивой провокаціи, вдругъ безслѣдно исчезъ.

Арташевскій оказался гораздо покладистѣе и довольно легко освободилъ Треймана отъ разныхъ своихъ секретныхъ порученій.

Арташевскій, вообще, сильно измѣнился. Умный и прозорливый, онъ уже задолго почувствовалъ, что звѣзда графа фонъ-Раабе начинаетъ склоняться къ закату. Онъ почувствовалъ, что сѣренькій и хмурый Петръ Ивановичъ Ахматовъ начинаетъ входить въ силу; онъ понялъ, что этотъ костлявый молодой человѣкъ, т. е. Трейманъ, попалъ, кажется, на вѣрную дорогу и—кто знаетъ—въ будущемъ могъ бы и пригодиться ему на этомъ новомъ пути, а потому не сталъ, подобно Козыреву, угрожать и смѣяться надъ Трейманомъ и, при первой же его настойчивой просьбѣ отпустить его—сказалъ:

— Что же, батенька, скатертью дорога!

А прощаясь съ нимъ, прибавилъ:

— Ну, а когда «пріидете», такъ помяните и насъ!

Трейманъ благодарно пожалъ ему руку, шаркнулъ ножкой и—удалился.

Графъ Раабе, конечно, не замѣтилъ исчезновенія такой соринки изъ своей сферы, тѣмъ болѣе, что Трейманъ, время отъ времени—по праздникамъ—появлялся передъ нимъ, чтобы «засвидѣтельствовать ему свое безпредѣльное уваженіе».

На новомъ мѣстѣ службы главною обязанностью Андрея Андреевича было состоять при особѣ Ольги Александровны и исполнять всѣ наиболѣе щекотливыя ея порученія, какъ служебнаго, такъ и частнаго характера. И онъ старался во всю, и, какъ упоминалось выше, Ольга Александровна не была неблагодарной: во-первыхъ, она провела его не только въ члены, но

даже и въ совѣтъ «Россійскаго патріотическаго собранія»; затѣмъ, къ небольшому, сравнительно, жалованью Андрея Андреевича, довольно часто прибавлялись разныя наградныя и пособія, а главное—она дала ему работу и заработокъ въ разныхъ благотворительныхъ учрежденіяхъ, во главѣ которыхъ она состояла.

И чины пошли. Да какъ-то такъ, что даже по двумъ вѣдомствамъ. И черезъ три года по облаченіи въ «бѣлыя одежды», Андрей Андреевичъ занималъ уже хорошенькую квартирку невдалекѣ отъ особняка Ахматовыхъ. Дверь этой квартирки отворяла смазливенькая горничная въ элегантномъ передникѣ и съ кружевной наколкой на головѣ. Одѣвался Андрей Андреевичъ у лучшаго портного и, аккуратный и расчетливый въ каждой копѣйкѣ, утроилъ свои сбереженія.

Андрей Андреевичъ сталъ очень важенъ, ходилъ размѣренной походкой, сгибая спину только передъ начальствомъ; на своихъ визитныхъ карточкахъ—слѣва, въ уголку—поставилъ дворянскую коронку, а къ своей фамиліи прибавилъ частицу «фонъ» и иначе не называлъ себя, какъ «фонъ-Трейманъ», на что имѣлъ право, такъ какъ, милостью и хлопотами графа Раабе-фонъ-Блазевица, еще въ дѣтствѣ былъ присоединенъ къ россійскому дворянству. Съ равными себѣ держалъ себя, можно такъ сказать, сдержанно; съ низшими и подчиненными—высокомѣрно, требуя отъ нихъ всякихъ знаковъ почтенія. Даже горничной своей, бѣлокурой Зосѣ, говорилъ «ты», она же должна была его именовать «бариномъ» и обязательно обращаться на «вы», даже въ минуты наиболѣе интимныя и подъ покровомъ темной ночи.

Развилъ онъ въ себѣ особую манеру говорить по телефону: корректно съ высшими, холодно—съ равными и надменно съ тѣми, кого онъ за равныхъ себѣ не почиталъ. Когда его вызывали къ телефону—телефонъ теперь у него былъ въ квартирѣ—онъ умѣлъ отвѣчать всегда такимъ тономъ, какъ будто его оторвали отъ очень серьезной работы, и что вообще онъ ужасно занятъ, а все, что ему ни скажутъ, онъ уже давно знаетъ и за серьезное отнюдь не считаетъ. Конечно, съ начальствомъ у него былъ совсѣмъ другой тонъ и другая манера.

Почтеніе къ себѣ въ окружающихъ, подчиненныхъ, онъ развилъ до невѣроятія. Въ департаментѣ, гдѣ онъ служилъ, одинъ шутникъ разсказывалъ, будто швейцаръ той лѣстницы, на которой живетъ Трейманъ, не говоритъ иначе объ Андреѣ Андреевичѣ, какъ съ благоговѣніемъ.

— Разъ,—говорилъ онъ,—я иду утромъ мимо подъѣзда, а у меня къ Трейману порученіе было: письмо передать, наверхъ подниматься не хотѣлось. Я вызвалъ швейцара и говорю

ему: «Пойдите въ квартиру Андрея Андреевича фонъ-Треймана, передайте это письмо и спросите: будетъ-ли отвѣтъ?» А швейцаръ почтительнѣйше приподнялъ фуражку и спрашиваетъ: «А если они еще не имѣли чести проснуться, тогда какъ прикажете?»

Это «не имѣли чести проснуться» такъ и осталось за Трейманомъ и доставляло ему немало огорченій.

— А что, Андрей Андреевичъ, имѣли вы честь завтракать или нѣтъ? Будете вы имѣть честь сегодня обѣдать?—то и дѣло спрашивали его.

Андрей Андреевичъ сердился, кожа на его щекахъ лоснилась, но онъ молчалъ. Онъ зналъ, что его время не пришло, и всѣ эти обиды и оскорбленія складывалъ въ своемъ сердцѣ.

Къ началу 1904 года Андрей Андреевичъ занималъ уже довольно приличное мѣсто въ вѣдомствѣ Петра Ивановича; секретарствовалъ въ двухъ благотворительныхъ обществахъ, руководимыхъ Ольгой Александровной; былъ принятъ въ нѣсколькихъ солидныхъ петербургскихъ домахъ въ качествѣ молодого человѣка, подающаго нѣкоторыя надежды, а главное—protegé Ольги Александровны.

И тѣмъ не менѣе, вернувшись домой со встрѣчи 1904 года,—онъ имѣлъ честь встрѣчать его у Ахматовыхъ,—Андрей Андреевичъ, отпустивъ Зосю спать, довольно долго лежалъ еще на своей постели съ открытыми глазами, стараясь понять: что бы это было такое, что безпокоитъ его и мѣшаетъ ему уснуть?

И вдругъ, почти громко сказалъ:

— Да, непремѣнно надо жениться, потому что безъ солиднаго положенія солидной карьеры сдѣлать нельзя. И жениться надо или на большихъ связяхъ, или на большихъ деньгахъ.

И рѣшивъ этотъ вопросъ, онъ повернулся на правый бокъ, натянулъ на себя одѣяло и сейчасъ же заснулъ.

Съ этого времени мысль Андрея Андреевича неуклонно работала, такъ сказать, въ матримоніальномъ направленіи. Онъ сталъ пріискивать себѣ невѣсту. И тутъ-то, вотъ, онъ особенно ясно понялъ, что онъ пока еще не больше, какъ «молодой человѣкъ, подающій нѣкоторыя надежды и находящійся подъ покровительствомъ Ольги Александровны Ахматовой».

Невѣсты или съ большимъ капиталомъ, или съ большими связями ему въ руки не давались. А уступить онъ не хотѣлъ, и на кое-какой капиталъ, или на кое-какія связи—не шелъ, чтобъ не испортить себѣ карьеру въ будущемъ.

Это раздражало Андрея Андреевича, но онъ рѣшилъ дотерпѣть до конца, памятуя пословицу, что «плохой тотъ казакъ,

который не имѣетъ въ виду быть генераломъ». А онъ хотѣлъ быть хорошимъ казакомъ, чтобы быть въ будущемъ большимъ генераломъ.

И вотъ, весной этого года, счастье ему какъ будто улыбнулось.

Однажды утромъ, явившись съ «докладомъ» къ Ольгѣ Александровнѣ, онъ засталъ у нея незнакомую ему еще, высокую, молодую даму съ блѣдно-рыжеватыми волосами, со странно сиплымъ голосомъ.

Дама эта собиралась уходить и, прощаясь съ Ольгой Александровной, нѣсколько разъ фамильярно назвала ее «ma tante». Ольга Александровна относилась къ ней холодно, видимо, тяготилась ея присутствіемъ и даже не сочла нужнымъ представить ей Треймана.

Когда дама удалилась, Ольга Александровна присѣла къ своему рабочему столику и, принимая «докладъ» Андрея Андреевича, нѣсколько разъ, какъ бы вскользь проговорила:

— Несчастная женщина! Несчастная женщина!

Андрей Андреевичъ молчалъ и съ присущимъ ему тактомъ ни о чемъ не разспрашивалъ.

Тогда Ольга Александровна, съ чисто женской сообщительностью, заговорила сама:

— Эта дама, которую вы сейчасъ видѣли, это моя родная племянница, единственная дочь моей покойной, старшей сестры, бывшей замужемъ за извѣстнымъ волжскимъ богачемъ Лаптевымъ. Моя сестра и ея мужъ умерли давно и дѣвочка эта воспитывалась сначала у насъ въ домѣ, пока у насъ не было своихъ дѣтей. Потомъ она воспитывалась въ частномъ пансіонѣ и чуть-ли не шестнадцати лѣтъ тихонько, «убёгомъ», вышла замужъ за извѣстнаго въ то время кутилу и мота гусара Кобецкаго. И съ тѣхъ поръ мы почти прервали съ ней всякія сношенія. Гусаръ этотъ, конечно, женился на приданомъ. Петръ Ивановичъ сдалъ опеку и умылъ руки. Гусаръ вышелъ въ отставку, они уѣхали заграницу и что они тамъ выкидывали и продѣлывали, одному только Богу извѣстно. Затрещали лаптевскіе милліоны, но, къ счастью, или къ несчастью—кто ужъ тутъ разберетъ?—гусаръ этотъ спился и умеръ. А Нина, овдовѣвъ, вернулась въ Россію, начала было разбираться въ своихъ дѣлахъ: однимъ словомъ, то, что называется, остепенилась. Мы опять приняли ее съ распростертыми объятіями... Но не надолго. Порядочная жизнь ей была уже не по нутру. Она соскучилась и опять улетѣла заграницу. Какъ она тамъ жила—мы этимъ мало интересовались. Но, кажется, не особенно скромно. Доходили слухи... да и по наружности-то видно, что трепалась она тамъ порядочно. Одинъ

голосъ чего стоитъ! Но вотъ, опять вернулась. И опять ко мнѣ, конечно!.. «Ma tante, ma tante!». Какая я ей «ma tante»? Что она дочь моей сестры? Но не могу же я, въ самомъ дѣлѣ, патронировать гулящую бабенку! Ужасно, когда большія деньги попадаютъ въ шалыя руки,—заключила Ольга Александровна.

— Но при такой жизни врядъ-ли у нея могли остаться большія деньги?—вскользь замѣтилъ Трейманъ.

— Въ томъ-то и дѣло, что остались. И очень даже большія: нѣсколько милліоновъ. Управляющій ей попался честный, не разворовалъ. А на ея проживаніе и однихъ доходовъ хватало. Да, вѣдь, и доходы-то у нея тоже громадные... А жаль мнѣ всетаки ее! Хоть она и безпутная, а что ни говори—родная племянница,—совершенно неожиданно противорѣча себѣ, сказала Ольга Александровна.

«Кобецкая... Кобецкая... что-то я такое слышалъ про Кобецкую заграницей»,—соображалъ Трейманъ, въ продолженіе разсказа Ольги Александровны. «Ба!—вдругъ вспомнилъ онъ,—имя Кобецкой упоминалось среди «лагутинцевъ»... Ну, такъ значитъ, это не та! Тамъ милліонерокъ не бываетъ. Это не тѣхъ полей ягода».

Дня черезъ два Ольга Александровна вызвала къ себѣ Треймана по телефону.

— Милый Андрей Андреевичъ,—заговорила она, когда онъ почтительнѣйше предсталъ передъ ея очами,—эта шальная бабенка прислала мнѣ вотъ письмо... Ей нужно тамъ что-то такое сдѣлать... ну, а я не понимаю... Съѣздите вы, родной мой, къ ней и разберите тамъ, что ей нужно?.. И что можно, сдѣлайте... Она живетъ въ Европейской гостинницѣ.

Трейманъ поѣхалъ, разобралъ, сдѣлалъ, да съ этого дня такъ и присосался къ молодой и богатой вдовѣ. Тутъ было все: и большой капиталъ, и большія связи. Потому что, что тамъ ни говори, а Ольга Александровна, все-таки, ей родная тетка. Правда, было тутъ и большое прошлое, но—«кто Богу не грѣшилъ, кто царю не былъ виноватъ»?—сказалъ себѣ Трейманъ и, чувствуя въ этомъ прошломъ какъ бы нѣкотораго даже себѣ союзника, принялся «ухаживать», настойчиво, терпѣливо, словно онъ тоннель копалъ.

Рѣдкій день не исполнялъ онъ для Нины Федоровны Кобецкой какое-нибудь порученіе; рѣдкій день не оказывалъ онъ ей какое-нибудь вниманіе или услугу; поддакивалъ ей во всемъ и льстилъ, главнымъ образомъ, льстилъ, иногда даже довольно грубо, но, помятуя завѣтъ своей покойной матери, что ничѣмъ не возьмешь такъ легко женщину, какъ лестью, льстилъ напропалую.

Наканунѣ похоронъ генерала Обручева они встрѣтились у Ахматовыхъ, и Нина Федоровна вскользь сказала Трейману, что она будетъ при встрѣчѣ гроба, потому что завтра у нея, положительно, весь день свободенъ и дѣваться некуда.

— А послѣ встрѣчи,—добавила она,—поѣдемъ куда-нибудь завтракать.

Трейманъ, полагая, что Нина Федоровна пріѣдетъ съ Ахматовыми, заказалъ для себя прокатный экипажъ, желая щегольнуть передъ ней.

На это «ухаживаніе» Андрей Андреевичъ даже денегъ не жалѣлъ и, съ вѣрой и надеждой на будущее, прикасался уже слегка къ своимъ сбереженіямъ.

«Qui ne risque—ne gagne!»—говорилъ онъ самому себѣ и при этомъ почему-то находилъ нужнымъ покрутить свой блѣдно-желтый усъ.

IV.

Почти всю длинную дорогу отъ Варшавскаго вокзала до ресторана на Каменноостровскомъ проспектѣ Нина Федоровна молчала. Сидѣвшій слѣва отъ нея Трейманъ пробовалъ было заговаривать, но получалъ коротенькіе, отрывистые отвѣты.

Только переѣзжая по мосту черезъ Неву, Нина глубоко вздохнула и, глядя куда-то впередъ, тихо сказала:

— Душно у васъ здѣсь, въ Петербургѣ.

— Да, лѣтомъ иногда...—началъ было Трейманъ.

Но она перебила его.

— Всегда у васъ здѣсь душно: и лѣтомъ, и зимой, и весной, и осенью. Люди здѣсь душные—вотъ что.

Трейманъ дѣланно улыбнулся и спросилъ:

— Неужели всѣ люди?

Нина отвѣтила не сразу и потомъ почему-то по-итальянски проговорила:

— Non tutti, ma buone parte!

Потомъ повернула голову къ Трейману и внимательно, словно въ первый разъ, посмотрѣла на него.

— Вы тоже душный человѣкъ,—улыбаясь, сказала она.

— Я?—растерянно переспросилъ Трейманъ, какъ всегда немного робѣя передъ этой «странной», по его опредѣленію, женщиной.

Самоувѣренный, самомнящій, почти надменный съ другими, Андрей Андреевичъ всегда нѣсколько терялся отъ неожиданныхъ рѣзкостей Нины.

— Я? Душный? Почему?—спросилъ онъ.

— Да хоть потому, что вы до сихъ поръ считаете нужнымъ ломаться передо мной.

— Какъ ломаться?

— Да такъ! Лгать, фанфаронить, казаться не тѣмъ, чѣмъ вы есть на самомъ дѣлѣ... однимъ словомъ, по-русскому выраженію, втирать очки. Это, мой милый, снобизмъ. А я терпѣть не могу снобовъ.

Андрей Андреевичъ даже съежился въ своемъ углу коляски.

— Ну, зачѣмъ, напримѣръ, вы мнѣ сегодня солгали?—продолжала Нина.—Зачѣмъ вы мнѣ сказали, что эта лошадь и экипажъ, въ которомъ вы пріѣхали на вокзалъ,—ваши собственные? Зачѣмъ? Когда я отлично знаю, что они наемные, и наняты вами даже только на сегодняшнее утро? Мало того, я знаю, что вы не настолько богаты, чтобы имѣть свою собственную лошадь и настолько расчетливы, чтобы нанимать экипажъ помѣсячно. Зачѣмъ вы это сдѣлали? Зачѣмъ?

Трейманъ молчалъ. Онъ, положительно, не зналъ, что отвѣтить.

— Чтобы пустить мнѣ пыль въ глаза, что-ли?—безжалостно продолжала Нина,—такъ, милый мой! Мнѣ пустить въ глаза пыль трудно. У меня, у самой полтора милліона годового дохода и для меня, повѣрьте, гораздо интереснѣе люди, которые ѣздятъ на простыхъ извозчикахъ, чѣмъ снобы, разъѣзжающіе на своихъ, а тѣмъ болѣе, на наемныхъ рысакахъ.

— Я вовсе не имѣлъ въ виду васъ обманывать,—наконецъ, заговорилъ Трейманъ.—Пріѣхалъ я въ этомъ экипажѣ потому, что думалъ—такъ удобнѣе потомъ ѣхать съ вами... я думалъ, что вы пріѣдете съ Ахматовыми... а что я сказалъ, что это моя лошадь, это просто у меня такъ... съ языка сорвалось. А что я...

— Бросьте, не оправдывайтесь! Это ужъ совсѣмъ смѣшно выходитъ,—перебила его Нина.—Не все-ли мнѣ равно, на своихъ-ли, на чужихъ-ли вы ѣздите? И выдаете своихъ за чужихъ или чужихъ за своихъ—не все-ли мнѣ равно?! Мнѣ съ вами не ребятъ крестить.

Андрей Андреевичъ былъ совершенно подавленъ. Весь эффектъ, который онъ думалъ произвести такимъ красивымъ и корректнымъ выѣздомъ на рыжей лошади въ англійской упряжкѣ, пропалъ даромъ, а, вѣдь, придется за этотъ проклятый корректный выѣздъ двадцать пять рублей заплатить, потому что нанялъ онъ его на весь день. Положимъ, въ виду того, что онъ его такъ скоро отпустилъ, можно и выторговать кое-что, ну, да не въ этомъ дѣло! Главное въ томъ, что эффектъ-то получился совершенно обратный, а онъ такъ много разсчитывалъ на него.

И Андрей Андреевичъ не безъ злобы покосился на свою даму. А она сидѣла снова задумчивая, молчаливая, съ устремленными куда-то впередъ глазами, съ грустно опустившимися углами большого рта.

«Полтора милліона годового дохода и—родство съ Ахматовыми!»—вотъ что видѣлъ передъ собой Андрей Андреевичъ въ этой высокой, худощавой женщинѣ, уже сильно потрепанной, съ непріятнымъ сиплымъ голосомъ, съ рѣзкими, угловатыми мужскими манерами. И она для него была привлекательнѣе всякой красавицы. Чего не вынесешь за родство съ Ахматовыми?! На что не согласишься за полтора милліона годового дохода?!

«Но чѣмъ ее взять? Какъ увлечь?»—думалъ Трейманъ.

При всемъ самомнѣніи, онъ отлично зналъ, что онъ не отличается особенной физической красотой. Правда, фигура у него—представительная, т. е. онъ высокъ ростомъ, а портной уже додѣлываетъ остальные. Но одного этого для нее, повидимому, мало. Внутреннія же, духовныя же его качества—сумѣетъ-ли оцѣнить она, пустая, вѣтренная бабенка? Вотъ подцѣпить его на исторіи съ экипажемъ—она на это способна, а оцѣнить его желѣзный характеръ, его выдержку, его умъ, пониманіе людей, его настойчивость въ достиженіи цѣли—развѣ она способна на все это? — разсуждалъ Андрей Андреевичъ, сердито пошевеливая мускулами щекъ.—Такъ чѣмъ же ее взять? Чѣмъ? Остается одно средство—безпредѣльная преданность, исполненіе всѣхъ ея желаній и—льстивое восхищеніе. Этимъ,—говорила его покойная мать,—возьмешь каждую женщину—безъ исключенія.

«Что-жъ,—говорилъ самъ себѣ Андрей Андреевичъ,—будемъ исполнять завѣтъ покойной матушки».

И взглядъ его, обращенный на Нину Кобецкую, самъ собой сдѣлался мягче и ласковѣе.

Минутъ черезъ пять они подъѣхали къ ресторану и, сопровождаемые метръ-д'отелемъ, вошли въ просторный и красиво отдѣланный кабинетъ.

Нина какъ-то особенно повелительно взглянула на юлившаго передъ ними француза, и тотъ сразу понялъ, что ему на нѣкоторое время надо удалиться и почтительнѣйше притворилъ за собой дверь.

— Слушайте!—заговорила Нина, подходя къ большому зеркалу и поправляя шляпу.—Сегодня ужъ вы сильно потратились на эту... «собственную» лошадь...—и въ голосѣ ея прозвучала иронія.

«Все перенести! Все!»—уговаривалъ себя Трейманъ.

— Такъ вотъ, въ виду этого,—продолжала Нина,—завтракъ

я беру на себя, но заплатить за него должны вы, а потому, дайте мнѣ мою сумочку!

Трейманъ подалъ, брошенную ею при входѣ на столъ изящную сумочку. Нина открыла и, доставъ оттуда сторублевую бумажку, протянула ее Трейману. Тотъ не бралъ.

— Нина Федоровна, зачѣмъ же?.. У меня есть свои...— краснѣя до багровости и даже слегка заикаясь, сказалъ онъ.

— Дѣлайте то, что вамъ... что васъ просятъ,—серьезно проговорила Нина.

Трейманъ слегка дрожащими пальцами взялъ сторублевку. Залоснившаяся кожа на его скулахъ такъ и ходила.

— А сдачу вы вернете мнѣ,—заключила она и коротко добавила:—Позвоните!

Трейманъ, сунувъ деньги въ карманъ, надавилъ кнопку звонка. Татаринъ-лакей и французъ управляющій какъ изъ-подъ земли выросли.

— Дайте намъ хорошій завтракъ,—по-французски обратилась къ послѣднему Нина.—Слышите, хорошій! Я заказывать не люблю. Но если завтракъ будетъ плохой, я къ вамъ больше не пріѣду. Ну, и вино, конечно, тоже... Однимъ словомъ, вы меня понимаете?

Французъ склонилъ голову и мотылькомъ выпорхнулъ изъ кабинета.

— Слушайте, Трейманъ! Правда, что вы такой, какимъ васъ рисуетъ моя тетушка?—говорила Нина, принимаясь за разставленныя передъ ней закуски.

— Я не знаю, какимъ меня рисуетъ высокочтимая Ольга Александровна, но не думаю, чтобы она имѣла основаніе говорить про меня что-нибудь дурное,—съ сознаніемъ своего достоинства, отвѣтилъ Андрей Андреевичъ.

— О, нѣтъ! Напротивъ! Тетушка отъ васъ въ восторгѣ! Нѣтъ хвалебныхъ эпитетовъ, которыхъ бы она къ вамъ не примѣняла. По ея словамъ, вы и добрый, и милый, и услужливый— главное—услужливый; и преданный, и вѣрный, и... я ужъ не знаю—что! Однимъ словомъ, если даже отбросить любую половину изъ этихъ качествъ, вы все-таки остаетесь совершенствомъ. Такъ увѣряетъ тетушка. Правда это?.. Передайте мнѣ оливки! Merci! Такъ правда-ли это?

Трейманъ сконфуженно улыбался.

— Говорить о самомъ себѣ—крайне неудобно... Конечно, Ольга Александровна очень добра ко мнѣ, но вы и сами меня знаете уже не первый день и, можетъ быть, сами составили какое-нибудь обо мнѣ мнѣніе?

— Не успѣла. Я мало къ вамъ приглядывалась,—отрывисто

бросала Нина, намазывая масло на хлѣбъ.—Но тетушка, она, вѣдь, кажется, большой спеціалистъ по части уловленія душъ человѣческихъ. Вы ей преданы?

— О, да!—восторженно проговорилъ Трейманъ.

— Вы ея secretaire intime?.. Постойте, не перебивайте! Я это вижу сама. Вы ей всю душу отдали, такъ что у васъ для другихъ ничего и не осталось.

— Нина Федоровна...

— Говорю, не перебивайте! Всю душу. А жаль! Мнѣ тоже нужна преданная душа и тоже secretaire intime! Я бы платила дороже, чѣмъ тетушка... Она васъ въ черномъ тѣлѣ держитъ. Вы не можете даже имѣть своей лошади. Я бы вамъ пару купила... или наняла. Сначала бы, впрочемъ, наняла, а потомъ бы, глядя по преданности, и купила. Вѣдь, вы любите своихъ лошадей? Скажите, что вы еще любите?

— Васъ,—неожиданно сорвалось у Треймана.

— Меня?!—Нина такъ и осталась съ ножомъ въ одной рукѣ и съ редиской въ другой.

Трейманъ понялъ, что наступилъ рѣшительный моментъ, что надо идти напроломъ.

— Да, васъ, Нина Федоровна,—насколько могъ горячо заговорилъ онъ.—Съ первой же встрѣчи, съ перваго же взгляда на васъ я почувствовалъ, что здѣсь вся моя судьба... (онъ чуть не сказалъ: карьера)... Вся моя жизнь...—усилилъ онъ.—И съ этого момента я ни о комъ больше не думаю, какъ объ васъ. За васъ я готовъ отдать послѣднюю каплю крови, всякое слово ваше для меня законъ, всякое желаніе ваше для меня святыня... Вы для меня все! Все!

Трейманъ замялся.

— Скажите, вы и тетушкѣ также говорили?—спросила Нина Федоровна и вдругъ залилась веселымъ смѣхомъ.

Трейманъ побагровѣлъ. Мускулы на его щекахъ ходуномъ ходили. А Нина продолжала:

— Да вы премилый! Вы даже въ любви умѣете признаваться! И «до послѣдней капли крови», и «всякое слово—законъ», и «желаніе—святыня!» И все это вы наизусть знаете! Право, вы премилый! Воображаю, какъ тетушка вами должна быть довольна!

— Нина Федоровна!—обиженнымъ голосомъ заговорилъ Трейманъ.—Вамъ, конечно, можетъ быть, это смѣшно и, можетъ быть, даже странно, что я такъ прямо...

— Съ мѣста въ карьеръ!—подсказала Нина.

— ...Что я такъ прямо,—настойчиво повторилъ Андрей Андреевичъ,—заговорилъ о моей любви. Но не удивляйтесь! Я говорю совершенно искренно...

— Милый, да я не удивляюсь,—перебила его Нина.—Я къ этому давно привыкла. Мнѣ часто такъ признаются въ любви. Какъ только узнаютъ, что у меня сто тысячъ десятинъ земли и серебряно-свинцовые рудники на Уралѣ, такъ сейчасъ же: «до послѣдней капли крови» и «ваше слово—законъ». Многіе съ револьверами въ рукахъ признавались. А одинъ—даже съ заряженнымъ... Нѣтъ, нѣтъ, я не сержусь! Вы не бойтесь! Въ этихъ случаяхъ я даже руку даю цѣловать. Хотите? Нате—цѣлуйте!

И Нина протянула ему свою узкую, съ длинными пальцами руку.

Но Трейманъ опустилъ голову и не пошевельнулся.

— Не хотите! Ничего, послѣ поцѣлуете. Я въ этомъ увѣрена. Да не надо кукситься! Я не сержусь на васъ и даже скажу, что ваше признаніе въ любви мнѣ пріятнѣе, чѣмъ признаніе многихъ другихъ. Тѣ признавались и сейчасъ же наровили если не меня, такъ мои милліоны облапить. Вы же—преданнымъ другомъ можете быть, разныя услуги мнѣ оказывать... А мнѣ услуги сейчасъ нужны! Ахъ, какъ нужны!

— Нина Федоровна! Я для васъ...

— Ну, вотъ видите, какой вы милый! Ну, такъ поднимите носъ кверху и улыбнитесь!

Но Трейманъ оставался грустнымъ.

— Но, Нина Федоровна, я люблю васъ!—настойчиво повторилъ онъ.

— Ну, что-жъ? Одно другому не мѣшаетъ! Неужели вы думаете, что всѣ, влюбленные въ меня, должны непремѣнно плакать? Любите и улыбайтесь!

— Вы позволите?

— Что такое?

— Любить васъ.

— Ну, конечно, голубчикъ, конечно! Я, какъ всякая женщина, люблю, когда меня любятъ.

— Но вы позволите надѣяться?

— На что, мой милый?

Трейманъ не зналъ, что сказать. Онъ опять опустилъ глаза и сталъ шевелить мускулами щекъ.

— Ну, хотите я вамъ подскажу? Надѣяться быть обладателемъ Лаптевскихъ милліоновъ? Такъ, что-ли?

— Нѣтъ, Нина Федоровна! Мнѣ милліоны не нужны!

— Вотъ этому я никогда не повѣрю! Потому что это было бы такъ глупо, а, вѣдь, вы, кажется, не дуракъ! Кому не нужны

милліоны? Всѣмъ они нужны. Нужны они и мнѣ, и врядъ-ли я ихъ кому отдамъ... развѣ послѣ моей смерти... да и то...

Нина вдругъ оборвалась и задумалась.

— Нѣтъ, Нина Федоровна! Мнѣ, честное слово, не милліоны нужны. Мнѣ бы хотѣлось... заслужить ваше расположеніе... можетъ быть, вашу... любовь... Мнѣ бы хотѣлось, чтобы вы позволили быть мнѣ вашимъ преданнымъ рабомъ, вашимъ... другомъ... —вкрадчиво заговорилъ Трейманъ, но, видя, что Нина его совсѣмъ не слушаетъ, оборвался.

— Рабъ не можетъ быть другомъ,—послѣ довольно большой паузы, вдругъ проговорила Нина.

Въ кабинетъ, въ это время, вошли два лакея, неся какія-то кушанья.

Интимный разговоръ на минуту оборвался.

— Такъ вотъ какъ,—заговорила Нина, когда они снова остались вдвоемъ.—Вы меня любите! Чудесно! Любите! Ничего не имѣю противъ этого. Вы желаете быть мнѣ преданнымъ... ну, скажемъ,—другомъ? Это еще лучше того! Вполнѣ одобряю ваше намѣреніе и принимаю его съ благодарностью... Но вотъ въ чемъ дѣло: есть пословица—«нельзя быть слугою двухъ господъ», ну, а можно-ли быть другомъ — двухъ госпожъ? Какъ вы думаете?..

— Нина Федоровна, вамъ одной я отдамъ всю душу.

— Тетушку-то, значитъ, по боку?

Трейманъ испугался и это ясно выразилось на его безцвѣтномъ лицѣ.

Нина весело разсмѣялась.

— Да вы не бойтесь! Не бойтесь! Ваша дружба ко мнѣ отнюдь не должна худо отражаться на вашихъ служебныхъ отношеніяхъ! Продолжайте быть секретаремъ моей уважаемой или,—какъ вы ее называете? досточтимой, кажется? — тетушки. Служите ей, если можете, еще усерднѣе, но только... святая святыхъ души вашей—поверните въ мою сторону. Вѣдь, у васъ есть такое «святая святыхъ»?

— О, Нина Федоровна! Конечно!

— Ну, такъ вотъ и чудесно! Отъ «преданнаго друга» я требую очень немного, а именно—только одной преданности. Согласны?

— О, конечно!—почти машинально проговорилъ Трейманъ и сейчасъ же задумался.

«Однако, вотъ какъ она ликвидировала мое признаніе! Ей—все, а мнѣ—ничего»,—думалъ онъ.—«Ну, это ужъ дудки! Это ужъ игра очень неравна!»

И чтобы чѣмъ-нибудь компенсировать свою «преданность», онъ тихо и какъ бы нерѣшительно спросилъ:

— Но вы мнѣ позволите надѣяться?

И, встрѣтивъ вопрошающій взглядъ Нины, закончилъ еще тише:

— Заслужить когда-нибудь ваше... вашу... любовь?

— Chi lo sa!—пожимая плечами и слегка улыбаясь отвѣтила Нина.

Татары перемѣнили еще одно блюдо. Метръ-д'отель разлилъ вино въ красивые зеленые стаканы. Нина и Трейманъ опять остались вдвоемъ.

— Chi lo sa!—задумчиво повторила Нина, лѣниво принимаясь за ризотто.

И потомъ, послѣ большой паузы, вдругъ сказала:

— Трейманъ, найдите мнѣ мужа.

Трейманъ вздрогнулъ и даже едва не выронилъ изъ рукъ вилки.

— Мужа? Найти? Вамъ?—проговорилъ онъ.

— Что же это васъ такъ удивляетъ? Каждой женщинѣ нуженъ мужъ, а иногда даже и очень.

— Но вы сейчасъ только сказали, что никому не отдадите своихъ милліоновъ.

— Ну, да! Что-жъ изъ этого? Развѣ я непремѣнно обязана отдать свои милліоны мужу? У насъ, слава Богу, не германскіе законы! У насъ и женщины имѣютъ право владѣть капиталомъ.

— Да, но...—началъ было Трейманъ и замялся.

— Что-жъ вы хотите сказать, что безъ милліоновъ меня никто не возьметъ? Что я непремѣнно должна купить себѣ мужа?

— Богъ съ вами! Что вы! Что вы!—запротестовалъ Трейманъ и даже замахалъ руками.

Но Нина не унималась.

— По вашему, значитъ, я настолько немолода, некрасива, неинтересна, что только благодаря моему милліонному приданому могу выйти замужъ?—говорила она.—А если бы я обѣднѣла или вздумала пристроить мой милліонъ иначе и протянула бы свою руку безъ всякаго приложенія, ее бы никто и не принялъ? Такъ по вашему выходитъ?

Но Трейманъ говорить ничего не могъ: онъ поперхнулся рисомъ, раскашлялся, закрылъ лицо салфеткой и только отрицательно, какъ бы протестуя противъ словъ Нины, качалъ головой.

— Неужели, напримѣръ, вы, — не обращая вниманія на траги-комическое положеніе Треймана, продолжала Нина.—Неужели, напримѣръ, вы, только что такъ горячо признававшійся

мнѣ въ любви, «по гробъ жизни», или, какъ вы тамъ говорили? «до послѣдней капли крови», отказались бы отъ моей руки, если-бъ узнали, напримѣръ, что у меня ничего нѣтъ, что я давно прогорѣла и кругомъ вся въ долгахъ, и что я вамъ ни копѣйки не дамъ—неужели бы вы не приняли мою руку, не согласились бы быть моимъ мужемъ?

Трейманъ прокашлялся и овладѣлъ своимъ голосомъ,—но еще красный, съ пятнами на лбу и на щекахъ, онъ рѣшительно проговорилъ:

— О, Нина Федоровна, если-бъ вы были даже нищая, я бы счелъ за особенную... честь... нѣтъ, за радость... нѣтъ, за счастье...

— Говорите прямо: за благо!—подсказала Нина.

— Да, за особенное благо быть вашимъ мужемъ,—твердо выговорилъ Андрей Андреевичъ.

Онъ отлично зналъ, что слова о разореніи, о долгахъ—не больше, какъ простая шутка, а угрозы, что она не дастъ будущему своему мужу ни копѣйки—Трейманъ не боялся.

«Умный мужъ»,—разсуждалъ онъ,—«всегда сумѣетъ получить отъ жены все, что ему нужно, хотя въ Россіи, дѣйствительно, и нѣтъ мудрыхъ законовъ Германіи».

— Такъ вотъ видите,—какъ бы успокоившись, заговорила Нина,—вы же вотъ не прочь жениться на мнѣ и безъ приданаго. Почему же вы думаете, что другіе на это не пойдутъ?

— Во-первыхъ, я этого не думаю; а, во-вторыхъ, зачѣмъ—другіе? Зачѣмъ другіе, Нина Федоровна, когда я считалъ бы себя счастливѣйшимъ человѣкомъ, если бы... правда, я незнатнаго происхожденія, но я—дворянинъ; я русскій дворянинъ. Моя фамилія—Трейманъ, но...

— Ахъ, мнѣ все равно! Трейманъ, Фрейманъ, хоть Зильбербергъ!—думая о чемъ-то другомъ, машинально проговорила Нина.

Но Андрей Андреевичъ вздрогнулъ.

— Я не еврей!—испуганно проговорилъ онъ.

— Знаю, что вы не еврей, но, въ данномъ случаѣ, это мнѣ все равно! За васъ я замужъ не собираюсь.

Эти слова были сказаны просто, но рѣшительно.

Трейманъ словно погасъ весь.

— Но почему же?—чуть слышно пролепеталъ онъ.

— Ахъ, почему? Ну, не знаю почему!—капризно заговорила Нина.—Не собираюсь—вотъ и все! И теперь вопросъ не въ этомъ. Просто, найдите мнѣ подходящаго мужа.

— Но что вы подразумѣваете подъ словомъ «подходящій»?

— Что?

И Нина задумалась.

— Ну, сегодня мнѣ объ этомъ говорить не хочется!—заговорила она, подумавъ немного,—я объясню вамъ это когда-нибудь въ другой разъ. А сегодня у меня къ вамъ другая просьба, которую вы должны исполнить, какъ можно скорѣе: сегодня, завтра, однимъ словомъ—на-дняхъ... Вы знакомы съ Арташевскимъ?

Трейманъ слегка замялся.

— Да, знакомъ,—нерѣшительно проговорилъ онъ.

— Хорошо знакомы?

— Хорошо.

— Такъ познакомьте меня съ нимъ.

— Зачѣмъ вамъ это?

— Это что за вопросъ? Если я вамъ говорю—познакомьте, стало быть мнѣ нужно!

— Конечно, конечно! Хотя мнѣ это и крайне трудно...

— Преданные друзья исполняютъ и трудныя порученія,—напомнила Нина.—Говорятъ, онъ очень интересный человѣкъ?

— Не знаю, какъ вамъ это сказать?—уклонился Трейманъ, а потомъ сейчасъ же добавилъ.—Послѣднее время онъ часто хвораетъ.

— Хвораетъ?—переспросила Нина.

— Да! Онъ велъ такой предосудительный образъ жизни, такъ что не мудрено, что онъ разстроилъ себѣ здоровье.

— А какой образъ жизни онъ велъ?—полюбопытствовала Нина.

— Онъ кутилъ съ разными француженками.

— Ага! Да, дѣйствительно, иногда отъ этого здоровье разстраивается,—улыбаясь, проговорила Нина.—Но такъ какъ меня интересуетъ не его здоровье, а онъ самъ, то вы и познакомьте меня съ нимъ и, повторяю, какъ можно скорѣе.

— Слушаю,—покорно опуская голову, проговорилъ Трейманъ.

Завтракъ подошелъ къ концу. Нина сдѣлалась вдругъ разсѣянной и неразговорчивой. Напрасно Андрей Андреевичъ пробовалъ затрагивать разныя, болѣе или менѣе интересныя темы, она совсѣмъ не отзывалась на нихъ, отвѣчая односложно, машинально, видимо, думая о чемъ-то другомъ и, наконецъ, сказала:

— Ну, платите и andiamo!

Трейманъ вздохнулъ и надавилъ кнопку электрическаго звонка.

V.

У подъѣзда ресторана Нина вдругъ сказала Трейману:

— Ну, отсюда я поѣду одна. Мнѣ еще хочется покататься по Островамъ, а потому—до свиданья. Сегодня вы ко мнѣ не приходите, но завтра—непремѣнно, и не одинъ, а вмѣстѣ съ нимъ.

— Но...—началъ было Трейманъ.

— Никаихъ возраженій!—перебила его Нина.—Вы придете или съ нимъ, или совсѣмъ не придете.

Затѣмъ ловко вскочила въ свою коляску и сама крикнула кучеру:

— Трогай!

«Это чортъ знаетъ, что такое!—возмущался Трейманъ, стоя на подъѣздѣ ресторана.—Это не женщина, это... это... это...».

Трейманъ такъ и не нашелъ опредѣленія.

— Прикажете позвать экипажъ, ваше превосходительство?—обратился къ нему подручный швейцара.

— Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ,—сказалъ Андрей Андреевичъ и зашагалъ своимъ размѣреннымъ шагомъ по тротуару Каменноостровскаго проспекта.

Внутри у него все кипѣло. Онъ былъ золъ и на себя, и на Нину. На себя за то, что не сумѣлъ сразу взять надлежащаго тона съ этой «взбалмошной бабенкой»—опредѣленіе, наконецъ, было найдено,—а на «взбалмошную бабенку»...—ну, да за все: и за то, что она его такъ третировала, и за то, что такъ грубо бросила его одного на крыльцѣ, и за то, что онъ совершенно напрасно потратился на наемъ экипажа. И вдругъ онъ вспомнилъ, что въ карманѣ у него еще оставалась крупная сдача со сторублевой бумажки, данной ему Ниной. За завтракъ пришлось заплатить съ небольшимъ тридцать рублей.

«Не слѣдовало бы ей возвращать этихъ денегъ»,—думалъ онъ про себя.—«Если она меня третируетъ, какъ какого-нибудь посыльнаго, такъ пусть и»...

Онъ чуть было не сказалъ: «такъ пусть и платитъ», но оборвался и повернулъ свою мысль на другую колею.

«Злиться не слѣдуетъ»,—говорилъ онъ самому себѣ. —«Лучше привести въ извѣстность плюсы и минусы сегодняшняго дня. Минусы: ну, расходы... а главное, кажется, невѣрный тонъ, взятый мною съ нею». Плюсы: во-первыхъ, онъ сказалъ ей, что любитъ ее. Значитъ, важный шагъ сдѣланъ. Теперь уже остается изъ этой точки идти далѣе, настойчиво, твердо и неуклонно. А затѣмъ, она ему сказала: «найдите мнѣ мужа». О, это большой плюсъ! Стало быть, ей мужа надо и даже очень, если она прямо

сказала: «найдите мнѣ мужа». Теперь только нужно доискаться—почему? А затѣмъ уже найти ей и мужа! О, я найду тебѣ мужа, моя милая! Найду непремѣнно! И этотъ мужъ будетъ никто иной, какъ Андрей Андреевичъ Трейманъ! Не безпокойся, моя милая! Не увернешься! И тогда посмотримъ, кто кѣмъ будетъ командовать, хотя въ Россіи и нѣтъ умныхъ германскихъ законовъ!».

И Трейманъ, въ тактъ своимъ шагамъ, сердито постукивалъ по тротуару новенькой камышевой тростью.

«Ахъ, да!»—вдругъ вспомнилъ онъ.—«Она «приказала» еще познакомить ее съ Арташевскимъ. Тутъ сразу нѣсколько вопросовъ. Во-первыхъ, зачѣмъ ей Арташевскій? Во-вторыхъ, почему она меня спросила, знакомъ-ли я съ нимъ? Знаетъ она о моей прежней службѣ или нѣтъ? Это очень существенно. А, въ-третьихъ, какъ ее познакомить съ Арташевскимъ и стоитъ-ли, вообще, знакомить? О, объ этомъ надо подумать и подумать!».

И Трейманъ еще медленнѣе, еще размѣреннѣе шагалъ по тротуару.

Извозчики, обгонявшіе его, предлагали ему свои услуги, но онъ только сердито отмахивался головой. На этотъ разъ онъ шелъ пѣшкомъ не изъ экономіи. На ходу ему лучше думалось. А подумать было о чемъ.

«Отчего не познакомить?»—разсуждалъ онъ, уже поднимаясь на Троицкій мостъ.—«Вѣдь, ужъ если она взяла это себѣ въ голову, то познакомится непремѣнно. Пусть ужъ лучше я познакомлю, чѣмъ кто-нибудь другой. Тутъ, по крайней мѣрѣ, я выясню, зачѣмъ ей это знакомство, и знаетъ-ли она о моей прежней службѣ или нѣтъ. Теперь вопросъ: какъ ихъ познакомить? Да мнѣ кажется, очень просто: поѣхать прямо къ Арташевскому и сказать ему, что съ нимъ хочетъ познакомиться Нина Федоровна Кобецкая, урожденная Лаптева, племянница Ахматовыхъ—навѣрное, отъ такого знакомства не откажется. А если спроситъ: зачѣмъ ей? Такъ—почемъ я знаю? Ну, а какъ соперникъ, онъ, конечно, не опасенъ».

И Трейманъ вспомнилъ чахлую, изможденную за послѣднее время разными недугами фигуру Арташевскаго и при этомъ воспоминаніи улыбнулся и слегка выпятилъ свою костлявую грудь.

«А не поѣхать-ли сейчасъ къ нему? Въ этотъ часъ онъ обыкновенно еще дома и завтракаетъ. Теперь четверть третьяго. Навѣрное, застану еще!».

И около Лѣтняго сада Трейманъ, взявъ извозчика, приказалъ ему ѣхать на Кирочную, гдѣ послѣднее время жилъ Арташевскій.

Онъ засталъ его, какъ и предполагалъ, оканчивавшимъ завтракъ. Въ маленькой столовой, за чашкой кофе, сидѣлъ Ан-

тонъ Степановичъ Арташевскій въ компаніи своего неизмѣннаго друга, еще болѣе ожирѣвшаго фоксъ-террьера Вайта.

При входѣ Треймана Вайтъ попробовалъ было залаять старческимъ, охрипшимъ лаемъ, но закашлялся, соскочилъ со стула, на которомъ сидѣлъ, и сконфуженно ушелъ въ уголъ.

— Что, братъ-старикъ, осрамился?—съ грустной ироніей обратился Арташевскій къ своей любимой собачкѣ. — Здравствуйте! Радъ васъ видѣть! Садитесь. Не хотите-ли кофе?—говорилъ онъ, здороваясь съ Трейманомъ.

Въ голосѣ его невольно проскальзывало удивленіе и какъ бы вопросъ: «Ты это зачѣмъ еще пожаловалъ?»

Трейманъ взглянулъ на Арташевскаго и нашелъ, что онъ съ послѣдней ихъ встрѣчи еще болѣе осунулся. Глаза его были тусклы и охвачены темными кругами. Руки слегка дрожали.

— А я къ вамъ на минутку, по дѣлу, многоуважаемый Антонъ Степановичъ!—немного запинаясь, началъ Трейманъ.

— Очень радъ! Чѣмъ могу служить?

— И по очень странному дѣлу.

— Что-жъ, я привыкъ къ очень страннымъ дѣламъ. Всѣ дѣла, по которымъ ко мнѣ обращаются, всегда очень странныя.

— Съ вами желаетъ познакомиться одна очень интересная женщина.

— Всегда радъ знакомству съ интересной женщиной.

— И вотъ... на меня она возложила пріятную обязанность устроить это знакомство. Вы, можетъ быть, слыхали?.. Это... племянница Ольги Александровны Ахматовой, дочь извѣстнаго милліонера Лаптева... По мужу—Кобецкая... Нина Федоровна...

По мѣрѣ того, какъ говорилъ Трейманъ, личные мускулы Арташевскаго напрягались все болѣе и болѣе, и чуть замѣтная краска выступила на его щекахъ. Но ровнымъ и спокойнымъ, какъ могила, голосомъ отвѣтилъ онъ Трейману:

— Что-жъ, я очень радъ познакомиться съ Ниной Федоровной Кобецкой.

И только послѣ коротенькой паузы спросилъ:

— Когда?

— Если-бъ вы могли, достоуважаемый Антонъ Степановичъ, завтра, такъ около трехъ часовъ поѣхать со мной къ ней въ Европейскую гостиницу, я былъ бы вамъ очень признателенъ.

— Завтра, около трехъ часовъ я буду ждать васъ у себя и мы поѣдемъ вмѣстѣ къ Нинѣ Федоровнѣ Кобецкой,—пунктуально повторилъ Арташевскій и, къ удивленію Треймана, не задалъ даже ожидаемаго имъ вопроса: чѣмъ вызвано это желаніе познакомиться?

«Экій выдержанный человѣкъ»,—про себя похвалилъ его Андрей Андреевичъ.

Затѣмъ они перекинулись парой незначительныхъ фразъ, и Трейманъ, заявивъ, что онъ не смѣетъ болѣе отнимать драгоцѣннаго времени и т. д., откланялся.

Проводивъ Треймана, Арташевскій быстро прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, порылся въ папкахъ съ бумагами и, доставъ какое-то объемистое «дѣло», сталъ торопливо его просматривать.

— Вотъ!—наконецъ, прошепталъ онъ, когда глаза его упали на четко написанныя строки:

«Кобецкая, Нина Федоровна, вдова гвардіи штабсъ-ротмистра, урожденная Лаптева».

Облокотившись на столъ и подперевъ ладонью голову, онъ съ напряженнымъ вниманіемъ сталъ читать дальнѣйшія строки. Брови его сморщились, на лбу зрѣли глубокія морщины, а красиво отдѣланный длинный ноготь большого пальца правой руки то и дѣло подчеркивалъ нѣкоторыя фамиліи. Между ними чаще всего встрѣчались: Лагутинъ, Емельченко-Капустнякъ, Войновичъ и Ольга Бриксъ.

Когда вошедшій камердинеръ тихо спросилъ его:

— Прикажете, ваше превосходительство, вицъ-мундиръ приготовить?

Арташевскій, не отрывая глазъ отъ бумаги, только досадливо отмахнулся рукой.

VI.

Отъѣхавъ немного по Каменноостровскому проспекту отъ ресторана, Нина Федоровна крикнула своему кучеру:

— Ефремъ, поѣзжайте въ Лѣсной.

Тотъ, не оборачиваясь, утвердительно кивнулъ головой и полной рысью пустилъ вороныхъ рысаковъ.

Нина Федоровна, покачиваясь на упругихъ рессорахъ своей коляски, разсѣянно посматривала по сторонамъ.

Навстрѣчу попадались вагоны конки, извозчики, собственные экипажи; по тротуарамъ шли пѣшеходы. И чѣмъ быстрѣе неслась коляска Нины Федоровны, тѣмъ встрѣчныхъ казалось больше, тѣмъ чаще мелькали дамскія шляпки, лошадиныя головы и столбы электрическихъ фонарей.

Кучеръ Ефремъ зналъ уже госпожу Кобецкую. Онъ не впервые съ ней ѣздилъ. Зналъ, что она щедро платитъ на чай, но любитъ быструю ѣзду, и его хорошо выѣзженные вороные неслись почти бѣшеной рысью. У Нины стала даже слегка кружиться голова.

Но вотъ, миновали мосты и выѣхали на тихое Ланское шоссе. Ефремъ сталъ сдерживать своихъ коней и наконецъ пустилъ ихъ шагомъ. На ихъ статныхъ, черныхъ спинахъ подъ тонкими ремешками упряжки выступали полоски бѣлой пѣны.

— Куда прикажете въ Лѣсномъ?—спросилъ Ефремъ, оборачиваясь къ барынѣ.

— Въ Сосновку. Знаете, на ту дачу, куда мы съ вами ѣздили на прошлой недѣлѣ!

— Слушаю-съ, знаю!—отвѣтилъ Ефремъ.

И, давъ конямъ немного передохнуть, снова пустилъ ихъ полной рысью.

Переѣхали рельсы Финляндской дороги. Только что прошедшій поѣздъ дымилъ вдали по направленію къ Удѣльной. Вотъ и Новосильцевская церковь. Миновавъ ее, Нина стала пристально всматриваться вправо, вглубь парка. Она искала глазами два знаменательныхъ круглыхъ камня, означавшихъ мѣсто дуэли Чернова и Новосильцева.

Каждый разъ, проѣзжая здѣсь, Нина искала глазами эти камни, вызывавшіе въ ея памяти тоже знаменательный, а, можетъ быть, и роковой день. Здѣсь, возлѣ этихъ памятниковъ смерти, она первая призналась въ любви человѣку, котораго любила и любитъ до сихъ поръ серьезной, большой любовью.

«Можетъ быть, одного его я только и любила»,—уже не въ первый разъ подумала Нина, глядя туда, гдѣ должны были быть эти камни.

И ей вспомнился чистый и свѣтлый обликъ мужчины, такъ хорошо, такъ просто открывшаго ей широкія объятія, такъ горячо отвѣтившаго ей на поцѣлуй.

— Здѣсь, Нина,—говорилъ онъ ей тогда,—раздались два первыхъ выстрѣла русскаго освободительнаго движенія. Здѣсь упали мертвыми обидчикъ и мститель. Новосильцевъ, оскорбившій дѣвушку, и Черновъ, братъ этой дѣвушки, мстившій за позоръ сестры. Похороны Новосильцева, принадлежавшаго къ петербургской знати, прошли, какъ проходятъ, вообще, похороны знатныхъ людей: важно, торжественно и холодно. Похороны Чернова носили совсѣмъ другой характеръ. Это былъ первый тайный смотръ русскихъ революціонныхъ силъ. За гробомъ шелъ Кондратій Рылѣевъ и его товарищи, скоро пріобрѣтшіе неувядаемую славу подъ именемъ «декабристовъ». И здѣсь я еще отрокомъ, еще Васей Лагутинымъ, гимназистомъ пятаго класса, далъ мою Аннибалову клятву служить великому дѣлу освобожденія моей родины отъ тьмы и безправія до послѣдней капли крови. И помни, Нина, если ты любишь меня, если ты хочешь раздѣлить со мной мою жизнь, помни, что не радость и не розы ждутъ тебя впереди.

И горе тебѣ, если только одна любовь ко мнѣ толкаетъ тебя на нашу дорогу! Любовь пройдетъ, а прошлаго уже не воротишь.

Нина, какъ завороженная, слушала эти слова. Она любила этого человѣка, и ей казалось, что она любитъ и его дѣло. Слабая женщина! Она не сумѣла разобраться въ своихъ чувствахъ. Человѣкъ былъ прекрасенъ, но дѣло его было для нея и тяжело, и скучно.

Сколько разъ она, ослабѣвшая, покидала это дѣло, окуналась въ омутъ жизни, въ вихри наслажденій, искала тамъ забвенія, но, не находя его, снова возвращалась къ любимому человѣку и на колѣняхъ вымаливала у него прощеніе за свое малодушіе.

И съ каждымъ разомъ онъ становился все холоднѣе, а искусъ—эта эпитимья, какъ называла она,—налагаемый имъ, былъ все суровѣе и суровѣе. И вотъ послѣднее его порученіе, наконецъ, было—ужасно. Но онъ ей сказалъ: «иди и выполни. Иначе я тебѣ больше не вѣрю». И она, чтобы вернуть любовь этого человѣка—пошла.

«О, страшный часъ! Послѣдній часъ!»—звенѣли въ ея ушахъ знакомые слова и мотивъ.

Нина вздрогнула и отвернулась отъ парка.

Навстрѣчу имъ, шипя и дымя, шелъ маленькій поѣздъ парового трамвая. Чье-то знакомое лицо мелькнуло въ одномъ изъ вагоновъ.

«Этого человѣка я гдѣ-то видѣла и видѣла даже сегодня... чуть-ли не на похоронахъ Чехова»,—подумала Нина...

Минутъ черезъ десять коляска остановилась у палисадника одной изъ дачекъ Сосновки. Маленькая, черная собачка съ громкимъ лаемъ выскочила изъ-за ограды. Нина, уже вышедшая изъ экипажа, махнула на нее зонтикомъ. Собачка залаяла еще громче и сердитѣе.

— Бибишка! Бибишка! Назадъ!—раздался рѣзкій женскій голосъ въ одномъ изъ оконъ дачи.

Нина отворила калитку и вошла въ палисадникъ.

— Пожалуйте! Пожалуйте!.. Бибишка, да перестань! Перестань ты, подлая!.. Пожалуйте. Въ горницы!.. Я сейчасъ пошлю за Григоріемъ Асафовичемъ, пожалуйте!—говорилъ тотъ же голосъ изъ окна, задернутаго занавѣской.

— Здравствуйте, Анна Васильевна!—сказала Нина и кивнула головой къ окну.—Вы что же прячетесь?

— Да не одѣта я, совсѣмъ не одѣта! Только что отобѣдали... такъ, прибираюсь...

— А Григорія Асафовича дома нѣтъ?

— Нѣтъ, дома, дома! На задворкахъ. Играетъ тамъ съ дѣтьми. Да пожалуйте въ горницу.

Нина вошла во внутрь дома. Это была дачка средней руки изъ тѣхъ, что нанимаютъ мелкіе петербургскіе чиновники, съ неизбѣжной темной гостиной посрединѣ и съ «горницами»—направо и налѣво. Гостиная была обставлена не то, чтобы бѣдно, но какъ-то ужъ очень по провинціальному: и съ диваномъ около стѣны, и съ овальнымъ передъ нимъ столикомъ, покрытымъ вязаной скатерткой, и даже съ дешевой лампой посреди этого столика.

Нина подошла къ зеркалу, висѣвшему въ простѣнкѣ, и хотѣла поправить шляпу. Зеркало такъ перекосило ея лицо и всю фигуру, что она не могла удержаться отъ улыбки.

«Господи! Вѣдь, интеллигентный человѣкъ!»—уже не въ первый разъ подумала она,—«а какая провинціально-мѣщанская обстановка. Если бы на стѣнахъ, вмѣсто портретовъ Писарева, Чернышевскаго и Добролюбова висѣли «лики» какихъ-нибудь архіереевъ да архимандритовъ, можно было бы подумать, что она попала въ домъ волостного писаря или сельскаго дьякона».

На «террасѣ», черезъ которую вошла Нина, послышались тяжелые, грузные шаги, и сейчасъ же вслѣдъ за этимъ въ комнату вошелъ—человѣкъ, не человѣкъ, медвѣдь, не медвѣдь, а что-то очень коренастое и волосатое. Сутуло опустивъ голову и не глядя на Нину, существо это наискось перерѣзало комнату и скрылось въ одной изъ горницъ.

Нина посмотрѣла ему въ спину, облеченную только въ одну жилетку поверхъ цвѣтной рубашки, и опять улыбнулась.

«Пошелъ сюртукъ надѣвать,»—подумала она.

И, дѣйствительно, черезъ минуту та же фигура, но уже въ сюртукѣ и съ повязаннымъ галстукомъ, вернулась обратно въ гостиную.

— Здравствуйте, Григорій Асафовичъ!—проговорила Нина, протягивая руку.

— Здравствуйте, Нина Федоровна,—тихимъ и какимъ-то особенно спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ Григорій Асафовичъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока съ небольшимъ, вовсе ужъ не такой высокій и громоздкій, какимъ онъ казался всегда съ перваго взгляда. Правда, онъ былъ и широкоплечъ, и коренастъ, и какъ-то по-медвѣжьи сутуловатъ, и даже косолапъ слегка, но все это было въ предѣлахъ средняго размѣра. Только громадная копна волнистыхъ, темно-русыхъ съ просѣдью волосъ на головѣ да большая, лопатой, полусѣдая борода придавали ему бросающуюся въ глаза грузность.

Говорилъ онъ тихо, не торопясь, выговаривая ясно каждое

слово, но чувствовалось, что спокойный голосъ его можетъ разростись чуть-ли не до раскатовъ грома.

Небольшіе, каріе глаза смотрѣли умно, добродушно, но за этимъ взглядомъ всегда сквозила какая-то затаенная мысль. Сильный характеръ, да и большая физическая сила проскальзывали въ каждомъ его словѣ, въ каждомъ его движеніи.

Григорій Асафовичъ Медіокритскій былъ тотъ самый «честный» управляющій, про котораго Ольга Александровна Ахматова говорила Трейману, какъ объ охранителѣ лаптевскихъ милліоновъ.

— Что-жъ мы стоимъ? Сядемъ, — проговорилъ Григорій Асафовичъ.

Нина осмотрѣлась и положительно не знала, куда сѣсть: диванъ былъ заставленъ столомъ, а стулья ей казались такими неудобными и жесткими, что она сказала:

— Выйдемъ лучше на террасу.

— Ладно,—отвѣтилъ Григорій Асафовичъ и, по медвѣжьи попятившись, пропустилъ Нину впередъ.

На террасѣ стояла, такъ называемая, «дачная» плетеная мебель, тоже жесткая, но попросторнѣе.

— Прежде всего, дайте мнѣ чаю,—сказала Нина, усаживаясь на диванчикъ.

Григорій Асафовичъ повернулъ голову во внутрь дачи и, слегка повысивъ голосъ, проговорилъ:

— Анюта! Пришли намъ чаю.

А затѣмъ, сѣлъ рядомъ съ Ниной въ кресло.

— Зачѣмъ пріѣхали?—спросилъ онъ, слегка поглаживая свою бороду.

— Что за странный вопросъ? — улыбаясь, проговорила Нина.

— Вы знаете, Нина Федоровна, что я не люблю, когда вы сами ко мнѣ ѣздите. Ваша коляска у моей скромной дачки всегда производитъ нежелательное впечатлѣніе. Если я вамъ нуженъ, вы всякую минуту можете меня вызвать къ себѣ: для этого у меня и на дачѣ телефонъ поставленъ...

— Ну, хорошо!—капризно перебила его Нина.—Пріѣхала, потому что хотѣла пріѣхать. Пріѣхала, потому что мнѣ некогда было вызывать васъ къ себѣ. Пріѣхала потому, что у меня есть экстренная новость.

— А есть, такъ говорите,—уже совсѣмъ тихо проговорилъ Медіокритскій.

— Завтра онъ будетъ у меня!—также тихо сказала Нина.

— Хорошо-съ.

— Ну, вы примите свои мѣры. Понимаете? Нужно, чтобы тотъ хорошенько замѣтилъ его, фигуру, лицо... понимаете?

— Понимаю.

— Исполните?

— Конечно, исполню, хотя...

— Что, хотя?

— Хотя мнѣ это очень не нравится.

— Почему же не нравится, когда это необходимо?

— Не вижу никакой необходимости.

— Вы просто не хотите видѣть!—уже начинала горячиться Нина, повышая голосъ.—Понимаете, что безъ этого шага... безъ перваго шага... нельзя сдѣлать второго, главнѣйшаго.

— Второй—понимаю, а перваго—нѣтъ.

— Вы просто упрямый человѣкъ!

— Нѣтъ-съ, не упрямый, а разсудительный, ибо полагаю, что этотъ вашъ первый шагъ неизбѣжно сорветъ второй, какъ вы изволили вѣрно замѣтить, главнѣйшій.

— А я вамъ говорю, что не устранивъ это препятствіе, мы не дойдемъ до цѣли. Да и, во всякомъ случаѣ, вотъ что: намъ разсуждать сейчасъ здѣсь съ вами не приходится. Мы—просто исполнители. Намъ указано, что дѣлать, и мы должны дѣлать.

— Отнюдь нѣтъ!—сказалъ Григорій Асафовичъ.—Не знаю, какъ вы, Нина Федоровна, но я всегда обсуловливаю мое участіе правомъ строжайшей критики и то, чего не считаю нужнымъ дѣлать, дѣлать не буду. Хотя бы мнѣ тамъ приказывали! И, наоборотъ-съ: сдѣлаю то, что считаю нужнымъ сдѣлать, несмотря ни на какіе запреты.

— Въ такомъ случаѣ, вы—кустарь.

— Какъ угодно назовите! Но прежде всего,—я—я.

— Но вы же сказали, что исполните?

— Сказалъ и исполню, потому что вы все тѣсно связали со вторымъ шагомъ, а второй шагъ я считаю—неизбѣжнымъ. И если не уклонюсь отъ перваго, то только потому, чтобы вы не испортили второго. Поняли?—теперь, въ свою очередь, спросилъ Григорій Асафовичъ.

— Поняла,—улыбаясь, отвѣтила Нина Федоровна и продолжала:—Ну, такъ повторяю: онъ завтра у меня будетъ... А, можетъ быть, и не завтра, а послѣзавтра... а, можетъ быть...

— А, можетъ быть, и совсѣмъ не будетъ?

Нина задумалась и глубоко вздохнула.

— Можетъ быть, мы и совсѣмъ безъ этого обойдемся?—ласково посматривая на Нину, чуть слышно говорилъ Григорій Асафовичъ.

— Ахъ, если-бъ я знала, что это дѣлается не ради только одного моего испытанія... что это не «искусъ», не эпитимья...

— О-го-го!—какъ-то во внутрь себя разсмѣялся Медіо-

критскій.—Ну, такую эпитимью назначать рискованно!—проговорилъ онъ.

— Но, вѣдь, вы знаете Василія!

— Знаю. Человѣкъ—смѣлый, рѣшительный, но умный и не безъ сердца.

— Ахъ, Григорій Асафовичъ! Давайте, лучше, не будемъ говорить объ этомъ! Вы согласны; я—должна. Чего же разсуждать больше? Завтра будьте въ городѣ, въ конторѣ, вмѣстѣ съ вашимъ съ часу дня. Я позвоню въ телефонъ и, если скажу: «оплатите счетъ портнихи», знайте, что онъ у меня. А если не пріѣдетъ, скажу: «счетъ не присланъ». Но придется ждать, можетъ быть, и послѣзавтра... Но только, ради Бога! Не будемъ больше объ этомъ говорить. Я не могу. Мои нервы не выдержатъ.

Григорій Асафовичъ тихо улыбнулся.

— А то-ли еще будетъ!—чуть слышно проговорилъ онъ.—То-ли еще переживать придется! Грядущее чревато большими событіями! Большими! Скажу даже—страшными!

Подали чай. И вмѣстѣ съ нимъ на террасу вошла и Анна Васильевна, жена Григорія Асафовича.

«Настоящая уѣздная дьяконица»,—опять-таки уже не въ первый разъ подумала Нина.

И, поздоровавшись съ хозяйкой дома, спросила:

— Отчего у васъ всегда такой вкусный чай, Анна Васильевна? Нигдѣ я такого вкуснаго чаю не пивала.

— А это ужъ Григорій Асафовичъ! Это ужъ онъ гдѣ-то такой чай покупаетъ. Любитъ, вѣдь, онъ чай-то у меня,—отвѣтила Анна Васильевна, ласково глядя на большую, волосатую голову мужа.

— Лѣтомъ—чай и лавенъ-теннисъ—это два благодѣтеля нашей жизни, — сентенціозно и выговаривая «лавенъ», а не «лаунъ»,—проговорилъ Григорій Асафовичъ.

— Но вы и зимой, кажется, тоже постоянно чай пьете?—сказала Нина.

— Меньше. Меньше движенія, меньше и чаю пью.

— А съ кѣмъ же это вы въ лаунъ-теннисъ играете?

— Знакомая тутъ у насъ гоститъ, да еще студентъ приходитъ,—за мужа отвѣтила Анна Васильевна.

— Я, вообще, англичанъ за многое уважаю, а за изобрѣтеніе лавенъ-тенниса—въ особенности,—говорилъ Григорій Асафовичъ, медленно прихлебывая крѣпкій и ароматный чай.—Умная игра! И равно—полезная, какъ для дѣтей, такъ и для людей зрѣлаго, даже пожилого возраста. Ввелъ бы во всѣхъ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ обязательный предметъ.

— А къ намъ, никакъ, еще гости!—торопливо проговорила Анна Васильевна и спустилась съ террасы въ палисадникъ.

Черезъ минуту она вернулась въ сопровожденіи молодой, хорошенькой и очень изящной женщины.

«Гдѣ это я ее видѣла?»—подумала Нина, внимательно осматривая стройную фигурку гостьи, поднимавшейся по ступенькамъ террасы.—«Ахъ, да!»—вспомнила она.—«Сегодня, на похоронахъ Чехова. Это—жена извѣстнаго эмигранта Денисова».

Григорій Асафовичъ, не торопясь, поднялся со своего стула и протянулъ Денисовой свою не по росту маленькую, но крѣпкую руку.

— Здравствуйте, Надежда Львовна!—проговорилъ онъ.— Позвольте васъ познакомить: Нина Федоровна Кобецкая—Надежда Львовна Денисова.

Нина такъ и впилась въ эту хорошенькую женщину, такъ мало похожую на тотъ обликъ, который она создала въ своемъ воображеніи по слышаннымъ о Денисовой разсказамъ. Она знала, что Надежда Денисова послѣдовала за мужемъ въ ссылку, два года дѣлила ее съ нимъ гдѣ-то въ Якутской тайгѣ, пока Денисовъ не бѣжалъ черезъ Америку въ Европу. И тамъ она помогала мужу въ его работѣ.

Нинѣ рисовалась крѣпкая, мужественная фигура женщины-подвижницы, женщины-борца, а передъ ней стояла молодая, почти хрупкая, «дама изъ общества», изящно одѣтая, причесанная по послѣдней модѣ. Нина знала, что у Денисовой было двое дѣтей, и одинъ изъ нихъ даже родился въ Сибири. И этому трудно вѣрилось, глядя на стройную, почти дѣвичью фигуру Надежды Львовны.

Но, взглянувъ пристально въ глаза своей новой знакомой и встрѣтивъ такой твердый, несокрушимый взглядъ, Нина повѣрила, что съ этой энергіей, горѣвшей въ ея темно-сѣрыхъ глазахъ, можно, дѣйствительно, все перенести.

Денисова очень мило и совсѣмъ по-свѣтски поздоровалась съ Ниной и тоже совсѣмъ по-свѣтски сказала ей:

— А я заочно васъ уже знаю.

— Вотъ какъ?—удивилась Нина и даже слегка вздрогнула.

— Да, мнѣ говорилъ про васъ Григорій Асафовичъ по поводу Сашеньки Лахтиной.

— Ахъ, да!—вдругъ спохватилась Нина и, обратившись къ Медіокритскому, спросила:—Ну, какъ Сашенька? Здорова она теперь?

— Настолько, что уже играетъ въ лавенъ-теннисъ,—отвѣтилъ тотъ.

— Отчего же я ее не вижу?

— Вамъ нужно ее видѣть?

Нина смѣшалась. Сердитая морщинка залегла между ея бровей. Этотъ тонъ Медіокритскаго часто выводилъ ее изъ себя.

— Знаете, Григорій Асафовичъ, со мной-то вы, кажется, могли бы и не конспирировать,—раздражительно проговорила она.—Да! Я хочу видѣть Сашеньку! Проводите меня къ ней!

И Нина рѣшительно поднялась съ дивана во весь свой высокій ростъ.

— Она и сама сюда выйдетъ,—вмѣшалась было Анна Васильевна.

— Нѣтъ, мнѣ нужно съ ней поговорить наединѣ,—настойчиво повторила Нина и посмотрѣла на Медіокритскаго.

Тотъ только сдѣлалъ жестъ рукой, какъ бы приглашая ее войти во внутреннія комнаты.

Но какъ разъ въ это время на порогѣ террасы показалась худощавая фигурка молодой, лѣтъ двадцати съ небольшимъ дѣвушки, скромно одѣтой въ простенькое черное платье, перехваченное желтымъ кожанымъ кушакомъ. Трудно было бы узнать въ этомъ серьезномъ, блѣдномъ, со страдальчески опущенными углами рта лицѣ прежнее, дѣтски-наивное, пухленькое личико Дашеньки Второвой, первой жертвы Андрея Андреевича Треймана.

Увидавъ Денисову, она какъ-то порывисто рванулась къ ней и горячо расцѣловалась.

— А я вашъ голосъ услыхала и думаю: вы это или не вы? Такъ рада!—успѣла шепнуть она на ухо Надеждѣ Львовнѣ.

И затѣмъ, повернувшись къ Нинѣ, вѣжливо, но съ большимъ оттѣнкомъ холодности, поздоровалась съ ней.

Нина взяла ее рукой за талію и, не говоря ни слова, увела обратно въ темную гостиную.

— Вы знаете, Сашенька,—тихо заговорила она тамъ.—Это будетъ на-дняхъ. Можетъ быть, завтра... можетъ быть, послѣзавтра... во всякомъ случаѣ, на-дняхъ... Вы готовы?

— Конечно, вѣдь, я же сама просилась. Что тутъ еще спрашивать?—отвѣтила молодая дѣвушка, еще четыре года тому назадъ Дарья Васильевна Второва, теперь же, послѣ побѣга изъ ссылки, носившая конспиративное имя Александры Адріановны Лахтиной.

Въ голосѣ, которымъ она говорила съ Ниной, во взглядѣ, который она исподлобья бросила на нее, чувствовалась какая-то затаенная непріязнь. Нина замѣчала это, но не понимала причины. Не на ея-ли средства, не ея-ли хлопотами была спасена изъ ссылки эта дѣвушка? Откуда же такая непріязнь? Чѣмъ объяснить это? Тѣмъ болѣе, что лично Нинѣ Сашенька Лахтина съ

первой же встрѣчи стала какъ-то особенно мила и симпатична, настолько даже, что, узнавъ отъ Григорія Асафовича, что на предстоящее «дѣло», между прочими, вызвалась и эта, только что вырванная изъ ссылки дѣвушка, Нина всѣми силами старалась отклонить ее отъ этого рѣшенія; для этого собственно она и вызвала ее теперь въ отдѣльную комнату.

Но, встрѣтивъ такое непріязненное отношеніе къ себѣ, не знала, какъ приступить къ разговору.

— Сашенька,—нерѣшительно заговорила она,—достаточно-ли вы оправились? Вѣдь, вы были очень серьезно больны.

— Я здорова,—коротко отвѣтила та.

— По вашему виду, этого еще сказать нельзя. Вы блѣдны... вонъ у васъ какъ глазки-то подведены! Не лучше-ли вамъ отказаться и взять рѣшеніе обратно?

Сашенька сдѣлала нетерпѣливый жестъ.

— Мои «глазки»,—съ ироніей подчеркивая слово «глазки», заговорила она,—мои «глазки»—тутъ не причемъ. Да, и, вообще, заботиться о своемъ здоровьи въ такія минуты болѣе, чѣмъ смѣшно и даже... стыдно... Мое рѣшеніе неизмѣнно. Я должна и пойду. Понимаете, я хочу этого! Хочу! Для меня было бы большимъ горемъ, если-бъ мнѣ отказали въ активной дѣятельности. И васъ я особенно прошу не заботиться больше обо мнѣ.

— Что дѣлать?—искренно вздохнула Нина.—Я только не понимаю этого непріязненнаго тона, который у васъ всегда прорывается въ разговорахъ со мной.

— За тонъ вы меня извините. Я не воспитана и не умѣю себя держать въ обществѣ. Я знаю, что я вамъ многимъ обязана...

— Ахъ, ради Бога! Ради Бога! Ничѣмъ вы мнѣ не обязаны! Ничѣмъ!—горячо перебила ее Нина.—Все, что я сдѣлала, я дѣлала, прежде всего не для васъ. Я дѣлала для «дѣла». Такъ что мнѣ вы ничѣмъ не обязаны. Но въ нашихъ простыхъ, въ личныхъ отношеніяхъ... Съ другими вы всегда милы и привѣтливы—я сейчасъ сама видѣла, какъ вы радостно бросились къ Денисовой... а для меня у васъ нѣтъ ласковаго слова.

Сашенька стояла молча, потупившись и даже изъ простой вѣжливости ничего не возразила. Чувство раздраженія подступило Нинѣ къ горлу.

«Ну, что мнѣ эта дѣвченка?—говорила она сама себѣ.— Одна изъ тѣхъ дюжинныхъ «рядовыхъ», которыхъ такъ много мелькнуло передъ ней за послѣднее время, а, между тѣмъ, Нинѣ такъ хотѣлось, чтобъ именно эта «дюжинная рядовая» потянулась сама къ ней, сама бы отдала ей свое сердце. Этого не было, и Нина злилась.

Не сказавъ больше ни слова и круто повернувшись, Нина пошла на террасу. Слѣдомъ за ней вышла туда же и Сашенька.

«Отчего они всѣ меня не любятъ?—сердито думала Нина, занимая свое прежнее мѣсто.—«И эта «дьяконица»», Анна Васильевна, теперь такъ оживленно разговариваюшая о чемъ-то съ Денисовой; съ ней же всегда немножко не то, что холодна, а какъ-то застѣнчива; и этотъ медвѣдь Григорій Асафовичъ,—вѣдь, есть же у него привѣтливыя улыбки для другихъ, простыя слова и даже веселыя шутки! А стоитъ ей заговорить съ нимъ, онъ сейчасъ же напускаетъ на себя какой-то оффиціальный тонъ, дѣлается сухъ, и даже, скрытенъ. Скрытенъ съ ней! Когда она въ «дѣлѣ» знаетъ въ двадцать разъ больше, чѣмъ онъ, когда она посвящена въ то, о чемъ онъ никогда и знать не будетъ; когда она... Ахъ, что тутъ перечислять! Пятнадцать лѣтъ этотъ человѣкъ управляетъ ея имѣніями, ведетъ ея дѣла, она слѣпо довѣряетъ ему все свое состояніе, а онъ хохлится передъ ней, съеживается, словно боится ее, относится къ ней, какъ къ «барынѣ». Почему это?—задала она себѣ вопросъ и сейчасъ же рѣшительно отвѣтила: «Оттого, что всѣ они узенькіе, маленькіе люди, съ куринымъ міросозерцаніемъ, съ тараканьимъ горизонтомъ».

И тутъ ей вспомнился тотъ орелъ, во имя котораго и ради котораго она шла—на все. Тотъ большой, крупный человѣкъ, тотъ титанъ между пигмеями, вспоминалась его любовь, его ласки и—увы!—вспомнилось и его недовѣріе.

— Нина,—говорилъ онъ ей,—ты любишь меня. Я этому вѣрю. Но кого ты во мнѣ любишь: человѣка или мужчину—я этого не знаю. Если человѣка, будь благословенна и пойдемъ со мною; если мужчину—брось меня! Отойди отъ меня.

И онъ назначалъ ей эпитимьи, испытанія. Ей было это обидно, больно, больно до слезъ. Взамѣнъ этого, она предлагала ему на дѣло все свое состояніе до послѣдней копѣйки, а онъ не бралъ, да при этомъ тутъ же еще говорилъ:

— Отъ всякаго другого, я бы, конечно, взялъ съ радостью. Деньги на дѣло такъ нужны. Но отъ тебя не возьму. Не возьму, потому что, между мною и дѣломъ стоитъ твоя любовь, и я боюсь, что не человѣку, не дѣятелю отдаешь ты свое состояніе, а любовнику. И это—ужасно!

И Нина сама, тихонько, безъ его вѣдома, совала свои деньги туда и сюда, но этого ей было мало. Ей хотѣлось отдать все и нищей лечь у его ногъ. А онъ не бралъ, онъ отталкивалъ ее.

«И здѣсь я вотъ тоже чужая,—и она обвела своими сѣрыми глазами оживленно и весело болтавшихъ между собою Денисову, Анну Васильевну, Медіокритскаго и Сашеньку.—Вонъ, у этого

дичка даже щеки разгорѣлись!»—подумала она, глядя на разрумянившуюся Сашеньку.

«Встать и уѣхать! Что мнѣ до нихъ? У насъ только дѣло общее, а жизнь—у нихъ своя, у меня—своя. Встать и уѣхать!» Но она не двигалась съ мѣста, прислушиваясь къ ихъ разговору и ровно ничего не понимая.

Они говорили почему-то о лаунъ-теннисѣ и тутъ же рядомъ о безпорядкахъ на Сормовскомъ заводѣ. Говорили, что положеніе графа Раабе-фонъ-Блазевицъ особенно окрѣпло и надо бы ждать большихъ репрессій, а, между тѣмъ, свершилась очень прогрессивная реформа въ области политическаго процесса. И это одно съ другимъ не вяжется.

«Ахъ, нѣтъ! Уѣду,—подумала Нина и даже слегка пошевелилась.

Какъ вдругъ изъ-за калитки раздался громкій голосъ:

— Миръ сему дому!

Всѣ встрепенулись.

Въ полисадникъ входили Отрубевъ и Тропининъ.

— Старецъ Григорій! Гостя къ тебѣ привелъ!—говорилъ замѣтно подвыпившій Отрубевъ, таща за руку слегка упиравшагося Тропинина.

— Милости просимъ!—тихо, но внятно проговорилъ Медіокритскій, оставаясь въ своемъ креслѣ и только протягивая руку поднимавшемуся уже на террасу Отрубеву.

— Странниковъ пріемлешь?—спросилъ Отрубевъ.

— Милости просимъ!—повторилъ еще разъ Медіокритскій и затѣмъ, добродушно усмѣхаясь, добавилъ.—А славянщину-то эту, другъ мой, Вадимъ Николаевичъ, ты лучше брось! Ничего ты въ ней, вѣдь, ровно не разумѣешь! А такъ, зря болтаешь, что въ голову придетъ: «абіе, да бабіе, еси, да на небеси».

Отрубевъ громко расхохотался и, хлопнувъ Медіокритскаго ладонью по спинѣ, сталъ здороваться съ дамами, съ которыми оказался со всѣми знакомъ, за исключеніемъ Нины Федоровны. Но, не дожидаясь, когда ей его представятъ, онъ самъ ей отрекомендовался и, мало того, отрекомендовалъ ей и своего спутника.

Нина пристально всматривалась въ худое, измозженное лицо Тропинина. Она видѣла его уже сегодня на вокзалѣ, возлѣ гроба Чехова, и тогда еще обратила вниманіе на грустное, почти трагическое выраженіе его глазъ.

«Вотъ этотъ такъ страдаетъ! Дѣйствительно страдаетъ!»—подумала она, пожимая худую и горѣвшую какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ руку беллетриста.

— А что, хозяюшка, пивко будетъ?—спросилъ Орубевъ.

— Ну, конечно, будетъ!—отвѣтила Анна Васильевна и пошла, переваливаясь уточкой, съ террасы дачи.

— О, це добре!—такъ же перевирая хохлатчину, какъ и славянщину, проговорилъ Отрубевъ.

— А мы сегодня, Асафычъ, Чехова провожали,—продолжалъ онъ, поворачиваясь къ Медіокритскому.—Печальные, братъ, это были проводы. До слезъ печальные. Народу мало, и даже ты, старче, не явился!

— Во-первыхъ, я ничего объ этомъ не зналъ,—неторопясь заговорилъ Медіокритскій,—а, во-вторыхъ, если бы и зналъ, все равно не пошелъ бы. Чеховъ писатель не изъ моей библіотеки.

— Ну, вотъ, вотъ!—загорячился Отрубевъ.—Вотъ, вотъ она, партійщина-то проклятая! Всѣхъ она насъ разъединяетъ! Не моей партіи—стало быть я и на похороны не пойду! А, между тѣмъ, Чеховъ—это гордость Россіи! Это такой захватывающій талантъ! Наконецъ, просто—это прогрессивный писатель.

— Изъ чего ты это заключаешь?—спросилъ Григорій Асафовичъ.

— Какъ—изъ чего?—завопилъ Отрубевъ.—Да всѣ его произведенія такъ благородны, умны...

— Можно быть благороднымъ и умнымъ консерваторомъ, —парировалъ Медіокритскій.

— Примѣръ? Примѣръ? Покажи мнѣ примѣръ!

— Толстой—въ первой половинѣ своей дѣятельности; Тургеневъ...

— Господа! Слышите? Тургеневъ у него консерваторъ!? Слышите? Да кто-жъ, по твоему, прогрессистъ-то? Знаю, знаю! Ты сейчасъ Чернышевскаго да Михайловскаго. Нѣтъ, ты мнѣ изъ беллетристовъ назови!

— Глѣбъ Успенскій.

— Ну, конечно! Ну, конечно! Дальше своей партіи мы ничего не видимъ! Кружки да партіи, партіи да кружки! А нынче вотъ среди современныхъ молодыхъ писателей—раздѣлъ на притоны пошелъ. Спрашиваютъ другъ друга: «вы къ какому притону принадлежите? къ «Вѣнѣ» или къ «Капернауму?» Прежде говорили хоть «къ приходу»... Кружковщина! Партійщина! А теперь уже—притонщина пошла. И никого, кромѣ своихъ, не признаютъ! У каждаго притона свой кумиръ, и со дня рожденія этого кумира они даже лѣтоисчисленіе ведутъ. Декаденты пошли! Выдумали новый «штиль», облегченный, по неумѣнію писать грамотно. Еще недавно одинъ мнѣ съ восторгомъ читалъ:

«Черезъ порогъ тесть
Ко мнѣ сталъ вопить:
Хочу пирогъ ѣсть,
Хочу пиво пить!»

Всѣ улыбнулись.

— А ты полно! Полно! Не кипятись! Говори спокойнѣе! А то, вѣдь, такъ и понять нельзя, о чемъ ты!—добродушно трепля Отрубева по плечу, проговорилъ Медіокритскій.—Ты отлично знаешь, что ни къ какой я партіи—ни къ литературной, ни къ политической—не принадлежу. Живу я и думаю самъ по себѣ. И есть у меня свой вкусъ и свои убѣжденія. И человѣкъ ужъ я не молодой, и мнѣ, подобно тебѣ, принадлежать сразу ко всѣмъ партіямъ—уже не подъ силу.

— Неправда!—запротестовалъ Отрубевъ, принимаясь за поданное пиво.—Я тоже партіенъ. Только ни къ с.-д., ни къ с.-р.—я не принадлежу, а принадлежу къ партіи а.-а.

— Что же это должно обозначать?

— Атчаянный анархистъ.

Опять всѣ разсмѣялись.

Поощренный этимъ смѣхомъ, Отрубевъ заболталъ пуще прежняго.

— Нѣтъ, господа! Это—потѣха! Какъ у насъ въ партіяхъ разбираются. Недавно, я среди одного молодого литературнаго кружка вращался, такъ тамъ одинъ изъ этакихъ, бойкенькихъ, вдругъ заявилъ, что Стенька Разинъ—первый русскій соціалъ-демократъ. Я ему это говорю сейчасъ: «стопъ машина!» А онъ на меня съ презрѣніемъ, свысока посмотрѣлъ, да и спрашиваетъ: «А что-жъ, по вашему, Стенька Разинъ—не соціалистъ?»—Извольте, говорю, пусть будетъ соціалистомъ! «А развѣ онъ не демократъ?» Тѣмъ болѣе согласенъ. «Ну, вотъ,—говоритъ,—и выходитъ, что онъ соціалъ-демократъ».—Ну, это,—говорю,—уже дудки! «Почему,—спрашиваетъ,—дудки?» А потому что,—говорю,—можно быть и соціалистомъ, и демократомъ и, тѣмъ не менѣе, не быть соціалъ-демократомъ. «Да почему же?»—пристаетъ онъ ко мнѣ.—Да потому же, говорю,—почему носъ испанской дѣвы Мери, не есть испанскій мериносъ! Потѣха!

И Отрубевъ весело разсмѣялся.

Но, кромѣ него не разсмѣялся никто. Только Надежда Львовна улыбнулась, да и то больше изъ вѣжливости. Болтовня Отрубева, видимо, всѣхъ уже утомила, и всѣмъ хотѣлось перевести разговоръ на другую тему.

И на выручку подоспѣлъ Тропининъ.

— Я думаю,—тихо заговорилъ онъ,—что безъ партій въ

такое боевое время ничего не подѣлаешь. Нужна организація, нужна дисциплина. Я еще самъ не такъ давно, подобно Григорію Асафовичу, принадлежалъ къ партіи с. п. с., т. е. самъ по себѣ...

— Нѣтъ, о. а., т. е. отчаянный анархистъ—лучше,—вставилъ Отрубевъ, но на его слова никто уже не обратилъ вниманія.

— Но на горькомъ опытѣ узналъ,—продолжалъ Тропининъ, —что значитъ не принадлежать ни къ какой партіи. На меня пало тяжкое обвиненіе—я думаю, здѣсь всѣ знаютъ—какое. Принадлежи я къ какой-нибудь партіи, партія реабилитировала бы меня. Но самъ, самостоятельно, я этого сдѣлать не въ силахъ. И я бьюсь, какъ рыба объ ледъ, стучусь во всѣ двери, и меня не слушаютъ, меня не пускаютъ. Никому нѣтъ дѣла до моихъ страданій. Всѣ говорятъ только: «остерегайтесь Тропинина. Съ нимъ неблагополучно. Кто знаетъ, можетъ быть, онъ тамъ и правъ, но береженаго—Богъ бережетъ. Caveas canem, хотя можетъ быть, она и не укуситъ, можетъ быть, она и добрая, и честная, но она—собака. Берегитесь Тропинина! Можетъ быть, все это и неправда, что про него говорятъ, но берегитесь его. Возлѣ него неблагополучно». Партія, принадлежи я къ ней, отстаивая собственную честь, отстояла бы и меня. А теперь, кому какое дѣло? Теперь нѣсколько добрыхъ людей еще не гнушаются мной, протягиваютъ мнѣ руку... Но развѣ они въ силахъ заявить, что Тропининъ чистъ и невиновенъ. Вашъ мужъ,—повернулся онъ къ Надеждѣ Львовнѣ,—человѣкъ безъ страха и упрека, человѣкъ, самъ такъ страшно пострадавшій, громко и настойчиво твердилъ о моей невинности и—что же? Развѣ голосъ его не остался гласомъ вопіющаго въ пустынѣ? Тогда какъ партія... о, это другое дѣло! Пусть всѣ не вѣрятъ, но партія повѣрила, повѣрятъ и всѣ. Въ бою страшно отбиться отъ своей роты. А мы—въ бою! Теперь бы я и примкнулъ къ какой-нибудь партіи, но ни одна партія не приметъ меня, зачумленнаго, оболганнаго, оплеваннаго...

Голосъ Тропинина дрожалъ, на глазахъ его появились слезы.

Наступила маленькая пауза. Разрѣшилъ ее Григорій Асафовичъ.

— Пусть такъ,—заговорилъ онъ своимъ тихимъ, но внятнымъ голосомъ,—но не въ партіи, конечно, зло, а въ партіяхъ. Дробленіе—вотъ что ужасно! Врагъ нашъ представляетъ изъ себя одну, тѣсно сплоченную, организованную партію; мы же идемъ противъ него, разбившись на группы, враждующія между собой и сплошь да рядомъ воюющія не съ врагомъ, а другъ съ другомъ. Партія должна быть единой и нераздѣльной. «Партія свободной Россіи», «партія русскихъ людей».

— Благодарю васъ! Договорились!—крикнулъ Отрубевъ.— Да, вѣдь, это же самый узкій націонализмъ! Что такое русскіе люди? Что такое русскій человѣкъ? Пожалуйста, дайте мнѣ характеристику русскаго человѣка! Пожалуйста! Я тебя спрашиваю, русскаго человѣка!—кричалъ онъ на Медіокритскаго.

И не давая ему отвѣтить, продолжалъ своимъ высокимъ, заливчатымъ теноромъ:

— Когда англичане хотятъ нарисовать истиннаго англичанина, они не придаютъ ему черты боксера, пьяницы, обжоры, торгаша, а коротко говорятъ—gentlman! Когда нѣмецъ говоритъ объ истинномъ нѣмцѣ, онъ не говоритъ о пивопійствѣ, колбасенфресствѣ, о прирожденной страсти къ шпіонству. Нѣтъ, онъ выдвигаетъ на первый планъ нѣмецкую вѣрность! Французу истинный французъ не представляется пустымъ фатишкой, вѣчнымъ пакостникомъ, содержанцемъ великихъ идей, фанфарономъ, нѣтъ, онъ говоритъ о французской храбрости, о французскомъ изяществѣ... И только мы, русскіе, для облика истинно-русскаго человѣка дѣлаемъ мѣсиво изъ мордобитія, сквернословія, квасу, водки, бани и невѣжества. Вотъ вамъ—истинно-русскій человѣкъ!

— Опять ты не туда поѣхалъ! Опять зарвался и заврался!—осадилъ его Григорій Асафовичъ.—Это только приспѣшники да лакеи передъ Европой рисуютъ русскаго человѣка такимъ. А онъ не таковъ! Совсѣмъ не таковъ. У него есть и другія качества, большія, великія, до которыхъ Европѣ, какъ до звѣзды небесной, далеко. Мы носители святого духа, мы—воплотители Бога на землѣ! Мы—справедливость. А европейцы—это полотеры! Пусть они натираютъ полы, чистятъ комнаты, разставляютъ мебель. Это ихъ дѣло. А наше дѣло въ этихъ прибранныхъ комнатахъ о душѣ думать. Мы аристократы духа. Мы ихъ...

— Ну, ну, скажи еще: шапками закидаемъ!—какъ-то весь вспѣниваясь, прокричалъ Отрубевъ.

— Нѣтъ, не скажу! Шапками они насъ закидаютъ, потому что это они шапочники, а мы—головы. Мы ихъ мыслями закидаемъ, Божьимъ словомъ! Вотъ что!

— Боже мой, какая ерунда!—уже пищалъ Отрубевъ и, сорвавшись съ мѣста, забѣгалъ по террасѣ.—Всѣ идеи мы взяли отъ нихъ! И вдругъ, оказывается, это мы—творцы идей! Сами даже самовара выдумать не сумѣли, а отъ китайцевъ взяли.

— Самоваръ не выдумали, самоваръ—машина. А вотъ—артель выдумали.

— А что такое артель? Артель тоже одинъ изъ видовъ насилія. Этимъ, что-ли, ты гордишься? А еще говоришь, что ты самъ по себѣ! А самъ съ ушами въ артель лѣзешь! Безстыдникъ ты

Григорій Асафовичъ! Вотъ что! Безстыдникъ! И самый что ни на есть ты почвенный безпочвенникъ!

«Батюшка! Да, вѣдь, они оба глупы!»—подумала вдругъ Нина, глядя на этихъ распѣтушившихся людей, теперь уже кричавшихъ, не слушая другъ друга и, кажется, даже не понимая собственныхъ своихъ словъ.

Она перевела глаза на Тропинина. Тотъ сидѣлъ молча, сконфуженно опустивъ голову.

Надежда Львовна Денисова, почти перегнувшись черезъ перила, смотрѣла куда-то вдаль. Видимо, и ей отъ этого спора было не по себѣ. Сашенька слушала вся взволнованная, впиваясь глазами то въ одного, то въ другого изъ спорящихъ и, видимо, не зная хорошенько, съ кѣмъ согласиться.

Только Анна Васильевна была совершенно спокойна. Она давно уже привыкла къ такимъ спорамъ, въ которыхъ ровно ничего не понимала, но считала ихъ неотъемлемой принадлежностью всякихъ серьезныхъ мужскихъ бесѣдъ.

Нинѣ стало скучно. Быстро поднявшись съ мѣста и не обращая никакого вниманія на спорящихъ, она громко сказала:

— Ну, я уѣзжаю.

Споръ на минуту прервался. Всѣ стали прощаться съ ней, но какъ-то сухо и холодно. И вдругъ она ясно поняла, что ея демонстративная выходка не встрѣтила здѣсь ни въ комъ сочувствія.

«Нѣтъ, это не то! Это не тѣ люди, которые мнѣ нужны, которыхъ я ищу, которыхъ я хочу любить и уважать!»—думала Нина, ѣдучи обратно въ своей коляскѣ.—«Мнѣ съ ними скучно, они мнѣ смѣшны, почти жалки». А, между тѣмъ, т о т ъ, кого она любила больше всѣхъ на свѣтѣ, за котораго она готова была отдать всю свою душу, вращался тоже среди нихъ... Чѣмъ они для него были? Просто—пушечнымъ мясомъ? Средствомъ для достиженія его великихъ цѣлей? Панурговымъ стадомъ? Да?—спрашивала себя Нина.

И сейчасъ же должна была отвѣтить:

«Нѣтъ и нѣтъ! Онъ считается съ ними. Онъ чувствуетъ къ нимъ какую-то нѣжность, и если не уважаетъ, то, во всякомъ случаѣ,—любитъ. А, можетъ быть, и уважаетъ! Вѣдь, говорилъ же онъ ей про этого Григорія Асафовича, что это громадная духовная сила, но только... съ шорами,—улыбаясь, прибавлялъ онъ. И эти шоры мѣшаютъ ему видѣть весь горизонтъ, суживаютъ его поле зрѣнія... А про Отрубева еще недавно писалъ ей какъ разъ наоборотъ, что у него глаза не только на лбу, но и на затылкѣ. И онъ видитъ кругомъ себя и потому вертится, какъ волчокъ, и не можетъ ни на чемъ остановиться. Отрубевъ для

«дѣла» нуль, Медіокритскій—большая величина... А про Тропинина ей ничего не написалъ, словно онъ и самъ не зналъ объ его существованіи... Да! Съ этими людьми—онъ считается. Имъ онъ—вѣритъ... А ей—нѣтъ. Ее испытываетъ, ее посылаетъ на искусъ, ее—готовую отдать за него всю кровь, до послѣдней капли»...

Коляска сравнялась въ это время съ Новосильцевской церковью, и она опять стала глазами отыскивать два знаменательныхъ камня.

VII.

На другой день, ровно въ три часа, Нинѣ Федоровнѣ подали двѣ карточки: Андрея Андреевича Треймана и Антона Степановича Арташевскаго.

— Просите!—распорядилась она и подсѣла къ телефону, стоявшему на письменномъ столѣ въ ея большомъ номерѣ Европейской гостинницы.

Когда Трейманъ и Арташевскій входили къ ней, они слышали, какъ ея громкій и сипловатый голосъ проговорилъ въ сосѣдней комнатѣ:

— Уплатите портнихѣ по счету.

Поймавъ эти слова, Арташевскій едва замѣтно улыбнулся. И почти сейчасъ же вслѣдъ за этимъ, портьера раздвинулась, и Нина, высокая, широкоплечая, немного угловатая, вышла къ своимъ гостямъ.

— Нина Федоровна, позвольте вамъ представить Антона Степановича Арташевскаго,—проговорилъ Трейманъ, цѣлуя протянутую руку.

— Merci,—сказала Нина и повернулась къ своему новому гостю.

Передъ ней стоялъ худощавый человѣкъ, крайне неопредѣленнаго возраста, съ рѣденькой сѣроватой растительностью на головѣ, съ гладковыбритымъ, нездоровымъ лицомъ, съ большими, выпуклыми и, несмотря на это, очень выразительными глазами, Лѣвая щека его слегка вздрагивала, тонкія губы непроизвольно кривились.

Нина протянула ему руку, и Арташевскій, не сгибая головы, приподнялъ ее и поднесъ къ своимъ губамъ.

Въ этомъ движеніи было что-то фамильярное, что-то недостаточно почтительное. «При первомъ знакомствѣ такъ, во всякомъ случаѣ, руку не цѣлуютъ»,—подумала Нина, и это ее немного покоробило и даже сбило съ тона.

Кромѣ того, Арташевскій даже не улыбнулся при этомъ и только глазами своими какъ бы сказалъ: «Ну, вотъ я пришелъ. Теперь поговоримъ, какъ слѣдуетъ».

Трейманъ, наблюдавшій всю эту сцену, тоже подмѣтилъ и фамильярный жестъ Арташевскаго и его, на этотъ разъ, несвѣтскую серьезность. И снова вопросы: знаетъ-ли Нина объ его прежней службѣ при Арташевскомъ и зачѣмъ ей понадобилось это знакомство—безпокойно мелькнули у него въ головѣ.

— Садитесь, господа,—проговорила Нина, опускаясь на небольшой диванчикъ.

Гости сѣли.

— Прежде всего, благодарю васъ, Андрей Андреевичъ,—обратилась Нина къ Трейману,—за то, что вы такъ скоро исполнили мою просьбу.

— Помилуйте, Нина Федоровна, ваше желаніе для меня законъ,—слегка шаркнувъ ногами и наклоняя туловище, отвѣтилъ Трейманъ.

Едва замѣтная улыбка опять искривила тонкія губы Арташевскаго. Нина подмѣтила эту улыбку и поняла безтактность словъ Треймана по отношенію къ Арташевскому.

«Да,—подумала она про него,—этого человѣка по заказу не приведешь. И если онъ такъ охотно пришелъ, значитъ, у него были на это свои причины».

Арташевскій, словно прочитавъ ея мысль, глазами сказалъ: —«Да».

— А васъ,—обращаясь къ нему и почему-то слегка понижая голосъ, заговорила Нина,—я особенно благодарю за то, что вы удѣлили для меня... для моего дѣла... полчаса времени.

Арташевскій слегка склонилъ свою голову.

— Я знаю, что вы очень заняты, и потому особенно цѣню...

— Но ваше дѣло, вѣроятно, входитъ въ кругъ моихъ занятій, а потому вы нисколько и не отвлекли меня отъ нихъ. Напротивъ, мнѣ гораздо пріятнѣе нести мою службу здѣсь, у васъ, чѣмъ у себя въ канцеляріи.

Нина отъ этихъ словъ какъ-то вся внутренно похолодѣла. Быстро взглянула она на Треймана, но, убѣдившись, что тотъ не понялъ ихъ скрытаго значенія, опять повернулась къ Арташевскому.

А тотъ сидѣлъ спокойный, холодный, какъ бы говоря всей своей позой: «Я не тороплюсь и весь въ вашемъ распоряженіи».

«Что онъ знаетъ что-нибудь про меня, или эти слова—простая увѣренность, что къ нему иначе, какъ за дѣломъ, не обратятся? Если онъ знаетъ, то зачѣмъ бы онъ сталъ такъ, сразу, открывать свои карты—здѣсь, у меня, въ моемъ номерѣ, т. е.,

значитъ, въ моихъ рукахъ? Если же это служебная привычка, то отчего онъ не сдобрилъ ее какой-нибудь вѣжливой улыбкой, какимъ-нибудь жестомъ? Вѣдь, настолько-то онъ свѣтскій человѣкъ!»—думала Нина, не замѣчая, что Трейманъ, въ это время, разсказываетъ про какую-то исторію, случившуюся съ генераломъ Пантусовымъ вчера вечеромъ на дачѣ у Ахматовыхъ, гдѣ онъ, Трейманъ, «имѣлъ честь» провести остатокъ вчерашняго дня.

— Да, да!—машинально повторяла она и вдругъ, мѣняя тонъ, довольно рѣзко проговорила:—Слушайте, милый Андрей Андреевичъ, мнѣ нужно поговорить съ monsieur Арташевскимъ по дѣлу, а потому будьте такой добрый, оставьте насъ вдвоемъ.

Трейманъ весь вспыхнулъ. Кожа на его скулахъ залоснилась и зашевелилась. Онъ быстро всталъ съ мѣста и, взявшись за шляпу, заговорилъ:

— Да, да... виноватъ! Виноватъ! Я понимаю... по дѣлу... я понимаю!

И, поцѣловавъ руку Нины и простившись съ Арташевскимъ, онъ, всѣми силами стараясь сохранить свое достоинство, не торопясь вышелъ изъ номера.

Проводивъ глазами Треймана, Нина еще нѣкоторое время смотрѣла на затворившуюся за нимъ дверь. Казалось, она не въ состояніи была перевести свой взглядъ на оставшагося съ ней Арташевскаго. Она чувствовала на вискѣ, что онъ смотритъ на нее, чувствовала, словно холодную сталь, взглядъ его выпуклыхъ, сѣрыхъ глазъ. Наконецъ, овладѣвъ собой, она повернулась и совершенно неожиданно увидала, что Арташевскій весело улыбается и такъ фамильярно, почти ласково, смотритъ на нее.

Отъ этой улыбки ей стало еще страшнѣе, но она улыбнулась и сама, и растерянно проговорила:

— Ну, вотъ мы и одни.

Арташевскій молчалъ.

«Хоть одно слово! Хоть одно слово!»—внутренно молила она его.

Но только большіе глаза Арташевскаго сдѣлались какъ-то меньше и искрились веселымъ, лукавымъ огонькомъ.

— Я къ вамъ съ просьбой,—не удержалась и первой заговорила Нина.—Спасите меня! Я попалась въ скверную исторію... въ скверное положеніе... и не знаю, какъ выпутаться изъ него... Меня преслѣдуютъ революціонеры.

Всѣ эти слова, всѣ эти фразы были Ниной обдуманы уже заранѣе и выучены наизусть. Именно такъ рѣшила Нина обратиться къ Арташевскому, чтобъ сразу заручиться его довѣріемъ и усыпить его бдительность. По ея плану, она должна была прикинуться наивной свѣтской женщиной, по легкомыслію по-

павшей въ руки революціонеровъ и теперь страшно тяготящейся этимъ, раскаивающейся въ своемъ легкомысліи и молящей о защитѣ. Такъ было обдумано Ниной, такъ она и начала свое вступленіе.

Но странная, жуткая вещь! Когда теперь она произносила свои заученыя фразы, онѣ прозвучали такъ искренно для нея самой, что она невольно испугалась.

«Неужели это правда?—подумала она.—Неужели я, дѣйствительно, тягощусь и съ радостью приняла бы защиту Арташевскаго, ушла бы отъ того міра, отъ тѣхъ страшныхъ людей, которые, забывая себя, презирая смерть, дѣлаютъ свое дѣло?.. Такъ что же это такое? Что я, въ самомъ дѣлѣ, «пустая дрянь»?—какъ выразилась однажды обо мнѣ Ольга Бриксъ.—Что я только во имя полового влеченія затѣяла всю эту исторію? Что я искренно готова воскликнуть: уведи меня изъ стана погибающихъ за великое дѣло любви туда, къ себѣ, въ станъ ликующихъ, праздно болтающихъ, обагряющихъ руки въ крови? Что я тамъ ближе, что я тамъ своя, что тамъ мнѣ понятно каждое слово. А здѣсь я должна заучивать наизусть мои фразы и усваивать мысли моихъ «единомышленниковъ, какъ геометрическія теоремы путемъ логическихъ доказательствъ»...

«Неужели онъ былъ правъ, когда именно этими словами говорилъ мнѣ это? «Нина,—говорилъ онъ, — ты принимаешь форму за сущность, человѣка за идею. Въ твоей душѣ нѣтъ любви къ этому. Только страсть въ твоемъ тѣлѣ толкаетъ тебя ко мнѣ, къ намъ»...

— Такъ что же вы молчите?—почти сердито заговорила Нина и упрямо уставилась въ глаза Арташевскому.

— Жду, когда вы еще что-нибудь скажете... Что-нибудь болѣе... ясное, опредѣленное. Вы говорите, что попали въ руки революціонеровъ?

— Ну, да, я вамъ сказала это. И прошу вашей защиты. Вы знаете, что я богата, очень богата и къ моимъ деньгамъ тянутся ихъ руки и ничего имъ, кромѣ моихъ денегъ, не надо. Меня-то, понимаете, меня-то имъ не надо совсѣмъ! Я чужда имъ, какъ и они мнѣ чужды...

И опять выдумка перемѣшивалась съ правдой, и опять заученное звучало искренно.

Арташевскій пересталъ улыбаться, пересталъ даже смотрѣть на Нину.

— На ваше состояніе можно положить опеку, можно даже совсѣмъ конфисковать его,—проговорилъ онъ, какъ бы самъ вдумываясь въ свои слова.

— Какъ? Отобрать у меня все?—спросила Нина, и глаза ея широко открылись.

— Да, именно все, — подтвердилъ Арташевскій, особенно подчеркивая слово «все».

— Тогда что же со мной будетъ? Я тогда буду нищая... И тогда... тогда, вѣдь, меня «они» вышвырнутъ, какъ обглоданную кость!

— Кто «они»?—спросилъ Арташевскій и пытливо посмотрѣлъ на Нину.

— Ну, они... они... всѣ, и тѣ... и другіе,—смѣшалась она.

— Т. е., вы хотите сказать: и революціонеры, и... Ахматовы.

Нина вздрогнула.

— Да, конечно, Ахматовы. Что я для нихъ безъ денегъ? Ненужный балластъ, непріятная родственница, компрометирующая ихъ своимъ прошлымъ. Они вышвырнутъ меня, какъ ненужную тряпку, и тогда...

— И тогда революціонеры васъ примутъ уже съ полнымъ довѣріемъ.

— Что-о?

— Я говорю, что тогда революціонеры васъ примутъ совершенно искренно, именно, какъ васъ, а не какъ мѣшокъ съ деньгами. Какъ сестру, какъ единомышленницу, а не какъ шалую бабенку съ капитаномъ, какъ, вѣроятно, называютъ они васъ теперь.

Наступила пауза. Нина чувствовала, какъ бился пульсъ у нея въ лѣвомъ вискѣ и какъ что-то стискивало ей горло. Вдругъ она приподняла голову и твердо, почти радостно, проговорила:

— Да! Тогда они меня примутъ, какъ свою.

— Примутъ,—подтвердилъ Арташевскій.—Но вотъ въ чемъ вопросъ: пойдете-ли вы сами тогда къ нимъ? Пойдете-ли вы къ нимъ простой работницей третьяго, четвертаго разряда? Будетъ-ли вамъ интересно затеряться въ многочисленныхъ рядовыхъ ихъ полка? Достаточно-ли вы для этого фанатичны? Одна-ли чистая идея привлекла васъ въ ихъ ряды? Не было-ли тутъ другихъ стимуловъ? Можетъ быть, желаніе позировать? Можетъ быть, другое что, напримѣръ... любовь къ кому-нибудь изъ нихъ?.. Хотя бы, напримѣръ, къ Василію Лагутину?

Нина совсѣмъ растерялась.

— Вы все знаете?—сорвалось у нея.

— О, нѣтъ! Не все! Далеко не все. Если бы я зналъ все, развѣ бы я сталъ васъ мучить моимъ допросомъ?—совсѣмъ просто отвѣтилъ Арташевскій.

Нина почувствовала, что какая-то паутина обволакиваетъ ее со всѣхъ сторонъ; ласковая, нѣжная паутина, которой даже не хотѣлось сопротивляться. Голова у нея слегка кружилась, и

она теперь уже не могла ясно рѣшить: что она уже успѣла выболтать и что еще—нѣтъ. Напримѣръ, про Лагутина—самъ онъ это сказалъ или она подсказала ему?

— Нѣтъ, вы все знаете,—настойчиво повторила она.

— Чтобы не противорѣчить вамъ, я, пожалуй, соглашусь, что я знаю многое. Я, напримѣръ, знаю, зачѣмъ вы пріѣхали въ Петербургъ.

«Этого, кажется, я ему не говорила»,—соображала Нина, чувствуя, какъ она холодѣетъ.

А Арташевскій, между тѣмъ, продолжалъ:

— Вы пріѣхали для террористическихъ актовъ. И первый, ближайшій изъ нихъ, это—препровожденіе меня къ праотцамъ. Вы пріѣхали убить меня.

Нина глазами, полными ужаса, смотрѣла на Арташевскаго.

— Зачѣмъ же вы меня до сихъ поръ не арестовали?—спросила она.

— Это, Нина Федоровна, техника дѣла. Вы не сразу ее поймете. Арестовывать иногда неинтересно, да и невыгодно... Мы оставили васъ гулять на свободѣ въ ожиданіи, пока вамъ не станетъ невыносимо, и сами вы придете и скажете: «берите меня»... И даже не такъ, не «берите», а вотъ именно, какъ сейчасъ произошло: «спасите меня. Я не могу больше». Ну, а вы сами знаете, какъ дорогъ раскаявшійся грѣшникъ... во-время раскаявшійся...—подчеркнулъ онъ и улыбнулся.

— Вы думаете, что я буду предавать?—почти громко проговорила Нина.

— Боже меня сохрани! Зачѣмъ я это стану думать? Да и зачѣмъ намъ ваше предательство? Что вы можете предать? Развѣ только свои милліоны? Это, конечно, много, но... дѣла-то, вѣдь, вы, собственно говоря, не знаете. Вы, конечно, думаете, что вы стояли у самаго «кормила» и видѣли настоящихъ людей? Нѣтъ, Нина Федоровна, простите меня за разочарованіе, которое я приношу вамъ—ни «кормила», ни людей—вы не видали.

— Но Лагутинъ большой человѣкъ!—съ гордостью проговорила Нина, совсѣмъ забывая, гдѣ она и съ кѣмъ говоритъ.

— Лагутинъ—большой человѣкъ,—въ знакъ согласія опуская голову, подтвердилъ Арташевскій.—Но вы-то видѣли его только, какъ любовника, а какъ человѣка, онъ вамъ себя не показывалъ, какъ человѣка—онъ вамъ себя не довѣрялъ.

Самолюбіе Нины было уязвлено до послѣдней крайности.

— Не довѣрялъ?—горячо заговорила она.—Не довѣрялъ? Но поручить такія террористическіе акты, развѣ это не высшее довѣріе?

— Простому саперному солдату, минеру, поручаютъ соединить токъ для взрыва цѣлой крѣпости, но это еще не значитъ, что ему извѣстенъ планъ всей кампаніи!

— И я?..—спросила Нина.

— И вы именно этотъ простой саперный солдатъ. Ну, для вашего утѣшенія я, пожалуй, скажу—унтеръ-офицеръ.—И вы простой унтеръ-офицеръ, и вамъ поручено пойти и приказать какому-нибудь рядовому соединить провода для взрыва мины. На этомъ довѣріе къ вамъ и ограничивается. Немного, вѣдь, это, Нина Федоровна? Врядъ-ли изъ-за этого стоитъ жертвовать всей своей будущей, еще молодой жизнью? И вы это, я думаю, сами отлично понимаете, но...

— Что «но»?—нетерпѣливо проговорила Нина, видя, что Арташевскій замялся.

— Но вы — женщина и къ тому же женщина, кажется, очень страстная, и вы пошли, потому что... страсть повела васъ. Вы, по приказу е г о убили бы не только меня, въ нѣкоторомъ родѣ все-таки единицу, но и простого городового... Боже мой, даже дворника! Только бы... только бы онъ повѣрилъ, что вы всей душой и тѣломъ преданы великому дѣлу... дѣлу любви къ нему.

Нина вздрогнула.

— А вы думали — я скажу: великому дѣлу революціи? Нѣтъ, Нина Федоровна, нѣтъ. Зачѣмъ напрасно я буду возводить на васъ столь тяжкое обвиненіе? Еслибъ это было такъ, я давно долженъ былъ бы васъ арестовать, а между тѣмъ, вы гуляете на свободѣ и даже пока... самостоятельно пользуетесь вашими милліонами. Нѣтъ, Нина Федоровна, за любовь мы не караемъ.

Нина сидѣла подавленная, чувствуя, какъ у нея нѣмѣютъ руки и ноги, чувствуя, какъ все болѣе и болѣе кружится у нея голова.

«Не надо думать! Не надо думать! И слушать не надо!» — твердила она сама себѣ, въ то же время прислушиваясь къ своимъ вотъ этимъ словамъ, какъ къ какому-то приказу извнѣ и даже издалека. «Не надо слушать! Надо сейчасъ же дѣйствовать! Сейчасъ же! Пойти въ другую комнату, взять револьверъ, придти и... выстрѣлить въ него! Не разсуждая исполнить... Я — простой солдатъ... Я не должна разсуждать... Иначе—я погибла... И все погибнетъ»...—настойчиво повторяла она себѣ и между тѣмъ продолжала слушать, какъ Арташевскій спокойно и не торопясь, говорилъ ей:

— Да и какіе, собственно, это террористическіе акты? Убить меня? Но — вѣдь, это почти безполезно... Я только одно колесико въ большой, прекрасно организованной машинѣ. Сломается это колесико, никто даже толчка не замѣтитъ. Его замѣнятъ дру-

гимъ и машина по прежнему бдуетъ правильно отстукивать свой темпъ и молоть своими неумолимыми жерновами... Вы что это такъ поблѣднѣли, Нина Федоровна? Успокойтесь, никакой опасности нѣтъ! Не волнуйтесь! Сидите, не вставайте! Я самъ вамъ подамъ воды...

Они оба, единовременно, поднялись со своихъ мѣстъ: блѣдная, какъ полотно, Нина и весь насторожившійся, даже слегка съежившійся, какъ для прыжка, Арташевскій.

— Нина Федоровна...—началъ было онъ.

Но въ это время изъ корридора раздался сильный стукъ въ дверь.

Нина, пошатнувшись, уставилась въ нее глазами. Арташевскій довольно спокойно и громко проговорилъ:

— Войдите!

Дверь отворилась. На порогѣ стояло три человѣка: лакей гостинницы, помощникъ швейцара и какой-то въ штатскомъ.

— Вашему превосходительству письмо, экстренно,—проговорилъ этотъ послѣдній, подавая Арташевскому небольшой, бѣлый конвертикъ.

Арташевскій вскрылъ его и вынулъ визитную карточку. Прочитавъ написанныя на ней строки и презрительно искрививъ губы, онъ передалъ карточку Нинѣ, коротко сказавъ:

— Ну, это уже пошлый фарсъ!

На карточкѣ значилось:

«На меня было сейчасъ покушеніе. Стрѣляла одна извѣстная вамъ женщина. Преступница задержана. Я невредимъ. Прошу васъ принять мѣры. Андрей фонъ-Трейманъ».

VIII.

— Вамъ кого?

Дашенька Второва, она же и Александра Лахтина, не останавливаясь и коротко бросивъ швейцару: «въ контору», стала быстро подниматься вверхъ по лѣстницѣ.

Швейцаръ внимательно посмотрѣлъ ей вслѣдъ, какъ-то странно покачалъ головой и, не торопясь, вышелъ на подъѣздъ дома.

Съ противуположной стороны улицы къ нему подходилъ человѣкъ, имѣвшій видъ мелкаго приказчика, одѣтый въ темно-коричневое пальто, и, несмотря на сухую и теплую погоду, въ мелкихъ резиновыхъ калошахъ.

— Прошла?—коротко спросилъ онъ швейцара.

— Прошла,—такъ же коротко отвѣтилъ тотъ.

— Въ контору?

Швейцаръ утвердительно кивнулъ головой.

Филеръ, миновавъ подъѣздъ, отошелъ шаговъ на двадцать и остановился у витрины какого-то писчебумажнаго магазина.

А Дашенька, между тѣмъ, дойдя до третьяго этажа, позвонила у массивной дубовой двери съ большой мѣдной доской, на которой красивымъ шрифтомъ было выгравировано: «Главная контора по дѣламъ Нины Федоровны Кобецкой, урожденной Лаптевой». Слово «Лаптева» особенно выдѣлялось и шрифтомъ, и размѣромъ.

Дверь отворилась и артельщикъ въ сѣромъ пиджакѣ пропустилъ Дашеньку...

Въ полутемной передней, куда она вошла, сидѣлъ въ углу какой-то человѣкъ въ чуйкѣ съ небольшой черной бородкой, съ блѣднымъ и худымъ лицомъ.

При входѣ Дашеньки онъ не шевельнулся и только глаза его какъ-то странно мигнули нѣсколько разъ.

Миновавъ комнату, гдѣ сидѣлъ старичекъ-бухгалтеръ и барышня за пишущей машинкой, Дашенька, какъ свой человѣкъ, отворила слѣдующую дверь и вошла въ солидный дѣловой кабинетъ Григорія Асафовича Медіокритскаго.

Григорій Асафовичъ сидѣлъ за письменнымъ столомъ и что-то писалъ. При входѣ Дашеньки, онъ повернулъ къ ней свою бородатую голову и пристально уставился на молодую женщину.

— Не важно,—проговорилъ онъ, наконецъ, своимъ тихимъ голосомъ.

— Что не важно?—спросила Дашенька.

— Прическа къ вамъ совсѣмъ не идетъ.

— Ну, эка бѣда!

— Нѣтъ, это бѣда, потому что то, что не идетъ, бросается въ глаза, а что бросается въ глаза, то запоминается.

— Зато эта прическа легко передѣлывается,—стала отстаивать Дашенька свою прическу.—Стоитъ вотъ вынуть подкладку надо лбомъ, и волосы можно прямо пальцами раздѣлить на двѣ части. Это я въ десять секундъ подъ любыми воротами сдѣлать могу.

— Можетъ быть, но, во всякомъ случаѣ,—прическа неудачная.

— Ну, не бѣда! Теперь ужъ все равно не передѣлывать.

— Да, но... такія фигуры... контору не посѣщаютъ.

Дашенька, дѣйствительно, и одѣта, и причесана была какъ-то странно: и лицу, и фигурѣ она, видимо, старалась придать нѣкоторое легкомысленное ухарство, но это ей плохо удавалось. Чувствовалось, что это не свое и что въ этомъ видѣ Дашенька себя держать не умѣетъ.

— Каблуки,—говорила, между тѣмъ, Дашенька,—тоже можно сразу отбить, и тогда я почти на полвершка становлюсь ниже.

— Все это—фокусы и на этихъ-то фокусахъ чаще всего и попадаются,—говорилъ Григорій Асафовичъ,—ну, да, идите туда!

И онъ кивнулъ на слѣдующую за кабинетомъ дверь.

— Нѣтъ, постойте! Все помните?—спросилъ онъ, останавливая ее.

— Чего помнить особеннаго? Вся задача на сегодня—познакомиться хорошенько съ лицомъ Арташевскаго. А память у меня на лица—хорошая. Такъ чего же тутъ труднаго?

— Но вы его примѣты хорошо запомнили?

— Наизусть знаю.

— Такъ... Только отнюдь не представляйте его себѣ уже сейчасъ какимъ-нибудь... воплощеннымъ... Это сбить можетъ. И вы настоящаго-то пропустите, а другого...

Въ это время зазвонилъ телефонъ. Григорій Асафовичъ снялъ трубку и, проговоривъ въ нее: «слушаю», прижалъ къ уху. И почти сейчасъ же, повѣсивъ ее обратно на мѣсто, сказалъ Дашенькѣ:

— Идите. Готово. Впрочемъ, постойте! Пусть сначала Николай уйдетъ.

И онъ, взявъ какой-то свертокъ, направился въ переднюю и, вручивъ его блѣдному молодому человѣку съ черной бородкой, сказалъ:

— А завтра контора пришлетъ и остальное.

Молодой человѣкъ всталъ, тряхнулъ головой и вышелъ на лѣстницу.

Спустившись, онъ повернулъ направо и, пройдя шаговъ двадцать, остановился у витрины писчебумажнаго магазина, почти бокъ-о-бокъ съ подошедшимъ раньше туда филеромъ.

Филеръ сначала было не обратилъ никакого вниманія на этого блѣднаго человѣка въ чуйкѣ, вдругъ, словно вспомнивъ что, сталъ искоса, но внимательно къ нему присматриваться.

Чуть замѣтная улыбка самовольно сверкнула у него въ глазахъ, и онъ сейчасъ же отошелъ отъ витрины и пошелъ на другую сторону улицы.

— Прямо въ руки влѣзъ!—думалъ филеръ, переходя рельсы.

Черезъ минуту вышла обратно на панель и Дашенька и, ни на кого не глядя, пошла по тротуару, влѣво отъ подъѣзда.

Молодой человѣкъ послѣдовалъ за нею шагахъ въ двадцати. Филеръ пошелъ по другой сторонѣ улицы, не спуская съ нихъ глазъ. Въ этихъ двухъ своихъ жертвахъ онъ сразу разгадалъ

новичковъ, неумѣвшихъ даже «метать простыя петли».

«Ишь ты!»—смѣялся про себя филеръ.—«Онъ вправо, она —влѣво. А потомъ, онъ за ней... Молодятина!»

Филеръ даже отъ удовольствія сталъ закуривать папиросу.

Выйдя съ Николаевской на Невскій, филеръ уже смѣло перешелъ на одну съ преслѣдуемыми имъ лицами сторону и держался чуть не на затылкѣ у молодого человѣка въ чуйкѣ.

На Дашеньку онъ не обращалъ уже никакого вниманія. Онъ понималъ, что этотъ паренекъ прямо его за ней поведетъ, и довольно весело посматривалъ на улицу, раскланялся даже съ однимъ изъ проѣхавшихъ на извозчикѣ своихъ знакомыхъ, подмигнулъ какой-то смазливенькой модисточкѣ и, вообще, шелъ весело и развязно.

И вдругъ, его словно что-то толкнуло. Они въ это время переходили уже Аничковъ мостъ, идя по лѣвой его сторонѣ. Со стороны Аничковскаго дворца, на извозчикѣ ѣхалъ какой-то, какъ показалось филеру, знакомый ему господинъ, въ высокой, черной шляпѣ, съ маленькими желтыми усиками.

Филеръ былъ вполнѣ увѣренъ, что гдѣ-то раньше встрѣчалъ этого господина. Но не это безпокоило его, а то, что барышня, которую онъ выслѣживалъ отъ Лѣсного до Николаевской и за которой теперь шелъ слѣдомъ, вдругъ быстро сошла съ моста на Фонтанку и, сѣвъ на свободнаго извозчика, поѣхала обратно по мосту.

Это, видимо, смутило и молодого человѣка въ чуйкѣ, потому что онъ тоже остановился съ удивленнымъ лицомъ.

Филеръ, сообразивъ сразу положеніе дѣла, кивнулъ головой завидѣнному имъ другому филеру, стоявшему почти у дворца, и, передавъ ему глазами молодого человѣка въ чуйкѣ, самъ почти бѣгомъ бросился обратно и, вскочивъ на перваго попавшагося извозчика, погнался за Дашенькой.

Вскорѣ его извозчикъ нагналъ дрожки, на которыхъ ѣхала молодая дѣвушка, и поѣхалъ слѣдомъ за нимъ. Впереди мелькала высокая шляпа-цилиндръ, столь рѣдкая въ лѣтнее время на улицахъ Петербурга.

Но вотъ цилиндръ свернулъ на Надеждинскую, извозчикъ остановился и высокій господинъ, сойдя съ дрожекъ, сталъ расплачиваться. Филеръ видѣлъ, какъ барышня выскочила на панель и почти бросилась къ высокому господину.

— Гони!—крикнулъ филеръ своему извозчику.

И какъ разъ въ эту минуту раздался выстрѣлъ и вслѣдъ за нимъ сейчасъ же и другой. Два какихъ-то господина, шедшихъ по тротуару, бросились на середину улицы. Изъ воротъ дома

выскочилъ дворникъ. Городовой, придерживая шашку, бѣжалъ къ мѣсту происшествія. Лошадь, на которой пріѣхалъ господинъ въ цилиндрѣ, испугавшись выстрѣловъ, подхватила и понесла вдоль по улицѣ.

Филеръ, соскочившій со своихъ дрожекъ, съ разбѣга набросился на Дашеньку и сразу, навзничь, опрокинулъ ее на тротуаръ. Въ правой рукѣ у нея былъ револьверъ. Филеръ крѣпко стиснулъ ея руку у запястья и прижалъ къ землѣ.

Городовой бросился съ другой стороны, грузно навалился на Дашеньку и вырвалъ револьверъ.

Лицо дѣвушки было блѣдно, глаза широко раскрыты, подкладка выбилась изъ волосъ, и они сами свалились ей на лобъ.

Высокій господинъ въ цилиндрѣ при второмъ выстрѣлѣ, спрятавшійся было въ раскрытыя двери подъѣзда, теперь опять вышелъ на улицу и, бѣлый, какъ полотно, съ трясущейся нижней челюстью и съѣхавшей на затылокъ шляпой, видимо, старался что-то говорить, но отъ страха голосъ его перехватило и изъ горла вылетали только какіе-то хриплые звуки.

Около подъѣзда собиралась толпа, молчаливая и испуганная. Подбѣжалъ еще городовой, и у высокаго господина на этотъ разъ явственно уже вырвалось два слова:

— Въ участокъ.

Дашеньку въ это время подняли на ноги и, крѣпко стиснувъ, держали подъ руки дворникъ и первый подбѣжавшій городовой. Она вся тряслась, глаза же ея упорно смотрѣли на побѣлѣвшее лицо господина въ цилиндрѣ.

— Я нашла тебя, мерзавецъ,—наконецъ, проговорила она и странная улыбка исказила ея худое лицо.

— Въ участокъ!—повторилъ господинъ въ цилиндрѣ и прибавилъ.—Я знаю эту женщину.

Въ это время къ крыльцу подбѣжалъ совсѣмъ еще юный околоточный надзиратель.

— Я знаю эту женщину,—повторилъ господинъ, обращаясь къ нему.—А моя фамилія—Трейманъ. Андрей Андреевичъ фонъ-Трейманъ.

Дашенька, маленькая, хрупкая, между двухъ большихъ, сильныхъ мужчинъ, державшихъ ее, стояла и, въ упоръ глядя на Треймана, улыбалась дрожащей, истерической улыбкой, а губы ея чуть слышно повторяли:

— Я нашла тебя, негодяй... я нашла тебя, мерзавецъ...

Въ участкѣ приставъ попросилъ Треймана къ себѣ въ кабинетъ и, по указанію его, немедленно послалъ за Арташевскимъ въ Европейскую гостинницу...

Черезъ часъ Андрей Андреевичъ, все еще взволнованный, но уже съ вернувшейся краской въ лицѣ, былъ у себя на квартирѣ и слегка дрожащей рукой писалъ письмо Ольгѣ Александровнѣ Ахматовой, въ которомъ, извѣщая вкратцѣ о «покушеніи на его жизнь революціонеровъ» и извиняясь, что онъ, вслѣдствіе крайняго волненія не можетъ явиться сегодня лично, покорнѣйше просилъ не отказать пожаловать завтрашняго числа въ 12 часовъ въ Казанскій соборъ, гдѣ «имѣетъ быть отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю счастливаго избѣжанія имъ смертельной опасности». Причемъ онъ выражалъ робкую надежду, что «глубокоуважаемый Петръ Ивановичъ», можетъ быть, тоже найдетъ минутку, чтобы «почтить молебенъ своимъ присутствіемъ».

Отправивъ это письмо съ посыльнымъ, онъ принялся за другое письмо—къ Нинѣ Федоровнѣ Кобецкой, въ которомъ, изложивъ въ довольно яркихъ краскахъ происшедшее съ нимъ событіе и повторивъ приглашеніе на молебенъ въ Казанскій соборъ, «онъ не то, чтобы просилъ—нѣтъ! онъ даже не надѣялся, но въ случаѣ, если-бъ Нинѣ Федоровнѣ пришла такая благая мысль навѣстить его, нервно-потрясеннаго страшнымъ покушеніемъ», то онъ извѣщалъ ее, на этотъ вотъ случай, что онъ сегодня весь день будетъ дома.

Онъ еще заканчивалъ письмо, какъ зазвонилъ телефонъ. Принявъ зачѣмъ-то меланхолическій видъ, Трейманъ, приложивъ трубку къ уху, томно проговорилъ:

— Я слушаю.

Раздался хорошо знакомый ему голосъ Ольги Александровны Ахматовой.

— Что съ вами? Что случилось? Отчего сразу не сказали по телефону? Къ чему тутъ письма? Говорите скорѣй! Подробно! —дѣловито и быстро говорила Ольга Александровна.

Тѣмъ же томнымъ голосомъ Трейманъ сталъ разсказывать свое приключеніе.

— Да говорите громче! Или вы нездоровы? Пошлите за докторомъ!—нѣсколько разъ перебивала его она.

А когда онъ кончилъ, Ольга Александровна сказала ему:

— Сидите дома. Пошлите въ аптеку, возьмите валеріановый чай, заварите и пейте. Стакана два выпейте. Можно и три. Нѣтъ, трехъ не пейте! Двухъ довольно. Завтра на молебнѣ—буду. Въ четверть перваго. Раньше не могу. Можетъ быть, привезу и Петра Ивановича. Даже навѣрное привезу! Это вы хорошо, что заказали молебенъ. Я сама извѣщу «Правленіе всероссійскаго собранія» и, кромѣ того, приму другія мѣры. А вы сидите дома и завтра пріѣзжайте въ соборъ—двадцать минутъ перваго. Слышите, не раньше! А я пріѣду за пять минутъ. Кого найдете нужнымъ пригласить,

оповѣстите, что молебенъ будетъ въ двѣнадцать. Пусть подождутъ—это хорошо. Я вызову къ себѣ Макса Альтшлосса и поручу ему быть тамъ раньше и всѣмъ распорядиться. Это хорошо, что вы—молебенъ! Это очень умно съ вашей стороны. Ну, сидите дома и пейте валеріановый чай!

И телефонъ разъединился.

Андрей Андреевичъ самодовольно улыбнулся и закончилъ письмо къ Нинѣ.

«Какая досада»,—разсуждалъ онъ самъ съ собой, переодѣвшись въ халатъ и прилегши на оттоманку,—это на случай, если его посѣтитъ кто-нибудь изъ сослуживцевъ,—«какая досада, что не принято оповѣщать въ газетахъ вотъ о такихъ молебнахъ. Конечно, можно... но неудобно какъ-то... А то бы онъ непремѣнно напечаталъ въ «Новомъ Времени»,—что вотъ, дескать, онъ, Андрей Андреевичъ фонъ-Трейманъ, потрясенный злодѣйскимъ покушеніемъ на его жизнь и спасенный Провидѣніемъ Творца Небеснаго, завтрашняго числа, во столько-то часовъ, въ Казанскомъ соборѣ, будетъ возсылать Преблагому Творцу свои горячія молитвы и безпредѣльную признательность... нѣтъ, лучше—благодарность», —поправилъ онъ самъ себя,—«ну, и прочее... Добрыхъ же друзей и знакомыхъ своихъ онъ проситъ раздѣлить съ нимъ его свѣтлую радость и молитвы»... «Хорошо бы это было! И жаль, что не принято»!

Въ продолженіе дня его, дѣйствительно, посѣтило нѣсколько сослуживцевъ и знакомыхъ, которыхъ, впрочемъ, онъ самъ извѣстилъ по телефону о знаменательномъ событіи въ его жизни.

Отъ Нины же Федоровны Кобецкой не было ни слуху, ни духу. Онъ даже самъ пробовалъ нѣсколько разъ звонить къ ней по телефону, но каждый разъ неудачно. Или телефонъ былъ занятъ, или прямо-таки трубка была снята.

Онъ и не зналъ, что почти сейчасъ же, какъ окончился его допросъ въ участкѣ, Арташевскій, проѣхавъ къ себѣ въ департаментъ, сказалъ ей по телефону довольно опредѣленно и категорически:

— Очень прошу васъ, во избѣжаніе серьезныхъ непріятностей, сегодня изъ номера своего никуда не выходить, къ себѣ никого не принимать, писемъ никому не писать и по телефону ни съ кѣмъ не разговаривать. Неисполненіемъ хоть одной изъ этихъ моихъ просьбъ вы рискуете навлечь на себя большія бѣды...

Въ тотъ же день и ночь были арестованы: Григорій Асафовичъ Медіокритскій и еще человѣкъ десять, соприкасавшихся съ нимъ людей. Нина Федоровна объ этомъ ничего не знала, но какимъ-то инстинктомъ почувствовала, что «просьбы» Арташевскаго надо исполнить буквально, тѣмъ болѣе, что онъ обѣщалъ

ей по телефону же на другой день утромъ непремѣнно навѣстить ее...

Къ Казанскому собору Андрей Андреевичъ Трейманъ пріѣхалъ въ маленькой, одномѣстной кареткѣ.

«Какая досада»,—думалъ онъ, вылѣзая поддерживаемый съ одной стороны городовымъ, а съ другой Максомъ Альтшлоссомъ, —«какя досада, что я совсѣмъ-таки не раненъ. Хоть бы маленькая царапинка въ руку. Рука на перевязи придаетъ мужчинѣ особенно интересный видъ».

Молча и не торопясь, поднялся онъ по широкимъ ступенямъ лѣстницы, склоненіемъ головы отвѣчая на поклоны собравшихся его знакомыхъ. Онъ внимательно всматривался въ каждое лицо, стараясь запомнить на всякій случай, кто присутствовалъ.

Разглядѣвъ среди храма массивную фигуру Ольги Александровны Ахматовой, онъ направился прямо къ ней и почтительно поцѣловалъ ея руку.

Петра Ивановича—не было.

— Пріѣдетъ попозже,—шепнула Ольга Александровна, понявъ его вопросительный взглядъ.

Трейманъ и не подозрѣвалъ, что Петръ Ивановичъ думалъ было пріѣхать вмѣстѣ со своей супругой, но та сама ему сказала:

— Слишкомъ много чести! Пріѣзжай попозже. Къ концу молебна, такъ тридцать пять минутъ перваго.

Максъ Альтшлоссъ подлетѣлъ къ Трейману и тихо спросилъ:

— Можно начинать?

— Приступите,—меланхолически отвѣтилъ Трейманъ.

Слово «приступите» онъ слыхалъ нѣсколько разъ въ аналогичныхъ случаяхъ и оно ему очень нравилось, и теперь онъ съ особеннымъ смакомъ произнесъ его.

Начался молебенъ. Изъ знакомыхъ и сослуживцевъ собралось всего человѣкъ пятнадцать. Но такъ какъ въ храмѣ было довольно много и посторонняго народа, пришедшаго туда по своимъ дѣламъ и нуждамъ, то молящагося Треймана окружила довольно приличная толпа.

— Странно, что Нины нѣтъ,—шепнула ему стоявшая возлѣ Ольга Александровна.—Вы ее оповѣщали?

— Какже! Оповѣстилъ сейчасъ же послѣ васъ,—грустно вздыхая, отвѣтилъ Андрей Андреевичъ и потомъ прибавилъ:—Да и изъ «Всероссійскаго собранія» пришло всего только пять человѣкъ.

— Ну, теперь лѣто. Развѣ ихъ соберешь? Оин только на обѣды да завтраки охотно сходятся.

«Да, эти русскіе люди»,—думалъ уже про себя Андрей Андреевичъ.—«Ужасно они равнодушны ко всякимъ общественнымъ дѣламъ и вопросамъ»—(свой молебенъ онъ считалъ несомнѣнно дѣломъ общественнымъ).

Когда окончилась служба, Андрей Андреевичъ все время истово молившійся и даже два раза опускавшійся на колѣни, первымъ приложился къ кресту и, повернувшись, увидалъ возлѣ себя Петра Ивановича Ахматова.

— Ну, поздравляю, поздравляю!—заговорилъ невзрачный сановникъ, тоже свершивъ крестное цѣлованіе и протягивая, на этотъ разъ, Трейману обѣ руки.—Поздравляю! Очень радъ, что такъ благополучно. Радъ, радъ!

Андрей Андреевичъ почтительнѣйше склонилъ голову и явственно проговорилъ:

— Благоговѣйно пріемлю ваше поздравленіе, ваше превосходительство, но былъ бы счастливъ и пролить кровь и даже принести мою скромную жизнь на престолъ отечества.

Эту фразу онъ сочинилъ и заучилъ наизусть еще наканунѣ вечеромъ.

— Поздравляю и я,—проговорила Ольга Александровна, цѣлуя склонившуюся къ ея рукѣ голову Треймана.

Стали подходить съ поздравленіями знакомые, сослуживцы и члены «Всероссійскаго собранія», число которыхъ за время молебна увеличилось почти вдвое.

«А Арташевскаго-то нѣтъ!—замѣтилъ про себя Трейманъ, не встрѣтивъ въ числѣ поздравлявшихъ своего бывшаго начальника.

Когда поздравленія окончились и Трейманъ опять очутился возлѣ Петра Ивановича Ахматова, то сей послѣдній, какъ-то неуклюже улыбаясь и стараясь придать своему лицу столь не шедшее къ нему выраженіе ласковости, сказалъ:

— Ну, что же, милый, можетъ быть, желаете заграничный отпускъ получить? Отдохнуть? Полечиться? Успокоить нервы?

Трейманъ вдругъ весь какъ-то особенно благородно выпрямился и громко, такъ, чтобы всѣмъ окружающимъ было слышно, проговорилъ:

— Благодарю ваше превосходительство за столь высокое вниманіе, но въ переживаемые нашей родиной тяжелые дни испытанія считалъ бы унизительнымъ для себя покинуть ее, когда даже и такой скромный работникъ, какъ я, можетъ пригодиться.

Ахматовъ крѣпко пожалъ Трейману руку, а многіе изъ сослуживцевъ подумали:

«Вотъ, чортъ возьми, везетъ же этому Трейману»!

А одинъ изъ нихъ, отличавшійся, вообще недостаточной осторожностью, даже шепнулъ кому-то:

— Ну, теперь нашъ Андрей Андреевичъ будетъ «имѣть честь» дѣлать карьеру ускореннымъ аллюромъ.

Послѣ молебна, Ольга Александровна пригласила Треймана къ нимъ позавтракать, на городскую квартиру.

Завтракъ былъ чисто семейный. Присутствовали на немъ только Петръ Ивановичъ съ Ольгой Александровной, ихъ единственная дочь, Варвара Петровна, блѣдная и грустная дѣвушка лѣтъ двадцати; ея бывшая гувернантка-англичанка, ни слова не понимавшая по-русски, и Андрей Андреевичъ Трейманъ.

Завтракъ прошелъ, какъ и всѣ завтраки и обѣды, на которыхъ присутствовалъ самъ Петръ Ивановичъ, по обыкновенію скучно и молчаливо. Почтенный сановникъ обладалъ удивительной способностью нагонять на всѣхъ какую-то удручающую тоску.

На этотъ разъ, впрочемъ, Петръ Ивановичъ сказалъ маленькій тостъ въ честь Треймана и чокнулся съ нимъ дешевенькимъ бѣлымъ винцомъ,—въ семейной жизни Ахматовы были, вообще, расчетливы до скупости.

Послѣ завтрака, Ольга Александровна пригласила Андрея Андреевича въ свой кабинетъ и приказала никого не принимать до половины четвертаго.

— Ну, слушайте,—сказала она, усаживаясь въ кресло и указывая Трейману рукой мѣсто напротивъ себя.—Пока вы вчера приводили свои нервы въ порядокъ, я все успѣла разузнать. У меня былъ Ершинкинъ (одинъ изъ мелкихъ чиновниковъ вѣдомства Петра Ивановича) и все мнѣ доложилъ. Вамъ извѣстно, кто въ васъ стрѣлялъ?

Трейманъ хотѣлъ было отвѣтить, но Ольга Александровна, не слушая его, продолжала:

— Да, я знаю, что извѣстно. Это—ваша бывшая содержанка (Ольга Александровна любила такія крѣпкія слова и, нисколько не стѣсняясь, употребляла ихъ). Она вамъ мстила за то, что вы ее бросили... Постойте! Не перебивайте! Но она—политическая... т. е. она сдѣлалась политической послѣ того, какъ вы ее бросили. Но это вздоръ! Это не важно! Т. е. не важно то, что вы ее бросили. Содержанокъ всегда бросаютъ. Важно тутъ то, что «они» готовили покушеніе не на васъ, а на кого-то посерьезнѣе, чуть-ли не на самого вашего «благодѣтеля» графа Раабе... Да, да, да! Я уже знаю! Да и не въ этомъ дѣло. Дѣло въ томъ, что вмѣстѣ съ нею арестовано нѣсколько политическихъ. Въ томъ числѣ и управляющій Нины. Въ конторѣ у нея былъ произведенъ обыскъ... Этого вы не знали?

Трейманъ сознался, что онъ, дѣйствительно, не зналъ этого.

— Ну, такъ вотъ видите! Контора опечатана и всѣ дѣла пріостановлены. Это, конечно, продолжаться долго не можетъ. Нужно, чтобы контору распечатали и всѣмъ ея коммерческимъ дѣламъ былъ данъ ходъ. Нужно, чтобы назначили человѣка, который бы сейчасъ... ну, хоть временно... принялъ бы на себя веденіе всѣхъ этихъ дѣлъ. Здѣсь уже я вмѣшиваюсь, какъ ближайшая родственница, и выражаю желаніе, чтобъ этимъ человѣкомъ были—вы. Вѣдь, вы можете разобраться въ разныхъ дѣлахъ?

— Конечно, могу,—самоувѣренно сказалъ Трейманъ.

— Ну, и прекрасно! И прекрасно! Нина нисколько не виновата, что ея управляющій оказался мерзавцемъ, и интересы ея отъ этого не должны страдать. Я уже приняла мѣры. Лично съ самой Ниной мнѣ объ этомъ пока говорить неудобно: она такая глупая и подозрительная. Она сейчасъ же подумаетъ, что я преслѣдую свои интересы. Нужно, чтобы иниціатива шла съ ея стороны, а потому поѣзжайте немедленно къ ней и предложите ей свои услуги... Удивляюсь, отчего она не была на молебнѣ?.. Скажите ей, что васъ и именно васъ, и одного только васъ введутъ въ дѣла безъ замедленія и интересы ея не пострадаютъ ни на копѣйку. Тогда какъ со всякимъ другимъ человѣкомъ могутъ выйти. проволочки. Понимаете, нужно, чтобъ состояніе ея было охранено. Понимаете? Вы возьметесь за дѣло, а я буду руководить вами. Вы хорошо меня понимаете?

— Хорошо, Ольга Александровна,—отвѣтилъ Трейманъ, все время соображавшій—какія, собственно, выгоды онъ можетъ изъ всего этого извлечь для себя, и инстинктивно чувствовавшій, что выгоды тутъ предстоятъ большія во всѣхъ отношеніяхъ: какъ со стороны матеріальной, такъ и со стороны матримоніальной.

И когда Ольга Александровна, наконецъ, сказала ему:

— Ну, теперь идите и дѣйствуйте.

Онъ съ чувствомъ искренной признательности поцѣловалъ ея руку.

— Но помните,—крикнула ему вслѣдъ Ольга Александровна,—ни одного шага не посовѣтовавшись со мной! Ни одного распоряженія.

Трейманъ только покорно склонилъ голову и вышелъ...

Въ Европейской гостинницѣ ему сказали, что госпожа Кобецкая нездорова и никого, кромѣ доктора, не принимаетъ. Трейманъ пробовалъ было настаивать, посылалъ наверхъ въ номеръ свою визитную карточку, но отвѣтъ былъ тотъ же: «принять не могутъ».

Обезкураженный этимъ, онъ вернулся къ Ольгѣ Александровнѣ съ докладомъ.

Ольга Александровна бросилась къ телефону, но со станціи сообщили, что трубка этого аппарата — снята. Ольга Александровна задумалась. Задумался и Трейманъ.

— Поѣзжайте къ себѣ,—сказала, наконецъ, она.—Я пошлю Ершинкина обо всемъ развѣдать подробнѣе.

X.

А у Нины какъ разъ въ это время сидѣлъ Арташевскій. Она, дѣйствительно, была не совсѣмъ здорова и, немножко осунувшаяся и даже пожелтѣвшая отъ проведенной безъ сна ночи, въ капотѣ, лежала на кушеткѣ.

— Ну, что же? Вы допросъ пріѣхали съ меня снимать?— говорила она своимъ сипловатымъ и на этотъ разъ замѣтно усталымъ голосомъ.

— Зачѣмъ допросъ?—скривляя губы въ улыбку, отвѣтилъ Арташевскій.—Я просто пріѣхалъ поговорить съ вами, Нина Федоровна. Ваши дѣла очень плохи и васъ всякую минуту могутъ арестовать.

При этомъ извѣстіи Нина замѣтно вздрогнула.

— А разъ это случится—все кончено. Ничто уже васъ не спасетъ,—продолжалъ Арташевскій,—даже и я.

— Я не хочу, чтобъ меня арестовывали,—тихо проговорила Нина.

Арташевскій улыбнулся. Нина, поймавъ улыбку, съ раздраженіемъ продолжала:

— Вы поймите, что это невозможно. Что это для меня— смерть! Да, да, не улыбайтесь! Смерть, потому что я... понимаете... ну... въ такомъ положеніи... Понимаете? Я беременна.

При этомъ открытіи лицо Арташевскаго замѣтно вытянулось и тикъ задергалъ его лѣвую щеку.

— Да, я беременна! Уже пятый мѣсяцъ. Сегодня ночью пошевелился ребенокъ. Я беременна въ первый разъ, а мнѣ уже двадцать восьмой годъ.

— Понимаю,—тихо проговорилъ Арташевскій и потомъ еще тише спросилъ:—Отъ кого вы беременны?

И сейчасъ же, словно спохватившись, быстро заговорилъ:

— Впрочемъ, виноватъ! Это меня совсѣмъ не касается... Вы бы могли мнѣ не отвѣчать на этотъ вопросъ!..

Но было поздно. Нина, застигнутая врасплохъ, уже отвѣтила:

— Отъ Лагутина.

Почти съ минуту Арташевскій, задумавшись, молчалъ. Потомъ, нервно передернувъ губами и переведя дыханіе, заговорилъ:

— Впрочемъ, это все равно. Это нисколько не мѣняетъ обстоятельствъ. Только для васъ это усложняетъ дѣло. Конечно, въ такомъ положеніи... арестъ... можетъ быть, для васъ... губителенъ... Но съ другой стороны,—что же мнѣ дѣлать? Оставить васъ на свободѣ? Васъ все равно арестуютъ, помимо меня. Я знаю, что вашимъ дѣломъ заинтересовалась ваша тетушка, Ольга Александровна Ахматова и ищетъ слѣды. Ее, конечно, интересуетъ судьба вашего... состоянія. Ей уже извѣстно, что контора ваша опечатана и Медіокритскій арестованъ. Но врядъ-ли она знаетъ, что и вы скомпрометированы въ этомъ дѣлѣ. Но разъ я васъ оставлю въ покоѣ, они доберутся до васъ.

— Не оставляйте меня!—почти воплемъ вырвалось у Нины. —Я хочу еще жить. Понимаете, я хочу жить! И мнѣ, какъ это ни странно, мнѣ теперь хочется уже видѣть моего ребенка. Я никогда не думала, что во мнѣ могутъ проснуться глупые и пошлые материнскіе инстинкты. Но теперь, когда я кладу сюда руку и чувствую, что подъ ней есть что-то живое и это живое—мой ребенокъ, я хочу жить! Хочу, хотя бы для того, чтобы взглянуть на него. И, слушайте, вотъ еще что странно! Съ той самой минуты, какъ ребенокъ пошевелился, — оживляясь, продолжала Нина,—я вдругъ, сразу совсѣмъ забыла про его отца. Понимаете, не то, что забыла—я, конечно, хорошо помню его, но онъ куда-то ушелъ отъ меня, сталъ мнѣ почти чужимъ... Это странно! Вѣдь, я его такъ любила и, можетъ быть, еще люблю! Но... у меня противъ него теперь какое-то чувство раздраженія! Ну, развѣ нельзя было имѣть ребенка... безъ всего этого... понимаете? Ну, не рискуя жизнью... не рискую попасть въ тюрьму... въ каторгу?.. А онъ, какъ будто, непремѣннымъ условіемъ ставилъ... понимаете, нашей связи... Понимаете, условіемъ нашей связи,—повторила она,—все вотъ это... заговоры... убійства... И теперь вотъ, когда я все сдѣлала... когда можетъ явиться ребенокъ, я должна умереть. А теперь-то, понимаете, я умирать и не хочу. Прежде я говорила: «за его любовь, за его ласки я готова принести въ жертву мою жизнь»; а теперь, когда о н ъ пошевелился, сегодня ночью, въ первый разъ, я вдругъ почувствовала, что не надо ни любви, ни ласкъ, только бы о н ъ жилъ... только бы увидать е г о... А вы говорите—надо умереть. Это такъ страшно! Такъ страшно!

По щекамъ Нины текли слезы.

Арташевскій сидѣлъ молча, задумавшись. И вдругъ Нина

обѣими руками схватила его руку, лежавшую возлѣ нея на столикѣ, и, крѣпко стискивая, прошептала:

— Спасите меня! Спасите! Спасите!

Арташевскій поднялъ голову и горько сказалъ:

— Эхъ, Нина Федоровна! Зачѣмъ вы **туда** пошли? Ну, какая вы революціонерка?

Нина закрыла лицо руками и зарыдала. А Арташевскій, помолчавъ немного, добавилъ со вздохомъ:

— А, впрочемъ, не одна вы попадаете не на свое мѣсто!

Въ этихъ словахъ прозвучала какая-то странная, искренняя нота, какъ будто Арташевскій, въ эту минуту, подумалъ о себѣ. И онъ испугался этихъ словъ, испугался этой искренности и, словно желая отогнать ее, даже махнулъ рукой.

— Такъ что же мнѣ съ вами дѣлать?—уже громче и значительно суше проговорилъ онъ.

— Дайте мнѣ возможность бѣжать,—тихо прошептала Нина.

Арташевскій опять задумался и молчалъ.

— Бѣжать, Нина Федоровна? Устроить вамъ побѣгъ?—раздумчиво заговорилъ онъ, наконецъ.—Конечно, это не трудно, но... тутъ есть одно непреодолимое препятствіе: это—ваше состояніе. Другая бы бѣжала и, кончено. На завтра всѣ бы забыли о ея существованіи. Съ вами—не то! Послѣ васъ останутся милліоны, а къ нимъ протянутся руки, и руки ни чьи-либо, а самаго Петра Ивановича Ахматова.

— Ну, такъ что-жъ? Ну, пусть онъ возьметъ всѣ мои деньги. Лишь бы меня оставили въ покоѣ... на свободѣ, съ моимъ будущимъ ребенкомъ.

Арташевскій иронически улыбнулся.

— Ужъ если не говорить о томъ—на что вы будете жить...

— Хоть нищенствовать!—умоляюще прошептала Нина.

— Ну, да! Ну, не въ этомъ дѣло! Но примите во вниманіе служебное положеніе Петра Ивановича Ахматова. Ему неудобно просто присвоить деньги, а на все остальное посмотрѣть сквозь пальцы. Будетъ назначено серьезнѣйшее слѣдствіе о васъ. А тутъ доберутся и до меня, до виновника или... скажемъ даже, до попустителя вашего побѣга...

— Ну, и...?

— Ну, и вмѣсто васъ, меня посадятъ. А я, Нина Федоровна, тоже не хочу сидѣть.

И Арташевскій почти весело разсмѣялся.

Нина въ отчаяніи хрустнула пальцами крѣпко стиснутыхъ рукъ.

— Да, Нина Федоровна! Мнѣ тоже непріятно попасть въ узилище. И по состоянію моего здоровья тоже было бы гибельно

для меня. А враговъ у меня много. И претендентовъ на мое «пріятное» мѣсто—еще больше, такъ что при малѣйшей съ моей стороны оплошности... Ну, да, однимъ словомъ, побѣгъ я вамъ устроить не могу. Скажу больше: прямо таки не допущу его. Каждому, вѣдь, своя шкура дорога. Видите, я откровененъ.

— Такъ что же дѣлать? Что же дѣлать?

— Очевидно, расплачиваться придется.

Нина откинулась на спинку кушетки и, закрывъ лицо руками, опять зарыдала.

Арташевскій неторопливо всталъ, подошелъ къ маленькому столику, стоявшему въ углу комнаты, налилъ тамъ стаканъ воды и, поднеся Нинѣ, ласково проговорилъ:

— Выпейте-ка вотъ! Да примите какихъ-нибудь капель!

Нина отпила съ полстакана и, глядя на Арташевскаго мокрыми отъ слезъ глазами, тихо проговорила:

— Значитъ, вы меня арестуете? У васъ нѣтъ сердца.

Арташевскій опять весело разсмѣялся.

— Нина Федоровна, вы подумайте только,—что вы говорите? Вѣдь, вы пріѣхали сюда, въ Петербургъ, съ цѣлью убить меня! Вѣдь, вы не дальше, какъ вчера, готовы уже были привести въ исполненіе вашъ планъ!.. И вы же мнѣ сегодня говорите, что у меня нѣтъ сердца!.. Да какое же вы имѣете право требовать отъ меня сердца? А я такъ вотъ думаю, что у меня по отношенію къ вамъ слишкомъ много сердца и я даже самъ себѣ не могу объяснить этого. Я сижу, обсуждаю съ вами ваше положеніе, думаю,—какъ бы его облегчить, какъ бы...—онъ замялся.—Да нѣтъ, Нина Федоровна, вы просто не обдумали того, что сказали.

— Да, да! Вы правы! Вы правы!—заговорила Нина, принимая снова сидячее положеніе и вызывающе глядя на Арташевскаго. —Ну, что-жъ? Арестуйте меня? Я—готова!

— Зачѣмъ же такъ скоро? Куда торопиться?

— Нѣтъ! Арестуйте сейчасъ же или прекратите ваши издѣвательства, иначе... я убью васъ!

Арташевскій зорко осмотрѣлъ Нину. Кармановъ на ея капотѣ не было и, по всѣмъ признакамъ, револьвера близко не имѣлось.

— Чего же вы достигнете этимъ?—успокоившись, заговорилъ онъ.—Васъ повѣсятъ—вотъ и все.

Нина отвернулась лицомъ къ окну.

— А между тѣмъ,—продолжалъ Арташевскій,—я еще—кто знаетъ,—могу и пригодиться вамъ, могу облегчить вашу участь... да, можетъ быть, и... совсѣмъ васъ освободить.

— А что вы съ меня за это потребуете?—сердито улыбаясь и дрожащимъ голосомъ спросила Нина.

— Я ничего не потребую. Но обстоятельства могутъ сложиться такъ, что у васъ что-нибудь и попросятъ.

— Предупреждаю васъ,—твердо заговорила Нина,—что я ни на что не пойду и вы лучше отъ меня ничего не требуйте! Состояніе мое—извольте! Возьмите все, хоть до послѣдней копѣйки, но больше—ни-че-го! Вы слышите?

— Слышу, Нина Федоровна. Но не лучше-ли намъ смягчить острый характеръ нашего разговора? Въ такомъ тонѣ, вѣдь, мы ни до чего не договоримся. А, вѣдь, я искренно вамъ хочу помочь! Искренно и даже безкорыстно. Вы, можетъ быть, спросите—почему? Васъ, можетъ быть, удивляетъ это безкорыстіе? Да, Нина Федоровна, оно меня и самого удивляетъ. Я и самъ не знаю, чѣмъ его объяснить? Развѣ только тѣмъ, что за послѣднее время я часто хвораю, и то, что называется по-русски, «ослабѣлъ», раскисъ размякъ. Нѣтъ достаточной энергіи, однимъ словомъ, гдѣ-то тамъ, въ грубинѣ души, загоношилось у меня самое смѣшное, самое противное чувство: жалость. Чувство, недостойное мужчины, чувство, непристойное здоровому человѣку. А я послѣднее время часто боленъ. У меня есть собака, Нина Федоровна, и часто теперь, когда я лежу и мучаюсь моими надоѣдливыми болями, эта собачка сидитъ возлѣ и такъ жалостно смотритъ на меня. Иногда мнѣ ее за это хочется ударить, а иногда... поблагодарить за ласку—лаской. И я ее глажу, щекочу ей за ушами и говорю: «что, братъ, милый Вайтъ? Плохи наши дѣла съ тобой?» И мой песикъ начинаетъ тихо повизгивать... Въ такія минуты, если-бъ я умѣлъ плакать, я бы навѣрное расплакался, и мнѣ бы стало легче. Но плакать я не умѣю, а вотъ это смѣшное и противное чувство—жалость, все болѣе и болѣе начинаетъ накопляться во мнѣ. А за нимъ, конечно, идетъ и безкорыстіе, и всякія другія глупости.

Нина уже внимательно смотрѣла на Арташевскаго и вдругъ проговорила:

— Вы—несчастный человѣкъ.

— Да, Нина Федоровна. Хворь—это единственное несчастіе человѣка, а я хвораю.

И вдругъ, словно спохватившись и вспомнивъ что-то, Арташевскій посмотрѣлъ на часы и торопливо заговорилъ:

— Простите, Нина Федоровна! Я съ вами заболтался! А у меня еще пропасть всякаго дѣла! Бѣжать надо... Да, вотъ что еще, кстати: предначертанный вамъ мною режимъ вы, пожалуйста, до поры до времени свято исполняйте! Но только съ маленькимъ исключеніемъ: если къ вамъ пріѣдетъ ваша тетушка, Ольга Александровна или вотъ этотъ господинъ—и онъ указалъ на лежавшую на столѣ карточку Греймана,—вы ужъ ихъ, ничего не по-

дѣлаешь, примите. Прикиньтесь слегка больной—это вамъ не трудно. Вы и, дѣйствительно, кажется немножко нездоровы?—Ну, конечно, о вашей политической миссіи—ни слова. А что они вамъ будутъ говорить или предлагать, то вотъ вамъ мой добрый совѣтъ: ни на что не рѣшайтесь, не переговоривъ предварительно со мной. Меня вы всегда можете по телефону къ себѣ вызвать. Но съ другими по телефону не говорите. И писемъ никому не пишите. И къ себѣ никого не принимайте. Въ вашихъ интересахъ, въ вашихъ же интересахъ совѣтую я вамъ это, Нина Федоровна! Послушаетесь меня—не раскаятесь, а не послушаетесь...

Арташевскій оборвался на этомъ словѣ и только выразительно пожалъ плечами.

— Хорошо. Послушаюсь,—утомленно проговорила Нина.

Арташевскій поцѣловалъ ей руку и вышелъ изъ номера.

Спустившись внизъ, онъ свернулъ въ буфетъ, приказалъ налить себѣ большую рюмку коньяку и залпомъ выпилъ ее, ничѣмъ не закусывая. Онъ тоже чувствовалъ себя утомленнымъ, а впереди еще былъ большой «рабочій» день.

На другой день Нина чувствовала себя совсѣмъ плохо. Но доктора ей звать не хотѣлось и она перемогалась, лежа въ капотѣ на кушеткѣ.

Около полудня ей опять подали карточку Треймана. На этотъ разъ она приказала принять.

Андрей Андреевичъ, войдя въ пріемную, былъ сильно удивленъ происшедшей съ Ниной перемѣной. Глаза у нея ввалились, лицо вытянулось и было блѣдно; губы запеклись и растрескались.

— Да вы совсѣмъ больны!—смущенно проговорилъ онъ, цѣлуя ея руку.

— Не совсѣмъ еще, если васъ могу принять,—отвѣтила Нина.

— А я пріѣхалъ къ вамъ по дѣлу и теперь право не знаю, какъ приступить,—мялся Трейманъ, поглаживая свою шляпу.

— Приступайте! — стараясь улыбнуться, сказала Нина.— Les affaires sont des affaires—добавила она и указала Трейману на кресло возлѣ кушетки.

Трейманъ сначала нашелъ мѣсто для своей шляпы, потомъ осторожно сѣлъ и началъ.

Онъ подробно изложилъ Нинѣ о покушеніи на него—и при этомъ былъ нѣсколько обиженъ, что Нина какъ-то ужъ черезчуръ равнодушно отнеслась къ этой новости,—потомъ сообщилъ ей объ опечатаніи ея конторы и арестѣ Медіокритскаго.

— Кто бы могъ подумать, Нина Федоровна, что изъ вашего дома шла ко мнѣ смерть,—меланхолически вставилъ онъ.

Нина молчала.

Тонъ Треймана сдѣлалася немного суше, и онъ дѣловито сталъ излагать ей свои соображенія о тѣхъ убыткахъ, которые она можетъ понести вслѣдствіе временнаго закрытія конторы. И въ концѣ-концовъ, «какъ вѣрный другъ« предложилъ ей свои услуги, не преминувъ упомянуть о томъ, что онъ имѣетъ основаніе думать, что никого другого такъ легко не допустятъ къ ея дѣламъ, какъ именно его, Андрея Андреевича Треймана, и что, конечно, никто, какъ онъ, не будетъ столь ревностно охранять ея интересы.

— Хорошо, — сказала Нина. — Благодарю васъ за вниманіе. Черезъ часъ я вамъ дамъ отвѣтъ.

Трейманъ, сообщивъ, что черезъ часъ онъ будетъ дома у себя завтракать и ждетъ ея отвѣта по телефону, откланялся и уѣхалъ.

Нина переговорила по телефону съ Арташевскимъ и черезъ часъ, позвонивъ къ Трейману, сказала, что принимаетъ его предложеніе съ благодарностью. Ей не оставалось другого выхода. Арташевскій сказалъ ей, что онъ ждалъ именно этого предложенія, инспирированнаго, конечно, съ извѣстной стороны, и его дескать, избѣжать невозможно.

Трейманъ, получивъ утвердительный отвѣтъ, немедленно поѣхалъ въ Царское Село на дачу къ Ахматовымъ.

Со слѣдующаго же дня Андрей Андреевичъ принималъ въ свое вѣдѣніе большія дѣла Нины Федоровны Кобецкой, урожденной Лаптевой. И надо отдать ему справедливость, что проявилъ при этомъ если не знаніе дѣла, котораго у него, конечно, не было, то во всякомъ случаѣ, большое рвеніе и осмотрительность.

«Все это можетъ быть моимъ, — думалъ онъ, — а потому всякая копейка священна».

Арташевскій въ эти дни почти не посѣщалъ Нины. У него были какія-то другія «серьезныя» дѣла. Онъ ограничился тѣмъ, что привезъ къ ней своего знакомаго доктора и попросилъ его съ особеннымъ вниманіемъ отнестись къ здоровью Нины Федоровны, которая какъ будто все сильнѣе и сильнѣе расклеивалась.

14-го іюля больную навѣстила Ольга Александровна, выразила ей свое соболѣзнованіе, спросила: удобно-ли ей въ гостинницѣ и не лучше-ли ей перебраться куда-нибудь на дачу, предложила было своего доктора, но Нина поблагодарила, сказавъ, что она довольна и тѣмъ, который къ ней ѣздитъ, и въ самомъ концѣ визита, впрочемъ, длившагося не болѣе получаса, Ольга Александровна освѣдомилась — довольна-ли она Трейманомъ?

Нина сказала, что вполнѣ довольна, и тетушка уѣхала.

«Оберутъ, какъ липку, и потомъ вышвырнутъ на задворки», — думала Нина, глядя вслѣдъ своей гостьѣ.

15-го іюля близъ Варшавскаго вокзала министръ внутреннихъ дѣлъ В. К. фонъ-Плеве былъ убитъ революціонеромъ Сазоновымъ. Еще наканунѣ покойный министръ говорилъ въ интимномъ кругу, что теперь онъ чувствуетъ себя въ безопасности, такъ какъ всѣ бомбисты переловлены и арестованы.

Къ концу іюля положеніе графа Федора Эдуардовича Раабе-фонъ-Блазевицъ круто пошатнулось, и онъ, сдавъ дѣла и взявъ отпускъ по болѣзни, впредь до отставки, которая, впрочемъ, не замедлила послѣдовать, экстренно выѣхалъ заграницу.

Фонды Петра Ивановича Ахматова вдругъ значительно поднялись, и многіе уже прочили его въ преемники графа Раабе, но совершенно неожиданно 10-го августа на это мѣсто былъ назначенъ князь Владиміръ Кирилловичъ Лоскутовъ.

1-го августа послѣдовалъ манифестъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а 26-го августа — назначеніе на постъ министра внутреннихъ дѣлъ князя Святополкъ-Мирскаго,—и звѣзда Петра Ивановича опять закатилась.

Но за это время онъ успѣлъ таки проявить свою дѣятельность, которая, между прочимъ, отразилась и на ходѣ нашего романа.

XI.

Въ дни, когда фонды Петра Ивановича Ахматова стояли высоко, чуткій чиновникъ Ершинкинъ, счелъ нужнымъ побывать нѣсколько разъ у Андрея Андреевича Треймана, пользовавшагося, какъ было извѣстно Ершинкину, особымъ вниманіемъ всесильной Ольги Александровны. И съ каждымъ этимъ посѣщеніемъ Андрей Андреевичъ становился все радостнѣе и въ то же время торжественнѣе.

«Ну, Андрей Андреевичъ!» — говорилъ онъ самому себѣ, сидя въ своемъ скромномъ, но «мило» убранномъ кабинетѣ. «Ну, милѣйшій Андрей Андреевичъ! Ваша звѣзда начинаетъ подниматься».

Онъ даже самъ къ себѣ обращался не иначе, какъ на «вы».

«Теперь надо хватать случай за хвостъ! Я расчистилъ себѣ дорогу, я подготовилъ почву, я долженъ идти впередъ! Да! И чѣмъ я больше всего горжусь, что все это сдѣлалъ я себѣ самъ, самъ, самъ! У меня нѣтъ никакихъ знатныхъ родственниковъ... но будутъ», — сейчасъ же мелькнуло у него въ головѣ. — «У меня нѣтъ никакого капитала... но будетъ», — усмѣхнулся онъ. «У меня не было никакой протекціи и, только благодаря своему уму и характеру, я сдѣлалъ все это самъ, самъ, самъ... И что

важнѣе всего, это то, что я никому не обязанъ быть благодаренъ за это, кромѣ васъ, достоуважаемый Андрей Андреевичъ, кромѣ васъ!»

Послѣднія слова, произнесенныя имъ почти громко, онъ адресовалъ къ хорошему кабинетному портрету, стоявшему на письменномъ столѣ и изображавшему его самого во фракѣ съ какимъ-то благотворительнымъ значкомъ на лацканѣ.

«Ха! Погодите! И звѣзды еще будутъ здѣсь! Будутъ и звѣзды».

И онъ пощелкалъ ногтемъ по стеклу рамки какъ разъ на томъ мѣстѣ подъ лацканомъ, гдѣ по формѣ носятся звѣзды.

«Будутъ и звѣзды», — меланхолически повторилъ онъ и сталъ прислушиваться.

Продребежжалъ звонокъ, а черезъ минуту вошла горничная Зося и доложила:

— Господинъ Ершинкинъ.

— Проси, — сказалъ Андрей Андреевичъ и принялъ дѣловую позу, какую онъ какъ-то подмѣтилъ у графа фонъ-Раабе.

Вошелъ рыженькій молодой человѣкъ въ темномъ пенснэ на маленькомъ остромъ носикѣ.

— Ну, что скажете, милѣйшій?—важно обратился къ нему Трейманъ, небрежно протягивая руку.

— А я съ хорошими вѣстями-съ, — какимъ-то предупредительнымъ голосомъ проговорилъ Ершинкинъ, пожимая протянутыя ему пальцы.

— Это похвально, что вы съ хорошими вѣстями, но, скажите, отчего у васъ всегда руки мокрые?

Ершинкинъ густо покраснѣлъ. Свѣтло-сѣрые глазки его безпокойно забѣгали подъ темнымъ пенснэ.

— Это... это отъ нервности... я очень нервенъ... — заторопился Ершинкинъ.

— Ну, и отлично! Теперь садитесь и говорите ваши новости, — важно проговорилъ Андрей Андреевичъ, обтеревъ свою руку носовымъ платкомъ.

— Мое предположеніе оправдалось, — заговорилъ Ершинкинъ, усаживаясь на указанный ему стулъ. — Нина Федоровна Кобецкая несомнѣнно замѣшана въ этомъ дѣлѣ и очень серьезно замѣшана.

— Но отчего же она, въ такомъ случаѣ, не арестована до сихъ поръ? — спросилъ Трейманъ.

— Я думаю, по особымъ соображеніямъ. Ея замѣшанность или, вѣрнѣе, причастность, т. е., такъ сказать, участіе... извѣстно только до точности одному Антону Степановичу Арташевскому и самымъ довѣреннымъ его лицамъ. Ну-съ, а Антонъ Степано-

вичъ человѣкъ очень дальновидный. Я полагаю такъ, что онъ имѣлъ въ виду на госпожу Кобецкую захватить еще кого-то, выманить, такъ сказать, сюда, изъ предѣловъ недосягаемости... Но тутъ произошла ошибка-съ. Слѣдили за этими, а настоящее-то дѣло прошло стороной-съ.

— Ну, значитъ, ее, вѣроятно, сейчасъ арестуютъ? — спросилъ, насторожившись, Трейманъ.

— Врядъ-ли-съ? Потому что — некому.

— Какъ, некому? А Арташевскій?

Ершинкинъ покрутилъ головой и тихо проговорилъ:

— Арташевскому — крышка-съ.

— Что значитъ — крышка?

— Скапустился. Сегодня въ ночь съ ними былъ сильнѣйшій припадокъ, какъ бы вродѣ нервнаго паралича, такъ что ихъ совершенно скрючило. Вчера до одиннадцатаго часу ночи у нихъ было большое объясненіе съ его превосходительствомъ Петромъ Ивановичемъ. Его превосходительство изволили его къ себѣ вызывать, а какъ Антонъ Степановичъ домой вернулись, такъ это съ ними и произошло. Теперь сейчасъ безъ языка лежатъ-съ. Ну, а безъ нихъ кто же можетъ Нину Федоровну арестовать? Изъ начальствующихъ ея участіе никому, положительно никому-съ неизвѣстно. А мелкая сошка и пикнуть не посмѣетъ-съ. Вѣдь, надо принять во вниманіе-съ, что онѣ ея превосходительству Ольгѣ Александровнѣ родной племянницей приходятся. Кто же посмѣетъ? И если я теперь это вамъ, Андрей Андреевичъ, имѣю честь разсказывать, то только въ виду вашей близости къ семейству-съ и въ надеждѣ, что вы меня не выдадите. А моего рвенія-съ къ вамъ —не забудете.

И сѣренькіе глазки Ершинкина опять безпокойно забѣгали за темными стеклами пенснэ.

Андрей Андреевичъ отлично сознавалъ, что свѣдѣнія, доставленныя ему Ершинкинымъ—важности чрезвычайной, можно сказать, страшной важности. Но разобраться въ нихъ немедленно онъ еще не могъ, и потому его охватило волненіе. Онъ поднялся съ мѣста и началъ ходить взадъ и впередъ по кабинету.

— Слушайте, Ершинкинъ,—заговорилъ онъ, останавливаясь передъ своимъ фактотумомъ, который, въ свою очередь, быстро всталъ со стула.—Слушайте! Дайте мнѣ слово, дайте мнѣ ваше честное слово, что вы никому объ этомъ не скажете. Понимаете— никому! Даже самой Ольгѣ Александровнѣ.

Послѣднія слова Трейманъ проговорилъ шопотомъ.

— Пусть пока мы это будемъ знать только вдвоемъ. За это я вамъ даю мое честное слово, что устрою самъ, понимаете, самъ всѣ ваши просьбы. Во-первыхъ, мѣсто эконома вашему тестю

при благотворительномъ учрежденіи будетъ предоставлено въ самомъ скорѣйшемъ времени. Затѣмъ, и всѣ остальныя ваши просьбы будутъ тоже исполнены. Помните, что, помогая мнѣ, вы себѣ помогаете. Понимаете меня?

— Понимаю, Андрей Андреевичъ, и надѣюсь.

На этотъ разъ Трейманъ уже крѣпко пожалъ мокрую руку Ершинкина и не вытеръ своихъ пальцевъ.

Отпустивъ «преданнаго» ему человѣка, какимъ Трейманъ не безъ основанія считалъ теперь Ершинкина, Андрей Андреевичъ опять принялся шагать своими длинными ногами взадъ и впередъ по кабинету и обдумывать положеніе дѣлъ.

«Нѣтъ, этого онъ и Ольгѣ Александровнѣ не скажетъ. Это, какъ говорилъ когда-то Козыревъ, самому дороже стоитъ. Здѣсь вся его будущность. Послѣднее препятствіе—Арташевскій—устранено. Нити переходятъ въ руки къ нему, къ Трейману. Его звѣзда поднимается, его путь круто пошелъ въ гору!»

Андрей Андреевичъ пріостановился передъ зеркаломъ, нахмурилъ свои бѣлесоватые брови, выпятилъ грудь и, стукнувъ по ней раза два кулакомъ, проговорилъ вслухъ:

— Самъ! Самъ! Самъ!

Да, онъ вполнѣ вѣрилъ, что все, что ни дѣлалось вокругъ него, создано имъ самимъ, безъ всякой чужой помощи.

Объ Козыревѣ онъ на этотъ разъ вспомнилъ не даромъ. Не дальше, какъ сегодня утромъ онъ получилъ письмо съ берлинскимъ штемпелемъ. Въ письмѣ, между прочимъ, значилось:

«Гарантируйте мнѣ пріѣздъ въ Петербургъ».

А подписано оно было—Бубновъ. Подъ этой фамиліей четыре года тому назадъ переписывался съ нимъ изъ Петербурга въ Москву его первый руководитель Иванъ Платоновичъ Козыревъ.

И письмо это Трейманъ почему-то считалъ хорошимъ предзнаменованіемъ. Однимъ словомъ, все теперь улыбалось Андрею Андреевичу, и его рѣденькіе бѣлокурые усики гордо топорщились надъ верхней губой.

XII.

Нина Федоровна Кобецкая была въ большомъ безпокойствѣ. Не то, чтобы здоровье ея ухудшилось, нѣтъ! Она чувствовала себя попрежнему разбитой, усталой, но все же еще была на ногахъ, хотя изъ комнаты никуда не выходила, и писемъ никому не писала, и къ себѣ никого не принимала. Но это не столько по нездоровью, сколько во исполненіе предписаній Арташевскаго.

Но безпокоило ее, можно сказать, даже удручало, это то, что самъ Арташевскій вотъ уже двое сутокъ не давалъ о себѣ никакихъ вѣстей.

Странное отношеніе сложилось у нея къ этому человѣку. Она знала, что вся находилась въ его рукахъ, что онъ, въ сущности, былъ ея тюремщикомъ, что ни на какую пощаду съ его стороны она расчитывать не могла, а, между тѣмъ, сознаніе, что этотъ человѣкъ бдитъ надъ ней, какъ будто ее успокаивало. Такъ, говорятъ, арестанты, долго сидящіе въ тюрьмѣ, настолько привыкаютъ къ своей камерѣ, что, застигнутые на прогулкѣ или на работѣ сильной непогодой, охотно возвращаются подъ привычные своды и не безъ удовольствія ощущаютъ, что у нихъ есть, хотя и мрачный, но «свой домъ».

Нина почти не могла уже думать ни о своемъ настоящемъ, ни о будущемъ. Она прислушивалась теперь съ удивленіемъ и радостью къ зарождавшейся въ ней новой жизни, къ каждому новому движенію своего ребенка, а всякія соображенія о томъ, что будетъ дальше, она гнала прочь и, какъ это ни странно, не разъ повторяла: «ну, это тамъ Арташевскій уже рѣшитъ».

И вотъ, въ такомъ-то настроеніи засталъ ее пріѣхавшій Андрей Андреевичъ Трейманъ.

Онъ былъ на этотъ разъ какъ-то особенно вѣжливъ и деликатенъ. Освѣдомился объ ея здоровьѣ; сдѣлалъ «докладъ» объ ея дѣлахъ; сообщилъ ей какую-то городскую новость и, попросивъ разрѣшенія побывать еще разъ сегодня вечеромъ, для того чтобы выслушать ея соображенія или, вѣрнѣе, получить ея санкцію по одной торговой операціи, раскланялся и уѣхалъ.

Къ Трейману Нина относилась совершенно безучастно. Пожалуй, она даже была довольна, что вотъ нашелся въ такую критическую минуту человѣкъ, который худо или хорошо, но ведетъ ея денежныя дѣла. Оторванная сейчасъ отъ всего міра, не получая почему-то ни откуда никакихъ писемъ, слишкомъ усталая и больная, чтобы самой вникнуть въ оставленныя послѣ Медіокритскаго дѣла, Нина, помня, что даже самъ Арташевскій признавалъ неизбѣжность вмѣшательства въ ея интересы Андрея Андреевича Треймана, а за спиной его, конечно, тетушки Ольги Александровны Ахматовой, думала, что они тамъ, воспользовавшись случаемъ, сильно-таки пощиплютъ ея мѣшокъ, но все-таки немало останется, если не ей—на себя она какъ-то махнула рукой—то хоть тому существу, которое шевелится теперь у нея подъ сердцемъ.

Послѣ ухода Треймана,—такъ, не болѣе, какъ черезъ пол-

часа,—въ комнату къ ней шмыгнула отельная горничная и передала небольшое, какого-то страннаго вида письмо.

— Отъ кого?—памятуя наставленіе Арташевскаго и не рѣшаясь брать письмо, спросила Нина.

— Не могу знать, какой то молодой человѣкъ ходили здѣсь по корридору, потомъ встрѣтили меня и сказали: «передайте госпожѣ Кобецкой прямо въ руки и скажите, что это письмо объ Арташевскомъ».

— Отъ Арташевскаго?—поправила Нина.

— Никакъ нѣтъ! Я сначала сама такъ подумала,—объясняла смышленая горничная. — И тоже переспросила, но господинъ этотъ ясно сказали: не отъ Арташевскаго, а объ Арташевскомъ.

— Каковъ изъ себя этотъ господинъ?—спросила Нина, вертя уже въ рукахъ небольшой трехугольный конвертикъ.

— Молодой еще. Въ синихъ очкахъ, т. е. въ пенснэ-съ. И одѣтъ вполнѣ прилично.

— Ждетъ отвѣта?

— Никакъ нѣтъ. Передали письмо, сунули мнѣ рублевку въ руку и быстро пошли внизъ по лѣстницѣ.

— Хорошо,—сказала Нина, вскрывая письмо.

И горничная вышла.

Въ письмѣ, несомнѣнно измѣненнымъ почеркомъ, было написано:

«Арташевскаго вчера ночью разбилъ нервный ударъ».

«Ахъ, вотъ почему мнѣ неизмѣнно отвѣчали въ телефонъ, что съ нимъ сейчасъ говорить нельзя?» мелькнуло въ головѣ у Нины, а сердце при этомъ испуганно забилось.

«Теперь за вами нѣтъ никакого надзора»,—читала она дальше.—«И самое удобное время вамъ бѣжать заграницу. Пользуйтесь случаемъ и не упустите его. Вашъ другъ».

Нина широко раскрыла глаза.

«Кто бы это могъ писать? Другъ? Несомнѣнно—другъ, но кто?—соображала она.—«Можетъ быть, самъ Арташевскій? Но—разбитый параличемъ... развѣ онъ можетъ думать теперь о ней въ этомъ состояніи?... Кто-нибудь изъ «тѣхъ»? Но... врядъ-ли бы имъ удалось проникнуть къ ней сюда, сквозь ту незримую цѣпь, которой окружилъ ее Арташевскій? Да, но эта цѣпь съ его болѣзнью могла ослабнуть... А, можетъ быть, это... Трейманъ?... Съ его стороны это было бы слишкомъ деликатно. Онъ только что былъ и врядъ-ли бы упустилъ случай блеснуть своимъ великодушіемъ, да и пренебречь какой-нибудь наградой? Впрочемъ, зачѣмъ же думать о немъ такъ худо? Онъ глупъ, пошлъ, но это все-таки, вѣдь, еще не исключаетъ въ немъ сердца. И не даромъ же онъ просилъ позволенія заѣхать къ ней вечеромъ. А

если онъ не рѣшился заговорить самъ и пустился на такіе экивоки, то несомнѣнно для того, чтобы оградить себя страха ради... Но если это такъ, то значитъ и онъ знаетъ о моей дѣятельности? Тогда, значитъ, я у него тоже въ рукахъ? А знаетъ онъ, значитъ, знаетъ и тетушка Ольга Александровна? Тогда, стало быть... Ахъ, Боже мой! Голова моя, голова! Ничего не могу сообразить!»

И она сильно сдавила себѣ виски ладонями. Мучительная складка легла возлѣ губъ, и снова мысль о своемъ тюремщикѣ, объ Арташевскомъ, мелькнула у нея.

«Спросить бы его... онъ бы сразу все разъяснилъ... Но какъ это сдѣлать? Онъ, навѣрное, лежитъ безъ сознанія... А, можетъ быть, это все еще неправда?»

И Нина бросилась къ телефону, стоявшему у нея на столѣ. И скоро знакомый ей уже чей-то голосъ (вѣроятно, камердинера Арташевскаго — не въ первый разъ подумала Нина) — отвѣтилъ ей:

— Его превосходительство къ телефону подойти не могутъ. Они не совсѣмъ здоровы.

«Значитъ, это вѣрно! Значитъ, Арташевскій боленъ».

И опять скорбное выраженіе исказило ея лицо.

«Что же дѣлать? Что же дѣлать?»—твердила она.

И вдругъ, одна мысль ярко, какъ молнія, блеснула у нея въ головѣ.

— Бѣжать! Бѣжать заграницу!

«Заграничнаго паспорта не брать, не дадутъ, хуже, попадешься! Да и не надо. «Свои» проведутъ и безъ паспорта. Добраться бы только до нихъ. Взять южное направленіе, на Румынію, тамъ сейчасъ спокойнѣе... Поѣду въ Кіевъ. Предлогъ найти не трудно. А оттуда—на границу... Пока не поздно... пока Арташевскій не пришелъ въ себя и не передалъ ее кому-нибудь другому... Но деньги, деньги—вотъ что нужно! Заграничный фондъ ея истощенъ, наличныхъ у нея страшно мало... Сегодня Трейманъ пріѣдетъ... Скажу, чтобъ взялъ со спеціальнаго счета... значитъ, поѣду завтра, утромъ... Ахъ, утромъ нѣтъ хорошихъ поѣздовъ... Ну, все равно, поѣду вечеромъ... Сегодня бы хорошо! Сегодня!.. Но гдѣ найти Треймана? Черезъ часъ закроютъ банки!.. Гдѣ найти Треймана?» — лихорадочно мелькало у нея въ головѣ.

И она позвонила по телефону къ Трейману: ей отвѣтили, что его нѣтъ дома и раньше шести часовъ не будетъ.

Нина махнула рукой и рѣшила, что все равно, она поѣдетъ завтра. И послѣ этого начала торопливо укладываться.

Не прошло и часу въ этихъ занятіяхъ, какъ Нина почувствовала себя ужъ окончательно разбитой. Она прилегла на постель и какъ-то необыкновенно быстро заснула.

Около восьми часовъ вечера пріѣхалъ Трейманъ. Нина только что окончила свой обѣдъ. Она выспалась, и ей было немного лучше. Но аппетиту не было. И только пломбиръ съѣла она съ удовольствіемъ, да кофе понравился ей.

— Я вамъ мѣшаю?—сказалъ Трейманъ.

— Нѣтъ, сейчасъ уберутъ. Садитесь,—отвѣтила Нина и закурила папиросу.

— Вы курите?—удивился Андрей Андреевичъ.

— Да, иногда, когда у меня нервы не въ порядкѣ.

Офиціантъ въ это время собралъ послѣднюю посуду и вышелъ.

— А у васъ не въ порядкѣ нервы?—спросилъ опять Трейманъ.

— Не въ этомъ дѣло,—перебила его Нина,—вы разобрались въ моихъ дѣлахъ?

— Насколько могъ, Нина Федоровна. Они такъ велики и сложны...

— Да, но кассу-то, во всякомъ случаѣ, вы выяснили? Наличность вамъ извѣстна?

— О, да! Это—да! Это я сдѣлалъ первымъ дѣломъ,—съ сознаніемъ исполненнаго долга, отвѣтилъ Трейманъ.

— Ну, такъ вотъ что: мнѣ нужны сейчасъ деньги. Много денегъ. Во-первыхъ, въ руки нужно—тысячи три... нѣтъ, больше, —пять. Затѣмъ, переведите кредитъ на Лендеръ-банкъ—пятьдесятъ тысячъ. И столько же—Блейхредеру. И столько же—Credit Lionnais. И сдѣлайте это все завтра же утромъ. Вы меня поняли?

— Понять—понялъ, но сдѣлать этого не могу,—отвѣтилъ Трейманъ и опустилъ глаза.

— Не можете?—удивилась Нина.—Но вы дайте только приказъ Кетли и Беннетъ. Они уже тамъ сами распорядятся.

— Нѣтъ, Нина Федоровна, и этого я сдѣлать не могу,— настойчиво повторилъ Трейманъ.

— Почему же?—спросила Нина и голосъ у нея дрогнулъ.

— Потому что... вы хотите бѣжать,—тихо, но внятно проговорилъ Андрей Андреевичъ.

Нина поблѣднѣла. А Трейманъ продолжалъ:

— Вы хотите бѣжать. И если я начну дѣлать такія распоряженія, то на васъ завтра же наложатъ руку, т. е. арестуютъ. Вашъ побѣгъ нужно устроить какъ можно тише, не торопясь и

деньги должны быть переведены не на ваше, а на чье-нибудь чужое имя.

— Это вы мнѣ писали письмо?—спросила Нина.

— Какое письмо?—совершенно естественно удивился Трейманъ.

Нина, нисколько не раздумывая, перекинула ему черезъ столъ полученную утромъ записку.

Трейманъ неторпливо прочиталъ ее, свернулъ и, передавая обратно, проговорилъ:

— Нѣтъ, не я.

Онъ былъ совершенно спокоенъ. Только кожа на его щекахъ залоснилась и едва замѣтно шевелилась.

— Не я,—повторилъ онъ,—но изъ этой записки, къ сожалѣнію, я вижу, что далеко не мнѣ одному извѣстно ваше участіе въ дѣлѣ Медіокритскаго. А потому надо быть особенно осторожнымъ. Вы, Нина Федоровна, на краю пропасти. Еще день-два, и Арташевскій столкнулъ бы васъ туда. Но—Богу было угодно остановить его руку. Арташевскій сейчасъ безъ языка и почти безъ сознанія. Онъ для васъ пока не страшенъ. Но изъ этой записки я вижу, что есть другіе, которые освѣдомлены въ этомъ дѣлѣ. Ихъ-то вотъ и надо бояться.

— Но, можетъ быть, это друзья?—тихо проговорила Нина.

А Трейманъ продолжалъ:

— Врядъ-ли? Я думаю скорѣе, что эта записка носитъ провокаціонный характеръ. Писавшіе ее еще не увѣрены окончательно въ вашемъ участіи. Но они знаютъ, что вами интересуется Арташевскій. А этотъ человѣкъ зря никогда еще никѣмъ не интересовался. И вотъ этой записочкой они рѣшили васъ терроризовать. Если бы, получивъ ее, вы рѣшились на побѣгъ, они немедленно наложили бы на васъ свою руку. Почему, Нина Федоровна, я и сказалъ вамъ, что не могу исполнить ни одного изъ вашихъ распоряженій относительно перевода денегъ. Дать вамъ возможность сейчасъ бѣжать, да еще съ переводомъ такихъ крупныхъ суммъ, это, непремѣнно, толкнуть васъ въ ту пропасть, которую подготавливалъ вамъ Арташевскій.

— Нина Федоровна!—послѣ небольшой паузы и вздохнувъ, заговорилъ опять Трейманъ, видя, что Нина, совершенно подавленная его словами, глубоко задумалась.—Нина Федоровна!—повторилъ онъ, придавая своему голосу возможно ласковое выраженіе.—Еще не такъ давно вы удостоили меня званіемъ «преданнаго друга». Позвольте же мнѣ вамъ теперь на дѣлѣ доказать и свою преданность, и любовь. Въ надеждѣ, что, можетъ быть, вы, убѣдившись въ нихъ, оцѣните меня вѣрнѣе. Ваше положеніе, Нина Федоровна, сейчасъ—ужасно. Я бы назвалъ его—безвыход-

нымъ, если бы возлѣ васъ не стоялъ на стражѣ такой вѣрный человѣкъ, какъ Андрей фонъ-Трейманъ.

И Андрей Андреевичъ, для вящшей убѣдительности, стукнулъ себя два раза кулакомъ въ грудь, сначала слабо, потомъ сейчасъ же посильнѣе.

Нина закрыла лицо руками и зарыдала. Она сейчасъ только увидала всю трагическую безвыходность своего положенія. Этотъ костлявый и бѣлесоватый человѣкъ, объясняющійся ей въ любви и преданности, казался ей гораздо страшнѣе прославленнаго своей жестокостью Арташевскаго.

И что ужаснѣе всего, это то, что она уже ясно сознавала всю неотразимость этого ласково подползшаго къ ней холоднаго гада. Какое-то просвѣтленіе на мгновеніе осѣнило ее, и она поняла, что изъ самой глубокой и бурной рѣки—можно еще выплыть, но изъ болота—никогда.

«Отдамъ все ему, все! До послѣдней копѣйки! Только бы выпустилъ на свободу!»—шептала Нина про себя, рыдая и ломая свои длинные пальцы.

— Успокойтесь, Нина Федоровна! Не волнуйтесь и, главное, не отчаявайтесь!—ласково говорилъ Трейманъ.—Пока я возлѣ васъ—ничего еще не пропало!

Вдругъ Нина мучительно ахнула. Рѣзкая боль въ поясницѣ пронизала ее. Она быстро поднялась съ мѣста и успѣла сказать только испуганному Трейману:

— Доктора,—какъ боль снова повторилась, и Нина, опять глухо застонавъ, впилась зубами себѣ въ руку.

«Отравилась»,—мелькнуло въ головѣ Андрея Андреевича и онъ, поблѣднѣвъ, бросился къ телефону.

Нина крикнула ему вслѣдъ номеръ аппарата своего доктора.

Черезъ полчаса докторъ былъ возлѣ больной.

На этотъ разъ обошлось все благополучно, но докторъ предупредилъ Нину, что при малѣйшей неосторожности ей грозитъ выкидышъ.

Докторъ говорилъ слишкомъ громко, а Андрей Андреевичъ былъ въ сосѣдней комнатѣ, близко отъ двери и ему открылась еще одна тайна, тайна беременности Нины.

XIII.

Ершинкинъ сдѣлался прямо-таки необходимымъ человѣкомъ для Треймана. Въ этомъ плюгавомъ существѣ, съ потными руками и безпокойно бѣгающими глазками за темными стеклами пенснэ, было очень много того, чего не хватало Трейману: большой дѣловой изворотливости, прозорливости и талантливой дально-

видности. Однимъ словомъ, онъ былъ талантливъ, а Трейманъ—бездаренъ. Но Трейманъ былъ «въ случаѣ» и этотъ «случай» послалъ ему и Ершинкина. И они теперь вдвоемъ обмозговывали дѣло.

Они поворачивали его и такъ, и этакъ, прикидывали къ нему всякія положенія, даже торговались съ какимъ-то незримымъ фатумомъ, запрашивали съ него больше и дѣлали уступки.

Ершинкинъ предусмотрѣлъ все; Трейманъ—все санкціонировалъ. И, въ концѣ концовъ, рѣшительный планъ былъ выработанъ и на Нину Федоровну Кобецкую была накинута мертвая петля.

— Вамъ нѣтъ другого исхода,—твердо сказалъ ей Трейманъ.

И Нина, совсѣмъ разбитая, загнанная въ тупикъ, безпомощно опустила голову.

— Вѣдь, для васъ дороже всего—свобода и жизнь вашего будущаго ребенка,—чеканилъ слово за словомъ Трейманъ.—Спасти ваше состояніе можно только передавъ его въ руки мужа; спасти вашу свободу—могу только я. Спасти жизнь вашего ребенка—можно только давъ вамъ свободу. И при томъ каждая минута промедленія грозитъ вамъ смертельной опасностью. О, вы не думайте, что ваше состояніе все перейдетъ вашему мужу; нѣтъ! Къ нему уже протянулись нѣжныя ручки вашей тетушки, ея превосходительства Ольги Александровны. И только цѣной этого состоянія она согласится дать вамъ свободу. Ваше приданое она приметъ изъ рукъ въ руки отъ вашего будущаго мужа. И иначе, она, вѣдь, можетъ получить его и путемъ наслѣдства послѣ васъ... Конечно, можно съ ней поторговаться, и она нѣкоторую часть оставитъ вашему мужу, т. е., другими словами, вамъ,—такъ какъ я увѣренъ, что вашъ будущій мужъ отдастъ вамъ все, что ему только удастся отвоевать...

— Кого же вы мнѣ прочите въ мужья?—болѣе, чѣмъ когда-либо сиплымъ голосомъ, спросила Нина.

Трейманъ опустилъ глаза и молчалъ.

— Что же вы конфузитесь? Говорите ужъ прямо. Вы хотите жениться на мнѣ?

— Я люблю васъ, Нина Федоровна,—тихо проговорилъ Андрей Андреевичъ.

Горькая улыбка скользнула по губамъ Нины.

— Жаль,—сказала она,—жаль, что любите. Если бы вы меня не любили, я бы скорѣе согласилась... сдѣлаться вашей женой. Выйти замужъ за Треймана, дѣлающаго ловкую операцію и любящаго только мое приданое, и этой цѣной купить себѣ свободу—я бы согласилась; но сдѣлаться женой безкорыстно любящаго меня Треймана—никогда.

Андрей Андреевичъ широко раскрылъ глаза.

— Т. е. какъ?.. Т. е. почему?..—забормоталъ онъ.

А Нина продолжала улыбаться, но теперь уже съ нескрываемой ироніей и съ выраженіемъ презрѣнія.

— Да потому, милѣйшій Андрей Андреевичъ, что безъ любви ко мнѣ вы удовольствовались бы одними деньгами, а меня бы отпустили на свободу; ну, а любя меня такъ сильно и такъ безкорыстно, вы, конечно, потребуете и моей любви къ вамъ. Ну, а на это я... не могу... не пойду... Любить васъ я не въ силахъ... Любить васъ... да для меня... тюрьма легче... смерть легче...

Трейманъ понялъ, что онъ попалъ впросакъ. Скулы его обтянулись, кожа на нихъ залоснилась, маленькіе, сѣрые его глаза—обозлились. И послѣ нѣкоторой паузы, онъ рѣшительно проговорилъ:

— Я не потребую вашей любви, Нина Федоровна.

Нина почти весело разсмѣялась.

— Довольствуетесь одними милліонами? Вотъ это хорошо! Вотъ это—умно! И во всякомъ случаѣ—откровенно. Сразу бы надо такъ! А то—«люблю»! «Безкорыстный другъ»!..—почти истерически выкрикивала она.—Ну, такъ чортъ съ вами! Берети мои деньги! Берите всѣ, до послѣдней копѣйки! Берите—и спасайте меня! Отправьте будущую madame Трейманъ заграницу и забудьте объ ней навѣки!.. Но теперь я вамъ скажу!.. Поторопитесь! А не то я могу раздумать и вмѣсто того, чтобы пойти съ вами подъ вѣнецъ, я могу... предпочесть другой исходъ...

— Какой другой исходъ?—вызывающе спросилъ Трейманъ.

— Какой? А вотъ... видите вы эту маленькую игрушку?— и Нина, выдвинувъ ящикъ письменнаго стола, достала оттуда очень хорошенькій, никкелированный браунингъ съ перламутровой ручкой,—видите?—говорила Нина, вертя револьверъ въ рукахъ.—Ну, такъ я могу...

Нина сдѣлала паузу.

Трейманъ страшно поблѣднѣлъ.

— Ну, такъ я могу... пустить себѣ пулю въ високъ... Поняли? Такъ торопитесь же! Торопитесь!..

Ершинкинъ ждалъ Треймана внизу, въ ресторанѣ гостинницы. И когда онъ увидалъ передъ собой блѣдное и разстроенное лицо своего патрона, то испуганно вскочилъ съ мѣста.

— Надо торопиться,—сказалъ ему Андрей Андреевичъ,— а то она совсѣмъ сумасшедшая...

Черезъ полтора часа Андрей Андреевичъ уже былъ въ Царскомъ Селѣ и на извозчикѣ подъѣзжалъ къ большой дачѣ Петра Ивановича Ахматова.

Ольга Александровна приняла его въ круглой бесѣдкѣ, гдѣ въ хорошіе дни она любила заниматься дѣлами.

— Ну?—коротко спросила его Ольга Александровна.

Трейманъ, несмотря на то, что всю дорогу отъ Петербурга до Царскаго готовился къ этому объясненію, не зналъ теперь, какъ къ нему приступить.

— Ну?—повторила Ольга Александровна.

— Ольга Александровна!—заговорилъ Трейманъ.—Я боюсь начать... Я боюсь, что вы на меня разсердитесь, я боюсь, что...—мялся онъ подъ проницательнымъ взглядомъ генеральши.

— Ахъ, пожалуйста, безъ предисловій! Говорите прямо: въ чемъ дѣло?—сердито крикнула на него генеральша.

— Я долженъ жениться на Нинѣ Федоровнѣ Кобецкой,—выпалилъ единымъ духомъ Трейманъ и даже привсталъ со стула, на который онъ только что успѣлъ усѣсться.

— Это еще что за новости?—протянула, дѣйствительно, ошеломленная Ольга Александровна.

— Да! Это единственное средство, чтобы спасти... ее... спасти ея состояніе и спасти честь вашего имени, — тихо, но съ достоинствомъ проговорилъ Трейманъ.

— Честь нашего имени? Причемъ тутъ наше имя?—уже растерянно переспрашивала Ольга Александровна.

— Она ваша родная племянница и принята у васъ въ домѣ, какъ родственница...

— Ну, такъ что-жъ изъ того? Ахъ, да не мямлите вы, ради Бога! Бросьте эту пошлую манеру говорить фразами!—сердясь и отъ гнѣва краснѣя, закричала Ольга Александровна.

И только тутъ Трейманъ вполнѣ овладѣлъ собой и не торопясь, обстоятельно сталъ посвящать свою покровительницу въ сущность дѣла. О, это объясненіе у него было уже разработано хорошо и детально. Далеко не все, а съ большимъ подборомъ разсказывалъ онъ Ольгѣ Александровнѣ о томъ, какъ «бѣдная Нина Федоровна, благодаря слѣпой довѣренности къ своему негодяю управляющему», попала въ скверную исторію, которая грозитъ ей если не ссылкой и каторгой, то, во всякомъ случаѣ, временнымъ арестомъ и слѣдствіемъ и, навѣрное, скандальнымъ процессомъ. И вотъ, на счастье, ему, Трейману, удалось узнать объ этомъ и онъ имѣетъ возможность замять это дѣло. Объ остальномъ Трейманъ рѣшилъ, по совѣту Ершинкина, до поры, до времени умолчать—потомъ пригодится,—чтобы не напугать этимъ Петра Ивановича Ахматова и не заставить его сразу встать на законную точку и этимъ не испортить все дѣло.

Что Ахматовъ самъ можетъ раскрыть это, они не боялись, такъ какъ всякое освѣдомленіе производилось Петромъ Ивано-

вичемъ черезъ того же Ершинкина и только одинъ Арташевскій могъ бы открыть глаза Петру Ивановичу, но Арташевскій былъ теперь безопасенъ.

Затѣмъ, Трейманъ сообщилъ, что Нина Федоровна увлеклась заграницей «какимъ-то авантюристомъ» и теперь, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, должна стать матерью; что ни на какое искусственное удаленіе ребенка она не согласна и ждетъ его съ твердымъ рѣшеніемъ исполнить святой долгъ матери.

— Ахъ, мерзавка!—замѣтила на этомъ мѣстѣ Ольга Александровна.

Ну, и что, конечно, родная племянница Ахматовыхъ, съ незаконнымъ младенцемъ на рукахъ—явленіе какъ для Ольги Александровны, такъ и для Петра Ивановича крайне нежелательное. И что вотъ онъ, Андрей Андреевичъ Трейманъ, изъ чувства безграничнаго благоговѣнія и преданности къ пріютившей его семьѣ, готовъ принять на свою грудь,—Трейманъ слегка стукнулъ по груди пальцами—всѣ могущія послѣдовать непріятности и покрыть своимъ именемъ надвигающійся скандалъ.

Ольга Александровна, уже, какъ раненая тигрица, металась по бесѣдкѣ. Сидя, она не умѣла обдумывать важныя дѣла. Трейманъ почтительно стоялъ у одного изъ оконъ. Вдругъ Ольга Александровна остановилась передъ нимъ и, приблизивъ свое лицо къ его лицу, внушительно проговорила:

— Всего состоянія мы вамъ не отдадимъ.

— О, Ольга Александровна!—скромно потупляя глаза, заговорилъ Трейманъ.—Я не смѣю претендовать на это и былъ бы согласенъ хотя бы на...

— Половину,—договорила за него Ольга Александровна.

— Половину,—подтвердилъ Трейманъ.

Свадьба Андрея Андреевича Треймана съ Ниной Федоровной была сыграна гдѣ-то не то въ Боровичахъ, не то въ Тихвинѣ. На свадьбѣ, кромѣ нужныхъ свидѣтелей, набранныхъ изъ мелкихъ чиновниковъ—Ершинкинъ былъ въ числѣ ихъ,—присутствовала только Ольга Александровна.

Странная это была свадьба. Скорѣе какое-то отпѣваніе. Всѣ молчали, довольствуясь только самыми необходимыми вопросами и замѣчаніями. Ольга Александровна тоже не промолвила ни слова со своей племянницей, и только уже по окнчаніи вѣнчанія, подойдя къ Нинѣ, она, вмѣсто обычнаго поздравленія, тихо проговорила:

— Вотъ, Нина, до чего ты себя довела!

И хотѣла было ее при этомъ поцѣловать, но Нина уклонилась отъ этого объятія.

Треймана Ольга Александровна поздравила отъ души.

— Ну, дорогой племянникъ! Поздравляю васъ. Вы теперь на хорошей дорогѣ.

И, когда Трейманъ склонился надъ протянутой ему рукой, она, почти по родственному, поцѣловала его въ макушку.

Андрей Андреевичъ былъ очень несчастливъ: развѣ такъ мечталъ онъ справить свою свадьбу, этотъ важнѣйшій шагъ въ жизни человѣка. И только одно утѣшало его, что онъ, навѣрное, женится еще разъ и тогда уже настоящимъ образомъ.

«Mit Trompeten und Fanfaren».

Послѣ свадьбы «разыграли» состояніе, принадлежавшее когда-то откупщику Лаптеву.

Трейманъ и Ольга Александровна подѣлили его по родственному. Нинѣ Федоровнѣ великодушно дали пять тысячъ на дорогу и обѣщали въ будущемъ всякую поддержку. Но зато у нея теперь былъ въ карманѣ заграничный паспортъ и билетъ прямого сообщенія отъ Петербурга до Вѣны.

И когда ее провожали—мужъ, тетушка и двое-трое какихъ-то безразличныхъ знакомыхъ—и когда поѣздъ тронулся и она выглянула въ окно, лицо ея впервые за послѣдніе дни испытанія озарилось, дѣйствительно, радостной, счастливой улыбкой.

Въ Вѣнѣ она остановлиась въ отелѣ Захеръ. И тутъ ее ждалъ сюрпризъ.

Дня черезъ три по пріѣздѣ, ей подали довольно объемистый пакетъ съ адресомъ, писаннымъ рукой Треймана. (Она уже успѣла познакомиться съ почеркомъ своего мужа).

Андрей Андреевичъ обстоятельно и откровенно писалъ ей, что, въ виду того, что Нина Федоровна его не любитъ и этимъ, конечно, охладила и его любовь къ ней, онъ не то что предлагаетъ, а почти требуетъ—развода, хотя уже по одному тому, что онъ вовсе не желаетъ давать имя чужому ребенку, рожденному нелюбящей его женщиной. Да, кромѣ того, и политическія ихъ убѣжденія настолько различны, что ему, человѣку съ хорошимъ, можно сказать, даже виднымъ теперь положеніемъ, неудобно быть мужемъ женщины, стоявшей въ рядахъ враговъ того правительства, которому онъ, Андрей Андреевичъ служилъ, служитъ и будетъ служить вѣрой и правдой.

Что съ этимъ вполнѣ согласна и досточтимая ея тетушка Ольга Александорвна, которой онъ счелъ своимъ нравственнымъ долгомъ открыть всю правду на другой же день по отбытіи Нины Федоровны заграницу. Что тетушка ея такъ возмущена этимъ открытіемъ, что разъ навсегда запрещаетъ Нинѣ Федоровнѣ считать ее своей родственницей и проситъ совершенно забыть о тѣхъ узахъ крови, которые соединяли ихъ.

Дядюшка же ея, Петръ Ивановичъ, категорически заявилъ, что онъ приказывалъ ей забыть и то, что она русская, и никогда болѣе не переступать границы «нашей дорогой родины».

«Однимъ словомъ»,—заканчивалось письмо,—«вамъ нѣтъ другого исхода и остается только подписать всѣ бумаги, которыя не замедлитъ предъявить ей въ Вѣнѣ довѣренное лицо». Въ награду за добровольное согласіе Нинѣ Федоровнѣ предлагается полное забвеніе какъ лично ее, такъ и всѣхъ ея проступковъ и преступленій. Кромѣ того, по особой добротѣ сердца Андрея Андреевича Треймана тѣмъ же довѣреннымъ лицомъ ей будетъ выдана нѣкоторая сумма денегъ.

Все письмо было составлено необычайно ловко. И если бы Нинѣ,—какъ полагалъ Трейманъ,—вздумалось шантажировать его этимъ письмомъ, то всякое слово этого посланія можно было бы истолковать и въ ту, и въ другую сторону. Какъ ни перевертывай, а Андрей Андреевичъ обрисовывался въ немъ человѣкомъ и добрымъ, и честнымъ, а главное—безупречнымъ патріотомъ и хранителемъ устоевъ.

Прочитавъ это письмо, Нина Федоровна сначала улыбнулась, потомъ тихо заплакала и повторила слова, сказанныя Ольгой Александровной на ея свадьбѣ:

— Вотъ, Нина, до чего ты себя довела!

На другой же день къ ней въ гостинницу явился какой-то славянскій человѣкъ, Богуміръ Богуміровичъ Кривопрыжекъ, и предъявилъ ей документы.

Нина подписала все.

— А слѣдуемый вамъ гонорарій за добровольное согласіе въ размѣрѣ пяти тысячъ гульденовъ, вы, госпожа, получите по окончаніи бракоразводнаго процесса въ Константинополѣ, гдѣ процессъ будетъ вестись съ благословенія вселенскаго патріарха. Проѣздные до Константинополя и суточныя—по пяти гульденовъ—вы будете имѣть получать отъ меня, такъ какъ я послѣдую съ вами въ градъ царя Константина,—досконально заявилъ ей Богуміръ Богуміровичъ Кривопрыжекъ.

Въ тотъ же день Нина получила извѣстіе, что еще недѣлю тому назадъ Лагутинъ выѣхалъ въ Россію, перейдя границу въ Подволочискѣ.

— Безумный!—подумала Нина.—Онъ идетъ на вѣрную смерть!

XIV.

Пароходъ «Бониваръ» отошелъ изъ Женевы вечернимъ рейсомъ. Дулъ сильный вѣтеръ. Желтые листья, срываемые вѣтромъ съ деревьевъ парка, «Des Eaux Vives» устилали набережную и, перелетая ее, падали на разыгравшіяся волны.

Когда пароходъ вышелъ изъ залива въ озеро, его стало замѣтно покачивать. Барки съ красивыми косыми парусами рылись въ бѣлой пѣнѣ волнъ. Лебеди держались берега. Было холодно. По небу неслись разорванныя въ клочья пухлыя, осеннія тучки.

На верхней палубѣ, кутаясь въ сѣрый, непромокаемый плащъ, сидѣла высокая худощавая женщина. Прядь бѣлокурыхъ волосъ выбивалась изъ-подъ капюшона и безпомощно трепалась надъ ея высокимъ и узкимъ бѣлымъ лбомъ. Губы у женщины были плотно сжаты, глаза съ напряженной мыслью смотрѣли куда-то впередъ.

Когда пароходъ, миновалъ Nyon, сталъ переваливать къ другому берегу, вѣтеръ, а вмѣстѣ съ нимъ и качка, усилились. Смеркалось. За стеклянными окнами рубки засвѣтились электрическія лампочки.

Высокой женщинѣ стало холодно, и она, поднявшись съ мѣста и придерживая рукой распахиваемыя вѣтромъ полы плаща, направилась къ двери стеклянной рубки. Дверь, когда она ее открывала, сильно рвануло, такъ что женщина не безъ труда затворила ее за собой. Въ рубкѣ было всего три человѣка: два какихъ-то англичанина, меланхолически попивавшихъ «сода-виски», и еще кто-то, сидѣвшій въ углу, съ нахлобученной на самыя брови мягкой шляпой и съ приподнятымъ воротникомъ осенняго пальто.

Женщина разсѣянно скользнула по этой фигурѣ глазами и, опустившись вблизи нея на диванъ, стала задумчиво смотрѣть въ окно.

Вдругъ она почувствовала чей-то пристальный-пристальный взглядъ на себѣ. Она обернулась и увидѣла два большихъ на выкатѣ сѣрыхъ глаза, глядѣвшихъ на нее и несомнѣнно улыбавшихся.

— Здравствуйте, Нина Федоровна!—раздался знакомый голосъ и изъ-подъ слегка раздвинутаго воротника пальто выглянуло изможденное, сѣрое, тоже несомнѣнно знакомое ей лицо.

Нина вздрогнула и отшатнулась, какъ отъ привидѣнія. Потомъ она овладѣла собой и тихо воскликнула:

— Арташевскій?!

— Да, это я,—отвѣтилъ Арташевскій, какъ-то глухо, словно голосъ у него исходилъ не изъ горла, а изъ груди.

Нина съ минуту поколебалась, потомъ сама пододвинулась къ Арташевскому и протянула руку.

Худые, длинные пальцы слабо отвѣтили на ея пожатіе.

— Вы? Здѣсь? Какими судьбами? Простите, я забыла имя и отчество, т. е. я сейчасъ вспомню... какая встрѣча! Что вы здѣсь дѣлаете?—сбивчиво говорила Нина.

— Умираю,—глухо и просто отвѣтилъ Арташевскій.

Нина поняла, что это не шутка. Страшная худоба и зеленовато-сѣрый цвѣтъ лица Арташевскаго говорили тоже самое.

— Куда вы теперь ѣдете? Давно-ли вы изъ Россіи?—спрашивала Нина.

— Да ужъ около двухъ мѣсяцевъ.

— Почти столько же, сколько и я... Съ вами былъ ударъ?

Арташевскій усмѣхнулся.

— Не знаю, что со мной было,—еле слышно заговорилъ онъ,—знаю только, что всѣ мои поставщики сразу представили свои счета... Сначала нервы, потомъ сердце... потомъ горло и вся прочая гадость... И я оказался вполнѣ несостоятельнымъ. Теперь вотъ ѣду въ Лозанну. Тамъ какой-то профессоръ долженъ выжигать мнѣ горло... Однимъ словомъ, полный крахъ и ликвидація уже не за горами. Но не будемъ больше говорить о моемъ нездоровьѣ. Оно уже теперь само за себя говоритъ. Разскажите мнѣ о себѣ. Какъ вы вывернулись? Что дѣлаете? Что намѣрены дѣлать?

На этомъ мѣстѣ Арташевскій оборвался и глухо не то что закашлялся, а словно залаялъ, закрывшись рукою.

— Разскажите мнѣ про себя,—продолжалъ онъ, поборовъ пароксизмъ.—Да не бойтесь меня. Я теперь вполнѣ безопасенъ, какъ покойный римскій папа, про котораго говорили: non Pius, non Klementi, ma Leo sina denti. Хотя я и не левъ, но во всякомъ случаѣ изъ пароды хищныхъ... былъ... былъ... А теперь, такъ, беззубый... съ вырванными когтями...

Кашель опять оборвалъ рѣчь Арташевскаго.

— Вотъ видите-ли, я никогда не былъ особенно многоглаголивъ,—продолжалъ онъ, передохнувъ и обтирая платкомъ губы.—Но съ тѣхъ поръ, какъ мнѣ запретили говорить... врачи запретили, а не начальство... мнѣ неудержимо хочется болтать, болтать и болтать...

— Но вамъ вредно,—сказала Нина.

— Вредно? Да, вредно, очень вредно! Мнѣ теперь все вредно: говорить—вредно; пить—вредно; курить вредно. Мнѣ даже вредно жить... Ужасно это слово «вредно». Я прежде никогда не про-

износилъ его, а теперь, при каждомъ моемъ движенiи, меня хватаютъ за руку и говорятъ: «вамъ это вредно». Тогда я начинаю болтать ногой и чувствую, что мнѣ легче. У меня вырываютъ изо рта папиросу... ха! Я на зло закуриваю сигару!.. Мнѣ не даютъ крѣпкаго чая, я пью коньякъ... Мнѣ не позволяютъ любить, я ищу продажныхъ женщинъ... Одного они мнѣ не запрещаютъ, это думать, думать и думать... Страшно, мучительно и отвратительно думать... А эту бы способность я и отдалъ охотнѣе всего. Я не хочу думать! Я требую, чтобъ мнѣ запретили... А они, дураки, разводятъ руками и говорятъ: «но какъ это сдѣлать?» И отнимаютъ у меня послѣднiе проблески жизни... Ну, такъ я ихъ не слушаю... Я дѣлаю, что хочу... Они мнѣ сказали, что мнѣ вредно ѣхать въ Лозанну на пароходѣ; что здѣсь холодно и сыро, что лучше въ вагонѣ, а я на зло сѣлъ на пароходъ, въ курительную рубку, сейчасъ закурю сигару, буду пить виски, но безъ соды, какъ эти англичане, а чистую, гольемъ, по-русски...

Нинѣ стало почти страшно. Это былъ какой-то бредъ сумасшедшаго. Глаза Арташевскаго разгорѣлись, нервный тикъ то и дѣло дергалъ его щеку, а руки, когда онъ вынималъ изъ бокового кармана сигару, сильно тряслись.

Въ это время въ рубку вошелъ кельнеръ и поставилъ передъ Арташевскимъ бутылку виски, соду, стаканъ и рюмку.

— Воду это я спросилъ изъ приличiя. Здѣсь не принято пить безъ воды. Но я пить ее не буду. Я буду пить—гольемъ,— бормоталъ Арташевскiй, трясущейся рукой наливая себѣ рюмку виски.

— Что вы дѣлаете? Что вы дѣлаете?—ужаснулась Нина.

И тутъ вспомнила, что Арташевскаго зовутъ Антонъ Степановичъ.

— Что вы дѣлаете, Антонъ Степановичъ?—добавила она.

— Бунтую, Нина Федоровна! Бунтую! Я! Который всю жизнь подавлялъ всякiе бунты, теперь самъ взбунтовался и буду бунтовать до послѣдняго вздоха и, когда ко мнѣ придетъ смерть, я ухвачу ее двумя пальцами за носъ и... Ахъ, чортъ возьми! Я забылъ, что у смерти нѣтъ носа! Что у ней на этомъ мѣстѣ пустая дыра!.. Ну, все равно! Я сдѣлаю съ ней какую-нибудь другую гадость! Я плюну ей въ оскаленные зубы! Я сдѣлаю хуже! Я спрошу у нея—паспортъ... и за безписьменность посажу подъ арестъ... Отвратительное пойло!—сказалъ онъ, отхлебнувъ изъ рюмки и отставляя ее въ сторону и принимаясь кашлять.—Гарсонъ,—прохрипѣлъ онъ, обращаясь къ вошедшему опять въ рубку официанту,—уберите виски и дайте мнѣ лучше коньякъ Хорошiй коньякъ!

— Зачѣмъ вы это дѣлаете?—спросила Нина.

— Какъ? — удивился Арташевскій. — И вы хотите заботиться о моемъ здоровьѣ? Это курьезно! Зачѣмъ вамъ оно? Затѣмъ, чтобъ я снова вернулся на мой постъ и посадилъ васъ подъ арестъ? Непослѣдовательно, Нина Федоровна, непослѣдовательно... Да и безполезно. Игра сыграна и къ расчету стройся!... Я, вѣдь, прежде въ кавалеріи служилъ... Да, въ кавалеріи... А потомъ кончилъ юридическую академію и сдѣлался... Арташевскимъ. А теперь я опять кавалеристъ, опять лихой гусаръ и въ воспоминаніе прежнихъ дней... Нѣтъ, Нина Федоровна, вы меня не останавливайте! Вы лучше сами со мной выпейте! Сами! Кстати, вотъ онъ и двѣ рюмки принесъ. Да и англичане ушли. И мы теперь вдвоемъ. Да, да, выпейте-ка! Я, вѣдь, знаю, что вы всегда были не прочь... Хорошая вы женщина! И жаль, что мы съ вами такъ поздно встрѣтились... Выпейте-ка, Нина Федоровна, выпейте! Выпейте, да разскажите мнѣ о себѣ что-нибудь! А я усталъ говорить... усталъ... А вотъ, выпью рюмки три-четыре коньяку, прижгу горло и опять заговорю... какъ слѣдуетъ...

Нина взяла рюмку и выпила ее почти залпомъ.

— Великолѣпно! — воскликнулъ Арташевскій. — Великолѣпно! Давайте бунтовать вмѣстѣ! Ну! А теперь—говорите! Я хоть и многое знаю, но, можетъ быть, кое-что и упустилъ. Говорите! Я любопытенъ. Я, какъ баба, любопытенъ!

Нина стала разсказывать. Арташевскій слушалъ, улыбался, щека еог подергивалась нервнымъ тикомъ, и не хмелѣя, пилъ онъ рюмку за рюмкой коньякъ.

— Такъ, такъ!—поддакивалъ онъ Нинѣ.—Великое торжество пошлости. Великое! И Трейманъ — верховный жрецъ ея. Онъ дуракъ, онъ думаетъ, что онъ тамъ что-то такое самъ дѣлалъ, «самъ, самъ, самъ» твердилъ онъ, какъ попугай!.. Болванъ! За нимъ даже не числится никакой служебной дѣятельности! А идетъ онъ въ гору и поднимется, можетъ быть, на самую вершину ея, потому что его подхватила волна пошлости и на своемъ гребнѣ выноситъ его, какъ своего близкаго, какъ родного. Трейманъ дуракъ, но ему и нельзя быть умнымъ. Поумнѣй онъ хоть на вершокъ, онъ сейчасъ же сорвется. Понимаете, какъ въ циркѣ? Прояви какой-нибудь акробатъ талантъ, иниціативу, творчество, онъ сейчасъ же полетитъ внизъ головой! Тамъ все разсчитано на автоматизмъ. Арена — $17^1/_2$ аршинъ въ діаметрѣ... немного больше или, тамъ, немного меньше, наѣздникъ вылетитъ за барьеръ. Тутъ все разсчитано на пошлость и глупость. Немного меньше пошлости, немного больше ума и — человѣкъ за бортомъ. Трейманъ — пошлякъ и дуракъ какъ разъ въ самую мѣру — $17^1/_2$ аршинъ въ діаметрѣ. И онъ дѣлаетъ карьеру... нѣтъ, карьера дѣлаетъ его, быстро, неизмѣнно... вопреки здравому смыслу, вопреки всякой логикѣ.

Это ужасно! Не стоитъ быть умнымъ! Понимаете, не стоитъ!... Хуже того, вредно быть умнымъ! Опасно быть умнымъ!.. Пошлость сдавитъ вамъ горло и вышвырнетъ за бортъ! Нельзя быть больше талантливымъ. Надо быть бездарнымъ! Нагло бездарнымъ! И пошлый будетъ вамъ рукоплескать и вознесетъ на вершину. Никто не знаетъ, что они дѣлаютъ и бродятъ, какъ слѣпые щенки. Трейманъ думаетъ, что онъ мститъ Тропинину за то, что тотъ его обозвалъ болваномъ. Какой вздоръ! Тропинина губитъ гнуснѣйшій репортеръ Іона Колдобинъ, человѣкъ облагодѣтельствованный имъ. Колдобинъ ходитъ и похваляется своей дружбой съ Тропининымъ и этимъ возбуждаетъ недовѣріе къ тому. Ничего не нужно настоящаго. Все нужно сочинить, какъ въ романахъ Конанъ-Дойля, тогда это будетъ правдоподобно. А, главное, чтобъ все это было пошло и глупо! Тогда это будетъ — желательно... Что это? Мы, кажется, стоимъ у пристани? — оборвалъ онъ.

— Да, это, вѣроятно, Эвіанъ, — отвѣтила Нина.

И какъ разъ въ это время пароходъ двинулся опять впередъ.

Вѣтеръ все усиливался и теперь уже ревѣлъ въ снастяхъ парохода, переваливавшагося съ боку на бокъ и скрипѣвшаго своимъ туловищемъ. Темная ночь смотрѣла въ окна рубки. Дождь хлесталъ по стекламъ и по крышѣ.

Арташевскій, оживившійся, сдвинувшій шляпу на затылокъ и распахнувшій пальто, смотрѣлъ на Нину горящими глазами.

— Я всю жизнь любилъ женщинъ, — говорилъ онъ, — весь мой міръ былъ въ нихъ, для нихъ я жилъ, для нихъ работалъ, для нихъ изощрялъ мой умъ. Но ни разу я не встрѣтилъ ни одной женщины, которая приковала бы меня къ себѣ надолго. Мой любимый писатель Мопасанъ. Мой любимый городъ — Парижъ. Милый, славный, проклятый Парижъ! Онъ высосалъ изъ меня послѣднюю каплю крови! Онъ высосалъ всю жизнь и оставилъ только одинъ несчастный, воспаленный мозгъ, который теперь мучаетъ меня! О, счастливецъ Трейманъ! У него нѣтъ совсѣмъ мозга. Какъ ему легко жить! Какъ ему легко жить! Какъ легко будетъ ему умирать! А мнѣ?... Если бы я могъ быть религіознымъ. Но нѣтъ, я не трусъ! Вы смотрите на меня съ удивленіемъ? Ну, да, да! Не всѣ религіозные люди — трусы, но всѣ трусы непремѣнно религіозны. Религіозныхъ гораздо болѣе, чѣмъ это думаютъ, потому что трусовъ такъ много на свѣтѣ... Я не боюсь смерти. Я просто не хочу умирать, не хочу! Не хочу!.. Пейте же коньякъ, Нина Федоровна! Онъ грѣетъ! Онъ прижигаетъ горло!..

— Вы спрашиваете, почему я не хочу умирать? — (Нина ничего не спрашивала) — а потому что я только что постигъ жизнь! — продолжалъ Арташевскій, выпивая рюмку коньяку. — Я вырвался на свободу и сталъ философомъ. Понимаете? Философія

и религія—вотъ два убѣжища для человѣка. Религіи у меня нѣтъ. Но къ философіи я могу открыть двери. И я бы открылъ, непремѣнно бы открылъ, если бы не зналъ, что мнѣ завтра же нужно умирать... А, можетъ быть, послѣ завтра... вообще, скоро, скоро...

Пароходъ сильно качнуло. Нина обѣими руками схватилась за столъ. Бутылка упала и изъ нея полился коньякъ.

Арташевскій поднялъ ее, поставилъ на мѣсто и задумался.

И вдругъ тихо проговорилъ:

— Я умру въ Парижѣ... Я туда поѣду умирать... Безъ смерти жизнь была бы ужасна... и безобразна... «Красота проходитъ и только преходящее красиво», — сказалъ Гете... Пріѣзжайте въ Парижъ смотрѣть на мою смерть... Кстати, куда вы ѣдете?

— Въ Веве, — отвѣтила Нина.

— А я думалъ въ Лозанну. Надѣялся повидать васъ еще разъ...

— Я буду въ Лозаннѣ черезъ два дня.

— Да? Загляните ко мнѣ. Я остановлюсь...

И Арташевскій назвалъ одинъ изъ лучшихъ отелей.

— Загляните. Можетъ быть, я не успѣю доѣхать до Парижа; умру раньше... Ахъ, да, — вдругъ вспомнилъ онъ. — Вѣдь вы готовились быть матерью?

— У меня былъ fausse couche въ Константинополѣ, — тихо отвѣтила Нина.

Арташевскій посмотрѣлъ на нее и какъ-то странно махнулъ рукой, какъ бы говоря: «что дѣлать?!».

— Зачѣмъ вы ѣдете въ Веве? — все болѣе и болѣе падающимъ голосомъ продолжалъ онъ. — Вѣдь, Лагутинъ теперь въ Россіи.

— Я это знаю, — сказала Нина.

— Чтожъ, пусть они теперь тамъ пошалятъ безъ меня. Все равно, вѣдь, конецъ-то одинъ будетъ...

Нина вопросительно взглянула на Арташевскаго. А тотъ, обведя пальцами шею и затѣмъ вскинувъ руку кверху, сердито разсмѣялся.

Нина вздрогнула, но промолчала.

— Вы имѣете объ нихъ какія-нибудь свѣдѣнія? — спросила она послѣ небольшой паузы.

— Почти нѣтъ. Я, вѣдь, теперь человѣкъ з бортомъ и меня всѣ забыли. Могу только сказать, что они всѣ еще на свободѣ и живы. Въ Россіи, вѣдь, теперь — «весна»! И полоса «довѣрія»... Надолго-ли только? Вашъ дядюшка, Петръ Ивановичъ, притаился и ждетъ своей полосы, своей линіи... И дождется.

— Вы думаете?

— Увѣренъ.

— Но если война кончится неблагополучно?

— Ну, такъ что-жъ? Это вѣдь съ японцами. А своихъ — живо успокоятъ.

— Я не хочу вѣрить этому.

— И не вѣрьте. Ваше дѣло... Ну, вотъ и Уши... Такъ навѣстите, Нина Федоровна? Я бы вамъ, можетъ быть, что-нибудь и очень интересное сказалъ... Очень интересное... Понимаете, о ч е н ь интересное.

Арташевскій настойчиво подчеркивалъ слова «очень интересное».

— Хорошо. Я навѣщу васъ,—отвѣтила Нина, чувствуя, какъ ее охватываетъ непреодолимая слабость.

Пароходъ подходилъ къ пристани.

XV.

Черезъ два дня Нина постучалась въ дверь номера, занимаемаго Арташевскимъ въ Лозаннѣ.

— Entrez! — раздался оттуда чей-то незнакомый голосъ.

Нина вошла. Большая комната, слабо освѣщенная электрической лампой на столѣ, да догоравшимъ каминомъ. Нина осмотрѣлась.

На диванѣ, забившись въ самый уголъ его, сидѣлъ Арташевскій, закутанный въ пледъ, еще болѣе похудѣвшій, еще болѣе осунувшійся за эти два дня.

— Пришли? Спасибо. И какъ разъ во время. Сегодня мнѣ лучше. Я могу дышать и говорить. Сейчасъ у меня былъ докторъ и продѣлывалъ надо мной какія-то гадости. Что-то впрыскивалъ, чѣмъ-то пичкалъ меня, но за это обѣщалъ мнѣ покойную ночь. Садитесь, Нина Федоровна! Впрочемъ, позвольте васъ познакомить: Иванъ Платоновичъ Бубновъ... а, впрочемъ, можно сказать и — Козыревъ. Все равно, можно вѣдь? — говорилъ Арташевскій, глядя куда-то за спину Нины.

Та обернулась.

Средняго роста коренастый мужчина, бритый, т.-е. безъ усовъ и бороды, и коротко остриженный ежикомъ, стоялъ передъ ней и смотрѣлъ на нее маленькими, сѣрыми, совсѣмъ заплывшими глазками. Лицо его, съ пьяными отеками, и крайне неряшливый костюмъ произвели на Нину самое непріятное впечатлѣніе.

«Козыревъ?! — старалась вспомнить она, не протягивая руки. «Да вѣдь это, кажется, предатель... Конечно, да! Козыревъ — журналистъ, предатель»... уже вспомнила она и отвернулась.

— Нѣтъ, вы имъ не брезгуйте, — заговорилъ Арташевскій, замѣтивъ ея движеніе. — Видите ли, у него бываютъ надрывы. Такъ вотъ теперь онъ — въ большомъ надрывѣ. Въ большомъ...

до поры до времени, конечно... Пока не соскучится о сладкомъ кускѣ и не вышвырнетъ опять всѣ идеалы въ форточку...

Нина повернулась и взглянула на Козырева. Тотъ уже сидѣлъ на стулѣ возлѣ камина потупившись, молча закуривая толстую папиросу самокрутку.

— Не курите! — крикнулъ ему Арташевскій. — Вы знаете, мнѣ табачный дымъ вреденъ!

Козыревъ также молча перегнулъ и швырнулъ папиросу въ каминъ.

Нина опустилась въ кресло возлѣ дивана.

— Такъ, видите-ли, вотъ, — продолжалъ Арташевскій, прихлебывая изъ стакана теплое молоко. — Онъ теперь, какъ и вы, на одной стезѣ, въ надрывѣ... или, какъ онъ говоритъ, въ раскаяніи... Ну, знаете, какъ въ Писаніи сказано, что песъ возвращается на свою... грязное слово, не хочу его произносить! Раскаяніе, по моему, это именно и есть... Онъ сейчасъ мнѣ говорилъ, что такъ жить нельзя... Я тоже думаю, что нельзя... Видите-ли, онъ третій мѣсяцъ пьетъ мертвую, ну и, конечно, печень у него распухла въ арбузъ величиной. Вотъ и надрывъ, вотъ и раскаяніе...

Онъ говоритъ, что надо работать для потомковъ, для того, чтобы, если не намъ, такъ дѣтямъ нашимъ жилось хорошо. Понимаете, дѣтямъ! Вѣдь, вы навѣрное тоже такъ говорили? Или Лагутинъ вамъ это говорилъ. Лагутинъ навѣрное говорилъ! И думалъ при этомъ, что онъ говоритъ что-то умное и благородное. А я вамъ скажу, что это же самое говорилось еще при Овидіи Назонѣ и все это говорилось въ утѣшеніе дуракамъ, которымъ скверно живется.

— Конечно,—захрипѣлъ изъ своего угла Козыревъ,—вы безспорно человѣкъ остроумный, но...

— Ахъ,—сердито перебилъ его Арташевскій.—Остроумныхъ людей очень много. Только остроты-то имъ въ голову приходятъ совсѣмъ не во-время. Всегда съ запозданіемъ. Особенно намъ, русскимъ. Не даромъ же мы заднимъ умомъ крѣпки. Я не остроумнымъ, а умнымъ человѣкомъ хочу быть... понимаете, умнымъ... А, можетъ быть, и былъ...

— Лагутинъ—умный человѣкъ,—опять прохрипѣлъ Козыревъ.

— Можетъ быть. Но если онъ умный, такъ онъ тоже разочаруется и на потомковъ плюнетъ, ахъ, какъ плюнетъ! Ужъ на что вотъ уменъ былъ этотъ господинъ!—и Арташевскій постукалъ пальцемъ по лежавшей передъ нимъ книгѣ,—а освѣжите-ка вы его въ памяти, перечитайте-ка! Какъ вотъ я здѣсь теперь перечитываю, такъ вы увидите, что это за разочарованіе, что это за безнадежный пессимизмъ.

Нина пододвинула къ себѣ книгу—это оказался томъ сочиненій Герцена. Она развернула ее и прочла: «Передъ грозой» (разговоръ на палубѣ).

Ist's denn so grosses Geheimniss was Gott und der Mensch—
und die Weld sei?
Nein, doch niemand hoert's gerne, da bleibt es geheim.
Goethe.

— Да, да!—загорячился Арташевскій.—Прочтите-ка, прочтите эту вещь! И вы услышите такой стонъ большого и умнаго сердца, что у васъ волосы дыбомъ встанутъ! Понимаете, волосы!

— Что же,—заговорилъ Козыревъ, опять машинально принимаясь крутить папиросу.—Соціализмъ при Герценѣ едва еще умѣлъ лепетать. Если бы Герценъ дожилъ до нашихъ дней...

— Ахъ, вы шутъ гороховый! Да, вѣдь, вы еще жуликовъ боитесь! Сами мнѣ говорили, что жуликовъ боитесь. И личность уничтожить хотите, во имя соціализма.

— Никогда я вамъ этого не говорилъ.

— Ну, такъ думали. А жулики-то, вѣдь, и есть настоящіе индивидуалисты и труженики par exellence. Добродѣтельны только лѣнтяи и тунеядцы. А чтобъ быть мошенникомъ, надо быть очень дѣятельнымъ человѣкомъ. Лѣнь вовсе не есть мать всѣхъ пороковъ, а лѣнь—мать всѣхъ добродѣтелей, да! Рантьеръ, буржуй—вотъ кто лучшій общественникъ. Онъ и про свободу прекрасно умѣетъ говорить. Вашъ соціализмъ есть самая жестокая тиранія. Да, да! Вы всѣ—тираны, тиранчики, тиранята... всѣ вмѣстѣ, въ одной кучѣ! Да, вотъ, погодите! Здѣсь у Герцена же есть! Дайте-ка сюда книгу!

И онъ длинными, дрожащими пальцами началъ перелистывать страницы.

— Вотъ!—сказалъ онъ и сталъ читать:

«Въ тиранствѣ безъ тирана есть что-то отвратительнѣйшее. Тамъ знаешь, кого ненавидѣть, а тутъ—анонимное общество политическихъ шулеровъ и биржевыхъ торгашей, опертое на общественный развратъ, на сочувствіе мѣщанъ; опертое на полицейскихъ пиратовъ и армейскихъ кондотьеровъ, душитъ безъ увлеченія, гнететъ безъ вѣры, изъ-за денегъ, изъ страха и остается неуловимымъ, анонимнымъ».

— Позвольте!—уже повышая голосъ, заговорилъ Козыревъ.—Но здѣсь Герценъ имѣлъ въ виду буржуазную республику, а отнюдь не соціалистическую.

— А вы вѣрите еще въ возможность осуществленія соціальной республики?

— Конечно, вѣрю.

— Когда?

— Скоро.

— Ахъ, вы, младенецъ! Да чувствуете-ли вы, что еще не сегодня-завтра воздухъ будетъ побѣжденъ? Аэропланы будутъ совершать правильные рейсы надъ вашей головой?

— Ну, такъ что-жъ?

— А то, что это будетъ величайшая побѣда капитализма, страшное усиленіе буржуазіи, тиранія безъ тирана,—можетъ быть, но торжество вашего слюняваго соціализма—никогда! Небось! Рельсъ тутъ ужъ не разберете! Забастовку не устроите! Васъ, пролетаріевъ, подъ землю аэропланы загонять! Какъ кроты, вы будете тамъ сидѣть и работать на торжествующаго буржуа! Еще феодализмъ возродится—можетъ быть! Но соціализмъ—никогда!

— И пророки ошибались!—усмѣхнулся Козыревъ.

Арташевскій такъ и впился въ него своими выпуклыми глазами.

— А давно-ли вы это сами говорили?—прошепталъ онъ.

— Что-жъ! Говорилъ. Свой сладкій кусокъ отстаивалъ.

— А теперь?

— А теперь вы отстаиваете...

— Что отстаиваю? Свой сладкій кусокъ, что-ли? Да мнѣ жизни-то, можетъ быть, осталось нѣсколько часовъ!

— Ну, такъ что-жъ? Характеръ выдерживаете. Какъ песъ, не хотите возвратиться... на свою блевотину.

Арташевскаго передернуло отъ этого грязнаго слова, а Козыревъ, словно щеголяя, повторилъ его еще раза два.

Нина, перелистывая машинально страницу за страницей томъ Герцена, сидѣла молча, слушала и не могла разобраться въ спорѣ. Ей казалось, что и тотъ, и другой были—неискренни. И правда гдѣ-то совсѣмъ въ сторонѣ, но отнюдь не между ними.

— Исторія покажетъ, кто изъ насъ былъ правъ,—словно угадывая ея мысли, сказалъ Козыревъ.

Разговоръ, видимо, сильно утомилъ Арташевскаго.

— Мнѣ докторъ обѣщалъ сегодня покойную ночь,—словно самъ съ собой заговорилъ онъ,—при условіи—не болтать. А глядя на васъ—обоихъ—я не только не болтать, но даже и не ругаться не могу.

— А вы не ругайтесь и не болтайте!—глухо проговорилъ Козыревъ.

— Не могу. Очень ужъ вы меня раздражаете,—продолжалъ Арташевскій.—Знаете, Нина Федоровна, знаете, когда этотъ,—и онъ ткнулъ пальцемъ въ сторону Козырева,—сегодня вошелъ ко мнѣ, знаете, съ чего началъ? Прямо съ фразы. Вошелъ и гово-

ритъ: «Venio iterum crucifigi». Понимаете? На вторичное, дескать, распятіе иду! Вотъ, дескать, какъ мною идея завладѣла! А я его сразу было и не узналъ! Бороду и усы обрилъ. Волосы подъ гребенку остригъ. Значитъ, за шкуру свою трусить! А самъ говоритъ—на пропятіе иду!

— Зачѣмъ же напрасно своей головой рисковать?—замѣтилъ Козыревъ.

— Ну, да мнѣ все равно! Я своего слова назадъ не возьму... что обѣщалъ, то сдѣлаю!.. Ну, а вы, Нина Федоровна? Вы тоже на вторичное распятіе? Вѣдь, вы тоже, кажется, ужъ отрекались? Впрочемъ, что-жъ я говорю? И апостолъ Петръ отрекался и даже, кажется, трижды. Такъ вамъ и Богъ велѣлъ.

— Нѣтъ, я вовсе не то!—тихо заговорила Нина.—Я пойду къ нимъ, потому что мнѣ просто идти некуда, а къ нимъ все-таки лучше, если примутъ,—еще тише, почти про себя, добавила она.

— Ну, что-жъ, это все-таки лучше, чѣмъ вотъ онъ. Запахло тамъ жаренымъ, его и потянуло. Отъ Матильды Ивановниныхъ равіолей да бисковъ. Гастрономъ, вѣдь, онъ. Жрать любитъ... Да!..

— По насъ по двумъ не судите. Не всѣ такіе, какъ мы,—за себя и за Козырева отвѣтила Нина и не замѣтила, какими злыми глазами смотрѣлъ на нее за это Козыревъ.

— Знаю, Нина Федоровна, что не всѣ такіе, какъ вы. Съ такими бы и возиться не стоило. Такихъ и Трейманъ сократитъ, а Арташевскіе для васъ слишкомъ большая роскошь. Знаю!—И жаль мнѣ тѣхъ, глубоко жаль!

— Чего ихъ жалѣть? Они—живутъ и даже счастливы,—сказала Нина.

— Ахъ!—вздохнулъ Арташевскій.—И Трейманъ живетъ... Да не въ этомъ дѣло! Не въ этомъ дѣло!—повторилъ онъ еще разъ и задумался.

И вдругъ веселая улыбка заиграла въ его большихъ сѣрыхъ глазахъ.

— А, можетъ быть, въ этомъ дѣло-то и есть? Все дѣло именно въ этомъ: чтобы жить и быть счастливымъ?

— И давать счастье другимъ,—договорила Нина.

— Только, ради Бога, не потомкамъ! Только не потомкамъ! —загорячился Арташевскій, хотя глаза его продолжали весело улыбаться.—Только не потомкамъ! Ну, ихъ къ чорту! Терпѣть я ихъ не могу! Я, вѣдь, мальтусіанецъ—pereat mundus—и ну, его къ чорту!.. Да! Давать счастье другимъ, т. е. окружающимъ насъ, можно только будучи счастливымъ.

— Такъ вотъ я и говорю, что т ѣ-т о, вѣдь, счастливы!— опять замѣтила Нина.

— А счастливы, ну, такъ и отлично! Чего и вамъ желаю! А говорить я больше не въ силахъ! Ослабъ... Знаю, знаю, что вы хотите мнѣ напомнить!—обратился онъ къ Нинѣ.—Знаю! Я обѣщалъ сообщить вамъ что-то очень интересное. Ну, что-жъ? Ну, и сообщу! Даже больше, чѣмъ сообщу! Прямо въ руки передамъ... Сейчасъ! Козыревъ, будьте такъ добры, тамъ, на письменномъ столѣ, лежитъ мой портфель, дайте его сюда!

Козыревъ всталъ и подалъ Арташевскому когда-то дорогой, прекрасно отдѣланный, а теперь заношенный и стертый портфель.

— Потрепались мы съ тобой, старый товарищъ, потрепались!—говорилъ Арташевскій, отпирая портфель маленькимъ ключикомъ,—износились! Пора насъ и выпотрошить! А много въ насъ было всякой всячины:—и добра, и зла; и ума, и глупости; зла, впрочемъ, навѣрное, больше, чѣмъ добра... Глупости тоже больше... Ну, вотъ!—повернулся онъ къ Нинѣ, вынимая изъ портфеля объемистый пакетъ. Вотъ это—вамъ! Передайте это черезъ Лагутина... тѣмъ «счастливымъ»... За этотъ пакетъ вамъ большое спасибо скажутъ!.. А вамъ—и онъ посмотрѣлъ на Козырева.— Вамъ—вотъ эти бумажки! Видите вы ихъ? Въ руки не отдамъ! Нина Федоровна! Возьмите вотъ этотъ конвертъ и бросьте его въ каминъ, да осторожнѣе проходите мимо Козырева,—вырветъ!

Козыревъ горько усмѣхнулся и проговорилъ:

— Не вырву! Не надо! Пусть горятъ... Такъ-то еще лучше!

Въ каминѣ вспыхнуло пламя отъ загорѣвшихся бумагъ.

Комната на минуту освѣтилась желтымъ, колеблющимся свѣтомъ, и опять полумракъ охватилъ ее.

— Ну, вотъ и все! Теперь, идите!—сказалъ Арташевскій.— Я усталъ... Ахъ, да, вотъ что еще,—спохватился онъ.—Чтобъ не забыть! Тутъ въ бумагахъ, Нина Федоровна, вы найдете полную реабилитацію Тропинина. Похлопочите за него. Онъ добрый малый и ни провокаторомъ, ни предателемъ никогда не былъ. И вы похлопочите!—почти сердито крикнулъ онъ Козыреву.—Ну, а теперь ступайте! Усталъ! Кажется, уже десять часовъ... Ну, прощайте вы, несчастная женщина!—ласково проговорилъ Арташевскій, протягивая Нинѣ исхудавшую, горячую руку.

Козыреву онъ только кивнулъ головой...

Когда они оба вышли, Арташевскій плотнѣе прижался въ уголъ дивана и задумался, глядя на совсѣмъ потухавшій каминъ.

Въ комнатѣ стало тихо-тихо, до жуткости... Только въ ушахъ Арташевскаго что-то непрерывно и глухо шумѣло.

«Опять эта проклятая лихорадка усиливается... Шумитъ въ ушахъ и сосетъ сердце... Теперь вотъ въ груди жечь начнетъ...

Идетъ ночь, а съ нею подлыя, нестерпимыя боли... А докторъ обѣщалъ покойный сонъ сегодня... Всѣ они—шарлатаны и ничего не знаютъ».

Арташевскій закрылъ глаза, словно стараясь этимъ оборвать свои мысли. Но мысли не обрывались и онъ невольно прислушивался къ нимъ.

«Шумитъ въ ушахъ... словно въ мірѣ совершается что-то жуткое, словно—жизнь уходитъ... Уходитъ куда-то... А меня—забыли. И я—одинъ»...—думалъ онъ.

Вдругъ рѣзкая, невралгическая боль засверлила у него въ вискѣ.

«Опять! Опять и это... Ахъ, только бы не это! Это самое гадкое!.. Ужъ лучше смерть, чѣмъ эти непрерывныя боли»...

И вдругъ ему вспомнились прочитанныя слова: «Мы, умирая отъ боли въ сердцѣ, иногда жалуемся на зубную боль».

«Да если зубная-то боль хуже, отвратительнѣе»,—говорилъ Арташевскій, растирая себѣ високъ и щеку.—«А вотъ, стоитъ лечь, какъ начну задыхаться»... подсказывала ему мысль... «Ахъ, если бы можно было думать о чемъ-нибудь другомъ, кромѣ боли... О чемъ угодно, только бы не о боли... А о чемъ думать?.. Въ Парижъ бы вотъ поѣхать... Тамъ, на бульварѣ Капуциновъ у него насиженное гнѣздо... Тамъ боли, можетъ быть, будутъ не такъ сильны... Тамъ и врачи лучше... Они знаютъ, что нужно дѣлать... Мнѣ говорили, что вотъ этотъ проклятый нервъ можно вырѣзать... Ну, и вырѣзать бы его... И вырѣзать... Ахъ, какъ душно! Фу! Тяжело!.. И такъ, вѣдь, на всю ночь... Морфій почти не помогаетъ: маленькое забытье и опять—муки!»...

Арташевскій страшными, широко раскрытыми глазами посмотрѣлъ на кровать. Ему хотѣлось лечь, но онъ зналъ, что тамъ его ждутъ самыя ужасныя страданія. Сидѣть было такъ неудобно: ломило руки, ломило плечи.

«Зачѣмъ я ихъ отпустилъ? При людяхъ всегда легче... Можно отвлекать мысль... Нѣтъ, нѣтъ! Буду думать о другомъ, о другомъ...

«Вотъ уже три мѣсяца, какъ все это болитъ... И все хуже, хуже... И, конечно,—безнадежно... Нервъ на щекѣ—можно вырѣзать... Поѣду въ Парижъ и вырѣжу. И тогда легче будетъ умирать... Ахъ, о чемъ-нибудь другомъ думать!».

Но ни о чемъ другомъ Арташевскій думать не могъ. Боли овладѣли имъ.

Прошелъ часъ, прошло—два. Каминъ уже давно потухъ и, казалось, отъ него вѣяло теперь холодомъ. За окномъ вылъ сырой, осенній вѣтеръ, брызгая въ стекла то и дѣло налетавшимъ и прерывавшимся дождемъ.

А въ ушахъ—шумѣло, какъ-то отдѣльно отъ вѣтра, надоѣдливо... изводнымъ шумомъ. И ныли щека и високъ, и ныли плечи, и грудь давило, и сердце билось неровно, то замирая, то словно прорываясь черезъ какую-то преграду.

Арташевскій старался думать о чемъ-нибудь «другомъ». Онъ старался вызывать въ своей памяти воспоминанія, но воспоминанія вытѣснялись мыслями о настоящемъ; а мысли о настоящемъ были о боляхъ, объ удушьѣ, о шумѣ въ ушахъ, о перебояхъ сердца...

Хотѣлось закричать, хотѣлось вырваться изъ этой пытки. Онъ зналъ, что кричать безполезно, а вырваться некуда...

«О чемъ-нибудь хоть бы подумать»,—молилъ онъ.

И вдругъ вспомнилъ, что недавно, дня два-три тому назадъ онъ еще могъ думать. Онъ думалъ много, лихорадочно, даже тяготился мыслью... а теперь, вотъ, не можетъ!.. Значитъ, ему значительно хуже? Значитъ, конецъ близко? Значитъ, муки будутъ все усиливаться? И дойдутъ до ужаса?..

«Охъ, хоть бы угрызенія совѣсти! Хоть бы на нихъ отвлечься... отъ этихъ ужасныхъ мукъ!»—съ болѣзненной ироніей подумалъ онъ.

Но совѣсть ему ничего не говорила. Она была совершенно спокойна, а только нылъ високъ, шумѣло въ ушахъ и путалось въ своемъ ритмѣ сердце.

«Морфію!»—рѣшилъ Арташевскій и, съ трудомъ поднявшись съ дивана, ковыляя и хватаясь за спинки стульевъ, подошелъ къ письменному столу, гдѣ стояли его лекарства, и опустился на кресло.

Онъ досталъ шприцъ Праватца и темную баночку съ морфіемъ. Но руки его дрожали и онъ никакъ не могъ справиться съ этимъ маленькимъ инструментомъ.

Тогда онъ вдругъ, рѣшительно выдвинулъ ящикъ письменнаго стола, досталъ оттуда револьверъ, взвелъ курокъ, приставилъ дуло къ виску и потянулъ гашетку.

Глухо раздался выстрѣлъ.

Арташевскій перегнулся черезъ ручку кресла, вздрогнулъ и... затихъ.

Въ тотъ же день и почти въ тотъ же самый часъ, въ Петербургѣ, въ дешевыхъ меблированныхъ комнатахъ, застрѣлился Тропининъ. На столѣ, возлѣ его кровати, нашли записку, писанную его рукой. Она была немногословна: «Затравили. Не могу больше. Чистъ передъ своей совѣстью».

XV.

14-го декабря 1904 года въ домѣ Ахматовыхъ справлялось небольшое семейное торжество. Въ этотъ день единственной дочери Петра Ивановича и Ольги Александровны исполнилось двадцать лѣтъ.

Къ семейному обѣду были приглашены, впрочемъ, только близкіе люди.

— Не такое теперь время, чтобы устраивать торжества,— говорила Ольга Александровна.

Дѣйствительно: Портъ-Артуръ уже едва держался, а въ городѣ устраивались все какіе-то банкеты, собранія, засѣданія, не предвѣщавшіе ничего хорошаго для тѣхъ сферъ, къ которымъ принадлежало семейство Ахматовыхъ.

— Враги отечества радуются,—говорилъ Петръ Ивановичъ, сердито посматривая куда-то въ уголъ.—Ну, да надолго-ли?

А потому, небольшое общество, собравшееся передъ обѣдомъ въ салонѣ Ольги Александровны, чувствовало себя въ какомъ-то смятенномъ настроеніи.

Только одинъ громогласный генералъ Никодимъ Павловичъ Пантусовъ шумѣлъ и громко выражалъ увѣренность, что «молодчина» Стессель покажетъ еще себя «япошкамъ». И генералу Ноги оборветъ обѣ ноги. Но его шуточки и прибауточки встрѣчались теперь довольно кисло.

Ровно въ 6 часовъ, у подъѣзда Ахматовскаго особняка остановилась маленькая одноконная каретка и болѣе важный, болѣе торжественный, чѣмъ когда-либо, вышелъ изъ нея Андрей Андреевичъ фонъ-Трейманъ.

Молча раздѣлся онъ въ швейцарской, молча и медленно шагая, поднялся онъ по лѣстницѣ и молча, съ каменнымъ лицомъ, какое, по его убѣжденію, всегда должно быть у администраторовъ, вошелъ онъ въ салонъ Ольги Александровны и почтительно, хотя съ оттѣнкомъ уже нѣкоторой родственности, поцѣловалъ протянутую ему хозяйкой руку.

Затѣмъ, солидно поздоровавшись съ остальными,—причемъ генералъ Пантусовъ крикнулъ было ему:

— Ну, что новаго, милѣйшій?

Трейманъ, не обративъ вниманія на этотъ черезчуръ фамильярный окликъ, повернулся къ Ольгѣ Александровнѣ и сказавъ:

— Мнѣ нужно пройти къ Петру Ивановичу,—вышелъ изъ салона.

Смущенный немного Пантусовъ, дѣлая bonne mine au mauvais jeux, пододвинулся вмѣстѣ со стуломъ къ хозяйкѣ и тоже, какъ показалось всѣмъ, излишне фамильярно начал было:

— А? Каковъ нашъ «карета скорой помощи»? Преуспѣваетъ?

Но замѣтилъ, что слова его были приняты болѣе, чѣмъ недоброжелательно и оборвался:—про Андрея Андреевича было уже «принято» говорить совершенно серьезно, какъ о солидномъ человѣкѣ на прекрасной дорогѣ.

Ни для кого не было тайной, что бѣдная и всегда грустная Barbe Ахматова была не то, что помолвлена, но уже, во всякомъ случаѣ, безповоротно обречена въ жены этому молодому, дѣльному человѣку, такъ увѣренно шедшему въ гору, невзирая даже на то, что положеніе самого его покровителя, Петра Ивановича Ахматова, было временно поколеблено звѣздой князя Лоскутова.

Петръ Ивановичъ сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ не потому, что у него были тамъ какія-нибудь дѣла: дѣлъ у него въ эту «эпоху довѣрія» было немного; но потому, что это было такъ принято, что онъ такъ привыкъ выходить къ гостямъ своей жены непремѣнно изъ кабинета съ видомъ человѣка, только что закончившаго большое, серьезное дѣло.

Когда Трейманъ вошелъ къ нему, Петръ Ивановичъ занимался выравниваніемъ бумагъ на своемъ письменномъ столѣ. Петръ Ивановичъ любилъ порядокъ и аккуратность.

Услышавъ шаги, онъ обернулся и вскинулъ на Треймана свои мутные глаза. А Трейманъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, остановился среди кабинета и негромко, но очень внятно проговорилъ:

— Онъ—палъ.

— Кто? Портъ-Артуръ?—испуганно спросилъ Петръ Ивановичъ.

— Нѣтъ, не Портъ-Артуръ, а князь Лоскутовъ.

— Что?! Что?!

Петръ Ивановичъ поднялся съ кресла.

— Лоскутовъ—палъ?!

— Да! Безповоротно. Я получилъ самыя вѣрныя свѣдѣнія,— чеканилъ Трейманъ.

Петръ Ивановичъ сдѣлалъ нѣсколько торопливыхъ шаговъ къ Трейману и, забормотавъ:

— Вотъ... такъ... да... вотъ и банкеты... вотъ и «довѣріе»... вотъ и пресса...

И, широко раскрывъ свои руки, крѣпко обнялъ слегка наклонившагося къ нему Треймана.

— Ну, Варенька—ваша! И, вообще... теперь все... однимъ

словомъ... мы теперь покажемъ,—продолжалъ онъ бормотать, подставляя для поцѣлуя то одну, то другую щеку.

А Трейманъ почтительнѣйше прикладывался къ старой, морщинистой кожѣ своего благодѣтеля.

Трейманъ теперь уже и самъ умѣлъ подставлять такъ щеки въ торжественныя минуты своимъ подчиненнымъ.

Обѣдъ, несмотря на сравнительное малолюдство, прошелъ очень оживленно. Конечно, о паденіи Лоскутова не было произнесено ни слова—это было бы такъ безтактно. Не говорили и о колеблющемся Портъ-Артурѣ, но Петръ Ивановичъ, да и Ольга Александровна, которой что-то такое шепнули на ухо, нѣсколько разъ называли Треймана—«вѣстникомъ радости».

А тотъ важно сидѣлъ рядомъ съ Варенькой Ахматовой, ѣлъ маленькіе пирожки, обсыпанные сухарями, и думалъ:

«Теперь—рѣшено: онъ купитъ особнякъ промотавшагося князя Листопадъ-Древлянскаго и отдѣлаетъ его въ самомъ строгомъ стилѣ. А на содержаніе возьметъ артистку Легрилье, кстати, она теперь свободна!»

При этомъ онъ заботливо ухаживалъ за своей будущей женой и говорилъ ей разныя пріятныя вещи, напримѣръ: что у нея сегодня прекрасный цвѣтъ лица и что она значительно меньше кашляетъ.

А Варенька сидѣла, по обыкновенію, задумчивая и грустная.

Къ концу обѣда генералъ Пантусовъ, выпившій—по положенію—приличное количество всякихъ винъ, сдѣлался опять шумливъ и развязенъ. Но на этотъ разъ его шуточки принимались благосклонно. Въ нѣдрахъ семьи чувствовалась какая-то радость.

Когда, послѣ обѣда, Пантусовъ и Трейманъ вышли вмѣстѣ на подъѣздъ, старый генералъ предложилъ своему «юному другу», какъ теперь онъ называлъ Андрея Андреевича, ѣхать въ балетъ. Но тотъ вѣжливо отклонилъ это предложеніе, сказавъ, что у него сегодня еще много срочнаго дѣла и, сѣвъ въ свою карету, поѣхалъ къ себѣ домой, на Сергіевскую, гордо посматривая изъ оконъ на шедшій по тротуарамъ народъ, на отстававшихъ отъ его изящнаго купэ дрянненькихъ извозчиковъ.

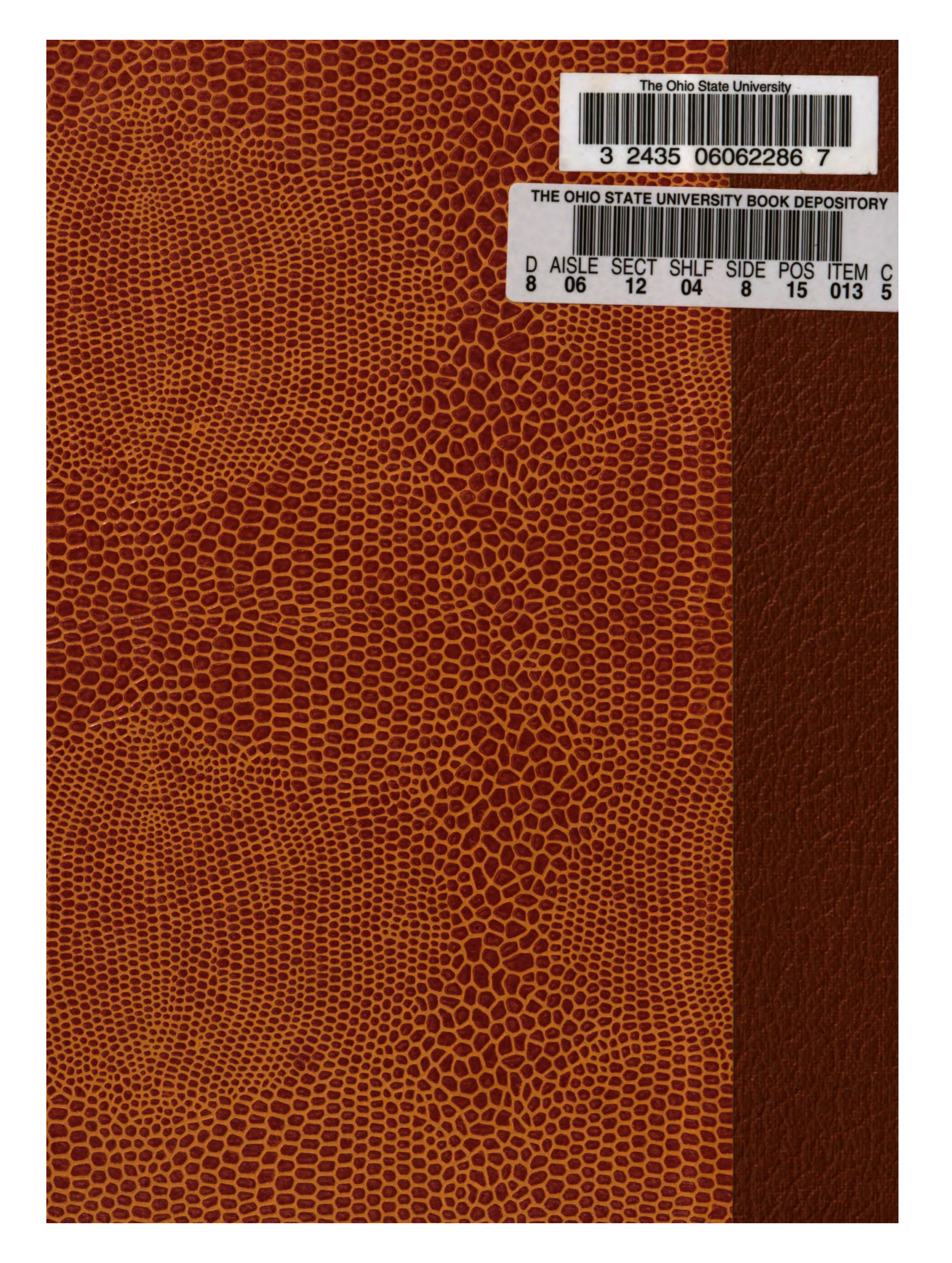
«И все это сдѣлалъ я самъ, самъ, самъ!»—долбилъ онъ, какъ дятелъ, окидывая мысленнымъ окомъ пройденный имъ уже путь.

А черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе о паденіи Портъ-Артура...

1910 г., Гунгенбургъ.

The Ohio State University
3 2435 06062286 7
THE OHIO STATE UNIVERSITY BOOK DEPOSITORY
D AISLE SECT SHLF SIDE POS ITEM C
8 06 12 04 8 15 013 5